

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Л. П. Крысин

ОЧЕРКИ
ПО СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2021

УДК 81'27
ББК 81.006.2
К85

*Утверждено к печати решением ученого совета
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 24 декабря 2020 года*

Крысин Л. П.
К85 Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : ФЛИНТА, 2021. — 360 с.

ISBN 978-5-9765-4524-3

В книге собраны работы автора, написанные им за последние полвека и посвященные различным понятиям, проблемам и направлениям социолингвистических исследований. Эти работы относятся к жанру очерков (отсюда и название книги), т. е. они не претендуют на полноту и тем более на исчерпывающий характер освещения рассматриваемых автором аспектов социолингвистики. Очерки, помещенные в начале книги — об истоках социолингвистики, о ее научном статусе и ее объекте, об основных социолингвистических понятиях и проблемах, — основаны на принадлежащих автору главах учебника «Социолингвистика», написанного в соавторстве с В. И. Беликовым. Остальные части книги снабжены указанием на первую публикацию статей, легших в основу каждого из очерков; некоторые очерки публикуются здесь впервые.

Книга адресована достаточно широкому кругу читателей — от лингвистов и социологов, занимающихся изучением отношений между языком и обществом, до аспирантов и студентов филологических и социологических факультетов вузов, — а также тем, кто, не будучи специалистом в указанной области языкознания, интересуется жизнью языка в человеческом обществе.

УДК 81'27
ББК 81.006.2

ISBN 978-5-9765-4524-3

© Крысин Л. П., 2021
© Издательство «ФЛИНТА», 2021

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ЧТО ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛИНГВИСТИКА?

Один пятилетний мальчик, сын продавщицы из магазина «Одежда», как-то сказал: — Я всех люблю одинаково, а мамочку на *один номер* больше. А другой, у которого отец был писатель и постоянно обсуждал в семье издательские дела, попросил: — Папа, скажи *редактору этой карусели* — нельзя ли мне, наконец, покататься!

Это примеры из бессмертной книги Корнея Чуковского «От двух до пяти». Они свидетельствуют: профессиональные занятия родителей и связанная с этими занятиями терминология влияют на речь детей. Речевые особенности других взрослых тоже могут оказывать влияние на речь ребенка. В одной семье нянька, нанятая для воспитания сына, отличалась ярким диалектным выговором: она произносила *идёт, едут, чаво, коллдор, ейный, в пальте*. После нескольких месяцев общения с ней и воспитанник ее стал говорить также (потом пришлось его переучивать).

Описанные ситуации — подтверждение некоей общей закономерности: среда, в которой живет человек, влияет на его речевые навыки. Наиболее податлив к такому влиянию ребенок. Но и взрослые усваивают, часто неосознанно, языковые особенности окружающих — членов семьи, друзей, сослуживцев.

Различные воздействия социальной среды на язык и на речевое поведение людей и изучает социолингвистика. «Чистая», или «просто» лингвистика, анализирует языковой знак сам по себе: его звуковую и письменную форму, его значение, сочетаемость с другими знаками, его изменения во времени. Социолингвистика делает упор на то, как используют языковой знак люди, — все одинаково или по-разному, в зависимости от своего возраста, пола, социального положения, уровня и характера образования, от уровня общей культуры и т. п.?

Чтобы различие в задачах, стоящих перед социо- и «просто» лингвистикой, стало наглядным, рассмотрим примеры. Возьмем хорошо

известное каждому говорящему по-русски слово *добыча*. Описывая его с точки зрения «чистой» лингвистики, надо указать следующее: существительное женского рода, I склонения, неодушевленное, в форме множественного числа не употребляющееся, трехсложное, с ударением на втором слоге во всех падежных формах, обозначает действие по глаголу *добывать* (*добыча угля*) или результат действия (*Добыча составила тысячу тонн* или, в другом значении: *Охотники вернулись с богатой добычей*). Социолингвист отметит еще такие свойства этого существительного: в языке горняков оно имеет ударение на первом слоге: *дóбыча* и употребляется как в единственном, так и во множественном числе: *несколько дóбыч*.

Другой пример. В языке моряков словом *конец* называют канат. Социолингвист, изучающий подобные факты, не пройдет мимо такого комментария к слову *конец*, который приводит в воспоминаниях о Борисе Житкове К. И. Чуковский.

Житков и Чуковский (дело было во времена их молодости, в Одессе) вдвоем оказались в бушующем море на утлой лодчонке, и ветер погнал их лодку на волнорез. «Житков с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол, на его покатую, мокрую, скользкую стену и вскарабкался на самый гребень. Оттуда он закричал мне: — Конец! “Конец” — по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему веревку, что лежала свернутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был еще очень нетверд, я понял слово “конец” в его общем значении и завопил от предсмертной тоски...» [К. И. Чуковский. Современники].

Подобные различия могут обуславливаться не только профессией, но и, например, характером образования: одно дело — «технар», человек, окончивший технический институт, и другое — «гуманитарий», скажем, филолог или историк. У них разные языковые склонности, разные речевые пристрастия и навыки. В современном русском обществе, например, речь технической интеллигенции в большей степени, чем речь интеллигенции гуманитарной, подвержена влиянию жаргона: в ней не редкость слова и выражения типа *клёво*, *доходяга*, *лопухнуться*, *лажа*, *стоять на ушах*, *наезжать* на кого-либо, *качать права* и т. п.

Люди одной профессии или одного узкого круга общения нередко образуют довольно замкнутые группы, которые вырабатывают свой язык. В старину был известен жаргон офеней — бродячих торгов-

цев, которые своею непонятной непосвященным манерой речи как бы отгораживались от остального мира, сохраняя в тайне секреты своего промысла.

В наше время язык программистов и всех тех, кто профессионально имеет дело с компьютером и Интернетом, также превратился в своеобразный жаргон: монитор у них именуется *глазом*, диски для хранения информации (сейчас вместо них уже используются флешки) — *блинами*, пользователь — *юзером* и т. п. Элементы таких жаргонов — слова, обороты, синтаксические конструкции, особенности произношения и словоизменения — играют роль не только средств, передающих информацию, но и своеобразных символов: по ним опознаётся свой для данной группы человек, а по их отсутствию — «чужак».

Изучение групповых языков, речевого поведения человека как члена определенной группы — прямое дело социолингвистики.

В каждом языке есть различные формы обращения к собеседнику. В русском языке две основные формы: на «ты» и на «Вы». К незнакомому или малознакомому взрослому надо обращаться на «Вы» (так же — к старшим по возрасту, даже и знакомым), а обращение на «ты» — знак более близких, сердечных отношений. Изучение социальных условий, влияющих на выбор форм личного обращения (а также приветствий, извинений, просьб, прощания и т. п.), — также область интересов социолингвистики.

Русский речевой этикет — лишь один, причем сравнительно простой пример из этой области. В других языках, например, в японском и корейском, существуют гораздо более сложные правила вежливого обращения к собеседнику (о некоторых из них мы расскажем в других очерках, помещенных в этой книге).

Разные ситуации общения требуют использования разных языковых средств. Это хорошо понимали задолго до рождения социолингвистики. А. С. Пушкин писал: «В обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извиняетесь, — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: *mille pardons!* Вы зовете извозчика — и говорите ему: *пошел в Коломну*, а не — *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*». По наблюдениям одного учителя, до революции на Дону дети в школе употребляли наречие *здесь*, дома же надо было говорить *тут*: наречие *здесь* воспринималось коренными носителями донского говора как городское, чужое, в отличие от «своего» *тут*.

Это примеры речевых различий в зависимости от условий общения. Но в каждой ситуации человек может занимать разную позицию: быть собеседником «на равных» или чувствовать свое превосходство над партнером по коммуникации (либо, напротив, свою подчиненность ему). Общаясь друг с другом, люди как бы исполняют разные роли: отца, мужа, сына (в семье), начальника, подчиненного, сослуживца (в служебной обстановке), пассажира и кондуктора, покупателя и продавца, врача и пациента и т. п. Тип роли обуславливает характер речи и речевого поведения: с отцом говорят не так, как со сверстником, с преподавателем в вузе — иначе, чем с продавцом, повелительные конструкции в устах врача естественны, когда он исполняет свою служебную роль (*Дышите! Задержите дыхание! Разденьтесь!*), и неуместны, когда он, например, едет в автобусе, и т. д.

Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких социальных ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как ребенок постепенно превращается во взрослого. Этот процесс называется языковой социализацией, т. е. языковым «вхождением» в данное общество. И его изучает социолингвистика.

Есть общества (государства, страны, области и территории), где используется не один язык, а два или несколько. Часто один из них — государственный и в этом смысле общеобязательный: если ты хочешь нормально жить в этом обществе, общаясь с другими людьми, с властью, продвигаясь по социальной лестнице, изволь не просто знать государственный язык, а свободно владеть им. Другие существующие в данном обществе языки — это обычно родные языки людей, объединенных в те или иные этнические группы или составляющих целые народы (таково положение, например, во многих странах современной Африки). Функционируя в тесном соседстве друг с другом, разные языки, обслуживающие то или иное сообщество, могут смешиваться, приобретать разного рода промежуточные формы: пиджины, креольские языки (см. об этом [Беликов, Крысин 2016]).

При изучении процесса образования и функционирования подобных языков социолингвистику интересуют социальные и ситуативные условия, в которых они используются и взаимодействуют друг с другом.

Социолингвисты ставят перед собой и такую задачу: регулировать развитие и функционирование языка (языков), не полагаясь целиком на самопроизвольное течение языковой жизни. Полезное и важное подспорье

при выполнении этой задачи — изучение оценок, которые дают люди своему или чужому языку, отдельным языковым элементам. Говорящие оценивают одни и те же факты речи по-разному: одни люди, например, легко принимают новшества, другие же, напротив, отстаивают традиционные способы выражения; одним нравится строгость иностранных научных терминов, а их оппоненты ратуют за самобытность специальной терминологии. Изучение различий в оценках языковых фактов позволяет выделять социально более престижные и менее престижные формы речи, а это немаловажно с точки зрения перспектив развития языковой нормы, ее обновления.

Разработка лингвистических проблем, направленных на то, чтобы управлять языковыми процессами, носит название языковой политики; языковая политика — часть социолингвистики, выход этой науки в речевую практику.

Современная социолингвистика развивается бурно, в разных направлениях. Ее существование и развитие тесно связано с такими научными дисциплинами, как психолингвистика (наука об индивидуальных особенностях усвоения языка и владения им), социология, социальная психология, демография, этнография и ряд других.

ИСТОКИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

То, что язык далеко не единообразен в социальном отношении, известно давно. Но термин «социолингвистика» впервые употребил в 1952 г. американский социолог Г. Карри [Currie 1952]. Означает ли это, что и наука о социальной обусловленности языка зародилась в начале 1950-х годов? Нет. Корни социолингвистики глубже, и искать их нужно не в американской научной почве, а в европейской и, в частности, русской.

Лингвистические исследования, учитывающие обусловленность языковых явлений явлениями социальными, с большей или меньшей интенсивностью начали вестись уже в начале прошлого века во Франции, России, Чехии. Иные, чем в США, научные традиции обусловили то положение, при котором изучение связей языка с общественными институтами, с эволюцией общества никогда принципиально не отделялось в этих странах от «чистой» лингвистики. «Так как язык возможен только в человеческом обществе, — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, — то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 15].

Таким выдающимся ученым первой половины XX в., как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, Г. О. Винокур в России, Ф. Брюно, А. Мейе, П. Лафарг, М. Коэн во Франции, Ш. Балли и А. Сеше в Швейцарии, Ж. Вандриес в Бельгии, Б. Гавранек, В. Матезиус в Чехословакии и др.*, принадлежит ряд идей, без которых современная социолингвистика не могла бы существовать. Это, например, идея о том, что все средства языка распределены по сферам общения, а деление общения на сферы имеет в значительной мере социальную обусловленность

* Обзор исследований, отражающих ранний этап развития социолингвистики в разных странах, см. в работах [Орлов 1969; Гухман 1972; Краус 1976; Krysin 1977; Слюсарева 1981].

(Ш. Балли); идея социальной дифференциации единого национального языка в зависимости от социального статуса его носителей (работы русских и чешских языковедов); положение, согласно которому темпы языковой эволюции зависят от темпов развития общества, а в целом язык всегда отстает в совершающихся в нем изменениях от изменений социальных (Е. Д. Поливанов); распространение методов, применявшихся при изучении сельских диалектов, на исследование языка города (Б. А. Ларин); обоснование необходимости социальной диалектологии, наряду с диалектологией территориальной (Е. Д. Поливанов); важность изучения жаргонов, арго и других некодифицированных сфер языка для понимания внутреннего устройства системы национального языка (Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев) и др.*

Американские исследователи в области социолингвистики подчас заново открывают то, на что уже обращали внимание их европейские предшественники. Однако, справедливости ради, надо сказать, что, в отличие от работ первой трети XX в., в значительной части умозрительных, не опирающихся на более или менее обширный конкретный языковой материал (исключение составляют, пожалуй, работы А. М. Селищева — см., например [Селищев 1928], но они и слабей других в теоретико-лингвистическом отношении), — в современных социолингвистических исследованиях, в том числе американских, явно выражено стремление к сочетанию тщательной теоретической разработки и конкретного анализа социально-языковых связей и зависимостей.

Характерная черта социолингвистики второй половины XX столетия — переход от работ общего плана к экспериментальной проверке выдвигаемых гипотез, математически выверенному описанию конкретных фактов. По мнению одного из представителей американской социолингвистики Дж. Фишмана, на современном этапе изучение языка под социальным углом зрения характеризуется такими чертами, как системность, строгая направленность сбора данных, количественно-статистический анализ фактов, тесное переплетение лингвистического и социологического аспектов исследования [Fishman 1971: 10]. При этом

* При знакомстве с американскими работами по социолингвистике (да и по многим другим отраслям языковедения) поражает почти полное отсутствие ссылок на исследования «европейцев», и прежде всего русских ученых. По всей видимости, это результат не умышленного пренебрежения к опыту других, а элементарного незнания о нем.

преобладает синхронический аспект исследования, т. е. анализ связей между элементами структуры языка и элементами структуры общества вне зависимости от того, как развивались эти связи во времени. В работах предшествующего периода чаще постулировалась сопряженность эволюции языка с развитием общества, т. е. для этих работ был характерен диахронический аспект (о различиях синхронической и диахронической социолингвистики см. ниже — в очерке «Направления современной социолингвистики»).

СТАТУС СОЦИОЛИНГВИСТИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Из самого названия научной дисциплины — социолингвистика — видно, что она возникла на стыке двух наук — социологии и лингвистики. Междисциплинарный характер социолингвистики признают многие ученые (см. об этом, например, в работах [Hymes 1972; Краус 1974]). Однако само по себе это признание не отвечает на вопрос: чего больше в этой науке — социологии или лингвистики? Кто занимается ею — профессиональные социологи или профессиональные языковеды (вспомним, что первым употребил термин «социолингвистика» социолог)?

Надо сразу же и совершенно определенно сказать: современная социолингвистика — это отрасль языкознания. Пока эта отрасль только формировалась, становилась на ноги, можно было спорить о ее статусе. Но сейчас, в начале XXI в., когда не только определились объект, цели и задачи социолингвистических исследований, но и получены осязаемые результаты, совершенно очевидна языковедческая природа этой науки. Иное дело, что социолингвисты заимствовали многие методы у социологов (вот оно — *социо-*), например, методы массовых обследований, анкетирования, устных опросов и интервью. Но, заимствуя у социологов эти методы, социолингвисты используют их творчески, применительно к задачам изучения языка, а кроме того, на их основе вырабатываются собственные методические приемы работы с языковыми фактами и носителями языка.

ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Выше на нескольких элементарных примерах было показано, что изучает социалингвистика. Сформулируем теперь в более строгой форме представление об объекте этой науки. Один из основателей современной социалингвистики американский исследователь Уильям Лабов определяет социалингвистику как науку, которая изучает «язык в его социальном контексте» [Лабов 1975]. Если расшифровать это лапидарное определение, то надо сказать, что внимание социалингвистов обращено не на собственно язык, не на его внутреннее устройство, а на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество. При этом учитываются все факторы, могущие влиять на использование языка, — от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, вида профессии и т. п.) до особенностей конкретного речевого акта.

«Тщательное и точное научное описание определенного языка, — отмечал Р. Якобсон, — не может обойтись без грамматических и лексических правил, касающихся наличия или отсутствия различий между собеседниками с точки зрения их социального положения, пола или возраста; определение места таких правил в общем описании языка представляет собой сложную лингвистическую проблему» [Якобсон 1985: 382]. В отличие от порождающей лингвистики, представленной, например, в работах Н. Хомского [Хомский 1972], социалингвистика имеет дело не с идеальным носителем языка, порождающим только правильные высказывания на данном языке, а с реальными людьми, которые в своей речи могут нарушать нормы, ошибаться, делать оговорки, смешивать разные языковые стили и даже разные языки и т. п. Важно понять, чем объясняются все подобные особенности реального использования языка. Тем самым при социалингвистическом подходе к языку объектом изучения является функционирование языка (как в синхронном аспекте, так и в процессе эволюции языка); его внутренняя структура принимается как некая данность и специальному исследованию не подвергается (за исключением случаев, когда социальное внедряется в ткань языка и является компонентом строения языковых единиц; см. об этом в очерке «Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц»).

А каков объект социалингвистики в обществах, где функционируют два, три языка, множество языков? В этом случае социалингвист должен исследовать механизмы функционирования нескольких языков в их взаимодействии: в каких сферах социальной жизни они используются? Каковы взаимоотношения между ними по статусу и функциям? Какой язык «главствует», т. е. является государственным или официально принятым в качестве основного средства общения, а какие вынуждены довольствоваться ролью семейных и бытовых языков? Как, при каких условиях и в каких формах возникают дву- и многоязычие? Ответы на этого рода вопросы — компетенция социалингвистики.

Итак, объект социалингвистики — язык в его функционировании. А поскольку язык функционирует в обществе, обладающем определенной социальной структурой, постольку и можно говорить о социалингвистике как о науке, исследующей язык в социальном контексте (формула У. Лабова).

Как и всякая наука, претендующая на самостоятельный статус, социалингвистика оперирует некоторым набором специфических для нее понятий: языковое сообщество, языковая ситуация, социально-коммуникативная система, языковая социализация, коммуникативная компетенция, языковой код, переключение кодов, билингвизм (двуязычие), диглоссия, языковая политика и ряд других. Кроме того, некоторые понятия заимствованы из других областей языкознания: языковая норма, речевое общение, речевое поведение, речевой акт, языковой контакт, смешение языков, язык-посредник и др., а также из социологии, социальной психологии: социальная структура общества, социальный статус, социальная роль, социальный фактор и некоторые другие. Все эти понятия нуждаются в определениях. В следующем очерке мы дадим определения большинству из перечисленных понятий, пока не погружаясь в подробное изучение явлений, стоящих за каждым из понятий, и тех проблем, которые возникают при исследовании таких явлений.

12

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Языковое сообщество

На первый взгляд понятие языкового сообщества не нуждается в разъяснениях — это сообщество людей, говорящих на данном языке. Однако в действительности такого понимания недостаточно. Например, французы, живущие во Франции, и говорящие по-французски канадцы не составляют одного сообщества. Нельзя объединить в одно языковое сообщество англичан и американцев (хотя и те, и другие говорят по-английски), испанцев и пользующихся испанским языком жителей Латинской Америки и т. д. Язык один и тот же (или почти один и тот же*), а сообщества разные.

Языковое сообщество — это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности. В близком значении в социолингвистике используется также термин «речевое общество» [Гамперц 2012].

Границы распространения языков очень часто не совпадают с политическими границами. Самый очевидный пример — современная Африка, где на одном и том же языке могут говорить жители разных

* В действительности французский язык в Канаде несколько отличается от французского языка на территории его исконного распространения, английский язык США имеет даже специальное название: *American English*, отграничивающее его от британского варианта (*British English*); сходная картина и с испанским языком в Испании и, скажем, на Кубе; см. об этом: [Реферовская 1972; Швейцер 1963; Швейцер 1971; Степанов 1963]. Однако в данном случае, при определении понятия «языковое сообщество», мы можем пренебречь незначительными различиями этих языков, зависящими от территории их распространения.

государств (таков, например, суахили, распространенный в Танзании, Кении, Уганде, частично в Заире и Мозамбике), а внутри одного государства сосуществуют несколько языков (в Нигерии, например, более 200 языков!) [Виноградов и др. 1984]. Поэтому при определении понятия «языковое сообщество» важно сочетание лингвистических и социальных признаков: если мы оставим только лингвистические, то речь будет идти лишь о языке, безотносительно к той среде, в которой он используется; если же опираться только на социальные критерии (включая и политико-экономические, и культурные факторы), то вне поля внимания останутся языки, функционирующие в данной социальной общности. В качестве языкового сообщества могут рассматриваться совокупности людей, различные по численности входящих в них индивидов, — от целой страны до так называемых малых социальных групп (например, семьи, спортивной команды): критерием выделения в каждом случае должны быть общность социальной жизни и наличие регулярных коммуникативных контактов. Одно языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим. Так, современная Россия — пример языкового сообщества, которое объемлет, включает в себя языковые сообщества меньшего масштаба — республики, области, города. В свою очередь, город как языковое сообщество включает в себя языковые сообщества еще меньшего масштаба — предприятия, учреждения, учебные заведения. Чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность. В России существуют и взаимодействуют друг с другом десятки национальных языков и их диалектов, а в крупных российских городах основные формы общественной жизни осуществляются с помощью уже значительно меньшего числа языков, часто на двух (Казань — татарский и русский, Майкоп — адыгейский и русский) или трех (Уфа — башкирский, татарский и русский), а при национальной однородности населения — преимущественно на одном языке (Москва, Петербург, Саратов, Красноярск). В рамках таких языковых сообществ, как завод, научно-исследовательский институт, средняя школа, преобладает один язык общения. Однако в малых языковых обществах — таких, как семья, где коммуникативные контакты осуществляются непосредственно, может быть не один, а два языка. Их может быть даже больше: известны семьи русских эмигрантов, использующие во внутрисемейном общении несколько языков [Земская 1998].

С другой стороны, составляют ли разные языковые сообщества люди, живущие в одном городе, работающие на одних и тех же предприятиях, но имеющие в качестве родных разные национальные языки, — например, русские, татары, украинцы?

При изучении именно второго рода явлений — дву- и многоязычия при общности социальной жизни — возникла необходимость в понятии «языковое сообщество»: с помощью этого понятия исследователь определяет социальные рамки, в которых функционирует один язык или несколько языков, взаимодействующих друг с другом.

В качестве языкового сообщества могут рассматриваться совокупности людей, различные по численности входящих в них индивидов, — от целой страны до так называемых малых социальных групп (например, семьи, спортивной команды): критерием выделения в каждом случае должны быть общность социальной жизни и наличие регулярных коммуникативных контактов.

Одно языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим. Так, современная Россия — пример языкового сообщества, которое объемлет, включает в себя языковые сообщества меньшего масштаба — республики, области, города. В свою очередь, город как языковое сообщество включает в себя языковые сообщества еще меньшего масштаба — предприятия, учреждения, учебные заведения.

Чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность. В России существуют и взаимодействуют друг с другом десятки национальных языков и их диалектов, а в крупных российских городах основные формы общественной жизни осуществляются с помощью уже значительно меньшего числа языков, часто двух (Казань — татарский и русский, Майкоп — адыгейский и русский) или трех (Уфа — башкирский, татарский и русский), а при национальной однородности населения — преимущественно на одном языке (Москва, Петербург, Саратов, Красноярск). В рамках таких языковых сообществ, как завод, научно-исследовательский институт, средняя школа, преобладает один язык общения. Однако в малых языковых сообществах — таких, как семья, где коммуникативные контакты осуществляются непосредственно и преимущественно в устной форме, может быть не один, а два языка — например, русский и казахский (см. об этом [Копыленко, Саина 1982; Саина 2000]). Их может быть даже

больше: известны семьи современных русских эмигрантов, использующие во внутрисемейном общении несколько языков [Земская 1998].

Языковой код

Каждое языковое сообщество пользуется определенными средствами общения — языками, их диалектами, жаргонами, стилистическими разновидностями языка. Любое такое средство можно назвать кодом.

В самом общем смысле код — это средство коммуникации: естественный язык (русский, английский, сомали и т. п.), искусственный язык типа эсперанто или типа современных компьютерных языков, азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и т. п.

В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне, пиджин и под. (ниже на некоторых из них мы остановимся подробнее).

Наряду с термином «код» употребляется и термин субкод. Он обозначает **разновидность**, подсистему **некоего общего кода**, коммуникативное средство меньшего объема, более узкой сферы использования и меньшего набора функций, чем код. Например, такие разновидности современного русского национального языка, как литературный язык, территориальный диалект, городское просторечие, социальный жаргон — это субкоды, или подсистемы, единого кода (русского национального языка). В дальнейшем мы будем употреблять термины субкод и подсистема как синонимы.

Субкод, или подсистема, также может члениваться на разновидности и тем самым включать в свой состав субкоды (подсистемы) более низкого уровня и т. д. Например, русский литературный язык, сам являющийся субкодом по отношению к национальному языку, членивается на две разновидности — кодифицированный язык и разговорный язык, каждая из которых обладает определенной самодостаточностью и различается по функциям: кодифицированный язык используется в книжно-письменных формах речи, а разговорный — в устных, обиходно-бытовых формах. В свою очередь, кодифицированный литературный язык дифференцирован на функциональные стили, а стили реализуются в раз-

нообразных речевых жанрах; некое подобие такой дифференциации есть и в разговорном языке.

В отечественной социолингвистике субкоды часто именуется формами существования языка, на Западе их также называют регистрами данного языка.

Социально-коммуникативная система

Совокупность кодов и субкодов, используемых в данном языковом сообществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности, называется социально-коммуникативной системой этого сообщества.

В этом определении требует разъяснений словосочетание «функциональная дополнительность». Оно означает, что каждый из кодов и субкодов, образующих социально-коммуникативную систему, имеет свои функции, не пересекающиеся с функциями других кодов и субкодов (тем самым все они как бы дополняют друг друга по функциям).

Например, каждый стиль литературного языка — научный, официально-деловой, публицистический — имеет свои специфические функции, не свойственные другим стилям, а вместе они функционально дополняют друг друга, образуя систему, способную «обслуживать» все коммуникативные потребности данного общества (которое можно условно назвать обществом носителей литературного языка; кроме них, есть еще, например, носители диалектов, просторечия) и все сферы общения.

В многоязычном обществе социально-коммуникативную систему образуют разные языки, и коммуникативные функции распределяются между ними (при этом каждый из языков может, естественно, подразделяться на субкоды — диалекты, жаргоны, стили).

Понятие социально-коммуникативной системы ввел в научный оборот в середине 1970-х годов московский ученый А. Д. Швейцер. Он особо подчеркивает функциональный аспект этого понятия: «Отношение функциональной дополнительности означает социально детерминированное распределение сосуществующих в пределах данного языкового коллектива систем и подсистем по сферам использования

(книжно-письменная речь, бытовое общение и т. п.) и общественным функциям (наука, культура, образование, религия), с одной стороны, и по социальным ситуациям — с другой» [Швейцер 1976: 76].

Языковая ситуация

Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей то или иное языковое сообщество, находятся друг с другом в определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения более или менее стабильны. Вместе с тем изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов — кодов и субкодов.

Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества*.

Понятие языковая ситуация применяется обычно к большим языковым сообществам — странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация — это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования.

Например, на Украине, где социально-коммуникативная система включает в качестве главных компонентов украинский и русский языки (помимо них есть белорусский, болгарский, венгерский, чешский и некоторые другие), до распада СССР наблюдалось относительное динамическое равновесие между этими языками. Существовали школы и

* В книге Л. Б. Никольского «Синхронная социолингвистика» языковой ситуацией называется «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [Никольский 1976: 79—80]. В этом определении не принят во внимание аспект функционирования кодов и субкодов, входящих в указанную совокупность, их соотношение по функциям на данном этапе существования административно-территориальных и этнических общностей.

с украинским, и с русским языком обучения, в науке и высшем образовании были в обращении оба языка, в известной мере деля сферы применения (естественные и технические науки — преимущественно на русском языке, гуманитарные — преимущественно на украинском). В бытовом общении выбор языка определялся интенциями говорящего, типом адресата, характером ситуации общения и т. п. В 90-е годы XX — начале XXI в. функции русского языка на Украине резко сужаются, он вытесняется украинским языком из сфер среднего и высшего образования, науки, культуры; применение русского языка в бытовом общении также сокращается.

Эти перемены — несомненное свидетельство изменения языковой ситуации, в то время как состав социально-коммуникативной системы, обслуживающей украинское языковое общество, остается прежним.

Переключение и смешение кодов

Как уже говорилось, коды (языки) и субкоды (диалекты, стили), составляющие социально-коммуникативную систему, функционально распределены. Это значит, что один и тот же контингент говорящих, которые составляют данное языковое общество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения. Например, если вести речь о субкодах литературного языка, то в научной деятельности носители литературного языка используют средства научного стиля речи, в делопроизводстве, юриспруденции, административной переписке они же прибегают к средствам официально-делового стиля, в сфере религиозного культа — к словам и конструкциям стиля церковно-религиозного и т. д. Иначе говоря, в зависимости от сферы общения говорящий *переключается* с одних языковых средств на другие.

Похожая картина наблюдается и в тех обществах, где используется не один, а два языка (или несколько). *Билингвы*, т. е. люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, обычно «распределяют» их использование в зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями — другой (другие). И в этом случае можно говорить о переключении с одного кода на другой,

только в качестве кодов фигурируют не стили одного языка, как в первом примере, а разные языки.

Переключение кодов, или **кодовое переключение**, — это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля), на другой в зависимости от условий коммуникации*.

Что, какие изменения в условиях коммуникации заставляют говорящего менять код?

Это, например, смена адресата, т. е. того, к кому обращается говорящий. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последний, естественно, должен использовать именно этот, знакомый адресату, язык, хотя до этого момента в общении с собеседниками-билингвами мог использоваться другой язык или оба.

Переключение на известный собеседнику языковой код может происходить даже в том случае, если меняется состав общающихся: если к разговору двоих билингвов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем трем языков, то общение должно происходить на этом, известном всем трем собеседникам языке. Отказ же первых двух собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение к его коммуникативным запросам.

Фактором, обуславливающим переключение кодов, может быть изменение социальной роли самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать родной для него диалект, а обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если такого переключения не произойдет, представители власти его не поймут, и он не достигнет своей цели (удовлетворить просьбу,

* Термин «переключение кодов (кодовое переключение)» является переводом английского термина «code-switching». Первые работы, исследующие механизм переключения кодов, появились в англоязычной лингвистической литературе в середине 70-х годов XX в. Однако на само это явление, еще без использования указанного термина, раньше обратил внимание Р. Якобсон, который писал: «Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками» [Jakobson 1970: 458].

рассмотреть жалобу и т. п.), иначе говоря, потерпит коммуникативную неудачу.

Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимающихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, «производственные» темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т. п. Но как только тема с производственной меняется на бытовую, «включается» другой языковой код или субкод — родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языкового кода на бытовые формы использования того же национального языка.

В каких местах речевой цепи говорящие переключают коды и субкоды? Это зависит от характера влияния тех факторов, о которых только что шла речь. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы. Однако если фактор, обуславливающий кодовое переключение, вмешивается неожиданно для говорящего, он может переключаться с кода на код посередине фразы, иногда даже не договорив слова.

При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код (субкод) используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы другого языка — устойчивые обороты, модальные слова, междометия, частицы.

Способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду)

воспринимается как аномалия и может приводить к коммуникативным конфликтам.

Переключение кодов следует отличать от таких явлений, как заимствование языковых единиц и их вкрапление в речь. Переключаясь на другой код (например, на иной язык), говорящий использует его элементы в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами этих элементов. При заимствовании слово или какая-либо другая единица подчиняется (хотя бы частично) фонетике и грамматике заимствующего языка. При вкраплении сохраняется иносистемный облик вкрапливаемого элемента, но этот элемент употребляется в некоем «застывшем» виде, не видоизменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими.

Поясним это на примерах.

Хрестоматийный пример переключения кодов — смена русского языка на французский (и обратно) в речи дворян — персонажей романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Общение и на русском, и на французском происходит в соответствии с нормами каждого из этих языков:

«Анна Павловна, увидев Пьера, тронула его пальцем за рукав. — Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir. — Она взглянула на Элен и улыбнулась ей. — Ma bonne Hélène, il faut, que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes. А чтоб вам не очень скучно было, вот вам милый граф, который не откажется за вами следовать» (Война и мир. Т. I. Ч. 3).

Когда те же герои, говоря по-русски, употребляют слова граф, рескрипт, министр, политика, гвардия, то перед нами — заимствования, подчиняющиеся нормам русского языка: в них согласные смягчаются перед [э], гласные подвергаются редукции в безударном положении, существительные склоняются и имеют признаки определенного грамматического рода, глаголы спрягаются и т. д.

Примерами вкраплений могут быть обороты типа *се ля ви* (*c'est la vie*), латинские выражения *alter ego*, *terra incognita* и подобные им, а также отдельные иноязычные слова, которые употребляются в неизменном виде, хотя и могут связываться со словами окружающего контекста по моделям, «подсказанным» синтаксисом либо языка-источника, либо языка-реципиента, например:

«Фирма Rowenta <...> Великолепная вода от Rowenta!» (телевизионная реклама); «К тому же слух уже перестал удивляться и жадно реа-

гировать на пышно-красочные пейзажи и музыкальную *nature morte*) (Б. В. Асафьев. Книга о Стравинском; фр. *nature* — женского рода, ср. вошедшее в русский язык слово натюрморт: оно мужского рода); «— Высыпьте на стол ваш табак, — сказал офицер *désolé* [огорченный]» (А. И. Герцен. Былое и думы; сохранен порядок слов, свойственный французскому языку, с постпозицией определения; по-русски было бы: сказал огорченный офицер); «Совершив предварительно европейское *shake hands*, он [Павел Петрович] три раза, по-русски, поцеловался с ним [племянником]...» (И. С. Тургенев. Отцы и дети; согласование по среднему роду подсказано русским аналогом английского словосочетания *shake hands* — рукопожатие).

Как мы видели, переключение кодов мотивировано; наряду с этим в речи билингов часто встречается смешение кодов, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки.

Вот что пишет по этому поводу В. И. Беликов: «Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое — другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова — другому и т. п. Вот начало цыганского фольклорного рассказа о графе Чёрном [Елоева, Русаков 1990: 54—55]:

Сыс граф Чёрный. Сыс ёв барвало, но сыс ёв страшно <...> Ёв сыс очень страшно. А сыс ёв барвало, ну, может, ёв сыс миллиардеро <...> И якэ приглашает лэс, значит, московско княгиня по бало. Граф Чёрный полэл депешо. “Вы немедленно севодня должны тэ авэл к шести часам по бало”. Ну со ж, запрягает ёв тройка, выезжает по да бало <...> И выходит кокори княгиня Оболенско кэ ёв чокаться. “Князь Черный, севодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: со кучедыр по свето сы, капитал или красота?”

Был граф Чёрный. Был он богатый, но был он страшный <...> Он был очень страшный. А был он богатый, ну, может, он был миллиардером <...> И вот приглашает его, значит, московская княгиня на бал. Граф Чёрный берет депешу. “Вы немедленно, сегодня должны прийти к шести часам на бал”. Ну что ж, запрягает он тройку, выезжает на этот бал <...> И выходит сама княгиня Оболенская к нему чокаться. “Князь Черный, сегодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: что дороже на свете, капитал или красота?”

Основа текста — цыганская, часть русских вкраплений — заимствования, оформленные в тексте в соответствии с цыганской морфологией, однако в нескольких случаях глагол и его актанты принадлежат разным языкам, например, при русском предикате запрягает субъект выражен цыганским местоимением, объект — русским заимствованием, но с цыганской морфологией (-а в тройка в данном случае правильный показатель аккузатива). В русском вводном выражении ну что ж местоимение что оказалось заменено цыганским со. В двух случаях здесь представлено оправданное переключение кодов — при цитировании русского текста записки и слов княгини, однако оба раза во второй половине этих фраз рассказчик сбивается на смешение русского и цыганского языков» [Беликов, Крысин 2016: 24].

Языковая вариативность

Рассмотрение механизмов кодового переключения естественным образом подводит нас к очередному понятию, требующему разъяснений, — понятию языковой вариативности.

Если в процессе общения мы можем переключаться с одних языковых средств на другие, например, при смене адресата, продолжая при этом обсуждать ту же тему, то это означает, что в нашем распоряжении имеется набор средств, позволяющий об одном и том же говорить по-разному. Это чрезвычайно важное свойство языка, обеспечивающее говорящему возможность не только свободно выражать свои мысли на данном языке, но и делать это разными способами. Умение носителя языка по-разному выражать один и тот же смысл называется его способностью к перифразированию. Эта способность, наряду со способностью извлекать смысл из сказанного и умением отличать правильные фразы от неправильных, лежит в основе сложного психического навыка, называемого владение языком (см. очерк «Владение языком как лингвистическая проблема»).

Вариативность проявляется на всех уровнях речевой коммуникации — от владения средствами разных языков (и, следовательно, варьирования, попеременного использования единиц каждого из языков в зависимости от условий общения) до осознания говорящим допустимости разных фонетических или акцентных вариантов, принадлежа-

щих одному языку (в современном русском литературном языке это варианты типа *бу́ло*[шн]ая / *бу́ло*[чн]ая, *подня́лся* / *подня́лся* и под.).

Между этими полюсами располагаются многообразные виды языкового варьирования: например, лексические синонимы, которые можно рассматривать как варианты выражения одного и того же смысла (увеличиваться — усиливаться — возрастать; бросать — кидать; подлинник — оригинал; огромный — громадный; лишь — только и т. п.), однокоренные слова (замораживание — заморозка; стимулирование — стимуляция; эгоистический — эгоистичный и т. п.), синонимические синтаксические конструкции (Выполняя задание, будьте осторожны. — Когда выполняете задание, будьте осторожны. — При выполнении задания будьте осторожны) и многое другое.

Следует оговориться, однако, что синонимия слов и синтаксических конструкций очень часто бывает сопряжена с разницей (хотя подчас и весьма тонкой) в значениях единиц, образующих синонимический ряд: ветер усиливается, но не увеличивается и не возрастает; трудности возрастают, но не усиливаются; бросить, кинуть камень (взгляд), но только бросить курить (не: *кинуть курить); только не уходи — лучше, чем лишь не уходи, и т. д.

Поэтому в современной лингвистике понятия варианта и вариативности по отношению к разным видам синонимии не используются. Они применяются главным образом к таким различиям языковых единиц, которые не связаны с разницей в их значении. Иначе говоря, **вариативность — это прежде всего несоответствия во внешнем виде, в форме языковых знаков, которые имеют один и тот же смысл.**

С социолингвистической точки зрения явление вариативности заслуживает внимания постольку, поскольку разные языковые варианты могут использоваться в зависимости (а) от социальных различий между носителями языка и (б) от различий в условиях речевого общения.

Так, проведенное московскими учеными социолингвистическое исследование фонетических вариантов, допускаемых нормой современного русского литературного языка, установило определенную зависимость между такими характеристиками носителей языка, как возраст, место рождения, профессия, уровень образования и др., и теми предпочтениями, которые они оказывают вариантам типа [з'в']ерь / [зв']ерь, [шы]гí / [ша]гí, э[жж]у / э[жж']у и под. Оказалось, что, напри-

мер, мягкое произношение звуко сочетаний жж, жж как долгого мягкого <ж'> в словах *езжу*, *брызжет*, *жужжать*, *вожжи*, *дрожжи* представлено главным образом в речи старшего поколения, а людям среднего возраста и молодежи больше свойственно произношение твердого долгого ж. Москвичи старшего возраста еще сохраняют произношение [шы]гí, [жы]ра́, а в речи других групп говорящих эта черта почти не встречается*. Ассимилятивное произношение согласного — т. е. смягчение его перед следующим мягким согласным: [з'в']ерь, [с'т']енá, [з'л']ítься — в среде рабочих встречается реже, чем в среде гуманитарной интеллигенции, а произношение ко[н'ф']éта, ла[ф']ки (лавки) находится за пределами литературной нормы и свойственно просторечию или диалектной речи (подробнее об этом можно прочитать в монографиях [РЯиСО 1968] и [РЯДМО 1974]).

У. Лабов обнаружил похожие зависимости в современном американском варианте английского языка. Так, он установил, что начальный согласный в таких словах, как *thin* 'тонкий', *thick* 'толстый' и под. реализуется по-разному в речи представителей высших социальных слоев американского общества (он назвал этот вариант престижным) и в речи других социальных групп. Негры — носители American English значительно чаще, чем другие группы говорящих, сохраняют согласный <r> в позиции перед согласным, т. е. при произношении слов типа *first* 'первый' [Labov 1966].

Это — один вид варьирования, собственно социальный (еще его называют стратификационным, поскольку он отражает стратификацию языкового сообщества на слои и группы). У. Лабов называет такого рода варианты, зависящие от социальных характеристик говорящих, индикаторами: каждый вариант как бы указывает на социальное положение носителя языка [Лабов 1975: 50].

Кроме этого, использование допускаемых нормой вариантов может зависеть от условий речи: от стиля, жанра, степени внимания говорящего к собственной речи, официальности / неофициальности обстановки и т. п. Одни и те же носители языка могут выбирать разные варианты в зависимости от указанных условий. Так, в официальной обстановке,

* Важно сделать следующую оговорку. Фонетическая вариативность по-разному реализуется в разных словах, т. е. она лексически обусловлена. Например, уже мало кто говорит [шы]гí, [жы]ра́, но произношение ло[шы]дéй, по[жы]лётъ встречается достаточно часто не только у пожилых людей, но и в речи молодежи.

когда говорящий старается контролировать свое произношение, он выбирает более отчетливые произносительные формы: например, [т'ол'ка], [ч'ил'лв'эж], [б'уд'йт] (только, человек, будет), а в непринужденной обстановке скорее всего предпочтет варианты редуцированные: [т'о́къ], [ч'э́лаэж] и даже [ч'эж], [б'у́ит] и под. Варианты такого рода У. Лабов называет маркерами: они маркируют различные стили речи, к которым принадлежат разные варианты одной языковой единицы.

Итак, вариативность языковых знаков зависит от параметров двоякого рода — от социальных характеристик носителей языка (и тогда говорят о социальной дифференциации языка) и от ситуации речевого общения (и тогда говорят о функциональной его дифференциации).

Возникает вопрос: на каком основании мы говорим о вариантах, вариативности? Ведь вариант — это видоизменение, разновидность какой-то основы. Но что может рассматриваться в качестве такой основы, допускающей варьирование? Какова «точка отсчета» при установлении вариативных форм? При ответе на эти вопросы мы сталкиваемся с одним из фундаментальных лингвистических и социолингвистических понятий — понятием языковой нормы.

Языковая норма

В первом приближении языковая норма — это то, как принято говорить и писать в данном обществе в данную эпоху. Иначе: **норма — это совокупность правил выбора и употребления языковых средств** (в данном обществе в данную эпоху). Понятие нормы неразрывно связано с понятием литературного языка. Литературный язык и называют часто языком нормированным.

Норма стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка. Она определяет, что правильно и что неправильно, она рекомендует одни языковые средства и способы выражения как «законные» (например: документ, авторы, в клубе, печёт) и отвергает другие как противоречащие языковому обычаю, традиции (запрещает говорить, например, докúмент, авторá, в клубú, пекéт).

Нормы исторически изменчивы, но меняются они медленно. В развитых литературных языках норма остается стабильной на протяжении многих десятилетий. Но всё же, если мы сравним русский язык XIX в.

с русским языком века XXI, то обнаружим бросающиеся в глаза расхождения между нормативными установками, которых придерживались литературно говорящие люди обеих эпох. В пушкинские времена говорили дóмы, кóрпусы, теперь — домá, корпусá. В рассказе Ф. М. Достоевского «Хозяйка» читаем: «Тут щекотливый Ярослав Ильич <...> вопросительным взглядом устремился на Мурина». Определение щекотливый употреблено здесь в смысле, близком к значению слов деликатный, щепетильный, и применено к человеку, т. е. так, как ни один из современных писателей его не употребит (обычно: щекотливый вопрос, щекотливое дело).

Такая перемена языковых норм — явление естественное. Трудно представить себе общество, в котором менялись бы социальный уклад, обычаи, отношения между людьми, развивались наука и культура, а язык на протяжении столетий оставался бы неизменным. Но хотя норма меняется вместе с развитием самого языка, в принципе она консервативна: коль она стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка, то свойство консервативности ей совершенно необходимо. «Если бы литературное наречие, — писал А. М. Пешковский, — изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова, слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы». Литературной нормой, по словам А. М. Пешковского, «признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [Пешковский 1959: 54—55].

Литературная норма выполняет важную социальную и культурную функцию. Все социально важные сферы человеческой деятельности обслуживаются нормированным языком: без него трудно представить себе функционирование науки, образования, культуры, развитие техники, законотворчество, делопроизводство и т. п. Норма играет роль фильтра: она пропускает в литературное употребление всё яркое, меткое, сочное, что есть в живой народной речи, и задерживает, отсеивает всё случайное, блеклое, невыразительное.

При этом норма динамична: она не делит средства языка жестко на хорошие и плохие, не предписывает: первые надлежит употреблять всегда, а вторые — не употреблять никогда. Правильное и уместное в одних условиях речи (например, в бытовом диалоге) может выглядеть нелепым в других (например, в научной статье). Зависимость литературной нормы от условий, в которых осуществляется речь, называют коммуникативной целесообразностью нормы.

Существует ли норма в других подсистемах национального языка — например, в территориальных диалектах, в просторечии, в жаргонах? Ведь люди, говорящие, скажем, на севернорусском «окающем» диалекте, используют его также в соответствии с неким установившимся порядком, в согласии с многовековой традицией. Определенные традиции использования языковых средств есть и в других разновидностях национального языка. Стало быть, и по отношению к этим подсистемам мы можем говорить о норме?

Однако отличие нормы литературного языка от нормы диалекта или жаргона состоит в том, что литературная норма сознательно культивируется: она фиксируется в словарях и грамматиках, ей обучают в школе, ее пропагандируют в книгах, по радио и телевидению, всякое культурное общение людей происходит обычно в соответствии с нормами литературного языка. В диалектах, а тем более в просторечии и жаргонах этого нет: имеется традиция использования языковых средств, но никто из носителей диалекта не оберегает его от каких-либо влияний, не культивирует сознательно и целенаправленно диалектные образцы речи, речевого общения.

Имея в виду различие нормы культивируемой и нормы как результата длительной традиции, уругвайский ученый Э. Косериу предложил разграничивать два смысла понятия норма: в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [Косериу 1960: 175], а в узком смысле норма — это результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению.

Усилия общества по сохранению нормы, целенаправленная разработка правил и предписаний, призванных способствовать такому сохранению и научно обоснованному обновлению норм, называется лингвистической кодификацией. Кодификации обычно подвергается не

весь национальный язык, а только те его подсистемы (субкоды), которые наиболее важны в социальном и коммуникативном отношениях. Таким социально и коммуникативно важным средством общения чаще всего оказывается литературный язык, который в письменной своей форме называется кодифицированной подсистемой национального языка, в отличие от других подсистем, которые не подвергаются кодификации и поэтому называются некодифицированными (территориальные диалекты, социальные и профессиональные аргы и жаргоны, койне, пиджины).

Рассмотрим свойства каждой из этих подсистем.

Литературный язык (стандарт)

Определение литературный при слове язык может сбить с толку и породить неправильное понимание, в соответствии с которым словосочетание «литературный язык» приравнивается по смыслу к сочетанию «язык литературы».

Исторически именно так и было: литературным называли язык, на котором создавалась художественная литература, в отличие от языка быта, ремесел, промыслов и т. п. Это характерно как для русского литературного языка, так и для большинства литературных языков Европы: исторически их основу составил язык поэзии, художественной прозы, отчасти народного эпоса и религиозной литературы.

Чтобы не было путаницы между понятиями «литературный язык» и «язык литературы», в первом случае иногда используют термин стандарт, или стандартный язык. Например, в английской лингвистической традиции употребителен именно этот термин — *standard language*, *standard English*. В русской лингвистической терминологии это словоупотребление (которого еще придерживался Е. Д. Поливанов) не привилось, возможно из-за негативного оценочного смысла, который присутствует в слове «стандартный».

Со временем содержание термина «литературный язык» радикально изменилось: литературной стали называть ту разновидность национального языка, которая наиболее пригодна для коммуникации в большинстве социальных сфер — в науке, образовании, дипломатии и юриспруденции, в деловых отношениях между людьми и учреждениями, в повседневном общении культурных людей.

Язык художественных произведений — это нечто особенное: основу его составляет язык литературный, кодифицированный, но широко используются элементы и любых других, некодифицированных подсистем национального языка — просторечия, диалектов, жаргонов.

Понятие литературного языка может определяться как на основе лингвистических свойств, присущих этой подсистеме национального языка, так и путем отграничения совокупности носителей данной подсистемы, «вычленения» ее из общего состава людей, пользующихся данным национальным языком. Первый способ определения лингвистичен, второй социологичен.

Примером лингвистического подхода к выяснению сущности литературного языка может служить определение, данное М. В. Пановым: «...если в одной из синхронных разновидностей языка данного народа преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях), то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим» [Панов 1966а: 56].

В этом определении имплицитованы такие важные свойства литературного языка, как его последовательная нормированность (не только наличие единой нормы, но и сознательное ее культивирование), общеобязательность его норм для всех говорящих на данном литературном языке, коммуникативно целесообразное использование средств (это свойство вытекает из тенденции к их функциональному разграничению) и некоторые другие. Определение обладает большой дифференцирующей силой: оно четко отграничивает литературный язык от других подсистем национального языка.

С социолингвистической точки зрения собственно лингвистический подход к определению языковых подсистем, и, в частности, литературного языка, недостаточен. Он не дает ответа на вопрос, кого, какие слои населения надо считать носителями данной подсистемы, и в этом смысле определения, основанные на чисто лингвистических критериях, неоперациональны. Поэтому при решении задач социолингвистического изучения языка иногда используют иной, «внешний» критерий определения понятия литературный язык — через совокупность носителей этого языка.

Рассмотрим применение этого критерия на примере современного русского литературного языка.

Обследуя с социолингвистическими целями совокупность носителей этого языка, ученые сформулировали следующие признаки, которыми носители литературного варианта национального языка должны отличаться от лиц, которые пользуются иными подсистемами (диалектами, просторечием, жаргонами): 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке.

Такое определение соответствует традиционному представлению о литературном языке как языке образованной, культурной части народа.

Во-первых, наблюдения показывают, что лица, для которых русский язык неродной, даже в том случае, когда говорящий владеет им свободно, обнаруживают в своей речи черты, в той или иной степени обусловленные интерференцией (то есть влиянием родного языка на язык, усвоенный в результате образования, жизни среди исконных носителей этого языка и т. п.). Например, в речи украинцев, владеющих русским языком, регулярно используется звук [ʏ] фарингальный вместо [г] взрывного, «положенного» по русской литературной норме; в речевой практике тюркоязычных говорящих, использующих русский язык, последовательно противопоставление твердых и мягких согласных (бил вместо был, хытрый вместо хитрый и т. п.). Это лишает исследователя возможности считать таких людей однородными в языковом отношении с лицами, для которых русский язык родной.

Во-вторых, вполне очевидно, что город способствует столкновению и взаимному влиянию разнодиалектных речевых стихий, смешению диалектов. Влияние языка прессы, радио и телевидения, речи образованных слоев населения в городе проявляется гораздо интенсивнее, чем в деревне. Кроме того, в деревне литературному языку противопоставит организованная система одного диалекта (хотя в современных условиях и значительно расшатанная воздействием литературной речи), а в городе — так называемый интердиалект, составляющие которого находятся между собой в неустойчивых, меняющихся отношениях. Это приводит к нивелировке диалектных речевых черт или к их локализации (например, только в семейном общении), либо к полному их вытеснению под давлением литературной речи. Поэтому люди, хотя и родившиеся в деревне, но всю свою сознательную жизнь живущие в

городе, также должны быть включены — наряду с коренными горожанами — в понятие «жители городов» и, при прочих равных условиях, в понятие «носители литературного языка».

В-третьих, критерий «наличие высшего или среднего образования, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке» представляется необходимым потому, что годы учения в школе и высшем учебном заведении способствуют более полному, более совершенному овладению нормами литературного языка, устранению из речи человека черт, которые противоречат этим нормам и отражают диалектный или просторечный узуз, — по той простой причине, что обучение и в школе, и в вузе ведется исключительно на литературном языке.

Литературный язык в его книжно-письменной разновидности обладает рядом свойств, которые отличают его от других подсистем национального языка (и от разговорной разновидности того же литературного языка):

- 1) это кодифицированная подсистема, о чем мы уже говорили выше; она характеризуется более или менее устойчивой нормой, единой и общеобязательной для всех говорящих на литературном языке, и эта норма целенаправленно культивируется;
- 2) это полифункциональная подсистема: она пригодна для использования в разнообразных сферах человеческой деятельности. В соответствии с многообразными сферами использования и различными функциями, которые он выполняет, литературный язык делится на разновидности (книжную и разговорную) и функциональные стили (научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический). Функциональные стили подразделяются на речевые жанры;
- 3) литературный язык социально престижен: будучи компонентом культуры, он представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие, независимо от того, владеют они этой подсистемой или какую-либо другой. Такая ориентация означает не столько стремление овладеть литературным языком, сколько понимание его большей авторитетности по сравнению с территориальными диалектами, просторечием, социальными и профессиональными жаргонами.

Диалект

Термин диалект (греч. *διαλεκτός* от глагола *διαλέγομαι* 'говорить, изъясняться') используется обычно для обозначения территориальных разновидностей языка и чаще применяется к разновидностям речи, которыми пользуются сельские жители, хотя в специальной литературе можно встретить словосочетания «социальные диалекты», «городские диалекты», «профессиональные диалекты» и т. п.

Например, Е. Д. Поливанов писал о социальных диалектах и социальной диалектологии — науке, которая должна стать в один ряд с традиционной диалектологией, изучающей крестьянские говоры. В американской социолингвистике имеется немало работ о городских диалектах; в частности, к диалектам относят речь негритянского городского населения США, английский язык которого существенно отличается от других разновидностей American English. Французские лингвисты наряду с термином «диалект» (*dialecte*) используют термин «патуа́» (*patois*), который также обозначает локально ограниченную речь определенных групп населения, главным образом сельского (в другом своем значении этот термин обозначает небрежную, неправильную речь с элементами арго и жаргонов).

Территориальный, или местный, диалект по своему названию свидетельствует скорее о географическом, нежели социальном, делении языка. Однако территориальная локализованность — лишь одна из характерных черт этой подсистемы национального языка. Одновременно это и социальная языковая разновидность, поскольку местным диалектом владеет круг лиц, достаточно определенных в социальном отношении: в современных условиях, во всяком случае в русском языковом обществе, это крестьяне старшего поколения. В. М. Жирмунский подчеркивал, что «традиционное деление диалектов на территориальные и социальные является мнимым, что всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной» [Жирмунский 1969: 23].

Отметим основные свойства территориальных диалектов, отличающие эту разновидность национального языка от всех других. К ним относятся:

- 1) социальная, возрастная и отчасти половая ограниченность круга носителей диалекта (это главным образом сельские жительницы старшего поколения);

- 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями;
- 3) образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем;
- 4) нивелирование своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка (через средства массовой информации, книги, систему образования и т. п.).

Социолект

Этот термин возник в лингвистике сравнительно недавно — во второй половине XX в. Он образован из двух частей — части социо-, указывающей на отношение к обществу, и второго компонента слова «диалект»; это, по существу, стяжение в одно слово словосочетания «социальный диалект».

Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе — профессиональной, сословной, возрастной и т. п. — в пределах той или иной подсистемы национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг, профессиональный «язык» тех, кто работает на компьютерах, разнообразные торговые арго (например, «челноков», торговцев наркотиками) и др.

Термин социолект удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности социально ограниченных (а в некоторых случаях *социально замкнутых*) групп людей.

Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи — в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа же социолектов — словарная и грамматическая — обычно мало чем отличается от характерной для данного национального языка. Так, в современном уголовном арго имеется довольно большое число специфических обозначений, в том числе метафорических: балда ‘голова’, кусок ‘тысяча рублей’, мент ‘мили-

ционер’ (с появлением в России в начале XXI в. термина «полиция» вместо «милиция» и полицейских продолжают называть ментами), хаза, малина ‘воровской притон’, хрусты ‘деньги’, шмонать ‘обыскивать’, этапка ‘пересыльная тюрьма’ и т. п., но склонение и спряжение этих слов, их объединение в предложения осуществляются по общеязыковым моделям и правилам; общеязыковой является и лексика, не обозначающая какие-либо специфические реалии «профессиональной» и бытовой жизни уголовников (Ударили меня по балде; Это он купил за два куска; На хазу нагрянули менты и обшмонали всех, кто там был, и т. п.).

Арго. Жаргон. Сленг

Термины «арго» и «жаргон» — французские по происхождению (фр. *argot, jargon*), «сленг» — английский (англ. *slang*). Эти термины часто употребляются как синонимы. Однако целесообразно разграничивать понятия, скрывающиеся за этими названиями: арго — это, в отличие от жаргона, в той или иной степени тайный язык, создаваемый специально для того, чтобы сделать речь данной социальной группы непонятной для посторонних. Поэтому предпочтительнее словосочетания «воровское арго», «арго офеней» — бродячих торговцев в России XIX в., нежели «воровской жаргон», «жаргон офеней». Как считают авторы современного словаря лингвистических терминов, «...в жаргоне преобладает выражение принадлежности к [данной] группе, в арго — языковая маскировка содержания коммуникации» [Васильева и др. 1995: 38].

Но такое противопоставление касается прежде всего истории формирования жаргонов и арго. Синхронно «секретность» уголовного арго весьма относительна; те, кто борется с преступностью, как правило, владеют этим языком вполне хорошо, а идея тайно договориться на арго в присутствии предполагаемой жертвы преступления выглядит вообще наивно. Для этой цели в рамках конкретных преступных сообществ создаются разовые коды того же типа, каким, судя по кинофильмам, пользуются в открытой переписке вражеские шпионы и советские разведчики: обычным словам придаются особые тайные значения, причем так, чтобы для постороннего слушателя речь не казалась

странной и имела бы свой обычный смысл, складывающийся из нормативных лексических значений. «Скрытность» же языка уголовников чаще нарочитая, показная, рассчитанная в первую очередь на удовлетворение групповой идентичности, противопоставления «своих» и «не своих».

В арго существует множество слов, которые в силу незначительного отличия от нормативных, не могут претендовать на секретность (ср. больничка 'больница, любое медицинское учреждение', поджениться 'завести сожительницу'), в других случаях внешне неотличимые от нормативных лексические единицы имеют в арго лишь несущественные для рядового носителя языка отличия в семантике. Неслучайно в арго слово люди обозначает лишь тех, кто соблюдает воровской закон; если, входя в камеру, вор (не любое 'лицо, совершившее кражу', как в нормативном языке, а тот, кто имеет признаваемый в уголовном мире ранг вора в законе) спрашивает: «Люди есть?», он имеет в виду принадлежащих к уголовному миру.

Еще одна причина существования арго — потребность в удовлетворении экспрессии. В связи с этим многие словарные единицы заменяются в арго относительно часто, другие, эмоционально менее окрашенные, остаются неизменными на протяжении столетий. Д. С. Лихачев [Лихачев 1935] указывает на еще одну важную причину возникновения и существования арго: особенностью воровского мышления является наличие элементов магического отношения к миру. Первобытно-магическое восприятие сказывается и на отношении к языку: неудачно, не вовремя сказанное слово может навлечь несчастье, провалить начатое дело. В связи с этим в преступном мире обычные слова заменяются арготическими, существует также ряд табуированных тем, о которых не принято говорить даже на арго. В этом отношении уголовное арго напоминает жаргонную и профессиональную речь охотников, военных и лиц других связанных с риском профессий.

Степень понятности текста на уголовном арго сильно варьирует в зависимости от его тематики и интенций говорящего при построении такого текста: если адресат текста — «свой», блатной человек, то можно оставаться в пределах арго, понятного и адресату, и отправителю текста.

Вот пример — отрывок из письма, содержащего описание бытовой жизни заключенного [Балдаев и др. 1992: 325, 327]:

После живодерни мантулю в дымогарке на угольке. Моего напарника, мужика-кирюху, трюманули за махаловку и оборотку совком по бестолковке одному животному с блудой, он у него из шаронки цараннул антрацит.

Перевод: После больницы работаю в кочегарке. Моего напарника, заключенного, не принадлежащего к воровскому миру, посадили за драку в карцер. Он двинул совковой лопатой по голове мошеннику (тот был с ножом), который украл из его куртки хлеб (пер. Д. С. Балдаева).

Термин «сленг» более характерен для западной лингвистической традиции. Содержательно он близок к тому, что обозначается термином «жаргон». Однако в русистике в последнее время намечается дифференциация терминов *жаргон* и *сленг*: к сленгу относят такую лексику, которая только по происхождению является жаргонной, но хорошо знакома и тем, кто владеет литературным языком, употребляется литературно говорящими людьми и встречается в текстах художественной литературы, публицистики, звучит по радио и телевидению (ср.: *крутой (парень), тусовка, беспредел, наезжать* 'предъявлять претензии к кому-л., обычно сопровождая их угрозами' и мн. др.; см. «Толковый словарь русской разговорной речи», выпуски 1—3, где помета *сленг.* регулярно указывается в словарных статьях подобных слов). Теоретическое обоснование такого понимания термина «сленг» содержится в монографии Р. И. Розиной [Розина 2005].

Арго, жаргон, сленг — это разновидности социолекта. Специфика каждого из этих языковых образований может быть обусловлена профессиональной обособленностью тех или иных групп либо их социальной отграниченностью от остального общества. Компьютерный жаргон (сленг) — пример профессионально ограниченных языковых образований, воровское арго, студенческий сленг — примеры социально ограниченных субкодов. Иногда группа может быть обособлена и профессионально, и социально; речь такой группы обладает свойствами и профессионального, и социального жаргона (арго, сленга). Пример — солдатский жаргон, поскольку военное дело представляет собой профессию, а люди, занимающиеся этой профессией, живут своей, достаточно обособленной от остального общества, жизнью.

Просторечие

Просторечие — это речь необразованного и полубразованного городского населения, не владеющего литературными нормами. Сам термин просторечие употребителен главным образом в отечественной социолингвистике, поскольку просторечие — «наиболее русская» языковая подсистема, специфичная для русского национального языка. Если территориальные диалекты и тем более литературный язык имеют прямые аналоги в других национальных языках, то у просторечия таких аналогов нет. Ни французская подсистема *langue populaire*, ни то, что в англоязычной лингвистической литературе называется *nonstandard* или *illiterate speech*, не являются подобиями русского просторечия, отличаясь от последнего как в отношении социальной базы (то есть состава носителей), так и в отношении структурных и функциональных свойств.

Так, *langue populaire* лишь приблизительно соответствует русскому просторечию: хотя эта разновидность речи стоит между арго и фамильярным стилем литературного французского языка, она арготизована, т. е. насыщена элементами различных социальных арго — в гораздо более сильной степени, чем русское просторечие (правда, период конца XX — начала XXI в. отмечен усилением влияния разнообразных арго и жаргонов на эту подсистему русского языка). Кроме того, и это главное, *langue populaire* это не только социальная, но и стилистическая разновидность французского языка: носители литературного языка в ситуациях непринужденного общения используют элементы *langue populaire*. В русской же литературной речи просторечные единицы могут использоваться только с целью иронии, шутки, сознательного стилистического контраста и т. п.

То, что может быть сопоставлено с русским просторечием в английском языке, в частности в его американском варианте, — это так называемый общий сленг, который, однако, не имеет своих носителей, а является функционально-стилистической разновидностью английского языка (элементы общего сленга широко используются в средствах массовой информации).

Еще более сложная картина в немецком языке, где промежуточные (между литературным языком и территориальными диалектами) формы *Halbmundart* и *Umgangssprache* содержат целый комплекс языковых,

функциональных и социальных черт, не позволяющих однозначно квалифицировать эти языковые образования и, во всяком случае, приравнивать их к русскому просторечию по статусу и свойствам.

В родственных русскому языку славянских языках просторечию также нет точного соответствия. Например, *obecná čeština* — функционально-стилистическая разновидность современного чешского языка, наиболее близкая к русскому просторечию, — отличается от него одной (по крайней мере) существенной особенностью: ею могут пользоваться — главным образом в бытовых ситуациях — и люди вполне культурные (см. об этом в [Нещименко 1985]), в то время как носителям современного русского литературного языка просторечие несомненно «противопоказано» (оно воспринимается как признак низкой культуры или как сознательное «ёрничанье»). Польские городские диалекты в гораздо большей степени, чем русское просторечие, опираются на крестьянские говоры; болгарские, сербские и хорватские городские койне близки к их диалектной основе, что также отличает их от русского просторечия (см. [Толстой 1985]).

Просторечие реализуется исключительно в устной форме. Наиболее типичные сферы и ситуации реализации просторечия: семья (общение внутри семьи и с родственниками), очередь, «посиделки» во дворе коммунальных домов, суд (свидетельские показания, прием у судьи), кабинет врача (рассказ пациента о болезни) и немногие другие. В целом по сферам функционирования просторечие сопоставимо с территориальными диалектами: и в том, и в другом случае преобладают узко-бытовые и внутрисемейные ситуации общения (выразительные образцы русского просторечия представлены в работе [Черняк 2003]).

Поскольку просторечие складывалось в результате смешения разных диалектных и жаргонных потоков, их преобразования в условиях городской языковой жизни, в нем сосуществуют черты южных и северных диалектов (например, и [г] взрывное, и [γ] фрикативное, чавó, ёдуть, местóв, хоти́шь, в пальтé и т. п.), и элементы жаргонной речи (втихаря, по-быстрому, балдеть, приперлись по нахалке и т. п., личные обращения типа друг, кореш, хозяин и др.) — подробнее об этом и других свойствах современного русского просторечия см. в книге [Крысин 1989].

Иногда говорят об аномативности просторечия: в нем может быть представлено всё, что допускается системой данного языка, его словарными и грамматическими возможностями. Это не совсем так.

Действительно, в просторечии нет нормы в узком понимании этого термина, поскольку эту подсистему языка никто не кодифицирует. Но просторечию, как и другим некодифицированным подсистемам языка, присуща определенная традиция использования языковых средств. Иное дело, что здесь гораздо шире вариативность используемых единиц: носитель просторечия может сказать и хоти́шь, и хóчешь, и делóв, и дел (родительный падеж множественного числа), и ёздию, и ёздю, и ёзжу и т. п.

Диглоссия и двуязычие

Описанные выше термины, обозначающие подсистемы национальных языков, свидетельствуют о том, что естественные языки принципиально неоднородны: они существуют во многих разновидностях, формирование и функционирование которых определяются социальной дифференцированностью общества и разнообразием его коммуникативных потребностей.

У некоторых из этих разновидностей есть свои носители, т. е. совокупности говорящих, владеющие только данной подсистемой национального языка (территориальным диалектом, просторечием). Другие разновидности служат не единственным, а дополнительным средством общения. Например, студент пользуется студенческим жаргоном главным образом в «своей» среде, в общении с себе подобными, а в остальных ситуациях прибегает к средствам литературного языка. То же верно в отношении профессиональных жаргонов: например, компьютерный жаргон уместен в непринужденном общении на соответствующие профессиональные темы, а выходя за пределы этих тем, те же самые люди используют слова и конструкции общелитературного языка.

Подобное владение разными подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения называется **внутриязыковой диглоссией** (диглоссия — от греч. δι- дву(х)- и γλωσσα язык; буквально — ‘двуязычие’; подробнее об этом виде двуязычия см. в очерке «Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии»; о типах дву- и многоязычия см. [Беликов, Крысин 2001; 2016]).

Сферы использования языка

Язык может обслуживать очень широкий спектр коммуникативных потребностей отдельного человека и общества в целом. В соответствии с разными областями человеческой деятельности — производством, образованием, наукой, культурой, торговлей, бытом и т. п. — выделяются разные сферы использования языка (или языков, если речь идет о неодноязычном обществе).

Сфера использования языка — это область внеязыковой действительности, характеризующаяся относительной однородностью коммуникативных потребностей, для удовлетворения которых говорящие осуществляют определенный отбор языковых средств и правил их сочетания друг с другом. В результате подобного отбора языковых средств и правил их сочетания друг с другом формируется более или менее устойчивая (для данного языкового сообщества) традиция, соотносящая определенную сферу человеческой деятельности с определенным языковым кодом (субкодом) — самостоятельным языком или подсистемой национального языка.

Так, в средневековой Европе латынь была коммуникативным средством, использовавшимся при богослужении, а также в науке. Другие сферы деятельности обслуживались соответствующими национальными языками и их подсистемами. В России роль культового коммуникативного средства долгое время принадлежала церковнославянскому языку. На современном Памире один из памирских языков — бесписьменный шугнанский — используется преимущественно в сфере семейного и бытового общения шугнанцев, живущих на территории Таджикистана, в официальных же ситуациях, а также при общении с «чужими» они прибегают к помощи таджикского или русского языков.

Языки или их подсистемы по сферам деятельности могут распределяться «нежестко»: один из языков или одна из подсистем могут преобладать в данной сфере, но допускается использование элементов и других языков (подсистем). Так, в семейном общении жителей современной русской деревни преобладает местный диалект, он же используется ими и при производстве сельскохозяйственных работ. Однако в современных условиях чистый диалект — редкость. Он сохраняется лишь у некоторых представителей старшего поколения сельских жителей.

В речи же большинства он сильно «разбавлен» элементами литературного языка и просторечия.

Так, в Белоруссии в сфере гуманитарного образования используется белорусский язык (это поощряется официально проводимой политикой государства), но здесь можно встретить и элементы близкородственного русского языка. В сфере производства, несмотря на государственную поддержку родного языка, преобладает русский язык (в специальной терминологии, в технической документации, в профессиональном общении специалистов). Использование белорусского, естественно, не возбраняется (см. об этом более подробно в работе [Типология... 1999]).

Речевая и неречевая коммуникация

Термин коммуникация многозначен: он употребляется, например, в сочетании «средства массовой коммуникации» (имеются в виду пресса, радио, телевидение), в технике его используют для обозначения линий связи; Интернет — это мощная разновидность современных форм коммуникации и т. д.

В социолингвистике *коммуникация* — это синоним словосочетаний речевое и неречевое общение. Иноязычный термин в данном случае более удобен, так как легко образует производные, а они необходимы для обозначения разных сторон общения: коммуникативная ситуация, коммуниканты (= участники коммуникативной ситуации) и некоторых других.

Коммуникация может быть вербальной и невербальной. Скажем, общение людей в ряде спортивных игр (баскетбол, футбол, волейбол) не обязательно включает вербальный компонент или включает его минимально — в виде возгласов: Пас! Беру! и т. п. Не всякая физическая работа требует словесного общения. Например, в цехах с высоким уровнем шума — штамповочном, механосборочном, литейном — нередко обходятся без слов, но люди, работающие в таких цехах, все же общаются (например, с помощью жестов).

Значительно бо́льшая часть видов человеческой коммуникации происходит с помощью речи (ведь и язык-то предназначен главным образом для общения). Эти виды в первую очередь и интересуют социолингвистов.

Речевая коммуникация, или речевое общение, происходит в рамках коммуникативной ситуации*.

Коммуникативная ситуация

Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих компонентов: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим 4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская); 5) цель общения; 6) средство общения (язык или его подсистема — диалект, стиль, а также параязыковые средства — жесты, мимика); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения.

Эти компоненты суть ситуативные переменные. Изменение каждой из них ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом.

Так, общение судьи и свидетеля в зале судебных заседаний отличается большей официальностью используемых обеими сторонами языковых средств, нежели общение этих же лиц не во время судебного заседания: меняется место, но все другие ситуативные переменные сохраняются неизменными. Обращение судьи к свидетелю с целью выяснения биографических данных с необходимостью предполагает вопросно-ответную форму общения с соответствующими синтаксическими свойствами диалога (эллиптичность высказываний, повтор отвечающим некоторых элементов вопроса и т. п.). Обращение судьи к свидетелю с просьбой воспроизвести показания последнего на предварительном следствии предполагает преобладание монолога судьи и лишь подтверждающую или отрицающую реакцию свидетеля (меняется цель общения, с сохранением всех других ситуативных переменных).

* Говоря о невербальной коммуникации, мы не имеем в виду жестовые языки глухонемых. Структурная специфика этих языков такова, что их план выражения целиком ориентирован на жестикуляцию и мимику. В функциональном отношении они не уступают звуковым языкам и, разумеется, жестовая коммуникация тех, кто ими пользуется, также происходит в рамках коммуникативной ситуации.

Выходя за пределы профессиональных обязанностей, судья перестает оставаться со свидетелем в тех отношениях, которые предписывают им обоим определенное речевое поведение. Скажем, в «транспортной» ситуации, если и тот, и другой едут в автобусе — при социальных отношениях «пассажир — пассажир» их речь, разумеется, менее официальна.

Если судья и свидетель знакомы друг с другом, то тем не менее обстановка судебного заседания и их роли предписывают им обоим официальную тональность общения; вне этой обстановки, при «возврате» к ролевым отношениям «знакомый — знакомый» (а может быть и «приятель — приятель») тональность общения может меняться на неофициальную, даже фамильярную, с использованием средств разговорного языка, просторечия, жаргонов.

Общение судьи и свидетеля на приеме у судьи (вне судебного заседания), когда общение контактно и устно, допускает эллиптированные формы речи; собственноручные же письменные показания свидетеля (дистантность и письменная форма общения) требуют эксплицитных, синтаксически законченных форм выражения.

Заметим, что в чисто иллюстративных целях, чтобы показать, как может изменяться каждая ситуативная переменная, мы в значительной степени упростили описанные ситуации, схематизировали их. В реальном же общении ситуативные переменные взаимодействуют друг с другом, и каждая из них приобретает определенные значения вкупе с другими. Например, если меняется место общения, то это часто означает одновременно и изменение его цели, а также отношений между коммуникантами и тональности общения. Контактность взаимодействия говорящего и слушающего обычно связана с использованием устно-разговорных форм речи, а дистантность — форм письменной речи (ср., однако, общение по телефону) и т. д.

Приведем пример записи речи одного и того же лица, рассказывающего в разной обстановке об одном и том же событии — о научной командировке. При сохранении темы речи изменению подвергается весь спектр ситуативных переменных: цель, место, отношения между участниками коммуникации, тональность, контактность / дистантность, устная / письменная форма речи. Соответственно меняется весь строй речи: выбор лексики, синтаксических конструкций, интонационная структура высказываний, логическая последовательность изложения и т. п.

- 1) И вот эту протоплазму надо было... нет, не примеры даже или что... найти, а всю картотеку облазить. Причем чёрт их знает, может их вообще нет там, этих терминов (беседа с друзьями).
- 2) Неважно съездила: у меня ведь не было списка слов, надо было как-то исхитриться и разыскать в картотеке не отдельные термины, а всю группу терминов. Причем никто — ни завкартотекой, ни я сама — не знали, есть ли они там вообще (разговор с сослуживцами).
- 3) Очень трудно было отыскать в картотеке необходимые мне термины: я не имела точного списка, пришлось в значительной степени идти на ощупь (устный отчет о командировке на заседании отдела).
- 4) Во время командировки я собирала материал об исследуемой мною группе терминов. Несмотря на трудности — отсутствие точного списка слов и недостаточность информации о наличии терминов интересующей меня тематики в картотеке, мне удалось найти ряд лингвистически содержательных примеров (из официального письменного отчета о командировке).

Ситуативные переменные имеют разный «вес» с точки зрения силы их влияния на характер коммуникативной ситуации. Бóльшим весом обладают те переменные, которые отражают некоторую лингвистическую или социальную заданность структуры общения, меньшим — переменные, соответствующие многообразию реальных коммуникативных ситуаций. Число значений первых переменных конечно, значения вторых представляют собой незамкнутые множества.

Так, цель общения реализуется каким-либо конкретным речевым актом, типы которых исчислимы, с использованием определенных функций языка. Например, сообщая что-либо, говорящий прибегает к речевому акту сообщения и использует при этом язык в его информационной функции, возможно в сочетании с эмотивной (это зависит от намерений говорящего: хочет ли он просто информировать слушающего о чем-либо или же еще и прокомментировать сообщаемое, внося свои оценки). Просьба, угроза, клятва, извинение, приказ, оправдание и тому подобные интенции говорящего облекаются в форму соответствующих речевых актов, которые отличаются друг от друга как по целям, так и по характеру совмещения в них разных функций языка.

Несмотря на то что тональность на первый взгляд кажется такой ситуативной переменной, которая имеет недискретные значения, в действительности говорящие не только отчетливо ощущают различия между официальным, нейтральным и дружеским (фамильярным) общением, но и знают заранее, какая тональность соответствует тем или иным коммуникативным ситуациям.

В отличие от этих переменных, место общения не является наперед заданной переменной, и число значений этой переменной едва ли можно признать конечным. В связи с этим заметим, что и вес этой переменной меньше, чем вес таких факторов общения, как цель, отношения между коммуникантами, тональность общения и др. Изменение места коммуникации далеко не всегда ведет к изменению характера речевого поведения общающихся: если отношения между ними остаются прежними, то изменение фактора «место» оказывается нерелевантным (ср., например, общение учителя и ученика в классе и вне класса). Изменение места общения чаще всего значимо в сочетании с изменением каких-либо других условий общения. Так, если в результате изменения места усиливается зависимость одного из коммуникантов от другого, то меняется характер речевого поведения первого. Например, нарушитель дорожного движения, будучи остановлен сотрудником ГИБДД, в условиях городской улицы может позволить себе вербальный протест и несогласие с применяемыми к нему санкциями в большей степени, нежели в отделении полиции, куда в случае необходимости его доставляет полицейский (зависимость нарушителя от служащего полиции, асимметрия их социальных отношений налицо и в том, и в другом случае, однако во втором — в отделении полиции — она, несомненно, усиливается).

Речевое общение, речевое поведение, речевой акт

Все три термина, вынесенные в заголовок этого раздела, имеют непосредственное отношение к речевой коммуникации. Первый термин — синоним термина речевая коммуникация. Важно подчеркнуть, что оба синонима обозначают двусторонний процесс, взаимодействие людей в ходе общения. В отличие от этого, в термине речевое поведение акцентирована односторонность процесса: им обозначают те свойства

и особенности, которыми отличается речь и речевые реакции одного из участников коммуникативной ситуации — или говорящего (адресанта), или слушающего (адресата). Термин «речевое поведение» удобен при описании монологических форм речи, например коммуникативных ситуаций лекции, выступления на собрании, митинге и т. п. Однако он недостаточен при анализе диалога: в этом случае важно вскрыть механизмы взаимных речевых действий, а не только речевое поведение каждой из общающихся сторон. Таким образом, понятие «речевое общение» включает в себя понятие «речевое поведение» (о разграничении терминов «речевое общение» и «речевое поведение» см. также в работе [Винокур 1993]).

Термин речевой акт обозначает конкретные речевые действия говорящего в рамках той или иной коммуникативной ситуации. Например, в ситуации покупки товара на рынке между покупателем и продавцом возможен диалог, включающий разные речевые акты: запрос об информации (— *Сколько стоит эта вещь? Кто производитель? Из какого она материала?*), сообщение (— *Две тысячи; Южная Корея; Натуральная кожа*), просьбу (— *Отложите, пожалуйста, я сбегаю за деньгами*), обвинение (— *Вы мне сдачу неправильно дали!*), угрозу (— *Сейчас полицию позову!*) и др.

В середине XX в. английский философ Дж. Остин, а вслед за ним американские ученые Дж. Серль и Г. Грайс разработали теорию речевых актов, в которой выявили ряд закономерностей, характерных для процесса речевой коммуникации, и сформулировали принципы и постулаты, следование которым обеспечивает успех тому или иному речевому акту и в целом речевой коммуникации: например, «выражайся ясно», «будь искренен», «будь краток», «избегай непонятных выражений» и др. (см. [Грайс 1985: 222—223]). К началу XXI в. теория речевых актов получила дальнейшую разработку как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях (некоторое представление о характере этих исследований можно составить, обратившись к таким, например, работам, как [Вежбицка 1985; Гловинская 1992; Гловинская 1993; Санников 2019] и др.).

Делаются попытки разработать правила речевого общения, которые не только учитывали бы закономерности использования языковых средств, но и регламентировали их совмещение друг с другом в зависимости от характера коммуникативной ситуации.

Примером могут служить правила речевого общения, предложенные американской исследовательницей С. Эрвин-Трипп (см. [Ervin-Tripp 1971]). Термин правило С. Эрвин-Трипп употребляет для описания, а не для предписания, не для регламентации тех или иных речевых действий, т. е. это правила, констатирующие обычность некоторых нормальных, типичных актов коммуникации.

Описание коммуникативной ситуации, имеющее вид таких правил, включает следующее.

1. Правила выбора языковых средств: а) общие для всех социальных слоев; б) специфичные для разных социальных слоев и групп. Пример: выбор формы обращения, национальные и социальные различия в этом выборе.

2. Правила следования, т. е. последовательности речевых действий при коммуникации: приветствия, благодарности, прощания и т. п. В рамках этих правил рассматриваются формулы прощания, приглашений, вызова по телефону, установления коммуникативного контакта.

3. Правила совместной встречаемости; имеются в виду правила соединения в одном контексте тех или иных лексических, фонетических, интонационных, синтаксических и т. п. единиц и свойств. Типы этих правил: а) горизонтальные, определяющие отношения между единицами беседы во времени (их временную последовательность), и б) вертикальные, определяющие соотношение в данных коммуникативных условиях единиц разных уровней языковой структуры (например, в такой-то синтаксической конструкции нормально может использоваться только определенная лексика, выбор нормативной лексики должен сочетаться с нормативным произношением и т. д.).

Особо рассматриваются правила взаимодействия собеседников, когда говорящий стремится к тому, чтобы окружающие или партнер по диалогу, принадлежащие к данной социальной или профессиональной группе, признали его «своим», одобрили его речевое поведение, и правила переключения с одного кода на другой при смене ситуации и социальной роли говорящего.

Можно обратить внимание на то, что перечисленные правила достаточно абстрактны. Они легко применимы к относительно простым коммуникативным ситуациям, какими являются этикетные речевые акты (типа приветствий, поздравлений, прощания и т. п.), а при описании более сложных и при этом более естественных, реальных коммуникативных

ситуаций использование этих правил сопряжено с рядом неясностей и затруднений. Неясно также, насколько обязательны правила, предлагаемые С. Эрвин-Трипп. Если, например, говорящий, используя сленг, придерживается литературного произношения, означает ли это, что он строит свою речь «не по правилам», отклоняется от стандартов речевого поведения? Всегда ли говорящий должен выбирать те формы общения, которые приняты в данной социальной среде, т. е. социально или профессионально окрашены, или же и его собственная, свойственная ему манера речевого поведения может обеспечить коммуникативный успех?

Однако при всей условности рассмотренных правил идея своеобразных социолингвистических грамматик, содержащих правила социально-языкового поведения людей в различных ситуациях, весьма привлекательна и заслуживает изучения и разработки. Вместе с тем эта идея чрезвычайно трудна для реализации. Для этого необходимы по крайней мере два компонента: 1) разработанные грамматики конкретных языков, которые позволяли бы порождать не только грамматически правильные высказывания, но и разного рода разговорные конструкции, отклоняющиеся от стандарта, принятого в кодифицированном языке; 2) более или менее исчерпывающие описания всех форм социального поведения членов языкового сообщества. На современном этапе развития социолингвистики можно говорить лишь о фрагментах как того, так и другого.

Коммуникативная компетенция носителя языка

В процессе речевой коммуникации люди пользуются средствами языка — его словарем и грамматикой — для построения высказываний, которые были бы понятны адресату. Однако знания только словаря и грамматики недостаточно для того, чтобы общение на данном языке было успешным: надо знать еще условия употребления тех или иных языковых единиц и их сочетаний. Иначе говоря, помимо собственно грамматики носитель языка должен усвоить, условно говоря, «ситуативную грамматику», которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов,

которые в совокупности с собственно языковыми знаниями составляют коммуникативную компетенцию носителя языка*.

Характер навыков общения, входящих в коммуникативную компетенцию и отличающихся от знания собственно языка, можно проиллюстрировать на примере так называемых косвенных речевых актов. Косвенным называется такой речевой акт, форма которого не соответствует его значению и цели. Например, если сосед за обеденным столом обращается к вам со следующими словами: — *Не могли бы вы передать мне соль?*, то по форме это вопрос, а по сути просьба, и ответом на нее должно быть ваше действие: вы передаете соседу солонку. Если же вы поймете эту просьбу как вопрос и ответите утвердительно: Да или Могу, не производя соответствующего действия и дожидаясь, когда же собеседник прямо попросит вас передать ему соль, — процесс коммуникации будет нарушен: вы поступите не так, как ожидал говорящий и как принято реагировать на подобные вопросы-просьбы в аналогичных ситуациях.

Р. Якобсон обратил внимание на то, что в роли слушающего человек обладает более высоким уровнем языковой компетенции, чем в роли говорящего. «Интересной лингвистической задачей, — писал он, — является точное сравнение более высокой, как правило, языковой компетенции индивида в роли слушающего с более низкой языковой компетенцией того же индивида в роли говорящего» [Якобсон 1985: 382].

Это несоответствие отражает более фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением. Знание — например, языка — может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами (подробнее см. об этом ниже, в очерке «Владение языком как социолингвистическая проблема»).

В сфере коммуникативной компетенции входят правила этикета (например, в русском языковом сообществе они касаются, в частности, употребления местоимений ты и вы, в японском и корейском — много-

образных глагольных форм вежливости), правила общения ребенка со взрослыми (и взрослых с детьми), правила общения со «своим» и с «чужим», с «высшим», «низшим» и равным (по социальному статусу), правила соблюдения «социальной дистанции» при значительной асимметрии социального положения участников коммуникации, разнообразные поведенческие (но выражающиеся и в языке) стратегии, управляющие реализацией таких речевых актов, как просьба, требование, обвинение, угроза, обещание и многое другое.

Большая часть этих правил и стратегий — «неписанные»: еще не созданы упомянутые выше ситуативные грамматики, которые регламентировали бы речевое поведение человека в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. Вместе с тем подавляющее большинство носителей языка владеет правилами и стратегиями речевого общения в разнообразных жизненных обстоятельствах, что обеспечивает нормальное и эффективное взаимодействие их друг с другом.

В данном очерке, посвященном понятиям социолингвистики, разумеется, дан не исчерпывающий их список, однако в целом он достаточен для обсуждения проблем и направлений современной социолингвистики, чему посвящены другие очерки. В ходе этого обсуждения мы будем по мере необходимости обращаться и к другим терминам и понятиям, каждый раз указывая тот смысл, в котором они употребляются.

* Наряду с термином «коммуникативная компетенция» некоторые ученые используют термин «социолингвистическая компетенция». Например, С. Эрвин-Трипп настаивает на предпочтении именно этого термина, поскольку «необходимо исключить многие формы владения неязыковой коммуникацией» [Ervin-Tripp 1973: 293].

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Полвека тому назад, формулируя задачи социальной лингвистики, В. М. Жирмунский называл две главные: 1) изучение социальной дифференциации языка (в связи с социальным расслоением общества) и 2) изучение социальной обусловленности развития языка [Жирмунский 1969: 14]. В дальнейшем это мнение одного из родоначальников отечественной социолингвистики подверглось коррекции в сторону расширения круга проблем, которыми должна заниматься эта наука. Так, В. А. Звегинцев, хотя и считал, что у социолингвистики отсутствуют четкие границы и что некоторые исследователи (например, Д. Хаймз) непомерно расширяют компетенцию этой науки, относил к ведению социолингвистики проблемы речевого общения, эффективное изучение которых возможно только при всестороннем учете «человеческого фактора» и, в частности, социальных характеристик человека [Звегинцев 1976; Звегинцев 1982].

И всё же проблемы, о которых писал В. М. Жирмунский, являются центральными для социолингвистики, поскольку их решение позволяет, во-первых, представить тот или иной язык в реальных формах его существования, имеющих социальную обусловленность, и, во-вторых, выявить движущие силы языковой эволюции, социальные стимулы (или, напротив, препятствия) происходящих в языке изменений. Иначе говоря, решая эти две проблемы, социолингвистика отвечает на два кардинальных вопроса: как функционирует язык и как он развивается.

Поэтому знакомство читателя с кругом проблем, которыми занимается социолингвистика, начнем с рассмотрения именно этих двух проблем. При этом мы будем привлекать внимание к разным точкам зрения на решение этих проблем, имеющим обращение в современной социолингвистике, а при необходимости и делать экскурсы в прошлое, чтобы показать истоки тех или иных научных взглядов.

Проблема социальной дифференциации языка имеет давнюю традицию в мировой лингвистике. Она берет свое начало с известного тезиса И. А. Бодуэна де Куртенэ о «горизонтальном» (= территориальном) и «вертикальном» (собственно социальном) членении языка [Бодуэн де Куртенэ 1908]*. Этой проблеме в первой трети XX в. уделяли внимание такие известные представители французской социологической школы в языкознании, как А. Мейе, ученики знаменитого швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра — А. Сэшеэ и Ш. Балли, Ж. Вандриес (Бельгия), В. Матезиус и Б. Гавранек (Чехословакия), Э. Сепир (США), Дж. Фёрс (Англия) и др. Значителен вклад в изучение этой проблемы отечественных языковедов — Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Р. О. Шор, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, М. Н. Петерсона, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина, Л. П. Якубинского и др.

Для современного этапа разработки этой проблемы характерны следующие особенности:

1. Отказ от широко распространенного в прошлом прямолинейного взгляда на дифференциацию языка в связи с социальным расслоением общества. Согласно этому взгляду, расслоение общества на классы прямо ведет к формированию классовых диалектов и «языков». Особенно отчетливо такая точка зрения была выражена А. М. Ивановым и Л. П. Якубинским в их книге «Очерки по языку» (1932), а также Л. П. Якубинским в работах «Язык пролетариата», «Язык крестьянства» и других, опубликованных в 1930-е годы в журнале «Литературная учеба».

Более убедительной и в настоящее время разделяемой большинством лингвистов является точка зрения, согласно которой природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны, непрямые. В социальной

* Любопытно, что такого же понимания и употребления терминов-метафор «горизонтальное» и «вертикальное» членение языка придерживается американский социолог Дж. Хертцлер [Hertzler 1965: 308 и след.]. Однако в его книге, появившейся полвека спустя после указанной работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, имя последнего не упоминается. По-видимому, в данном случае речь должна идти об обычном совпадении, а не о заимствовании, так как едва ли Дж. Хертцлер знал о работах Бодуэна де Куртенэ.

дифференциации языка получает отражение не только и, может быть, даже не столько современное состояние общества, сколько предшествующие его состояния, характерные особенности его структуры и изменений этой структуры в прошлом, на разных этапах развития данного общества. В связи с этим необходимо помнить неоднократно высказывавшийся языковедами прошлого, но не утративший своей актуальности тезис о том, что темпы языкового развития значительно отстают от темпов развития общества, что язык в силу своего предназначения быть связующим звеном между несколькими сменяющимися друг друга поколениями гораздо более консервативен, чем та или иная социальная структура.

«Социальная дифференциация языка данного общественного коллектива, — писал по этому поводу В. М. Жирмунский, — не может рассматриваться статически, в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития языка [и, добавим, общества. — Л. К.]. Язык данной эпохи, рассматриваемый в его социальной дифференциации, всегда представляет систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью. Механическое сопоставление последовательного ряда синхронных срезов также не в состоянии воспроизвести динамику этого движения. Описывая структуру языка с точки зрения ее социальной дифференциации, мы должны учитывать ее прошлое и будущее, т. е. всю потенциальную перспективу ее социального развития» [Жирмунский 1969: 14].

2. С отказом от прямолинейной трактовки проблемы социальной дифференциации языка и признанием сложности социально-языковых связей сопряжена другая особенность разработки указанной проблемы в современном языкознании: при общей тенденции к выявлению системных связей между языком и обществом социолингвисты указывают на механистичность и априоризм такого подхода к изучению данной проблемы, который декларирует полную изоморфность структуры языка и структуры обслуживаемого им общества.

Преувеличенное и потому неправильное представление об изоморфности языковой и социальной структур в определенной мере объясняется отсутствием до сравнительно недавнего времени конкретных социолингвистических исследований — в трактовке социально-языковых связей преобладал умозрительный подход. С появлением работ, опирающихся на значительный по объему языковой и

социальный материал, шаткость теории изоморфизма стала более очевидной.

Как показывают упомянутые исследования, социальное достаточно сложно трансформировано в языке, вследствие чего социальной структуре языка и структуре речевого поведения людей в обществе присущи специфические черты, которые хотя и обусловлены социальной природой языка, но не находят себе прямых аналогий в структуре общества. Таковы, например, типы варьирования средств языка, зависящие от социальных характеристик говорящих и от условий речи (социальная и ситуативно-стилистическая вариативность по Лабову; см. [Лабов 1975]).

«Нет простого и очевидного соответствия между характером социальных и экономических условий, с одной стороны, и языковыми особенностями — с другой, — пишет современный немецкий лингвист М. Бирвиш. — Иначе говоря, основные различия между экономически неоднородными социальными группами не имеют прямого отражения в системе языковых разновидностей, существующих в данном языковом обществе» [Bierwisch 1976: 420].

Даже в тех случаях, когда социальные факторы выступают в качестве детерминантов речевого поведения, между этими факторами и обуславливаемой ими языковой неоднородностью нет взаимно-однозначного соответствия. Например, от структуры отношений между участниками общения в значительной мере зависит выбор говорящими функциональных стилей языка, однако между типами этих отношений (официальные — нейтральные — дружеские) и функциональными стилями нет полного соответствия: при официальных отношениях могут использоваться и официально-деловой, и научный, и публицистический стили, а один и тот же стиль, например — научный, может применяться и при официальных, и при нейтральных, и даже при дружеских отношениях между участниками ситуации общения.

Кроме того, механизм изменения стилистического рисунка речи не адекватен механизму изменения тональности речевого общения — ослабление социального контроля над речевым поведением коммуникантов (например, при переходе от официальных отношений к неофициальным) не ведет к снятию контроля нормативно-языкового: обычно общающиеся продолжают придерживаться принятых в данном языке норм.

3. Для разработки проблемы социальной дифференциации языка в современной социолингвистике характерен более широкий, чем прежде, взгляд на эту проблему. Она начинает рассматриваться в контексте варьирования средств языка (которое может обуславливаться как социальными, так и внутриязыковыми причинами), в том числе и таких средств, которые принадлежат к относительно однородным языковым образованиям, каким является, например, литературный язык.

Некоторые исследователи говорят об уже сформировавшейся теории варьирования, которая описывает различные колебания в языке и его использовании. Эта теория опирается на постулат, согласно которому реальное речевое поведение человека определяется не только его языковой компетенцией, но и знанием социально обусловленных коннотаций, т. е. смыслов, сопутствующих основному значению слова. М. Бирвиш, например, считает, что, поскольку разные люди усваивают язык в разных социальных условиях, они в результате овладевают «разными грамматиками языка», и описывать эти различия надо с помощью особых «расширительных правил» (extension rules), которые учитывают сведения как о самих языковых единицах, так и об их коннотациях [Bierwisch 1976: 442 и след.].

В непосредственную связь с таким аспектом изучения социальной дифференциации языка можно поставить и всё более настойчивые попытки ученых отказаться от слишком «жесткого», учитывающего исключительно социальные критерии подхода к расслоению языка на различные подсистемы, и привлечь для решения этой проблемы функционально-стилистическую варьированность языковых образований.

Такие социальные категории, как статус, престиж, социальная роль, некоторые исследователи рассматривают в качестве факторов, влияющих на стилистическое варьирование языка. Чешский лингвист Й. Краус положил в основу предложенной им классификации именно эти категории при исследовании стилеобразующих факторов, среди которых он различает: 1) связанные с характером языковых сообщений и их функцией, 2) связанные с ориентацией говорящего на слушающего и 3) связанные с оценкой личности говорящего [Краус 1971].

Внимание к фигуре говорящего как к одному из основных факторов, обуславливающих варьирование речи, выделение различных типов говорящих в зависимости от социальных и ситуативных признаков характерно

для ряда современных исследований в области стилистики. Таково, например, новаторское для своего времени исследование У. Лабова, в котором фонетическая вариативность современного американского варианта английского языка (American English) рассматривается в зависимости от социального расслоения говорящих и от стилистических условий речи.

Плодотворную попытку связать ролевую структуру поведения человека с функционально-стилистической дифференциацией языка предпринял петербургский лингвист К. А. Долинин. По его мнению, функциональные стили — «это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли — такие, как ученый, администратор, поэт, политик, журналист и т. п. Эти нормы — как и всякие нормы ролевого поведения — определяются ролевыми ожиданиями и ролевыми предписаниями, которые общество предъявляет к говорящим (пишущим). Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут от него именно такого речевого поведения» [Долинин 1978: 60]. Функциональные стили отражают «традиционное представление о данном роде деятельности, сложившееся в данной культуре, ее (деятельности) социальный статус, — т. е. как на нее смотрят в обществе, какие требования предъявляют к тем, кто ею занимается, — опять-таки ролевые предписания и ролевые ожидания, которые, будучи приняты субъектом, определяют его отношение к себе как исполнителю роли, к адресату речи как ролевому партнеру и к предмету речи как объекту ролевой деятельности» [там же: 62]; подробнее о возможности интерпретации функционально-стилистического многообразия речи с помощью теории социальных ролей см. ниже — в очерке «Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров».

Отмечая сравнительную новизну «социально-стилистического» аспекта изучения социальной дифференциации языка, надо, однако, сказать, что предпосылки к социологической интерпретации стилистических различий в языке были заложены в работах языковедов первой половины XX в. В этом отношении особенно показательны труды академика В. В. Виноградова, для лингвистической концепции которого был весьма характерен социально-стилистический анализ языка.

Исследуя историю русского литературного языка XVII—XIX вв., В. В. Виноградов настаивал на конкретно-историческом характере описания различных его подсистем. Такие понятия, как просторечие, простонародный язык, чиновничий язык, солдатский жаргон и другие, трактовались им по-разному в зависимости от того, к какому этапу развития русского языка эти понятия прилагались. Говоря, например, о различиях между просторечием и простонародным языком в конце XVIII — начале XIX в., В. В. Виноградов писал:

«...понятие просторечия охватывало широкую, ненормированную, разнородную область фамиллярно-бытовых стилей “не офранцузившегося” дворянства, духовенства, разночинной интеллигенции и даже мещанства. Просторечие претендовало на роль национального выразителя коренных русских бытовых начал — в отличие, с одной стороны, от ученого, книжного, “славянского” языка, а с другой — от чужих, заимствованных, по преимуществу французских форм речи русских европейцев <...> Просторечие представляло пеструю смесь “народных”, т. е. не имевших узко-областного значения, слов и идиом городского общеупотребительного говора <...> общеупотребительных профессионализмов и арготизмов <...> и подвижного фонда выражений из различных социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи» [Виноградов 1935: 387].

Простонародный язык, в отличие от просторечия, по Виноградову — это «обиходный язык крестьянства (независимо от областного деления на диалекты), дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще мелкой буржуазии, не тронутой просвещением. Он вклинивался в просторечие, питался его формами и пополнял их <...> Вообще граница между просторечием и простонародным языком была очень подвижной, извилистой <...> В своих “низких”, наиболее далеких от сферы литературного повествования формах дворянское просторечие сливалось с простонародностью» [там же: 392].

При изучении русского литературного языка, его истории В. В. Виноградов за стилистическими разновидностями литературного языка стремился увидеть их «социальную подоплеку», а во взаимоотношениях литературного языка с просторечием, диалектами, жаргонами — взаимные связи коллективов носителей этих языковых подсистем.

Для понимания того, как В. В. Виноградов объяснял социальное расслоение языка, важно неоднократно выдвигавшееся им положение

о социально-экспрессивной окраске, присущей языковым средствам. Характерно, что он рассматривал ее в связи с социально-коммуникативной закрепленностью различных функциональных разновидностей речи. В этом он предвосхитил некоторые идеи современной социолингвистики о зависимости речи от ситуации и от социальных ролей коммуникантов. Вот что, например, он писал о разновидностях диалога:

«В общественном сознании закреплены шаблоны диалогов, дифференцированных по типичным категориям быта. Так, говорится: “официальный разговор”, “служебный”, “интимный”, “семейная беседа” и т. п. Даже с представлениями о разных формах социального взаимодействия, каковы, например, “судебный процесс”, “дискуссия”, “прения” и т. п., у нас соединяются определенные ассоциации о сопровождающих их формах речеведения. Как существуют разные виды социально-экспрессивной окраски слов, так есть и разные типы социально-экспрессивных разновидностей диалога» [Виноградов 1965: 161].

Указывая на гетерогенный характер языковых образований, которые традиционно рассматривались как нечто целое (имеются в виду социальный диалект, профессиональный жаргон, крестьянский говор), на их чрезвычайно сложное и в разные эпохи различное дробление в зависимости от ряда факторов, В. В. Виноградов призывал учитывать социальную и стилистическую окраску, которую несут на себе слова, которые попадают в литературную речь из неcodифицированных разновидностей русского национального языка. Его собственные характеристики языковых средств с этой точки зрения представляют собой блестящий образец социолингвистического анализа языковых фактов.

За каждым фактом языка В. В. Виноградов видел социальное лицо носителя языка, и его стилистические квалификации тех или иных слов и оборотов являются одновременно и социальными их характеристиками. Можно сказать, что В. В. Виноградов стоял у истоков социостилистики — социолингвистической дисциплины, которая лишь в последнее время получает систематическое развитие.

При сравнении современных социостилистических исследований с работами В. В. Виноградова надо отметить увеличивающуюся детальность анализа, стремление обнаружить социальные различия на всё более мелких «участках» языковых образований.

Так, социально обусловленная вариативность средств обнаруживается даже в такой подсистеме национального языка, как язык литератур-

ный, единство и нормативность которого сознательно культивируются и охраняются общественными и научными институтами.

Современные исследователи различают литературный язык как теоретический конструкт и как данность, как реальную коммуникативную систему, функционирующую в тех или иных конкретных национальных условиях: «...единый литературный язык является скорее тенденцией или идеальным заданием, нежели реальностью» [Степанов 1969: 308]. В действительности же «в синхронном срезе национального литературного языка может иметь место его функциональная дифференциация, объясняемая: а) существованием региональных вариантов или субстандартов литературного языка; б) социальной стратификацией литературного языка» [Ярцева 1977: 12].

Современный русский литературный язык не является в этом отношении исключением. Для всей его системы характерна вариативность средств, обусловленная не только функционально-коммуникативными факторами, но и факторами социальными — различиями говорящих по возрасту, роду занятий, уровню и характеру образования и некоторым другим признакам.

Социально маркированы также оценки фактов языка его носителями. То, что воспринимается нейтрально представителями одних социальных групп, у представителей других вызывает протест или раздражение, а третьи отстаивают его как единственно возможный способ выражения. Те или иные языковые единицы могут оцениваться как символы принадлежности говорящего к определенной социальной группе. Например, произношение [шы]гí, [жы]рá характерно для старшего поколения потомственных москвичей, употребление форм [что], конé[чн]о свойственно речи петербуржцев, произношение полумягких [ж], [ш] в иноязычных словах типа жюри, брошюра обнаруживается в речи некоторых представителей старой интеллигенции и т. п. (подробнее об этом см. в очерке можно узнать из работы [Крысин 2000]).

Характеризуя в целом современный этап в разработке проблемы социальной дифференциации языка, надо подчеркнуть интерес исследователей к промежуточным образованиям — полудиалектам, интержаргонам, которые формируются во многих национальных языках и связаны с интеграционными процессами, происходящими в современных обществах (сближением различных социальных слоев и групп, миграционными процессами, урбанизацией населения и свя-

занным с этим объединением в условиях города разнодиалектных и разноязычных групп людей, увеличением социальной мобильности и т. п.).

Социальная обусловленность языковой эволюции

В тесной связи с проблемой социальной дифференциации языка находится проблема социальных условий, в которых существует и развивается каждый конкретный язык. И теснота такой связи вполне понятна: социальная дифференциация языка на том или ином синхронном срезе является результатом его развития, в котором немало важную роль играют социальные факторы. А характер развития языка, специфика его функционирования могут в той или иной степени обуславливаться его социальной структурой.

Идея социальной обусловленности языковой эволюции отнюдь не нова. Она следует из аксиомы, согласно которой язык есть явление общественное, а коли это так, то, естественно, развитие языка не может быть полностью автономным: оно так или иначе зависит от развития общества. Вопрос заключается в том, как именно изменения в общественной жизни влияют на изменения в языке, каков механизм этого влияния.

Ответ на этот вопрос мы находим в работах ряда отечественных и зарубежных ученых. Особое место в этом ряду занимают труды Евгения Дмитриевича Поливанова (1891—1938), которому принадлежат многие новаторские для его времени мысли о социальной обусловленности развития языка. Кое-что из высказывавшегося Е. Д. Поливановым в 1920-е годы получило отклик и дальнейшее развитие лишь на следующих этапах развития социолингвистики и много лет спустя — в 60—70-е годы XX в. Для понимания современного состояния социолингвистики полезно выяснить, что из лингвистического наследия выдающегося ученого восприняли нынешние исследователи языка.

Социолингвистическая концепция Е. Д. Поливанова

Рассматривая вопрос о социальной обусловленности языка, Е. Д. Поливанов неоднократно указывал, что в прошлом языковеды уделяли недостаточное внимание социальным причинам языковых

изменений. В лучшем случае это делалось декларативно, а в конкретных лингвистических исследованиях «социальная сторона языкового процесса на деле оставалась почти без внимания» [Поливанов 1968: 52]. В действительности же наука о языке должна быть не только естественно-исторической, но и социологической.

Важнейшим компонентом социологической лингвистики Е. Д. Поливанов считал теорию языковой эволюции, точнее ту ее часть, которая должна иметь дело с выяснением социальных причин языковых изменений. Указывая на задачу изучения процессов, происходивших в русском языке после 1917 г., как на одну из актуальных задач отечественного языкознания, он подчеркивал, что для понимания этих процессов и для предвидения их развития в будущем необходимо «общее учение об эволюции языка <...> Иначе говоря, мы нуждаемся в лингвистической историологии», т. е. пояснял Е. Д. Поливанов, в учении «о механизме языковой эволюции» [Поливанов 1931: 25].

Придавая большое значение социальному контексту, в котором развивается язык, Е. Д. Поливанов в то же время предостерегал от фетишизации социальных факторов, от попыток всё в языке объяснять воздействием экономических и политических сил (такой подход был характерен для марризма). В языке действуют и его внутренние законы, «устанавливаемые для языка вне времени и пространства», социальными же факторами бывает «предопределена конечная цель языкового развития» [Поливанов 1928: 175]. «Признание зависимости языка от жизни и эволюции общества, — писал он в одной из своих статей, — вовсе не отменяет и не отрицает значения естественно-исторических “теорий эволюции” языка» [Поливанов 1928: 40].

Какие же закономерности вскрывает лингвист, исследующий язык под социальным углом зрения? В развитии языка, считал Е. Д. Поливанов, сложно взаимодействуют собственно языковые — внутренние и внешние — социальные факторы. Характер этого взаимодействия и роль каждой группы факторов он подробно анализирует в ряде своих работ. Он приходит к выводу, что социальные факторы не могут изменять природу языковых процессов, но от них «зависит решение 1) быть или не быть данного рода языковой эволюции вообще и 2) видоизменение отправных пунктов развития» [Поливанов 1968: 211].

Ход языкового развития Е. Д. Поливанов сравнивал с работой поршней паровоза. Подобно тому, как какой-либо общественный сдвиг не может

заставить поршни двигаться не параллельно, а перпендикулярно рельсам, какой-либо фактор экономического или политического характера не может изменить направление фонетических и других процессов, т. е. «чтобы, например, вместо ц или ч (из к смягченного) получился какой-нибудь другой звук — ф, х, э или т. п.» [Поливанов 1968: 226].

Социальные факторы влияют на язык не непосредственно. Основной путь их воздействия, по мнению Е. Д. Поливанова, таков: «Экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» [там же: 86].

Яркий пример такого рода видоизменений дает русский литературный (или, как называл его Е. Д. Поливанов, стандартный) язык послереволюционной эпохи. В конце 1910—1920-х годов значительно изменился состав носителей русского литературного языка: кроме старой интеллигенции, которая традиционно составляла основной слой литературно говорящих людей, литературными нормами овладевали демократические слои населения — рабочие, крестьяне, новая, «красная» интеллигенция. Изменение состава носителей обусловило новую цель языковой эволюции — создание языка, единого для всех социальных слоев, объединяемых в новом коллективе носителей, «ибо потребность в перекрестном общении обязывает к выработке единого общего языка (то есть языковой системы) взамен разных языковых систем, каждая из которых не способна к обслуживанию нового коллектива полностью» [Поливанов 1968: 87]. В ходе этого процесса выясняется, язык какой из объединяемых социальных групп «будет “играть первую скрипку” в эволюции, направленной к установлению единообразной (для всех данных групп) систем речи» [Поливанов 1968: 212].

Эта мысль Е. Д. Поливанова замечательна тем, что предвосхищает более поздние по времени разработки в области теории социальных групп. В современных социологических и социолингвистических исследованиях ориентацию говорящих на язык какой-либо одной общественной группы связывают с понятием социального престижа: чем более престижен статус группы в глазах всех других членов данного социума, тем вероятнее, что именно ее язык способен служить образцом для подражания. Такой социально престижной языковой подсистемой обычно является язык наиболее культурной части общества, однако при определенных

условиях шкала оценок может сдвигаться в сторону иных социальных групп. Так, в уголовной среде высоким престижем пользуются те, кто владеет воровским жаргоном.

Выработка единого общего языка, о которой говорит Е. Д. Поливанов, идет неравномерно на разных участках языковой системы. Это объясняется тем, что уровни структуры языка — лексика, фонетика, морфология, синтаксис — неодинаково восприимчивы к влиянию социальных факторов. В наибольшей степени подвержены такому влиянию лексика и фразеология: изменения в жизни общества отражаются в этих сферах языка в виде новых наименований и оборотов, в переосмыслении старых слов, в заимствованиях и т. п. «Лексика (с фразеологией) — единственная область языковых явлений, где само содержание культуры (данного коллектива в данную эпоху) отражается более или менее непосредственно. Вот почему здесь быстрее всего (даже в пределах языка одного и того же поколения) может обнаружиться результат социально-экономической мутации» [Поливанов 1968: 208].

При обосновании тезиса о прямом и непосредственном воздействии социальных факторов на лексику и фразеологию Е. Д. Поливанов обращал внимание преимущественно на количественные изменения в словаре, на перемены в его составе (главным образом на уход одних слов и появление других, новых). Накапливаясь, эти количественные изменения в дальнейшем привели и к качественным сдвигам в лексико-семантической системе русского языка: к изменению в смысловых (парадигматических и синтагматических) связях между словами различных классов и групп, в их стилистической прикрепленности и эмоциональной окраске, к новым видам взаимодействия общеупотребительной и терминологической лексики и т. п. (эти процессы подробно описаны в четырехтомном труде «Русский язык и советское общество» [РЯиСО 1968]).

Естественно, что на том незначительном временном отрезке, который рассматривал Е. Д. Поливанов, анализируя изменения в русском языке, таких качественных сдвигов произойти еще не могло. И Е. Д. Поливанов ничего о них не говорит, даже по отношению к будущему русского языка.

Обращаясь к изменениям на других уровнях языковой структуры — в фонетике и морфологии, Е. Д. Поливанов выдвигает два тезиса: 1) явления этих уровней в гораздо меньшей степени, чем лексика, про-

ницаемы для влияния социальных факторов; 2) количественные накопления фонетических черт в индивидуальных «языках» говорящих лишь очень медленно, постепенно приводят к качественным изменениям в общей фонетической системе языка.

Обусловленные социальными сдвигами языковые новшества накапливаются неравномерно не только на разных уровнях языковой структуры, но и в различной языковой среде. Одни группы говорящих консервативны, последовательно придерживаются старой нормы (как, например, большая часть интеллигенции), в речи же других наблюдается смешение разнородных черт — литературных, диалектных, просторечных, профессиональных. Это ставит перед учеными вопрос о необходимости изучать «социально-групповые диалекты». Е. Д. Поливанов не только отчетливо показал, для чего нужно такое изучение, но и дал интересные примеры описания характерных признаков некоторых социально-языковых подсистем в своих работах «Фонетика интеллигентского языка», «О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка» и др.

Социолингвистическая концепция языковой эволюции, которую Е. Д. Поливанов последовательно отстаивал во многих своих работах, была несвободна от некоторых ошибок. Одни из них можно объяснить влиянием «духа времени» (таково, например, его мнение о классовом характере литературного языка, о том, что им владеет господствующий класс общества), другие — преувеличением роли социальных факторов в развитии языка в эпохи коренных преобразований в обществе. Так, Е. Д. Поливанов считал, что в эпоху революционных катаклизмов темп языковой жизни убыстряется. Как показали дальнейшие исследования русского и других языков, темп языковой эволюции во многом зависит от уровня развития литературного языка — чем более он развит, тем медленнее темп происходящих в нем изменений. В связи с этим гораздо более справедливым представляется знаменитый поливановский парадокс: развитие литературного языка заключается, в частности, в том, что он всё меньше изменяется.

Влияние Е. Д. Поливанова на развитие теории языковой эволюции и на становление социолингвистики оказалось столь глубоким, что без ссылок на его идеи и труды до сих пор не обходится ни одно серьезное социолингвистическое исследование, касающееся проблем эволюции языка.

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

Современная социалингвистика отличается чрезвычайно богатым разнообразием взглядов на социальные механизмы языковых изменений. Мы ограничимся характеристикой двух наиболее известных концепций, принадлежащих соответственно русскому языковеду Михаилу Викторовичу Панову и американскому социалингвисту Уильяму Лабову.

Теория антиномий М. В. Панова

Согласно концепции, изложенной в уже упоминавшемся труде «Русский язык и советское общество» [РЯиСО 1968], в развитии языка ключевую роль играют так называемые антиномии — постоянно действующие противоположные друг другу тенденции, борьба которых и является движущим стимулом языкового развития. Важнейшие из антиномий следующие: антиномия говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности. На каждом конкретном этапе развития языка антиномии разрешаются в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал, что ведет к возникновению новых противоречий, и т. д. Окончательное разрешение антиномий невозможно: это означало бы, что язык остановился в своем развитии.

Так, *антиномия говорящего и слушающего* разрешается то в пользу первого, то в пользу второго: то в языке получают развитие «редуцированные» способы выражения — процесс, отражающий интересы говорящего, который стремится к экономии речевых усилий; то при других социальных условиях начинают преобладать расчлененные формы и конструкции, что отвечает интересам слушающего (в полной, расчлененной форме, будь это отчетливо произносимое слово или законченная

синтаксическая конструкция, легче распознать смысл передаваемого сообщения, чем в форме свернутой, редуцированной).

Например, в русском языке 20-х годов XX столетия была сильна тенденция к сокращению наименований, к стяжению их в аббревиатуру: начпрод, комбед, реввоенсовет, ЦК, нэп и т. п.

Этот процесс затронул и чисто бытовые формы речи и нашел отражение в литературе того времени. Популярный в прошлом «Дневник Кости Рябцева» Николая Огнева содержит такой юмористический диалог:

« — Ну, довам, — сказал я на прощанье.

— Это как же понимать?

— Доволен вами, это вместо “спасибо”. Спасибо — это ведь спаси бог и, значит, — религиозное».

В современном русском языке наряду с аббревиатурами распространены расчлененные наименования типа заместитель директора по науке, инженер по технике безопасности, не сокращаемые до слоговых или инициальных аббревиатур.

Антиномия системы и нормы заключается в том, что система «позволяет» всё, что не противоречит законам данного языка, а норма отбирает, фильтрует то, что разрешается системой, и допускает к употреблению далеко не всё из того, что «позволено» системными возможностями языка. Характерная для современной русской морфологии экспансия флексии -á(-я́) в именительном падеже множественного числа на всё более широкий круг существительных мужского рода (цехá, слесаря́, секторá, прожекторá, инспекторá и т. п.) — пример разрешения конфликта между системой и нормой в пользу системы.

Однако в разных субкодах русского национального языка этот процесс реализуется с неодинаковой степенью полноты: для профессиональной речи формы с названной флексией естественны и органичны (ср. взводá — в языке военных, пеленгá — у моряков, супá и тортá — у поваров и кондитеров и т. п.), не менее частотны они в просторечии, где возможны даже очередьá, матеря́ — вместо очереди, матери (иначе говоря, экспансии флексии -á(-я́) подвержены и существительные женского рода), а литературный язык, во-первых, тщательно фильтрует подобные формы, пропуская в употребление одни и отсеивая другие, и, во-вторых, значительную часть уже допущенных форм снабжает разного рода ограничительными пометами типа словарных помет «проф.», «прост.», «разг.», отдавая, таким образом, предпочтение тра-

диционным формам на *-ы(-и)* для стилистически нейтральных контекстов.

Антиномией кода и текста М. В. Панов обозначил противоречие между набором языковых единиц (фонем, морфем, слов) и текстом, который строится из этих единиц. Чем меньше набор единиц, тем длиннее должен быть текст, передающий то или иное содержание, поскольку каждый «квант» содержания может быть передан в большинстве случаев не отдельной единицей (их мало), а комбинацией единиц. И, наоборот, чем больше набор единиц, тем короче текст: каждому «кванту» содержания соответствует отдельная единица кода. В развитии языка действуют две противоположающиеся тенденции: к сокращению и, значит, упрощению кода (набора единиц) и к сокращению, т. е. упрощению, текста. Разрешается это противоречие то в пользу кода, то в пользу текста.

Известный пример сокращения кода в современной русской лексике — постепенное вытеснение из речевого оборота некоторых терминов родства: шурин, деверь, золовка — и появление на их месте описательных наименований брат жены, брат мужа, сестра мужа. Сейчас такому вытеснению стали подвергаться и некоторые другие термины родства: вместо тестя всё чаще говорят отец жены, вместо свекровь — мать мужа; заметим, однако, что подобная замена, по-видимому, не грозит слову теща, которое в русской культурно-речевой традиции осложнено множеством коннотативных (сопутствующих основному значению слова) связей.

Пример увеличения кода: заимствование иноязычных слов для обозначения понятий, которые по-русски могут быть названы только описательно — с помощью двух-, трехсловных сочетаний: снайпер — меткий стрелок, мотель — гостиница для автотуристов, стайер — бегун на длинные дистанции и т. п. Можно было бы в подобных случаях обойтись и без заимствований, не увеличивая число знаков словарного кода. Но в таком случае пришлось бы удлинять текст — из-за употребления описательных оборотов, обозначающих указанные понятия. Характерно, что в русском языке 1920-х годов преобладали описательные, «разъясняющие» наименования, что было вполне понятно и оправданно в условиях демократизации литературного языка, приобщения к нему широких масс людей, которые раньше не владели литературной нормой (увеличение словаря путем новых иноязычных заимствований означало бы для них еще одну трудность в освоении литературного языка). Рус-

ский язык конца XX в. идет по пути заимствования иноязычной лексики, тем самым на этом участке языковой системы антиномия кода и текста разрешается преимущественно в пользу кода.

Действие антиномии кода и текста также не безразлично к тому, в какой языковой подсистеме, в какой речевой среде она проявляется. Как правило, эта антиномия разрешается в пользу кода (он увеличивается) в социально замкнутых коллективах говорящих.

Так, в социальных и профессиональных жаргонах, которые и характерны для подобных замкнутых коллективов, имеется, как правило, богатый, детализированный словарь для обозначения определенных реалий и видов деятельности (в воровском жаргоне, например, чрезвычайно детально различаются по названиям виды краж, «специалисты» по каждому из этих видов: домушник, ширмач, скокарь, медвежатник, разновидности орудий преступления и т. п.). В специальных технических и научных терминологиях активно действует тенденция к установлению одно-однозначных отношений между термином и его содержанием (многозначные термины нежелательны).

Напротив, в социально не замкнутых, «текучих» коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп, влияющих в состав носителей данной языковой подсистемы, — код сокращается, зато текст испытывает тенденцию к удлинению. Это естественно: в речи людей, составляющих подобные текущие коллективы, сохраняются лишь знаки, общие для всех членов коллектива. С помощью этого набора знаков (слов, аффиксов и т. п.) передается любое содержательное сообщение, причем объединение различных знаков, необходимое для выражения тех или иных смыслов (которым нет «однозначного» соответствия в коде), ведет к увеличению текста.

Антиномия регулярности и экспрессивности питается соответственно информационной и эмотивной функциями языка. Информационная функция наиболее последовательно выражается с помощью однотипных, стандартных, регулярно образуемых языковых средств (передача информации эффективна без наличия информационного «шума»), а в качестве такового может выступать неоднозначность или метафоричность языковой единицы, нестандартность ее структуры и т. п.). Эмотивная функция, напротив, в своем выражении опирается на экспрессивную окрашенность языковых единиц, их нестандартность,

идиоматичность, т. е. на такие свойства, которые противопоказаны чистой информации.

«В каждом ярусе языка есть единицы, подчиняющиеся какому-то общему правилу, и единицы, которые регулируются другим, менее сильным правилом, — писал М. В. Панов. — Постоянно действует тенденция уподобить слабую часть системы более сильной, подчиняющейся более общему правилу. Это — тенденция, стимулированная языком в его чисто информационной функции. Если в языке есть агглютинативные и фузионные единицы, то неизбежно возникает стремление обобщить их или в сторону последовательной, полной агглютинативности, или в сторону полной фузионности. Но такие устремления сталкиваются с противоположными — с постоянной тенденцией сохранить для экспрессивных целей выделенность, “отчужденность” некоторых единиц. Каждая единица языка имеет и чисто информационное, и (в той или иной степени) экспрессивное назначение; следовательно, эта антиномия определяет жизнь каждой единицы языка» [Панов 1968: 27—28].

Пример противоборствующих тенденций к регулярности и к экспрессивности — создание, с одной стороны, упорядоченных систем специальных терминологий в соответствующих сферах науки и техники со строго «прозрачными» отношениями между терминами и стандартными дефинициями, а с другой — метафоризация общеупотребительных слов с целью создать экспрессивные профессионально-жаргонные аналоги к официальным терминам (кастрюля вместо синхрофазотрон, болтанка — вместо люфт, баранка в значении ‘ноль очков’ и т. п.).

И эта антиномия, как легко видеть, не асоциальна: при одних условиях развития языка, в одних коллективах говорящих легче побеждает тенденция к регулярности, при иных социальных условиях и в иных социальных группах — тенденция к экспрессивности. Так, в развитых литературных языках, особенно в книжной их разновидности, рельефно проявляется тенденция к регулярности (это способствует стабильности литературной нормы), а в групповых (профессиональных и социальных) жаргонах сильна тенденция к экспрессивности.

Антиномии — наиболее общие закономерности языкового развития. Разумеется, они не отменяют действие конкретных социальных факторов, формирующих своеобразный контекст эволюции каждого языка. Однако они не являются и чем-то отдельным от социальных факторов: тесное взаимодействие тех и других, «наложение» определенных

социальных условий на действие каждой из антиномий и составляет специфику развития языка на разных этапах его истории.

В отличие от антиномий, охватывающих своим действием языковую систему в целом, **социальные факторы** неодинаковы по своему влиянию на язык. Они имеют разную лингвистическую значимость: одни из них, глобальные, действуют на все уровни языковой структуры, другие, частные, в той или иной мере обуславливают развитие лишь некоторых уровней.

Что же считается социальным фактором, влияющим на языковую эволюцию? Это, например, изменение круга носителей языка; распространение просвещения; территориальные перемещения людей (миграция); создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка; развитие науки; крупные технические новшества и изобретения (никто не станет спорить, например, с тем, что изобретение книгопечатания, радио, внедрение в быт каждого человека телевидения, широкое распространение Интернета явились социальными факторами, повлиявшими на сферы использования языка, массовая компьютеризация многих видов деятельности в тех или иных формах отражается и в языке, а также в речевом поведении носителей языка, и т. п.).

Примером глобального социального фактора является изменение состава носителей языка. Оно ведет к изменениям в фонетике, в лексико-семантической системе, в синтаксисе и в меньшей степени в морфологии языка*. Так, изменение состава носителей русского литературного языка в 20—30-е годы XX в. повлияло на произношение (в сторону его буквализации: вместо старомосковского нормативного *було[шн]ая*, *смеял[са]* и *ти[хы]й* стали говорить *було[чн]ая*, *смеял[с’а]*, *ти[х’и]й*), на лексико-семантическую систему: заимствование слов из диалектов и просторечия повлекло за собой перестройку парадигматических и синтагматических отношений внутри словаря; в литературный оборот были вовлечены синтаксические конструкции, до тех пор распространенные в просторечии, диалектах, в профессиональном речевом обиходе (таковы, например, по происхождению обороты типа *плохо с дровами*, *проверка воды на зараженность химическими отходами и под.*); под влиянием

* Общеизвестно, что морфологическая система наиболее устойчива к внешним влияниям. Поэтому даже те социальные факторы, действие которых проявляется на всех уровнях языковой структуры, в морфологии имеют минимальные рефлексии.

некодифицированных подсистем языка увеличилась частотность форм на *-á(-я)* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода и т. п.

Пример частного социального фактора — изменение традиций усвоения литературного языка. В XIX — начале XX в. в дворянско-интеллигентской среде преобладала устная традиция — во внутрисемейном общении, путем передачи произносительных и иных образцов речи от старшего поколения к младшим. В связи с демократизацией состава носителей литературного языка стала распространяться и даже преобладать форма приобщения к литературному языку через книгу. Этот фактор повлиял главным образом на нормы произношения: наряду с традиционными произносительными образцами стали распространяться новые, более близкие к орфографическому облику слова (примеры см. выше).

Итак, в социолингвистической концепции М. В. Панова и его школы основной упор делается на тесное взаимодействие собственно языковых закономерностей (антиномий) и социальных факторов; последние понимаются как условия, способствующие (или, напротив, препятствующие) проявлению той или иной внутренней закономерности развития языка.

Теория языковой эволюции У. Лабова

Отталкиваясь от «ахронического», вневременного подхода к языку, представленного в порождающей грамматике Н. Хомского, и критикуя Хомского и его последователей за их пренебрежение к языковой реальности, Уильям Лабов предложил концепцию языкового развития, основанную на тщательно проанализированных данных о действительной, живой речи современных американцев. Хотя У. Лабов рассматривает в основном фонетические изменения, их интерпретация представляет интерес и в более широком плане, с точки зрения эволюции языка вообще.

У. Лабов исходит из того, что изменения в структуре языка не могут быть правильно поняты без учета сведений о языковом сообществе, которое пользуется этим языком. Так, изменения в фонологической системе можно проследить, лишь наблюдая за речью изучаемого коллектива

носителей в течение более или менее длительного времени, сравнивая произносительные характеристики этой речи на разных временных срезах. Исследуя полученный таким путем материал, социолингвист сталкивается с необходимостью решить три проблемы: 1) проблему перехода: как, каким путем один этап языкового изменения сменяется другим? 2) проблему контекста: надо найти «непрерывную матрицу социального и языкового поведения, в которую заключено языковое изменение» и 3) проблему оценки: как говорящие оценивают те языковые факты, которые наблюдает исследователь? [Лабов 1975а: 201—202].

Решая эти проблемы на примере анализа речи небольшого коллектива говорящих на американском варианте английского языка, У. Лабов выделяет такие этапы, характеризующие механизм языкового изменения:

- 1) начало изменения — в ограниченной подгруппе языкового сообщества; данная языковая форма усваивается всеми членами подгруппы;
- 2) последующие поколения говорящих внутри той же подгруппы воспринимают данное изменение как признак речи старшего поколения;
- 3) в той мере, в какой ценности данной подгруппы воспринимаются другими подгруппами, это языковое изменение распространяется в остальные подгруппы;
- 4) постепенно сфера распространения новшества совпадает с границами языкового сообщества;
- 5) под влиянием новшества перестраивается фонологическая система языка, обслуживающего данное сообщество;
- 6) структурные перегруппировки влекут за собой новые изменения, связанные с первыми, и цикл повторяется.

Однако этим эволюционный процесс не ограничивается. Важен социальный статус той подгруппы, внутри которой зародилось данное новшество. Если эта подгруппа не занимает господствующего положения в сообществе, то члены привилегированных подгрупп подвергают новшество осуждению. С этого начинается исправление измененных форм «в сторону образцов, которых придерживается подгруппа с наивысшим социальным статусом, т. е. образцов, пользующихся престижем» [Лабов 1975а: 225]. Отсюда путь к стилистическому разграничению: престижный образец произношения используется в полных, официальных стилях речи, а новшество, одобряемое лишь частью говорящих

(определенной их подгруппой), распространено в непринужденной речи. Если изменение возникает в подгруппе, имеющей высший социальный статус, то оно становится господствующим образцом для всех членов данного языкового сообщества.

Давая эту схему языкового изменения, У. Лабов подчеркивает, что «внутренние (структурные) и социолингвистические факторы в процессе языкового изменения вступают в систематическое взаимодействие друг с другом» [там же: 228].

Эта мысль объединяет теорию У. Лабова с теорией антиномий, о которой речь шла выше. Однако предложенная У. Лабовом схема вряд ли может претендовать на роль универсального представления всякого языкового изменения: новшества в фонетической системе (или на каком-либо другом уровне языковой структуры) могут проходить и через другие этапы, становясь в конце концов достоянием коллектива говорящих. Но, конечно, — и У. Лабов здесь, бесспорно, прав, — языковое изменение происходит в социальном контексте, и «нельзя вначале произвести анализ структурных соотношений внутри языковой системы, а потом обратиться к внешним факторам» [там же]*.

С точки зрения функционирования языка в разных группах говорящих и сосуществования в одном языковом сообществе различных норм и систем ценностей, интересно исследование У. Лабовом вопроса о влиянии социальной мобильности на речь носителей современного американского варианта английского языка [Labov 1966a].

Согласно результатам этого исследования, та часть населения, которая социально движется «снизу вверх» (из низших слоев в высшие), «воспринимает нормы внешней референтной группы — как правило, нормы группы, более высокой по социальному уровню». Те говорящие, которые «социально стабильны» (то есть не покидают пределов социального слоя, к которому принадлежат), обнаруживают тенденцию к тому, чтобы придерживаться своих собственных языковых норм, «более точно — к достижению некоего баланса собственных и внешних норм, который

* С этим утверждением американского исследователя перекликается давнее высказывание академика В. В. Виноградова: «Не следует думать, что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка, — это разные, взаимно не связанные закономерности как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимообусловлены и неразрывны» [Виноградов 1952: 33].

находит себе отражение в речевой практике, лишенной значительных стилистических колебаний». Наконец, носители языка, для которых характерно перемещение «сверху вниз» (в более низкие социальные слои), не воспринимают большую часть нормативных моделей, которые присущи этой, более низкой социальной среде.

Из своих наблюдений У. Лабов делает вывод, что в современном городе «языковая стратификация является отражением скорее систем социальных ценностей, чем систем социального существования». Иначе говоря, в языковых различиях, обусловленных социальными различиями носителей языка, получает отражение не прямо и непосредственно различия в экономическом и социальном статусе групп говорящих, а различия в ценностной ориентации, присущей каждой такой группе*.

Сравнение двух кратко охарактеризованных концепций языковой эволюции выявляет некоторые их сходства и различия.

Основное сходство заключается в том, что и та, и другая школа социолингвистики исходят из представления о сложном характере взаимоотношений языка и общества, об отсутствии прямых аналогий и жестких зависимостей между социальными и языковыми процессами и структурами, о многоступенчатости влияния изменений, происходящих в обществе, на изменения в языке.

При этом для отечественной школы социолингвистики вплоть до конца XX в. было характерно преимущественное внимание к макропроцессам, происходящим в языке и в обществе, а многие представители американской социолингвистики (и в их числе У. Лабов) более склонны к анализу микропроцессов, которые характеризуют социальную и языковую жизнь сравнительно небольших человеческих групп (более подробно о различии макро- и микропроцессов в языке и языковой жизни социальных объединений см. ниже — в очерках о макро- и микро-социолингвистике).

* Вяч. Вс. Иванов одним из первых оценил продуктивность социолингвистического подхода У. Лабова к анализу механизмов фонетических изменений (см. [Иванов 1982: 113]).

ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В каждой науке наряду с терминами, имеющими более или менее строгие дефиниции, существуют интуитивно понимаемые, неопределяемые термины. При этом, как это ни парадоксально, такие термины нередко обозначают базовые понятия. Таково, например, понятие числа в математике, понятие слова в лингвистике (до сих пор не существует единого и при этом непротиворечивого определения термина «слово»).

К таким интуитивно понимаемым, формально не определяемым относится и понятие владение языком. Более того, до сравнительно недавнего времени это словосочетание и не осознавалось лингвистами как терминологическое. Само собой разумелось, что можно говорить о владении языком, если человек умеет понимать высказывания на данном языке и строить на нем — по определенным правилам, общим для всех говорящих на данном языке, — тексты (устные и письменные).

Современный этап развития лингвистики знаменателен, в частности, тем, что понятия, ранее осмысливавшиеся чисто интуитивно или не имевшие строгих дефиниций, начинают получать эксплицитные определения. Такова, например, судьба некоторых традиционных грамматических понятий: «управление», «согласование», «грамматическое значение» (в отличие от лексического) и некоторых других, которые во второй половине XX в. подверглись пересмотру и существенным уточнениям — главным образом с позиций формального описания языка для целей, связанных с созданием действующих моделей языка.

Так случилось и с понятием «владение языком».

Поскольку в качестве основной задачи лингвистики в последние десятилетия выдвигается задача моделирования речевой деятельности человека или, иначе, того, как человек владеет языком, постольку естественно и необходимо выяснить, что имеется в виду, когда говорят о владении языком.

Ю. Д. Апресян, одним из первых в отечественной лингвистике четко сформулировавший указанную задачу, предпринял попытку расчленить понятие «владение языком» на составляющие. По его мнению, владеть языком значит: 1) уметь выражать заданный смысл разными (в идеале — всеми возможными в данном языке) способами; 2) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности — различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания и находить общий смысл у внешне различных высказываний; 3) уметь отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных [Апресян 1980: 2].

В такой интерпретации владение языком — это собственно языковые умения говорящего: способность к перифразированию, умение различать многозначность и омонимию, владение синонимией и интуитивное представление о норме. Эта интерпретация является по существу более детальной разработкой того, что американский лингвист Н. Хомский назвал языковой компетенцией (*competence*) говорящего. Помимо компетенции, Хомский выделяет языковое употребление (*performance*) — то, как используют язык говорящие.

Развивая (и одновременно критикуя) эти идеи Н. Хомского, другой американский исследователь — Делл Хаймс показал, что знание языка предполагает не только владение его грамматикой и словарем, но и ясное представление о том, в каких речевых условиях могут или должны употребляться те или иные слова и грамматические конструкции. Д. Хаймс ввел понятие коммуникативной компетенции и теоретически обосновал необходимость различать грамматичность высказывания и его приемлемость в данных условиях общения, в данной социальной среде [Hymes 1972: 278—281]. Грамматичность примерно соответствует тому, что Н. Хомский называет *competence*, а приемлемость — тому, что у Хомского обозначено термином *performance*. Оба этих свойства составляют навык, именуемый «коммуникативная компетенция», и, таким образом, оказывается, что владение языком представляет собой не чисто лингвистический, а социолингвистический феномен.

Вслед за Д. Хаймсом на необходимость изучения языковой способности человека в тесной связи с социализацией и с широким социальным контекстом, в котором протекает речевая деятельность людей, указывали У. Лабов, С. Эрвин-Трипп, Ч. Филлмор и другие исследователи.

Например, Ч. Филлмор в одной из своих работ сделал попытку разграничить собственно языковые знания человека и владение им информацией о различных компонентах акта коммуникации. «Основные факторы коммуникативного события, — пишет он, — таковы: личность отправителя сообщения, личность предполагаемого получателя или адресата сообщения, осведомленность отправителя о посреднике или очевидце коммуникативного события, код, используемый собеседниками, тема и специфическое содержание сообщения, форма его, свойства канала, посредством которого передается сообщение, обстановка или социальная ситуация, в рамках которой имеет место сообщение, и функция, в которой выступает сообщение в данной ситуации» [Fillmore 1973: 277]. Указывая на недостаточность собственно лингвистического компонента для того, чтобы говорить о подлинном владении языком, Ч. Филлмор пишет: «Есть ясные случаи грамматичных предложений (типа *I love you*) и ясные случаи неграмматичных наборов слов (типа *the of of*); но кажется, что решение вопроса о том, как квалифицировать неясные случаи, должно основываться на понимании ситуации, а не просто на грамматике, которая порождает все явно грамматичные предложения и терпит неудачу при порождении явно неграмматичных фраз...» [там же: 283].

Это указание на ограниченные возможности чисто грамматического подхода при анализе живой речи перекликается с мыслью, которую настойчиво повторяет У. Лабов: грамматика описывает многие реально встречающиеся высказывания как ошибки, между тем как этими ошибками насыщена разговорная речь, и при этом они не ведут к непониманию. Следовательно, лингвистическая теория должна быть построена таким образом, чтобы она была способна описывать и объяснять не только «чистые» случаи, но и якобы ошибочные — а на самом деле объясняемые ситуацией и иными факторами — высказывания [Labov 1966a; Labov 1970].

Развивая эти взгляды на задачи лингвистического описания, Джон Гамперц ввел понятие контекстуализации (англ. *contextualisation*). Оно основано на том, что говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до слушателя правильно сформулированные утверждения, но и тем, чтобы эти утверждения были вписаны в соответствующий контекст, в котором они получили бы надлежащую интерпретацию [Gumperz 1984: 17]. Дж. Гамперц указывает такие виды контекстуализации: пере-

ключение кода, повышение или понижение тона, изменение скорости речи, изменение позы говорящего в ходе устного и при этом визуального общения и др. Все они могут служить сигналами, указывающими на то, что одна тема разговора кончилась и начинается другая. Поскольку говорящий в своем поведении постоянно использует подобные сигналы, они должны учитываться при описании языка и его использования в различных коммуникативных ситуациях.

Можно сказать, что к настоящему времени мнение, согласно которому лингвистическое описание должно ориентироваться не только на словарь и грамматику, но и на социальный контекст использования языка, стало общепринятым. Однако такого признания недостаточно для того, чтобы ясно представить себе структуру того, что может быть названо термином «владение языком».

Можно выделить несколько уровней владения языком в зависимости от того, какого рода информация о языке и его использовании имеется в виду: **собственно лингвистический уровень, национально-культурный уровень, энциклопедический уровень, ситуативный уровень.**

Собственно лингвистический уровень

Собственно лингвистический уровень включает три упомянутых выше умения, или способности, говорящего: способность к перифразированию, способность понимать сказанное на данном языке и умение отличать правильные высказывания от неправильных. Этот уровень отражает свободное «манипулирование» языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности. Хотя сущность этого уровня владения языком вполне ясна, проиллюстрируем каждое из умений несколькими примерами.

Способность к перифразированию проявляется в том, что одну и ту же мысль говорящий может выразить по-разному. И чем больше перифраз он может использовать, тем выше (в этом отношении) степень его владения языком. Например: Переходя улицу, будьте особенно внимательны. = При переходе улицы будьте особенно внимательны. = Когда вы переходите улицу, (то) будьте особенно внимательны. = Переход улицы требует (от пешехода) особой внимательности. = Особая внимательность — вот что требуется при переходе улицы и т. д.

Понимание текстов на данном языке не нуждается в каких-либо иллюстрациях ввиду полной очевидности этого навыка. Распознавание же многозначности и омонимии заключается в способности носителя языка осознавать неоднозначность таких словосочетаний и предложений, как, например: люблю Чехова = 1) 'люблю произведения А. П. Чехова'; 2) 'люблю человека по фамилии Чехов'; посещение писателя = 1) 'кто-то посетил писателя'; 2) 'писатель посетил кого-то'; Школьники из Костромы поехали в Ярославль = 1) 'костромские школьники поехали в Ярославль'; 2) 'Школьники (не сказано, какие) поехали из Костромы в Ярославль' (пример А. В. Гладкого); *Мужу изменять нельзя* = 1) 'жена не должна изменять мужу'; 2) 'муж не должен изменять жене' (пример Л.Н. Иорданской) и т. п.

Речь, в особенности устная, насыщена подобными неоднозначными высказываниями, однако коммуниканты не испытывают от этого особых неудобств, так как многозначность (или омонимичность) снимается контекстом и ситуацией общения.

Владение синонимией заключается, с одной стороны, в навыке перифразирования (когда один и тот же смысл выражается разными синонимичными конструкциями — примеры см. выше), а с другой — в умении находить общий смысл во внешне различных словосочетаниях и предложениях. Например, человек, владеющий русским языком, должен опознавать как тождественные по смыслу пары словосочетаний типа деревянные ложки — ложки из дерева; оконное стекло — стекло для окон; продуктовый магазин — магазин, где продаются продукты или варианты высказываний и вопросов типа: Подвиньтесь, пожалуйста. — Можно попросить вас подвинуться? — Вы не могли бы подвинуться? и т. п.

Наконец, человек, владеющий каким-либо языком, должен уметь определить, как можно, а как нельзя говорить на этом языке (но он не обязан знать причины этого: разбираться в причинах «правильностей» и «неправильностей» — дело лингвиста).

Например, владеющий русским языком не колеблясь отнесет к неправильным фразы типа: *Он сделал мне помощь (вместо: оказал помощь); *С минуту воцарилось молчание (вместо: *На минуту воцарилось* молчание или С минуту длилось молчание); *Я имею шестьдесят килограмм веса (вместо: Я вешу шестьдесят килограмм(ов) или Во мне шестьдесят килограмм(ов) и т. п.

Эти знания и умения составляют основу навыка, называемого «владение языком».

Очевидно, однако, что для свободного общения на том или ином языке трех указанных умений недостаточно. Можно хорошо знать правила произношения, правила грамматики, нормы словоупотребления, уметь использовать разные языковые средства для выражения одной и той же мысли, обладать отменным чутьем на разного рода языковые неправильности, но при этом не иметь необходимых навыков нормального для данного языкового сообщества коммуникативного поведения, недостаточно умело применять лингвистические знания и способности в реальной речевой обстановке. Природный, «подлинный» носитель языка обычно способен варьировать речь в зависимости от своих отношений с адресатом, от цели речи и многого другого. Поэтому, помимо собственно лингвистического уровня владения языком, целесообразно выделять еще и другие.

Национально-культурный уровень

Этот уровень предполагает владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств. Носители того или иного языка, с детства овладевая словарем, грамматикой, системой произносительных и интонационных средств данного языка, незаметно для себя, чаще всего неосознанно, впитывают и национальные формы культуры, материальной и духовной. Нередко эти культурные обычаи бывают связаны со специфическим использованием языка, его выразительных средств.

Так, в Венгрии чай варят, а в России заваривают (поэтому для русского человека выражение варить чай необычно, странно, хотя сказать так по-русски можно, — тем самым это выражение нельзя признать языковой неправильностью). В Финляндии яйца продают на вес, а не счетом на десятки, как это принято в России; отсюда возможные высказывания в речи финнов, овладевающих русским языком, типа: Взвесьте мне, пожалуйста, килограмм яиц, которые природному носителю русского языка, конечно же, кажутся странными (хотя в чисто языковом отношении они вполне правильны)*.

* Примеры заимствованы из книги [Верещагин, Костомаров 1976: 91—92].

Национально обусловлены многие речевые стереотипы, т. е. обороты и высказывания, «жестко» прикрепленные к той или иной ситуации и варьируемые в строго определенных пределах.

Так, у русских приняты следующие стереотипные начала разговоров по телефону: — Алло! — Да! — Слушаю! или — Я слушаю, Слушаю вас и немгие другие (при реакции в ответ на телефонный звонок). Немец, даже достаточно хорошо владеющий русским языком, может в этом случае произнести: — Пожалуйста! (как бы предлагая звонящему начать говорить). Представляясь собеседнику по телефону, русский говорит: — Это Петров (это Дмитрий Иванович, это Коля). Немец или француз, следуя принятым в их национальных традициях стереотипам, могут сказать: — Здесь Гофман; — Здесь Поль (кальки немецкого *Hier ist Hoffman* и французского *Ici Paul*).

Существенным компонентом национально-культурного уровня владения языком является знание коннотаций слова — тех стандартных, общепринятых в данном обществе ассоциаций, которые возникают у говорящих при произнесении того или иного слова. Такие стандартные ассоциации очень часто бывают обусловлены национально.

«Французское *eau*, — писал Л. В. Щерба, — как будто вполне равно русской воде; однако образное употребление слова вода в смысле “нечто лишенное содержания” совершенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее точно можно передать русским отвар (*eau de riz*, *eau d'orge* — рисовый отвар, ячменный отвар). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд» [Щерба 1958: 86].

Слово сокол в русском языковом сознании связано с такими свойствами, как бесстрашие, гордость. На этой основе родилось переносное употребление этого слова применительно к летчикам. Во французском языке у соответствующего слова (*faucon*) таких ассоциаций нет, поэтому употребить слово *faucon* по отношению к авиатору для француза такая же нелепость, как для русского сказать о летчиках наши славные воробы.

Слово корова ассоциируется с такими свойствами, как полнота (телесная) и неповоротливость; поэтому возможны бранные выражения с применением этого слова по отношению к человеку, преимущественно к женщине, что совершенно непонятно и невозможно для индусов, в

национальных традициях которых — поклонение корове как священному животному.

Черный цвет в русском обществе (так же, как в большинстве других европейских социумов) — символ траура. Само прилагательное черный в прямом своем значении имеет соответствующую коннотацию, обусловленную указанным семиотическим фактом. Благодаря связи «черный — траур» в языковом сознании говорящих по-русски ироническое выражение траур под ногтями легко понимается и может быть столь же легко переведено на языки, обслуживающие те общества, в национально-культурных традициях которых цветом траура является также черный цвет. Однако для перевода этого выражения на языки тех наций, которые имеют иные традиции символического обозначения траура (например, в некоторых культурах Востока для этого служит белый цвет), необходимы комментарии.

Коннотации могут быть обусловлены не только национальными, но и социальными различиями между говорящими. В этом случае по-разному коннотируются одни и те же факты данного национального языка. Так, за словом материал портному и юристу, ученому и скульптору видится разная реальность; глагол сидеть вызывает разные ассоциации у подсудимого и у молодых родителей (чей ребенок уже ползает, но еще не сидит) и т. д.

Факты такого рода давно и хорошо известны. Однако не всегда обращают внимание на то, что подобные различия имеют непосредственное отражение в сочетаемости соответствующих языковых единиц. В речи представителей каждой социально-профессиональной группы активизируются те лексические, семантические и синтаксические связи слова, которые актуальны для соотношения слова с реалией или ситуацией, которые лучше других знакомы говорящему: сшить брюки из дорогого материала; На вас поступил компрометирующий материал; Ему удалось получить интересный экспериментальный материал; Из какого материала этот памятник?; Ее сын сидит в тюрьме; Сынишка у них уже сидит и т. п.

Таким образом, в речевой практике людей, принадлежащих к разным социально-профессиональным группам, активны различные фрагменты корпуса языковых средств: наиболее свободно и легко они владеют теми фрагментами, которые отражают их социальный статус и профессиональную деятельность.

Энциклопедический уровень

Владение языком на этом уровне предполагает знание не только слова, но и «мира слова», т. е. того реального мира, который стоит за словом.

Например, владение русским словом часы предполагает знание не только собственного значения этого слова, его лексической и грамматической сочетаемости (часы идут, стоят, спешат, отстают, остановились, тикают, бьют, точные часы, на часах — половина второго и т. п.), фразеологических сочетаний, содержащих это слово (точен, как часы; Счастливые часов не наблюдают) и другой чисто языковой информации, но и многочисленных разновидностей прибора для измерения времени: часы механические, электрические, электронные, водяные, солнечные, атомные; наручные, карманные, стенные (или настенные), будильник, ходики, часы с кукушкой, куранты и др.

Знание «мира слова» проявляется, в частности, в правильном представлении о родо-видовых отношениях между вещами и понятиями.

Так, носитель русского языка знает, что мебель — это общее название для дивана, шкафа, стола, стульев, кресел и других видов мебели, что перебежать, переплыть, переползти, перелетать и другие подобные глаголы могут быть обобщены глаголом перемещаться. Такое знание имеет важные логические следствия как для речевого общения в целом, так и для построения логически правильных высказываний.

Например, для образования цепочек однородных членов в предложении необходимо соблюдать условие, благодаря которому такие члены и называются однородными: они должны обозначаться словами, которые называют вещи или понятия одного логического уровня. Можно сказать: В комнате стояли стол, стулья и еще кое-какая мебель, но нельзя: *В комнате стояли стол, стулья и мебель. Можно сказать: Спасаясь от лесного пожара, всё живое в лесу перебежало, переплывало, переползало, перелетало подальше от огня, но нельзя: *Спасаясь от пожара, всё живое перебежало, переплывало, переползало, перелетало и перемещалось подальше от огня.

Помимо родо-видовых, между вещами и понятиями, а также между действиями и событиями существуют и другие отношения: причинно-следственные, временные, пространственные и т. п. Знание этих отно-

шений позволяет человеку отличить логически нормальное высказывание от аномального, неправильного: На улице сыро, потому что идет дождь (но не: *На улице сыро, поэтому идет дождь); Он встал, оделся и вышел на улицу (но не: *Он вышел на улицу, оделся и встал — во всяком случае, такое высказывание описывает необычную ситуацию). Пример из речи ребенка: *Завтра я был в детском саду, а вчера не пойду свидетельствует не только о том, что говорящий не овладел значениями слов завтра и вчера, но и о том, что он не имеет ясного представления о взаимном расположении смыслов 'вчера', 'сегодня', 'завтра' на оси времени.

Приведенные здесь неправильные высказывания являются логическими аномалиями, в отличие от приводившихся выше языковых неправильностей. В самом общем виде различие между языковой неправильностью и логической аномалией может быть сформулировано так: языковая неправильность — это высказывание, противоречащее возможностям данного языка (так не говорят по-русски, по-английски, по-арабски и т. д.), логическая аномалия — это высказывание, противоречащее нормальной логике вещей: так не бывает, хотя по-русски (по-английски, по-арабски) так сказать можно: ср. сочетания типа круглый квадрат, жидкий лед и т. п. (подробный анализ различий между языковыми неправильностями и логическими аномалиями содержится в работе [Апресян 1978]).

Ситуативный уровень

Кроме рассмотренных трех уровней владения языком, выше мы назвали еще ситуативный уровень — умение применять языковые знания и способности — как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням, — соотносить с ситуацией. В помещенном в этой книге очерке под названием «Коммуникативная ситуация» (см. выше) достаточно подробно рассмотрены компоненты ситуации общения и проиллюстрирована важность ситуативных условий для правильного использования языковых средств. Поэтому здесь ограничимся констатацией положения о том, что знание ситуативных условий речи органически входит в навык, называемый «владение языком».

СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ И СОЧЕТАЕМОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В лингвистических описаниях издавна отмечаются факты социальной маркированности формы языковых единиц: моряки говорят компас, военные предпочитают употреблять взводá как форму множественного числа слова взвод, милиционеры и следователи — осужденный за кражу и возбужденное дело и т. п.

Сравнительно недавно социолингвисты обратили внимание на то, что социальные различия между людьми проявляются не только в том, как они произносят одни и те же слова, но и в том, насколько глубоко эти различия проникают в механизмы речевого общения. Например, эти различия могут быть «встроены» в значение языковой единицы или в правила ее сочетаемости с другими единицами. Тем самым речь может идти не только о том, что социальные факторы обуславливают функционирование и развитие языка, но и о том, что они являются компонентами содержательной структуры языкового знака.

Социальные компоненты семантики слова

В каждом языке имеется лексика, обозначающая различные отношения между людьми — межличностные и институциональные (то есть реализующиеся в некоей иерархической социальной структуре — семье, производственной группе, спортивной команде, воинском подразделении и т. п.), а также отношения между личностью и обществом. Лексические значения таких слов содержат в себе указания на характер подобных отношений, которые в самом грубом виде можно разделить на отношения подчинения (или зависимости) и отношения равенства.

Рассмотрим это явление на двух группах примеров — предикатах, обозначающих асимметричные отношения, или отношения подчинения (зависимости):

(1) арестовать, аудиенция, благоволить, велеть, верховодить, взыскание, властвовать, власть, вменить, возглавить, воспретить, выговор, выселить, выслать, гневаться, головомойка, даровать, диктат, диктатура, жучить, закатать (под арест), зыкнуть, изгнать, инспектировать, кара, карать, кассация, кассировать, командировать, командовать, коноводить, консультировать, контролировать, конфисковать, мирволить, нагоняй, надзирать, надлежать, назначить, нахлобучка, нотация, обязать, окрик, опека, опекать, отозвать (посла), отстранить (от работы), подчинить, позволить, покровительство, покровительствовать, помилование, помиловать, разрешить, распекать, ревизовать, руководить, сместить, сослать, тиранить, экзаменовать и др.

Эти слова обозначают ситуации, в которых социальная роль первого участника (семантического субъекта, или агенса) «выше» социальной роли второго участника (адресата или контрагента). Если мы обозначим социальную роль символом Р, то отношения, описываемые этими предикатами, можно схематически обозначить как $P(X) > P(Y)$;

(2) апеллировать, апелляция, вымолить, выплакать (себе прощение), выхлопотать, гневить, грубить, дерзить, докладывать (в контекстах типа: доложить по начальству), испросить, исхлопотать, консультироваться, молить, непочтение, послушаться, отпроситься, повиновение, повиноваться, подпевала, подчиняться, прекословить, пререкаться, рапорт, рапортовать, резать (правду в глаза), слушаться, экзаменоваться и др.

Социальная роль первого участника ситуации «ниже» социальной роли второго; схематически: $P(X) < P(Y)$.

Значения слов, называющих асимметричные ролевые отношения, назовем социально ориентированными, в отличие от социально не ориентированных значений, присущих словам типа дружить, напарник, однокурсник, сослуживец, сосед, сотрудничать и под. Социально не ориентированные значения не содержат в себе никаких указаний на равенство социальных ролей, которые исполняют участники ситуаций, обозначаемых словами с такими значениями; поэтому дальше они нами не рассматриваются.

Семантическая структура слов, обозначающих социально ориентированные отношения, содержит не менее двух актантов — субъекта и

адресата: кто командует кем, кто высылает кого, кто апеллирует к кому, кто выслуживается перед кем и т. д. Помимо актантов субъекта и адресата в значениях этих слов могут быть и другие смысловые компоненты, например, актанты содержания (Командир приказал нам наступать), мотивировки (Петю наказали за неуспеваемость), начальной точки (Их выселили из квартиры), конечной точки (Декабрист Лунин был выслан на каторгу) и др.

Некоторые из слов, обозначающих социально ориентированные отношения, указывают на определенные социальные функции лиц, между которыми эти отношения устанавливаются.

Так, командир должен командовать, солдат должен подчиняться, незрелый сын обязан слушаться родителей и не должен их ослушиваться и т. д. Компонент лексических значений глаголов командовать, подчиняться, слушаться, ослушиваться, указывающий на неравенство статусов участников соответствующей ситуации, здесь вполне очевиден. Он как бы лежит на поверхности.

В других случаях такой компонент может быть выявлен только путем семантического анализа. Так, глагол благоволить означает не просто 'проявлять расположение к кому-н.' или 'испытывать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение', как истолковано это слово в словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в Малом академическом словаре. В этих толкованиях упущено существенное условие: статус того, кто выказывает благоволение, выше статуса того, кому благоволение адресовано. Если этим условием пренебречь, то, следуя приведенным толкованиям, мы должны допустить к употреблению, в частности, фразы типа: *Учитель математики благоволит к своим коллегам (ситуация равных статусов субъекта и адресата) или *Ученик благоволит к директору школы (ситуация, «обратная» нормальной: статус субъекта благоволения ниже статуса адресата).

В ситуации, описываемой глаголом гневаться, субъект мыслится как лицо почитаемое, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью.

Сравните:

И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные...

(М. Ю. Лермонтов)

Невозможно употребление глагола гневаться в ситуациях с равным и в особенности с «обратным» статусом субъекта и адресата: *Товарищи на меня гnevаются; *Лакей разгневался на барина за выговор, который тот ему устроил.

Рассмотрение этих двух явно устаревших глаголов — благоволить и гневаться — может навести на мысль, что социальный компонент лексического значения, указывающий на неравенство статусов субъекта и адресата действия (или отношения), характерен лишь для книжных и устаревших слов.

Но это не так.

Например, вполне современный и даже разговорный по своей стилистической окраске глагол распекать — распечь нормально употребляется при обозначении отношений, в которых субъект обладает более высоким статусом, чем адресат. Можно сказать: Мать распекала сына за двойки, но нельзя: *Сын-школьник распекал мать за то, что она поздно пришла с работы или *Подчиненные распекали начальника за грубость.

Глагол принимать — принять в одном из своих значений описывает ситуацию, в которой принимающее лицо обладает более высоким статусом, чем принимаемое: Вчера президент Франции принял посла США и имел с ним продолжительную беседу; Сегодня мэр не принимает посетителей. Некорректно употребление этого глагола, если условие об асимметрии социальных статусов нарушено: *Посол Франции принял президента США; *Директор завода не принял министра.

Глаголы грубить и дерзить, близкие друг другу по смыслу, обозначают отношения, в которых субъект находится в более низком статусе, чем адресат. Правда, глагол грубить может предусматривать два типа статусных (или ролевых) отношений между участниками называемой им ситуации: чаще всего статус (роль) субъекта ниже статуса (роли) адресата, но возможно его употребление и в ситуации, когда их статусы (роли) равны. Сравните такие примеры: Не груби отцу! (обращение к подростку); Мальчик плохо учится, грубит учителям; Мы с тобой друзья, а ты не хочешь говорить со мной нормально: всё время злишься, грубишь. Если отношения между участниками ситуации таковы, что статус (роль) субъекта выше статуса (роли) адресата, то употребить этот глагол нельзя: *Отец грубит сыну; *Учитель грубит ученикам.

Заметим, что оборот быть грубым, который кажется полным синонимом глагола грубить, может употребляться при любых статусных (или

ролевых) отношениях между субъектом и адресатом этого действия: Мальчик груб с родителями и с товарищами; Учитель груб с учениками (со своими коллегами, с директором).

Важным компонентом значения глагола грубить является то, что это — речевое действие: грубость выражается в словах, в интонации, в сопровождающих речь жестах и т. п. В отличие от этого, содержанием действия, обозначаемого глаголом дерзить, является не столько словесная грубость, сколько непочтительное отношение, которое может выражаться и невербально. Сравните такой пример: Хотя молодой офицер говорил тихо и вежливо, все понимали, что он дерзит генералу.

Глагол дерзить в большей степени, чем грубить, ориентирован на выражение асимметричных отношений между участниками обозначаемой им ситуации: дерзят обычно младшие по возрасту старшим (часто на это различие накладывается и разница в социальном статусе или в социальных ролях). Фразы типа: Коля, почему ты дерзишь учительнице? Мальчик надерзил отцу и даже не извинился, — нормальны, правильны, а фразы типа: *Учительница постоянно дерзила своим ученикам (статус субъекта выше статуса адресата) или *Мальчик дерзит своим товарищам (статусы субъекта и адресата равны) — воспринимаются как аномальные, неправильные. Словосочетание быть дерзким ведет себя точно так же, ср.: *Учитель дерзок с учениками, *Мальчик дерзок с товарищами.

На этих примерах мы убеждаемся, что в описание семантики (в толкование) слов, обозначающих асимметричные отношения между людьми, необходимо включать социальный компонент, который указывает неравенство статусов (или асимметрию социальных ролей) участников называемой словом ситуации.

Этот социальный компонент составляет пресуппозицию лексического значения предикатов, обозначающих асимметричные отношения между людьми: при употреблении таких предикатов с отрицанием не социальный компонент сохраняется (не подвергается отрицанию), в отличие от ассерции (утвердительной части лексического значения), с которой и взаимодействует отрицание. Например, в предложении: Начальник вовсе и не благоволит к этой сотруднице — не отрицается тот факт, что статус начальника выше статуса сотрудницы, мы отрицаем лишь наличие особого отношения первого ко второй.

Социальные ограничения в сочетаемости слова

Ограничения в сочетаемости языковых единиц весьма разнообразны. Они обуславливаются характером лексического значения единицы, ее синтаксическими свойствами, поведением в высказывании, закрепившейся в языковой традиции избирательностью при соединении с другими единицами и многими другими факторами.

Существуют социальные по своей природе ограничения в сочетаемости слов в пределах высказывания, которые отражают определенные особенности ситуации, описываемой таким высказыванием.

Продемонстрируем это на следующих примерах.

А. В русском языке имеется класс предикатов — глаголов и отглагольных существительных, сочетаний связки быть с прилагательным или существительным, которые обозначают взаимное действие или взаимное отношение участников ситуации: дружить, ссориться, обниматься, соответствовать, быть равным, быть другом и т. п.

Обозначив участников ситуации, называемых этими предикатами, с помощью переменных X и Y , а сам предикат — с помощью переменной P (= предикат), мы можем констатировать вполне очевидную закономерность: если $X P$ (= дружит, ссорится, борется, обнимается, ...) с Y -ом, из этого обязательно следует, что и $Y P$ (= дружит, ссорится, борется, обнимается, ...) с X -ом, или — что то же самое по смыслу — X и $Y P$ (= дружат, ссорятся, борются, обнимаются, ...).

Иначе говоря, из утверждения Коля дружит с Петей следует, что и Петя дружит с Колей и что Коля и Петя дружат, и все три высказывания синонимичны друг другу.

Такие предикаты называются симметричными. Классический симметричный предикат — выражение быть равным. Если при обозначении равенства геометрических фигур говорится: Треугольник ABC равен треугольнику DEF , то следствия из этого утверждения в виде фраз Треугольник DEF равен треугольнику ABC и Треугольники ABC и DEF равны обязательны, они не имеют и не могут иметь исключений (это противоречило бы элементарной логике).

Кроме классических симметричных предикатов, есть так называемые квазисимметричные предикаты (см. [Крысин 1990]), у которых указанное условие синонимии всех трех конструкций ($X P Y = Y P X = X$ и $Y P$) выполняется не всегда.

Таков, например, предикат быть похожим. В общем случае он является симметричным: предложение X и Y похожи (друг на друга) трансформируется как в предложение X похож на Y, так и в предложение Y похож на X. Но в реальном употреблении этого предиката действуют факторы, делающие предикат несимметричным. Так, можно сказать: Сын похож на отца, но не говорят *Отец похож на сына, хотя вполне правильно Отец и сын (сын и отец) похожи друг на друга.

Дело в том, что при употреблении предиката быть похожим применительно к родственникам действует следующее правило: первое актантное место предиката должно заполняться существительным, обозначающим лицо более молодое, нежели то, которое обозначается существительным, заполняющим второе актантное место. Если же имеются в виду два человека, не связанные друг с другом родственными узами, указанное условие необязательно; вполне можно сказать: На этой фотографии мой дед похож на нынешнего президента Франции.

Однако в этом случае действуют другие факторы: устанавливая сходство двух людей, обычно сравнивают данное лицо с человеком известным в данном обществе, со своего рода эталоном, например: Этот старик похож на Жана Габена (но не наоборот: *Жан Габен похож на этого старика).

Если лицо, с которым сравнивают (Y), не обладает свойством «эталонности», оно должно быть известно и говорящему, и слушающему, в то время как лицо, которое сравнивают (X), может быть известно только говорящему. Например:

— Ты знаешь Сидорова (X)? — Нет. А кто это? — Ну, как же! Такой круглолицый, приземистый, в очках, похож на нашего декана (Y).

«Обратный» порядок переменных при предикате быть похожим в данном случае неестественен: Декан похож на Сидорова (но при этом Сидоров не известен второму участнику диалога).

Соотношение актантных смыслов X и Y предиката быть похожим напоминает соотношение темы и ремы при актуальном членении предложения: Y — тот, на кого похож какой-либо человек, — это данное, известное участникам коммуникативного акта, а X — новое лицо, вводимое в поле внимания слушающего.

Интересный случай представляет собой предикат быть другом (друзьями). Казалось бы, он синонимичен глаголу дружить, который является

одним из примеров классических симметричных предикатов. Но как только мы начинаем осуществлять синтаксическую трансформацию в соответствии со сформулированным выше условием симметричности, обнаруживается разница в употреблении этих двух предикатов.

Эта разница не абсолютна: она проявляется лишь в том случае, если в качестве X и Y выступают названия лиц, неравных по социальному статусу, авторитету, известности в обществе, таланту и тому подобным характеристикам.

В употреблении предиката быть другом (друзьями) действует условие: Y (тот, кому X приходится другом) — лицо с большим «социальным весом», чем X (тот, кто является другом Y-а). Сравните:

Асеев и Маяковский дружили. = Асеев дружил с Маяковским. = Маяковский дружил с Асеевым.

Асеев и Маяковский были друзьями. = Асеев был другом Маяковского.

Фраза Маяковский был другом Асеева воспринимается как не вполне корректная: в ней нарушено сформулированное выше условие разного «социального веса» лиц — участников ситуации, обозначаемой предикатом быть другом.

Б. Вторая группа примеров связана с особой ролью говорящего в структуре речевого акта и в структуре высказывания. Об этом свидетельствует, в частности, специфика сочетаемости притяжательного местоимения мой с некоторыми разрядами существительных.

Так, в сочетании с существительным семья употребление этого местоимения отличается следующей особенностью: сочетание моя семья естественно в устах отца или матери и менее естественно в устах «рядового» члена семьи — сына или дочери, в особенности незрелого (вместо этого они должны сказать наша семья).

Сочетания мой отдел, мой цех естественны в устах начальника отдела (цеха) в ситуации, когда он общается с представителями вышестоящих органов (например, отчитывается перед директором), и неестественно, когда начальник отдела (цеха) выступает перед сотрудниками или рабочими, составляющими этот отдел или цех. В этом случае лучше сказать наш отдел (цех). С другой стороны, сочетание мой отдел (цех) неестественно в устах рядового сотрудника отдела (или рабочего цеха), — более нормально: наш отдел, в нашем цехе.

Эта особенность в понимании и употреблении местоимения мой наблюдается в том случае, когда местоимение сочетается с существительным, обозначающим иерархизованный коллектив, т. е. такую организованную группу людей, отношения между которыми иерархизованы по принципу «глава — подчиненные». Это слова семья, отдел, цех, завод, бригада, взвод, рота, полк, дивизия и под.

При сочетании с названиями неиерархизованных коллективов местоимение мой не обнаруживает указанной особенности; ср. выражения типа моя деревня: Провожать меня вышла чуть ли не вся моя деревня.

Спецификой обладает употребление местоимения мой и при соединении с существительными, обозначающими места постоянного обитания человека: дом, квартира, изба, комната и др. Выражения мой дом, моя квартира, моя изба должны пониматься в том смысле, что говорящий является владельцем, хозяином этого жилого помещения. Эти выражения естественны в устах главы семьи и сомнительны в устах незрелого члена семьи.

Рассмотренные примеры убеждают нас, что социальные факторы глубоко проникают в ткань языка, обуславливая правильное понимание и употребление языковых единиц, закономерности их сочетания друг с другом в речи.

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СОСТОЯНИЙ*

При изучении языковых процессов, происходящих как в одноязычных, так и в дву- и многоязычных социумах, исследователи постоянно сталкиваются с необходимостью охарактеризовать и оценить результаты этих процессов на том или ином синхронном срезе, вне прямой связи с историческими условиями и причинами, приведшими к таким результатам. Иначе говоря, возникает необходимость описать некоторое состояние языка (языков) в отличие от их эволюции во времени. При этом первостепенное значение имеют сведения о функционировании языков в обществе, распределении между ними коммуникативных сфер, о социальной престижности того или иного языка, отношении к нему говорящих и т. п.

Представляется, что подобное описание целесообразно осуществлять по определенным параметрам.

Одни из этих параметров касаются языков (лингвистические параметры), другие — условий их функционирования (социолингвистические параметры), третьи — носителей этих языков, обычно составляющих некоторые социальные совокупности: классы, слои, группы (социальные параметры). Набор параметров более или менее неизменен, а значения каждого из них варьируют в зависимости от конкретных условий, в которых находится язык в данном обществе на данном синхронном срезе. Такого рода параметризованное описание языковых состояний дает возможность сравнивать, во-первых, разные синхронные срезы развития одного языка и, во-вторых, особенности функционирования разных языков в разных обществах на одном синхронном срезе.

Каковы же те параметры, которые существенны для функционирования языковых образований, для их сосуществования в одном социуме и взаимодействия друг с другом?

* Очерк основан на публикации [Крысин 1991].

Отвечая на этот вопрос, целесообразно исходить из некоторых общих соображений гипотетического характера и пытаться проверять выдвигаемые гипотезы реальными примерами из жизни того или иного языкового сообщества.

Очевидно, что однородные в языковом отношении социумы значительно отличаются от обществ, в которых сосуществуют два языка или более: во втором случае актуальны, а порой и остры вопросы функционального распределения языков по социальным и коммуникативным сферам (например, образования, науки, массовой коммуникации, сферы повседневного общения людей и т. д.), тогда как для моноязычного общества актуальны иные проблемы: функциональное соотношение различных подсистем национального языка — литературной его формы, территориальных и социальных диалектов, просторечия и т. д., степень кодифицированности литературного языка, его способность обслуживать все разнообразные коммуникативные нужды общества, социальный престиж различных подсистем данного языка и многое другое.

Учитывая эти различия, можно разделить мыслимые языковые состояния на (1) одноязычные (коммуникативные нужды социума обслуживаются одним языком) и (2) неодноязычные (коммуникативные нужды социума обслуживаются двумя или несколькими языками).

1. Одноязычные языковые состояния.

Для описания одноязычных состояний представляется актуальным учет следующих лингвистических и социолингвистических параметров:

(1) социальная и функциональная дифференциация национального языка, выделение в нем таких подсистем, как литературный язык, местные диалекты, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны;

(2) функциональная дифференциация литературного языка — как социально наиболее значимой подсистемы национального языка — на стили и речевые жанры;

(3) распределение подсистем национального языка по сферам общения;

(4) степень нормированности и кодифицированности литературного языка, допущение литературной нормой вариативных средств выражения.

Помимо этого, для характеристики одноязычных языковых состояний необходимо учитывать и некоторые социальные и социально-психоло-

гические параметры, получающие то или иное отражение в языковой жизни социума. Например, важна характеристика состава носителей каждой из подсистем национального языка с точки зрения численности, образа жизни, трудовой занятости, уровня и характера культуры, степени образованности и т. п. Подлежат выяснению вопросы о социальном престиже той или иной подсистемы, об отношении говорящих к используемой ими (в большинстве ситуаций общения) подсистеме и к другим подсистемам.

Существенность перечисленных параметров для характеристики одноязычных состояний можно проиллюстрировать на примере современного русскоязычного общества, ставя в соответствие каждому из выделенных выше параметров определенные лингвистические и социолингвистические сведения:

(1) Современный национальный русский язык членится на следующие функционально обусловленные подсистемы: литературный язык, территориальные диалекты, городское просторечие, профессиональные и групповые жаргоны;

(2) Литературный язык дифференцирован на книжную и устно-разговорную разновидности, каждая из которых членится на функциональные стили и речевые жанры: в публицистическом стиле это, например, жанры корреспонденции, очерка, репортажа, интервью и др., в устно-разговорной разновидности — жанры типичных городских коммуникативных ситуаций с использованием клишированных оборотов (сколько сейчас времени, как пройти или доехать куда-либо, сколько стоит товар и т. п.), застольных бесед, разговоров взрослого с ребенком, человека с животными (см., например [Ермакова 1988]) и т. п.;

(3) Литературный язык обслуживает все общественные коммуникативные сферы, он же принят в качестве основного средства в устно-бытовом общении культурных людей; сфера применения территориальных диалектов ограничена устно-бытовыми и внутрисемейными формами общения, и эта сфер продолжает сужаться вследствие процесса нивелирования диалектной речевой специфики под влиянием литературного языка. Несколько более сложная картина вырисовывается при использовании языковых средств в повседневном городском общении: хотя у литературного языка и в этой коммуникативной сфере несомненный приоритет, наряду с литературными лексическими и лексико-фразеологическими средствами здесь широко используется так называемый

общий сленг (см. по этому поводу [Ермакова и др. 1999; Розина 2005]), элементы социальных и профессиональных жаргонов*;

(4) Русский литературный язык обладает развитой нормой; в его книжно-письменной разновидности он в высокой степени кодифицирован; однако в нем, как и во всяком живом языке, сосуществуют вариативные средства выражения, главным образом в области фонетики, морфемики и синтаксиса (подробнее об этом см. [Крысин 1989]).

Основные носители литературного языка — городская гуманитарная и техническая интеллигенция, образованные рабочие, студенты**. Носители просторечия — необразованные и полубразованные жители городов, для которых русский язык — родной. Лица, использующие профессиональные жаргоны, принадлежат к соответствующим группам профессионалов и, в отличие от носителей диалектов и просторечия, они диглоссны, т. е. вне ситуаций профессионального и служебного общения пользуются другими коммуникативными подсистемами (главным образом, литературным языком в его кодифицированной и устно-разговорной разновидностях). Наконец, носители групповых, социально ограниченных жаргонов — это люди, образующие социально замкнутые коллективы (заключенные, солдаты), или люди, объединенные определенными интересами — как правило, не санкционированными обществом: фарцовщики (в середине XX в.), мафиози, проститутки, наркоманы и т. п.

Характерная черта описанного социального и функционального членения современного русского языка — жесткость вычленимых подсистем, текучесть границ между ними. При этом, однако, литературная форма языка имеет высокий социальный престиж, а просторечие и диалекты — низкий, и в социально значимых коммуникативных ситуациях общение возможно (или, по крайней мере, предпочтительно)

* Некоторое представление о современных формах использования русского языка в городских коммуникативных ситуациях дают такие словари, как [Химик 2004; Курилова 2007; ТСРР], а также ряд публикаций, посвященных русской разговорной речи, — например [Земская 1973; Земская 1988; Капанадзе 2005] и др. (см. Список цитируемой литературы).

** В работах [РЯиСО и РЯДМО] сделана попытка более определенно очертить круг носителей литературного языка: это лица, для которых русский язык — родной, они коренные жители городов и имеют высшее или среднее образование, полученное на русском языке.

на литературном языке, а использование просторечных и диалектных средств выражения оценивается негативно (ср. современные немецкие и английские местные диалекты, имеющие достаточно высокий социальный престиж; см. по этому поводу, например [Жирмунский 1956; Домашнев 1983; Trudgill 1974]).

2. Дву- и многоязычные языковые состояния.

Здесь актуальны следующие параметры:

(1) Наличие / отсутствие письменности у каждого из языков: в случае, если лишь один из языков — письменный, а другой или другие не имеют письменности, функциональная неравновесность языков очевидна; это хотя и в известной степени внешний параметр, не касающийся структурных свойств сопоставляемых языков, но важность его очевидна;

(2) Генетическая и типологическая близость сосуществующих в данном обществе языков: известно, что при генетической близости языков развиваются одни формы интерференции, а в случае далекого родства или вообще неродственности языков — иные формы влияния их друг на друга и, в частности, иные формы интерференции*.

Характеристика языков с точки зрения их генетической родственности / неродственности и типологического сходства / различия должна иметь, по-видимому, вид дифференциального, сопоставительного описания сравниваемых языков: их фонемного состава и основных законов фонотактики (языки, естественно, могут различаться не только составом и артикуляционными свойствами фонем, но и их системными отношениями друг с другом: ср., например, противопоставление русских согласных по твердости и мягкости, имеющее фонематический, смыслоразличительный статус, и отсутствие такого противопоставления в некоторых тюркских языках), морфемной структуры слова, словоизменительной системы, основных черт синтаксиса и т. п.

* Замечено, что в случае близкого родства и типологического сходства языков их взаимная интерференция, проявляющаяся в речевой практике говорящих, более интенсивна и глубока, нежели в случае генетической отдаленности и типологической несхожести языков. В основе этого лежат отчасти психологические причины: при владении близкородственными языками говорящие меньше осознают их различия, чем при владении языками неродственными и типологически разными (см. об этом, например, в работах [Супрун 1982; Борисенко 1990; Крысин 1999]).

Различия между сопоставляемыми языками могут иметь частный характер, если рассматривать их с сугубо структурной точки зрения. Но такие частные различия нередко играют важную роль в процессе коммуникации. Таково, например, различие в русском языковом сообществе местоимений *ты* и *Вы* (при обращении к одному лицу) и соответствующих глагольных форм (*ты говоришь* — *Вы говорите* и т. п.), с одной стороны, — и отсутствие подобной дифференциации в некоторых языках Кавказа, в памирских языках (в частности, в бесписьменном шугнанском), с другой: если носитель одного из этих языков при овладении русским языком недостаточно освоил этот участок системы русского речевого этикета, то в общении с ним носители русского языка могут происходить недоразумения и даже конфликты: *ты*, употребляемое вместо ожидаемого *Вы*, расценивается носителями русского языка негативно.

(3) Третий, социолингвистический по своему характеру параметр совпадает с тем, который актуален для одноязычных языковых состояний: это социальная и функциональная дифференцированность каждого из языков. Но цель при описании языков с этой точки зрения — иная, чем в ситуации с одноязычным обществом: сравнительная характеристика социальной и функциональной дифференцированности языков дает возможность оценить их коммуникативные потенции, сделать выводы о применимости каждого из них в основных сферах общения. Так, сравнивая в этом отношении современные русский и киргизский языки, исследователи приходят к выводу, что русский язык, в силу работанности и функциональной разветвленности его литературной формы, пригоден в качестве средства общения практически во всех социально и коммуникативно важных сферах, в то время как киргизский язык не обладает (по крайней мере, пока) ресурсами, необходимыми для использования его, например, в сфере науки — из-за отсутствия в нем соответствующих систем специальной терминологии, функционально и стилистически маркированных синтаксических конструкций и т. п. (см. по этому поводу [Орусбаев 1990]).

Между тем, если сравнивать в рассматриваемом отношении, например, русский и украинский языки, то нетрудно прийти к выводу, что они оба «поливалентны», т. е. пригодны в любой сфере общения.

(4) Для характеристики дву- и многоязычных языковых состояний в значительно большей мере, чем для характеристики одноязычных,

существенны в лингвистические параметры, касающиеся национального и социального состава общества:

- национальный состав социума — численность наций, национальностей, национальных групп; несомненно, что этот, казалось бы, чисто количественный фактор влияет на степень функциональной и коммуникативной активности соответствующих языков: чем значительнее по объему совокупность лиц, говорящих на данном языке, тем больше у него шансов быть одним из основных (или основным) средством общения в данном социуме, при прочих равных условиях;
- в каждом национальном объединении — численность (а) лиц, считающих для себя родным язык той национальности, к которой он принадлежит* (б) владеющих, помимо родного, вторым языком либо языком межнационального или межэтнического общения (ср. роль аварского языка в многоязычном Дагестане);
- соотношение численностей городского и сельского населения; среди сельского населения, как правило, преобладают лица, использующие в большинстве сфер общения родной язык, тогда как в городских условиях родной язык может вытесняться языком межнационального общения;
- характер территориального размещения различных этнических групп: компактное / диффузное их расселение, соотношение с другими группами, миграционные перемещения (на длительное и на короткое время; сезонная** и «маятниковая» миграция — см. об этом [Миграционная подвижность 1974; Хорев, Чапек 1978];
- распределение населения по уровню образования: выявляется зависимость, согласно которой более высокий уровень образования коррелирует с более регулярным использованием говорящими второго — межнационального — языка в социально значимых сферах общения;

* Как известно, вполне реальны случаи, когда лицо определенной национальной принадлежности считает родным для себя не язык его национальности, а другой: так, среди белорусов значителен процент людей, считающих родным русский язык (как правило, такие лица и не владеют белорусским языком) (см. об этом [Типология... 1999]).

** Это один из самых характерных миграционных процессов в России XXI в.: из бывших, преимущественно среднеазиатских, республик СССР на сезонную работу в города России едут десятки тысяч мигрантов.

- занятость населения в основных областях деятельности: у людей, которые по роду своей профессиональной деятельности связаны с применением новейшей технологии, наукоемких методов производства и т. п., преобладает язык межнационального общения (не только в сфере этой профессиональной деятельности, но и в большинстве других, тогда как у работающих в местной промышленности, у представителей гуманитарных наук, деятелей культуры коммуникативная роль родного языка весьма высока);
- (5) существенны, но с трудом поддаются количественному измерению социально-психологические параметры:
 - социальный престиж каждого из языков, обращающихся в данном социуме; несомненно, что этот параметр связан с уровнем функциональной и коммуникативной активности соответствующего языка, однако между этими двумя показателями не всегда прослеживается положительная корреляция — иными словами, не всегда функционально и коммуникативно активный язык является социально престижным: так, в социумах с официально навязываемом языком межнационального общения функциональной активности этого языка может сопутствовать невысокий социальный престиж его, по крайней мере, в некоторых группах коренного населения;
 - отношение говорящих к родному для них языку, оценка ими его коммуникативных возможностей и т. п., т. е. всё, что составляет так называемую ценностную ориентацию говорящих в отношении их родного языка;
 - ценностная ориентация относительно других языков, обращающихся в данном социуме.

Последний круг рассмотренных вопросов сопряжен с комплексом этнопсихологических проблем, существующих в дву- и многоязычных социумах, — например, с оценкой представителем данной нации места, которое занимает его нация в социальной, экономической, культурной жизни общества, оценкой им места и роли других входящих в данный социум национальных групп. В этой связи для социалингвистики может оказаться интересным и плодотворным существующее в социальной психологии понятие этностереотипа — стереотипного представления человека о людях, принадлежащих к иному этносу. Этой проблеме посвящен один из очерков, помещенных в данной книге.

ВЛАДЕНИЕ РАЗНЫМИ ПОДСИСТЕМАМИ ЯЗЫКА КАК ЯВЛЕНИЕ ДИГЛОССИИ*

Диглоссией мы, вслед за Ч. Фергюсоном [Ferguson 1959] и Дж. Гамперцем [Gumperz 1964], называем явление, заключающееся в том, что члены одного и того же языкового сообщества, владея разными коммуникативными подсистемами — языками, диалектами, стилями, — пользуются то одной, то другой подсистемой в зависимости от социальных функций общения. Ср.: «Диглоссия — это характеристика социального распределения функций различных языков и языковых разновидностей» [Fishman 1971: 295]. От билингвизма (двуязычия) она отличается в двух отношениях: 1) билингвизм — это характеристика индивидуальной языковой многосторонности; 2) понятием «билингвизм (двуязычие)» обозначают владение двумя самостоятельными языками, а не разновидностями одного и того же языка.

Задача данного очерка заключается в том, чтобы показать принципиальное сходство между: а) билингвизмом как владением разными языками и б) «внутриязыковой» диглоссией как владением разными подсистемами одного языка. Для того чтобы сделать это, мы должны найти признаки, в равной мере характеризующие механизмы языкового функционирования в том и в другом случае.

Существенными признаками активного двуязычия обычно считают следующие: 1) *различие языковых кодов*; 2) ситуативно обусловленное *переключение* с одного кода на другой; 3) *интерференцию* кодовых элементов в процессе коммуникации**; 4) *заимствование*.

Эти признаки обнаруживаются и при владении разновидностями одного и того же национального языка. В качестве таких разновидностей, или подсистем, могут рассматриваться, например, литературный язык, местные диалекты, профессиональные аргы и нек. др.

* Впервые опубликовано в сборнике: Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина и Д.Н. Шмелёва. М.: Наука, 1976.

** Интерференция — это «воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия» [Беликов, Крысин, 2016: 25].

Местный диалект и литературный язык, профессиональное арго и литературный язык различаются элементами кода и отношениями, которые существуют между этими элементами в каждом коде. Однако, если по числу и характеру самих элементов сопоставляемые коды могут пересекаться (то есть некоторая часть знаков оказывается общей и для литературного языка, и для диалекта), то по отношениям между элементами кода (= ценностным характеристикам знака) каждая из сравниваемых подсистем является самостоятельной: материально одинаковые языковые знаки входят в разные парадигматические ряды и синтагматические связи.

Примерами могут служить слова, имеющие разное смысловое содержание в диалектах и в литературном языке, но совпадающие по своим формальным характеристикам. Так, в рязанских говорах слово *виски* означает 'волосы', *глушь* 'чувство одиночества, тоска', *курево* 'дымный костер из навоза, который разводят, чтобы отгонять комаров', *лелеять* 'широко разливаясь, затопляя большое пространство', *позвонок* 'колокольчик', *толкать* 'бодать' и т. п. (примеры взяты из словаря [Оссовецкий 1969]). Ср. также междиалектные смысловые различия, когда одно и то же слово — скажем, *хлев* — может обозначать разные постройки для скота и в соответствии с этим вступать в различные парадигматические отношения, обозначающие другие типы помещений для скота: *хлев* — *двор*, *хлев* — *пуня*, *хлев* — *омишанник* и под.; см. об этом [Гольдин 1967; Шмелев 1973: 146—147].

Таковы же различия между терминами и словами общеупотребительными: ср., например, термины кибернетики и теории информации типа *шум*, *черный ящик*, *вход*, *выход*, *адрес*, *программа* и соответствующие значения этих слов в литературном языке; между терминами, принадлежащими разным терминологическим системам (ср. введенное А.А. Реформатским понятие терминологического поля [Реформатский 1959: 9]): *монотип* — в полиграфии и в биологии, *релятивистский* — в физике и в философии, *конверсия* — в лингвистике, в генетике, в физике и в финансовом деле, *вилка* — у электриков и у шахматистов, *прогон* — у железнодорожников и у работников театра и т. п.

Наряду с этим каждый из сравниваемых кодов имеет свои специфические единицы, не представленные в других кодах: ср. диалектные *котух* 'хлев', *лактать* 'лакать', *лепник* 'болтун', *охряпка* 'грязнуля, неряха', *сербеть* 'зудеть, чесаться', *побочей* 'в сторону, не прямо'

и т. п., не известные носителям литературного языка, а с другой стороны, — разного рода книжно-литературную лексику, чуждую диалектному лексическому коду, специальные термины типа *аммофила* (вид осы), *пудлингование* (металлургический процесс: передел чугуна в мягкое железо), *спин* (в ядерной физике), *зациклиться*, *сбоить* (в профессиональном языке программистов и лиц, обслуживающих ЭВМ), *высед* (спортивный термин) и др.

Аналогичную картину можно наблюдать при сопоставлении разных языков, обслуживающих одно общество. Правда, пересечение кодов в этом случае будет гораздо меньшим, в особенности у неродственных и вообще генетически далеких друг от друга языков. Однако для рассмотрения интересующей нас проблемы такое отличие не принципиально, оно имеет количественный, а не качественный характер.

Лица, владеющие разными формами одного языка, например, диалектом и (в результате образования) литературным языком, редко используют эти формы в одних и тех же ситуациях. Обычно наблюдается разделение функций между этими разновидностями в зависимости от социальных и ситуативных условий общения. Так, диалект используется в общении со (и между) старшими членами семьи, с односельчанами (также преимущественно старшего возраста, так как в современных условиях они являются основными носителями говора); однако даже в условиях села при общении с местными представителями официальной власти используются преимущественно не диалектные формы речи, а общеупотребительные. Ср. общение с односельчанином, обладающим тем же самым или более низким социальным статусом, в условиях города: в этом случае может преобладать диалектная речь*. При

* Определение типа речевой ситуации С. Эрвин-Трипп ставит в зависимость от социального статуса говорящего и от места речи: церковь и священник, школа и учитель, магазин и продавец, автобус и водитель и т. п. (см. [Ervin-Tripp 1971: 51]). Следует подчеркнуть, что особенно сильна зависимость типа речевой ситуации от тех социальных ролей, в которых выступают говорящие. Эти роли не всегда адекватны социальному положению: при сохранении присущего ему постоянного социального статуса и в условиях того же самого места беседы говорящий может выступать в роли, не являющейся прямой производной от его социального статуса (но ситуация речи при этом меняется) — ср., например, беседу в школе учителя не с учеником, а с отцом ученика, разговор в церкви священника не с любимым, а со знакомым прихожанином (последний пример приводит С. Эрвин-Трипп) и т. п. Перемена роли влечет за собой переключение с одного кода на другой.

переключении с диалекта на литературный язык (так же, как с одного стиля на другой) действуют так называемые «вертикальные» правила совместной встречаемости языковых элементов. Иными словами, если используется лексика литературного языка, то должно использоваться соответствующее произношение и синтаксис, и интонация, т. е. средства всех ярусов структуры литературного языка (или диалекта, при обратном переключении с литературного языка на диалект, или стиля и т. д.) [Ervin-Tripp 1971]*. Такое переключение называется полным. Когда же говорящий владеет другой подсистемой недостаточно, происходит неполное переключение, при котором «вертикальные» правила совместной встречаемости не выполняются.

Среди разных типов такого неполного переключения особо следует рассматривать явление ситуативно обусловленного использования некоторых элементов диалектного кода лицами, которые владели диалектом лишь в детстве, а затем приобщились к литературному языку. В ситуациях, когда они выступают в роли сына (дочери) или, шире, в роли члена семьи, в их речи появляются фонетические, интонационно-синтаксические и лексические черты, характерные для речевых традиций данной семьи и отличающиеся от литературной нормы.

Если человек помимо литературного языка владеет какой-либо профессиональной речевой разновидностью (что вполне естественно при длительном исполнении той или иной профессии), то он пользуется этой разновидностью только в «производственных» ситуациях: при общении с собратьями по профессии, в разговорах на профессиональные темы и т. д. При отсутствии этого условия говорящий переключается на литературный язык, который служит ему средством общения во всех остальных (непрофессиональных) ситуациях**.

* Эти правила могут быть распространены и на использование невербальных средств коммуникации — жестов, мимики, проксемики, — так как функционирование каждой более или менее специфичной языковой подсистемы (диалекта, жаргона, стиля) характеризуется особенностями невербального поведения говорящих. Однако в таких случаях правильнее говорить не о чисто языковом, а о коммуникативном переключении (и его полноте / неполноте).

** Анализируя природу профессиональных аргов, их особенности как коммуникативного средства, Д. С. Лихачёв писал: «Каждый арготирующий двуязычен, речь его варьирует в зависимости от обстоятельств: в одни случаи он употребляет арготические слова, в других — обычные. В языке чертежников, например, существует арготическое слово *балеринка*, весьма активное и часто

Таким образом, и в диалектно-литературном, и в профессионально-литературном «двуязычии» сигналом к переключению кодов служит смена речевой ситуации и социальных ролей участников общения.

При общении друг с другом лица, владеющие разными (но общими для данных говорящих) подсистемами языка, могут использовать элементы как одного, так и другого кода в одной и той же речевой ситуации. Происходит интерференция средств — например, диалектных и литературных, профессиональных и литературных. При общении людей, один из которых владеет только одной подсистемой, такая интерференция, возможная в речи другого собеседника, мешает взаимопониманию; поэтому последний либо не допускает включения в свою речь элементов другого кода, либо акт общения затрудняется или прекращается вследствие непонимания.

В точности таков же механизм общения билингвов, с одной стороны, между собой и, с другой, — с лицами, владеющими только одним из используемых языков. Ср.: «...существуют различные изменчивые обстоятельства конкретных ситуаций речевого общения, которые могут отражаться на поведении двуязычного носителя. Например, если его собеседник владеет только одним языком, то двуязычному носителю приходится подавлять большую часть потенциальной интерференции и отказываться от свободы переключения с языка на язык, тогда как, имея дело с двуязычным собеседником, он может свободнее поддаться тенденции к интерференции и переключению» [Вайнрайх 1972: 53—54].

Наконец, при постоянном контакте и взаимодействии двух (или больше) языковых разновидностей в одном социуме может происходить не только локализованная в акте коммуникации интерференция кодовых элементов, но и их заимствование. При заимствовании языковой знак не просто используется говорящим в качестве речевого вкрапления (часто индивидуального), как это происходит при интерференции, а вступает в парадигматические и синтагматические связи с элементами заимствующей его подсистемы.

Примерами заимствований из диалектов в современном русском литературном языке могут служить такие слова, как *учеба*, *глухомань*,

употребляющееся. Особенность его заключается в том, что оно не вытесняет своего эквивалента — *циркуль*, а существует параллельно. В одних случаях (в своей среде) чертежник прибегает к слову *балеринка*, в других (в менее интимной обстановке) — говорит *циркуль*» [Лихачёв 1964: 333].

неполадки, косовица и др.; из специальных терминологий заимствованы *контакт, орбита, квант, цепная реакция* и многие другие, хорошо известные носителю современного русского литературного языка (подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 1; Капанадзе 1965]). С другой стороны, усиливающееся влияние на диалекты литературного языка приводит к массовому проникновению в диалектный код литературной лексики, которая более или менее успешно осваивается говорящими на диалекте (примеры общеизвестны).

Явление диглоссии характеризует функционирование не только таких исторически и социально различных подсистем национального языка, как диалекты и литературный стандарт. Оно наблюдается также в случаях, когда говорящие используют, например, разные формы литературного языка — кодифицированную (книжную) и разговорную. Как показывают исследования русской разговорной речи (см. [PPP 1973]), в современном русском обществе эти две языковые подсистемы различаются набором кодовых единиц и их речевой реализацией. Использование той и другой подсистемы носителями литературного языка находится в зависимости от ситуации речи и от социально-психологических отношений между участниками коммуникации: в непринужденных бытовых ситуациях при неофициальных или дружеских отношениях между говорящими используется обычно разговорная разновидность литературного языка. При смене ситуации и изменении ролевых установок говорящих происходит переключение с разговорного кода на книжный или интерференция элементов того и другого; может происходить и заимствование.

Например, редукция звуков при произношении частотных слов, таких как *будет, только, человек, когда* и под., нормальное для русской разговорной речи, при изменении ситуации или роли говорящего (например, роль приятеля → роль докладчика) замещается так называемым полным произношением; при этих же условиях, как это вполне очевидно, происходит изменение лексического кода, хотя тема общения может сохраняться (подробнее об этом см. [PPP 1973; PPP 1981]).

Однако возможно и неполное переключение с одного кода на другой. В этом случае в речи, построенной в целом по нормам кодифицированного литературного языка, будут встречаться элементы разговорные, и наоборот — в неофициальной беседе могут фигурировать — как более или менее случайные вкрапления — средства кодифицированного языка (то есть происходит интерференция). Ср. часто наблюдающееся

в современной русской речи включение в разговорные жанры штампов книжного и канцелярско-делового языка:

— Раз человек был такой шишкой, то ему скучновато в нашей жизни... когда *границы стираются еще в недостаточной степени* (И. Зверев. Он и она); Ивушкин не заставил себя долго просить и только осведомился, *по какому поводу* выпивка в будний день. — *Внеплановое событие* произошло... — туманно объяснил Воскобойников (Б. Бедный. Комары); — Ну, там вообще столько *объектов*, такая *скученность*, что даже выйти некуда погулять (Из устной речи), а с другой стороны — включение в книжные тексты элементов разговорного характера, например: Если многие ученые захотели *вязаться* в эту дискуссию, то этот факт очень показателен (Из выступления ученого на заседании); Он мне дал адрес, просил написать, но я *зашился* со своей торговлей (И. Голосовский. Хочу верить) и т. п.; примеры заимствованы из работы [Винокур 1968].

Интерферирующие элементы иногда закрепляются в воспринимающей их системе как регулярно используемые знаки, т. е. как заимствования. Это происходит в условиях, когда система испытывает недостаток в выразительных средствах или ее собственные средства оказываются дефектными в функциональном отношении*. Так, в современном книжно-литературном языке есть лексические и синтаксические единицы, харак-

* Например, дефектной с функциональной точки зрения является система апеллятивных средств современного русского литературного языка: в ней нет нейтральных в стилистическом отношении и общепринятых единиц, которые служили бы для обращения к незнакомым лицам, скажем, к старику, к пожилой женщине, к продавцу магазина и т. д. Слова *товарищ, гражданин, гражданка* (+ профессиональное звание или без него: *товарищ продавец; Гражданка, вы зонтик забыли*) тяготеют к официальной сфере общения. Не случайно, что в бытовых ситуациях говорящие стараются обойтись без этих обращений и используют в апеллятивной функции обороты типа *скажите, пожалуйста, простите, будьте добры* и т. п.

Этот слабый участок литературно-языкового кода подвергается влиянию просторечия: именно оттуда в общее употребление настойчиво проникают термины родства и названия некоторых социальных ролей, используемые в качестве обращения (черта, органически присущая просторечию): *папаша, мамаша, друг, приятель, дочка, сынок* и под. Литературная норма противится принятию этих элементов, но если система литературного языка не выработает собственных средств, вполне возможно — это диктуется коммуникативными потребностями, — что некоторые из подобных обращений войдут в словарный код носителей литературного языка.

терные для разговорной речи, заимствованные из разговорного кода: *летучка, выходной, у него температура, плохо с дровами* и т. п. (подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 1 и 3]. И наоборот: разговорная речь заимствует средства, которые прежде были присущи исключительно книжно-литературному языку (ср. употребление в русской разговорной речи в целом не характерных для ее кода кратких форм прилагательных).

Изложенные соображения позволяют сделать вывод о принципиальном различии между а) владением разными языками и б) владением разновидностями (разными подсистемами) одного языка. По таким признакам, как различия в коде, переключение, интерференция и заимствование, эти явления аналогичны. Эта аналогия может быть объяснена следующим образом.

В каждом обществе, как одноязычном, так и многоязычном, существуют: 1) определенный набор типовых социальных ролей, свойственных индивидуальному и общественному поведению членов данного социума (матрица общения, по Дж. Гамперцу [Gumperz 1962]), и 2) определенный набор типовых (стандартных, стереотипных) коммуникативных ситуаций. В двуязычном обществе в одних ситуациях, при использовании его членами одних ролей используется преимущественно один язык, при проигрывании других ролей и в иных ситуациях — преимущественно другой язык (именно таково, например, соотношение официально принятого, государственного языка и местных языков во многих странах Африки и Юго-Восточной Азии — см. об этом, в частности [Языковая ситуация... 1967; Языковая ситуация... 1975]). А в одноязычном обществе для «обслуживания» тех же самых ситуаций и реализации тех же самых ролей используются разные подсистемы одного языка.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Речевое общение представляет собой сложный процесс, в изучении которого можно выделить разные аспекты: собственно лингвистический (анализ тех языковых средств — фонетических, интонационных, лексических, грамматических, которые используются в коммуникации), психологический (установка общающихся друг относительно друга, их коммуникативные интенции, индивидуальные особенности поведения и т. п.), социальный. Последний аспект включает в себя статусные и ролевые различия между людьми (о понятиях социального статуса и социальной роли см. ниже), проявляющиеся в актах коммуникации, общественные стандарты и требования, предъявляемые к тем или иным формам речевого поведения, социальные различия между говорящими в их отношении к собственным и чужим моделям речевого поведения и т. п.

Рассмотрим некоторые проблемы, относящиеся к социальному аспекту речевого общения.

Языковая социализация

Вхождение человека в общество во многом происходит через освоение языка; по выражению Э. Сепира, «язык — мощный фактор социализации» [Сепир 1993: 231].

При рождении ребенок — еще не вполне человек в социальном смысле этого слова. Он представитель рода человеческого только биологически. Социальные свойства и функции личности приобретает в процессе воспитания и в общении с другими людьми. По выражению известного психолога А. Н. Леонтьева, «каждый отдельный человек учится быть человеком. Чтобы жить в обществе, ему недостаточно того, что дает ему природа при его рождении. Он должен еще овладеть тем, что было достигнуто в процессе исторического развития человеческого общества» [Леонтьев 1972: 408].

Произносить звуки и слова и понимать речь окружающих ребенок учится в человеческом обществе. Если же в самом раннем возрасте изолировать его от людей, то речь у него не развивается. Более того, по своему поведению и формам движений этот ребенок ничем не будет напоминать человека. В том, что это так, ученые убедились на примерах детей, которые совсем маленькими попадали к животным и росли в их обществе.

Приобщение человека к себе подобным начинается с очень раннего возраста. Если время упущено, и ребенок первые годы жизни находится в изоляции, то у него трудно — а в полной мере и невозможно — развить свойства, присущие человеку как члену общества, как социальной единице. При этом оказывается, что уровень культуры и цивилизации той среды, в которой первоначально воспитывается ребенок, мало существенен, — важно лишь, чтобы это были люди, а не животные.

Примером, доказывающим это положение, может быть история индийской девочки, которую нашел французский этнограф Велляр в Парагвае на стоянке, покинутой племенем гуарани. Он взял ее с собой и поручил воспитывать своей матери. По прошествии двадцати лет девочка по своему развитию ничем не отличалась от интеллигентных европейских женщин. Она занялась этнографией, свободно говорила на французском, испанском и португальском языках.

Маугли, герой всем известной истории, которую рассказал английский писатель Р. Киплинг, оказался в джунглях не в самом раннем возрасте. Хотя автор прямо не говорит, какое время прожил Маугли среди людей, одно то, что мальчик сам ушел из дома и попал к зверям, свидетельствует, что по крайней мере до года Маугли воспитывался людьми. Это обстоятельство должно объяснить нам, почему ребенок по своему поведению в значительной мере оставался человеком, хотя долгое время находился среди животных и общался исключительно с ними.

Таким образом, первые шаги в человеческом обществе ребенок делает еще до того, как он в состоянии стать на ноги и научиться ходить. Социализация начинается буквально с момента рождения.

Л. С. Выготский отмечал, что психическое развитие человека протекает путем усвоения им общечеловеческого опыта, передаваемого через предметную деятельность и прежде всего через язык. В течение всей жизни человека — а особенно интенсивно в первые годы — его адаптация к окружающим людям идет непрерывно. Ребенок усваивает

нормы поведения, с возрастом расширяется круг социальных ролей, которые он умеет исполнять, и типов ситуаций, в которых он чувствует себя естественно и непринужденно, при этом путем многократных повторений он отбирает то, что принято в данной социальной среде, и отвергает чуждое, нехарактерное для того сообщества, членом которого он себя считает [Выготский 1956].

Психологи выделяют три основных этапа процесса социализации: 1) первичная социализация, или социализация ребенка; 2) промежуточная, или псевдоустойчивая, — социализация подростка; 3) устойчивая, целостная социализация, которая знаменует собой переход от юношества к зрелости.

По мере дифференциации и усложнения отношений растущего человека с окружающим миром умножается число социальных общностей, к которым одновременно принадлежит один и тот же индивид. В самом деле: до года-двух ребенок просто дитя своих родителей, и это одна из его немногочисленных (пока) социальных ролей. Затем его отдадут в детский сад, и он становится членом еще одного сообщества. Дальше — группы сверстников во дворе, школьный класс, спортивные секции, кружки коллекционеров и т. п. После окончания школы человек становится членом таких социальных коллективов, как институт, завод, армия. Он не только участвует в совместной деятельности людей, составляющих ту или иную конкретную группу, но и наблюдает, как исполняют они различные роли. Поэтому, становясь взрослым, он формирует представление о разнообразных социальных ролях, включая и такие, которые сам ни разу не исполнял.

Всё это имеет прямое отношение к усвоению языка. Социализация невозможна без овладения речью, и не речью вообще, а речью данной социальной среды, нормами речевого поведения, свойственными этой среде. Язык является и компонентом социализации, и ее инструментом.

Механизм того, как ребенок усваивает язык и как начинает его использовать, очень сложен и не вполне доступен прямому наблюдению. Ведь мы только слышим речь (или видим текст), а то, как она возникает, как мысль воплощается в слово, мы даже с помощью средств современной науки увидеть пока не можем. И сам говорящий не способен проанализировать, как рождаются в нем слова и звуки, — он делает это неосознанно, подчиняясь выработанному в раннем детстве механизму порождения речи.

В том, что процесс порождения речи обычно не осознан (конечно, он подвластен сознанию в том смысле, что можно говорить, тщательно взвешивая каждое слово, внимательно вслушиваясь в него, но, во-первых, это совсем не одно и то же, что сознательный контроль над порождением речи, а во-вторых, для нормального говорения такая ситуация необычна), — легко убедиться на примерах бреда: человек потерял сознание, но может говорить, и в некоторых случаях достаточно связно. Сравните также говорение во сне, под гипнозом и т. п.

Возникает как будто противоречие: язык, как мы знаем, неразрывно связан с мышлением, он воплощает в словах, в высказываниях то, что рождается в мозгу, — и он же, оказывается, независим от сознания. От сознания, но не от мышления: и во сне, и в бреду, и под гипнозом человек не утрачивает способности мыслить (пусть в слабой, «угасающей» степени). Он теряет только способность сознательно контролировать свою деятельность (в том числе и речевую).

Лишенные возможности проникнуть внутрь мозга и инструментально исследовать лингвистическое знание и процесс порождения речи, языковеды научились моделировать структуру языка и речевое поведение на основе тех многочисленных фактов, которые можно получить при наблюдении за речевой деятельностью людей. Такие факты начинают появляться с первых криков ребенка, на самой начальной стадии его социализации.

Уже в раннем возрасте ребенок познает действительность с помощью языка. Хотя он сам еще не умеет говорить, но понимает, когда взрослые указывают ему: Вот кукла. Это кошка. Слово, и даже не отдельное слово, а высказывание в целом на этой стадии очень тесно связано с действительностью. «На начальных этапах, — писал А. Р. Лурия, — связная речь понимается ребенком только в пределах определенной действительной ситуации, и пусковое значение обращенной к нему речи определяется не столько связью между собой слов, сколько упомянутого во фразе с определенной наглядно-действенной ситуацией, возникающей при восприятии того или иного предмета» [Лурия 1959: 540].

О тесной связи высказывания с конкретной ситуацией (в сознании маленького ребенка) свидетельствуют и специальные эксперименты. Ребенок понимает фразу в целом, а не пословно. Например, когда вместо часто повторяемой фразы Положи мячик на стол малышу говорят Положи мячик под кровать, он все равно кладет мяч на стол, как и раньше.

Лишь в два-три года этот ситуационный характер понимания связной речи начинает отступать на задний план. Формируется собственная речь ребенка, обладающая определенной структурой. Теперь он не только слушает, но и говорит, т. е. от пассивного восприятия речи переходит к активному ее освоению. Этот переход протекает в полном согласии с психическим развитием маленького человека: как указывал Л. С. Выготский, в раннем возрасте (до двух лет) преобладает восприятие, а все другие психические процессы — память, внимание, мышление, эмоции — осуществляются через восприятие. У детей-дошкольников преобладает память, и активное овладение языком невозможно без ее развития. В школьном возрасте на первое место выдвигается мышление [Выготский 1956: 431].

Л. С. Выготский теоретически обосновал и подтвердил экспериментально, что значения слов не одни и те же у детей разного возраста, что они меняются с развитием ребенка. Скажем, в раннем возрасте младенец воспринимает слово завод просто как сочетание звуков, оно не вызывает у него никаких ассоциаций; у мальчика трех-четырёх лет, отец которого работает на заводе, оно может связываться с образами труб, станков и т. п.; учащийся начальной школы имеет уже более четкое представление о содержании этого слова.

В овладении языком проявляются не только возрастные различия детей, но и особенности той социальной среды, в которой воспитываются, например, сын военнослужащего и сын рабочего, крестьянская девочка и дочь горожанина.

Уже на самой ранней стадии развития, когда ребенок делает открытие о том, что каждая вещь имеет свое имя, есть условия к социально различному усвоению языка. В разных по своей профессиональной ориентации и культурному уровню семьях неодинакова употребительность некоторых (одних и тех же) слов, понимание их смысла, их эмоциональная оценка. Одна и та же вещь имеет подчас разное наименование в семье токаря — и геолога, музыканта — и строителя. И даже одно и то же слово в разной социальной среде может пониматься по-разному. Когда у пятилетней дочери слесаря, заявившей, что она не любит слушать игру на скрипке, спросили, какой инструмент нравится ей больше всего, она, чуть подумав, ответила: Пассатижи. В языковом сознании ребенка, растущего в семье музыканта, «техническое» значение слова инструмент едва ли будет на первом месте: скорее всего, инструмент для него — это рояль, скрипка и т. п.

У детей, пришедших в школу из разных в социальном и культурном отношениях семей, часто обнаруживается неодинаковое владение языком, неравная способность к речевому общению. Различия касаются и активного запаса слов, умения связно говорить, и речевого приспособления к условиям общения. Эти различия сохраняются и в школьные годы, хотя совместное обучение детей разного социального происхождения в известной мере выравнивает их речь, уменьшает разницу во владении языком.

Английский психолог Б. Бернстайн сравнил речь двух групп подростков. В первой группе были дети из низших социальных слоев, не получившие систематического образования и работавшие рассыльными; во второй — учащиеся и выпускники так называемых высших частных школ (high public schools). В обеих группах — равное число подростков одного возраста. Их интеллектуальный уровень тоже был примерно одинаков (это устанавливалось специальными тестами). Каждый из членов этих двух групп дал короткое интервью на одну и ту же тему — о том, как он относится к возможной отмене пенальти в футболе. Интервью записывались на магнитофон и затем подвергались лингвистическому анализу. Этот анализ подтвердил заранее выдвинутую Б. Бернстайном гипотезу, согласно которой представители первой группы (низший социальный слой) используют менее богатый и менее разнообразный словарь, чем представители второй группы [Bernstein 1966]. Делались эксперименты по изучению и различий в синтаксических способностях подростков из разных социальных групп: оказалось, что у ребят из бедных семей синтаксис более ограничен и однообразен, чем у учащихся и выпускников частных школ. Эти эксперименты послужили материалом для обоснования так называемой теории языкового дефицита, автором которой считается Б. Бернстайн.

Дальнейшие исследования внесли существенные поправки в эту теорию. Оказалось, что в использовании более или менее богатого словаря, тех или иных синтаксических конструкций решающую роль играют условия, в которых происходит общение. Изучая группы подростков-негров, У. Лабов обнаружил, что их речь при пересказывании различных историй приятелям, в словесных шутках и перепалках — словом, в естественных для них условиях — весьма гибка и разнообразна. Если они кажутся необщительными в официальных интервью с незнакомым исследователем, то это должно свидетельствовать скорее о непривычности для

них обстановки интервью, чем об их языковой неразвитости. С другой стороны, подростки из обеспеченных и культурных американских семей не всегда прибегают к разнообразным языковым средствам: в семейных ситуациях, в разговорах с родителями они пользуются небогатым словарем и ограниченным набором синтаксических конструкций [Labov 1972; Labov 1972a].

Между подростками той и другой групп различие заключается в том, что дети из культурных семей более успешно осваивают различные социальные роли, овладевают теми знаниями, которые необходимы для правильного приспособления своей речи к обстановке. При смене ситуации, изменении условий речи они лучше умеют переключаться с одних языковых средств на другие, подгоняя свою речь по стилю, окраске, тональности к условиям общения.

Превращаясь из ребенка во взрослого, человек учится приспособлять свою речь к целям общения, к социальным и психологическим условиям речи, к тем ролям, которые он исполняет по отношению к окружающим его людям. С достаточно раннего возраста язык усваивается не в «чистом» виде, а в разнообразных коммуникативных формах, включающих ситуативные и ролевые моменты. Недаром даже маленькие дети хорошо понимают, с кем как говорить — ласково, небрежно, капризно, грубо, повелительно и т. д.

Наблюдения показывают, что уже в возрасте трех-четырёх лет ребенок владеет элементами ролевого поведения: он начинает использовать языковые средства дифференцированно — в зависимости от того, с кем он говорит (например, с отцом, бабушкой или со сверстниками) и в каких условиях. Так, выбор лексики и весь строй речи в разговоре наедине с кем-либо из членов семьи отличаются от словоупотребления и синтаксических построений в беседах с тем же лицом, но в присутствии постороннего. Однако в целом правила ситуативно-ролевого поведения, выражающегося в речи, осваиваются труднее и в более длительные сроки, чем правила собственно языковые.

Первоначально речь ребенка не всегда ориентирована вовне, она может не быть направленной на реального собеседника. Это как бы речь для себя. Швейцарский психолог Ж. Пиаже [Piaget 1923; Пиаже 1994] показал, что многие трудности в общении между детьми младшего возраста возникают как раз по этой причине: говорящий не заботится о том, чтобы сообщить другим нечто, он просто говорит сам с собой

(любопытно, что это явление повторяется в глубокой старости). Такую речь Пиаже назвал эгоцентрической, в отличие от речи социализированной, произносимой для других, ориентированной на собеседника. Под влиянием социального окружения у человека развивается именно этот, второй тип речи, и в дальнейшем он-то и составляет костяк его речевой деятельности. Эгоцентрическая же речь постепенно перестает выражаться вовне, перестает звучать; но это не значит, что она исчезает. Она «перерастает» в речь внутреннюю, непроизносимую.

Толчком и необходимым условием к овладению социализированной речью служит игра. Участвуя в игре, дети могут переходить из одной роли в другую, не учитывая каноны и логику взрослых. Однако именно в игре ребенок начинает усваивать элементы тех ролей, которые играют на его глазах взрослые, прежде всего отец и мать. Поэтому с точки зрения социального и психологического развития игра — такой же важный вид деятельности для ребенка, как работа и другие виды общественного поведения — для взрослых.

Взаимодействуя в игре, дети воспринимают и усваивают то, что психологи называют шаблонами поведения, т. е. наиболее типичные и часто повторяющиеся формы человеческого общения. «Игры важны в социализации, поскольку роли участников специфичны; ясно установлено, что каждый играющий может или не может делать, определены цели взаимодействия и ограничена область личного выбора. Следует отметить, что дети научаются дисциплине и ответственности в группах равных <...> значительно больше, чем дома», — это мнение американского социопсихолога Т. Шибутани [Шибутани 1969: 421—422] разделяют и многие другие исследователи.

Процесс социализации, интенсивный в детстве и отрочестве, продолжается и у взрослого человека. Разумеется, он становится менее интенсивным, поскольку основные модели поведения (в том числе и речевого) уже усвоены. Однако подобно тому, как нельзя сказать о ком бы то ни было, что он в совершенстве владеет языком, никто не может быть уверен, что он полностью овладел всею «ситуативной грамматикой», действующей в данном языковом сообществе: попадая в новые для себя условия общения, носитель языка не всегда находит в собственной коммуникативной компетенции те модели поведения, которые наилучшим образом соответствуют данной ситуации (это может быть незнакомая социальная роль, которую вынужден проигрывать чело-

век, неясные для него цели других коммуникантов, психологический дискомфорт и т. п.).

Можно сказать, что социализация каждого человека начинается с его рождения и заканчивается с последним его вздохом.

Речевое общение и социальные роли коммуникантов*

Разные формы общественного поведения человека социологи и социопсихологи называют его социальными (или функциональными) ролями, тем самым расширяя обыденное понимание этого слова.

Социальная роль — это «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию» ([Кон 1967: 23]; см. также [Шибутани 1969: 44; Щепаньский 1969: 71; Белл 1980: 135—137]), социальная позиция, или статус, — формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы [Белл 1980: 137].

Термином *социальный статус* обозначается соотносительная (по оси «выше—ниже») позиция в социальной системе, определяемая по ряду признаков, специфичных для данной системы. Статус отвечает на вопрос: «кто он?», роль — на вопрос: «что он делает?» Поэтому можно сказать, что роль — это динамический аспект статуса [Социальная психология 1975: 233].

Существенным компонентом социальной роли является ожидание: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида, они вправе требовать от него; он же обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям. Например, приходя в гости, вы обязаны поздороваться первым и имеете право на внимание к вам со стороны хозяев. Школьный учитель по своей профессиональной роли обязан передавать свои знания ученикам и вправе требовать от них внимания и прилежания (это их обязанность). Таким образом, роли — это своеобразные шаблоны взаимных прав и обязанностей.

* Впервые опубликовано в сборнике: Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1976.

Роли могут быть обусловлены как постоянными или долговременными характеристиками человека: его полом, возрастом, положением в семье и социальным положением, профессией (таковы, например, роли мужа, отца, начальника, сослуживца и др.), — так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др.

Социальные роли, связанные с постоянными или долговременными характеристиками, накладывают отпечаток на поведение и даже на образ жизни данного человека, «оказывают заметное влияние на его личностные качества (его ценностные ориентации, мотивы его деятельности, его отношение к другим людям)» [Кон 1967: 24] (см. также [Кон 1969: 248]). Сказываются они и в речи: ср. расхожие «квалифицирующие» определения вроде *говорит, как учитель; хорошо поставленным актерским голосом; начальственный окрик; оставь свой прокурорский тон; кричит, как базарная торговка* и под.

Род занятий, профессия человека, несомненно, влияют на характер использования языка. Например, люди интеллектуального труда — представители науки, инженеры, врачи, учителя и др. — как правило, используют литературную форму национального языка, крестьяне пользуются диалектом, а те, кто занят физическим трудом, наряду с литературным языком могут прибегать к средствам просторечия, профессиональных жаргонов. Лица, по своей профессии связанные со словом, — писатели, журналисты, учителя-словесники, радио- и теледикторы, священники — в большей мере следуют традиционной норме, чем те, чья деятельность не сопряжена с профессиональным использованием языка.

Подобные зависимости прослеживаются и в группах людей, различающихся уровнем и характером образования: очевидно, например, что с повышением уровня образования возрастает приверженность литературной форме языка, поскольку в подавляющем большинстве стран языком всех видов образования является язык литературный. Кроме того, важен характер образования: «гуманитарии» (филологи, историки и др.), как правило, более консервативны в своих языковых привычках и предпочтениях, чем те, кто получил техническое образование: в речи последних больше новшеств, не всегда одобряемых традиционной нормой (ср., например, процесс жаргонизации устной интеллигентской

речи, наблюдаемый в современной России, — у «технарей» он выражен более отчетливо, чем у «гуманитариев»).

Разному возрасту соответствуют разные модели речевого поведения. Ребенку прощают ошибки, которые в речи взрослого считаются недопустимыми. Некоторая бессвязность в синтаксических построениях, нечеткость произношения у старика воспринимаются как неизбежная, хотя и печальная данность, а те же черты у молодого и здорового носителя языка оцениваются как вызывающая удивление аномалия. Человек преклонного возраста может обратиться на ты к незнакомому подростку, но обратное — обращение подростка к пожилым людям на ты — воспринимается в культурном русском обществе как несомненная грубость. Такие речевые акты, как нравоучение, запрет, окрик более естественны в устах старших по отношению к младшим (например, в семье и других малых социальных группах), чем при общении людей, равных по возрасту, или тем более при адресации младшего к старшему*.

Различия можно обнаружить в речи людей и в зависимости от их биологического пола. Например, женщины чаще, чем мужчины, используют эмоционально-оценочную лексику и уменьшительные образования, в их речи больший спектр цветообозначений, чем у мужчин, речь которых, в свою очередь, имеет и другие отличия от «женской» (например, бóльшая приверженность жаргонным словам и выражениям, ненормативной лексике, более свободному использованию технической терминологии и др.).

В некоторых обществах различия в речи между мужчинами и женщинами столь заметны, что можно говорить о двух «языках» — мужском и женском. Например, в чукотском языке, по свидетельству В. Г. Богораза, существует особое женское произношение. Женщины, в отличие от мужчин, произносят вместо ч и р только ц, в особенности после мягких согласных [Богораз 1934 — 1939]. В языке одной из народностей, живущих на Малых Антильских островах, — два словаря: один используется мужчинами (и женщинами, когда они говорят с мужчинами), а второй — женщинами, когда они говорят между собой.

* Об интересных закономерностях, связанных с различными представлениями о том, какому возрасту что соответствует, пишет Г. Е. Крейдлин в статье «Стереотипы возраста» [Крейдлин 1996].

В языке индейцев, живущих в Северной Калифорнии (США), одни и те же предметы и явления называются по-разному в зависимости от того, кто о них говорит — мужчина или женщина. Например:

Смысл	Как выражается в языке мужчин	Как выражается в языке женщин
‘огонь’	<i>‘auna</i>	<i>‘auh</i>
‘мой огонь’	<i>‘auh</i>	<i>‘au’nich’</i>
‘олень’	<i>bana</i>	<i>ba’</i>
‘медведь’	<i>t’en’na</i>	<i>t’et’</i>

В так называемых культурных языках различия между мужчинами и женщинами в языке значительно меньше, они касаются главным образом не набора языковых единиц, а частоты их использования, а также речевого поведения, отношения к языку, языковых вкусов и предпочтений и т. п.

Например, английские конструкции типа *John is here, isn't he?* более характерны для речи американок, мужчины-американцы предпочитают прямой вопрос: *Is John here?* То же касается конструкций с усиленным *so*: *I feel so unhappy! That sunset is so beautiful!* — они более естественны в устах женщины [Lakoff 1973; Lakoff 1975]. Негритянские женщины, живущие в США, более чувствительны к языковым неправильностям, особенно в ситуациях, требующих повышенного внимания к собственной речи. В этих случаях они употребляют меньше неприятных, ненормативных форм, чем мужчины, и более восприимчивы к социально престижным языковым моделям, распространенным в культурной среде.

Отмечая подобные различия в использовании языка, исследователи справедливо считают, что в большинстве случаев они характерны для обществ, в которых издавна существует социальное разделение людей по полу. Положение мужчин и женщин в таких обществах различно (и в правовом, и в бытовом отношении), и расхождения в языке — естественное следствие этого социального неравенства. Однако даже и при этом условии значительные различия в языке между полами редки:

речевое общение мужчин и женщин столь регулярно и интенсивно, что яркое своеобразие не может долго удерживаться.

Вместе с тем элементы языковых различий в зависимости от пола говорящих имеются и в цивилизованных обществах, в частности даже в тех, где формально нет социального неравенства мужчины и женщины. Например, в современном русском обществе мужчины и женщины по-разному приветствуют друг друга: мужчины, в особенности молодые и хорошо знакомые друг с другом, могут употреблять наряду с формами здравствуй(те), привет, добрый день и др., и форму здорово, которая женщинам менее свойственна. Обращения также более разнообразны у мужчин:

- Садитесь, мамаша! (обращение к пожилой незнакомой женщине);
- Друг, дай закурить!
- Спокойно, папаша! (говорит в фильме «Берегись автомобиля!»)

Деточкин-Смоктунувский).

В речи женщин подобные обращения редки. Напротив, апеллятивы типа детка (по отношению к ребенку), милочка и некоторые другие чаще употребляют женщины.

Иногда различия в использовании тех или иных слов более глубоки и, по-видимому, отражают традиционную разницу в общественном положении мужчины и женщины.

Например, слова вдова и вдовец имеют разные возможности употребления в так называемой посессивной конструкции: можно сказать **Это вдова Петра Николаевича*, но не говорят **Это вдовец Ольги Ивановны*. Если по-английски сказать **He's a professional* и **She's a professional*, то первая фраза понимается в том смысле, что некто хорошо владеет какой-либо профессией (например, он хороший врач или судья), а вторая фраза большинством говорящих по-английски будет понята в смысле ‘Она — проститутка’ [Lakoff 1973]. Весьма интересны также наблюдения Р. Лакоффа над тем, какие названия животных метафорически применимы к мужчине, а какие — к женщине: *dog* (собака) и *bitch* (сука), *fox* (лисица) и *vixen* (лисица), а в переносном смысле — сварливая женщина, ведьма) и т. п. Однако в большинстве случаев различия между «мужской» и «женской» речью носят скорее количественный, чем качественный характер: таких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот. Тем не менее постулат о зависимости речевых особенностей от разделения носителей

языка по полу не подлежит сомнению: такая зависимость существует и проявляется многообразно*.

Исполнение одних и тех же ситуативных ролей (пациента, покупателя и т. п.), скажем, плотником и преподавателем математики, студентом и домохозяйкой — различно: хотя данная ситуация (например, купля-продажа) предъявляет к ее участникам определенные требования, ролевое поведение каждого из участников бывает обусловлено их постоянными или долговременными социальными характеристиками, их профессиональным или служебным статусом.

Социальные роли, типичные для данного общества, усваиваются (интернализуются) человеком в процессе его социализации. Несмотря на то, что совокупность ожиданий, присущая той или иной роли, состоит из набора констант, предписывающих индивиду определенное поведение, интернализация ролей каждым человеком происходит через призму его личного опыта и под влиянием той социальной микро- и макросреды, к которой он принадлежит. Поэтому и исполнение ролей, как обусловленных постоянными и долговременными социальными характеристиками индивида, так и проигрываемыми в той или иной стандартной ситуации, варьирует от личности к личности, от одной социальной группы к другой. Важно, однако, что эта вариативность находится в определенных пределах — пока она не противоречит ожиданиям, присущим данной роли, пока не нарушает некоторых социальных норм.

Многие роли, характерные для данного общества, имеют специальные обозначения в языке: *отец, жена, сын, одноклассник, сосед, учитель, покупатель, пациент, пассажир, председатель собрания, клиент* и т. п. Все взрослые члены общества более или менее хорошо знают, чего ожидать от поведения человека при исполнении им каждой из подобных ролей, так что даже простое произнесение имени роли обычно вызывает в сознании говорящего и слушающего представление о комплексе свойственных этой роли прав и обязанностей.

* Работы, изучающие половые различия в языке, в современной социолингвистике весьма многочисленны. См., например [Земская и др. 1993 — здесь же дан обзор литературы по этому вопросу; Lakoff 1973; Thorne, Henley 1975; Sherer, Giles 1979, Mills 1999], а также [Лабов 2012] и обзорную статью [Потапов 1997]. Сложилась даже особая социолингвистическая дисциплина — гендерная лингвистика (от англ. *gender* — род, пол), изучающая языковые явления, связанные с различиями носителей языка по полу.

Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в стереотипы; они составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. Стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение человека, его манеру говорить, двигаться, одеваться и т. п.

В рассказе А. И. Куприна «С улицы» опустившийся полуинтеллигент-попрошайка использует атрибуты различных профессий для успешного и притом вполне респектабельного попрошайничества. Вот как он сам об этом рассказывает:

«Рассчитываешь всегда на психологию. Являюсь я, например, к инженеру — сейчас бью на техника по строительной части: высокие сапоги, из кармана торчит деревянный складной аршин; с купцом я — бывший приказчик; с покровителем искусства — актер; с издателем — литератор; среди офицеров мне, как бывшему офицеру, устраивают складчину. Энциклопедия!..

Надо стрелять быстро, чтобы не надоест, не задержать, да и фараоновых мышей опасаться, потому и стараешься совместить все сразу: и кротость, и убедительность, и цветы красноречия. Бьешь на актера, например: “Милостивый государь, минуту внимания! Драматический актер — в роли нищего! Контраст поистине ужасный! Злая ирония судьбы! Не одолжите ли несколько сантимов на обед?” Студенту говорю так: “Коллега! Помогите бывшему рабочему, административно лишенному столицы. Три дня во рту маковой росинки не было!”

Если идет веселая компания в подпитии, вали на оригинальность: “Господа, вы срываете розы жизни, мне же достаются тернии. Вы сыты, я — голоден. Вы пьете лафит и сотерн, а моя душа жаждет казенной водки. Помогите на сооружение полдиковинки бывшему профессору белой и черной магии, а ныне кавалеру зеленого змия!”».

Герой этого рассказа гибко владеет не только формами социального поведения, но и различными манерами речи (правда, в несколько утрированном виде): сравните лексику и строй предложений в его обращениях к актеру (повышенная эмоциональность, мелодраматизм интонаций), студенту (дружески-почтительный и одновременно несколько фамильярный тон), к веселой компании (нотки обличения в сочетании с цветистостью: *розы жизни, тернии, душа жаждет*).

Резюмируя сказанное о понятии социальной роли, мы можем сделать вывод, что роль — это форма общественного поведения человека,

обусловленная его положением (а) в некоторой социальной группе (например, в семье, в производственной, учебной, спортивной, военной группе — сравните роли отца и сына, начальника и подчиненного, учителя и ученика, тренера и спортсмена, командира и солдата) и (б) в некоторой ситуации общения — например, в ситуации купли-продажи, приема у врача, судебного заседания и т. п. (ср. роли покупателя и продавца, врача и пациента, судьи и подсудимого).

Как мы видим из приведенных примеров, пары социальных ролей — наиболее типичная форма ролевого взаимодействия людей. Соотношение ролей в таких парах может быть трояким:

- 1) роль первого участника ситуации (X) выше роли второго участника ситуации (Y): $R_x > R_y$;
- 2) роль первого участника ситуации ниже роли второго участника: $R_x < R_y$;
- 3) роли обоих участников ситуации равны: $R_x = R_y$.

Социальная роль X-а выше социальной роли Y-а тогда, когда в некоторой группе или в ситуации общения Y зависим от X-а; и наоборот, социальная роль X-а ниже социальной роли Y-а, если в некоторой группе или ситуации общения X зависим от Y-а*. При отсутствии зависимости говорят о равенстве социальных ролей членов группы или участников ситуации.

В соответствии с типами ролевых отношений все ситуации общения можно подразделить на симметричные и асимметричные. Симметричными являются ситуации с соотношениями ролей по типу $R_x = R_y$, асимметричными — ситуации с соотношениями ролей по типам $R_x > R_y$ и $R_x < R_y$.

Такое разбиение ситуаций общения на два указанных класса не только отражает разную структуру ролевых отношений при наличии / отсутствии зависимости между коммуникантами — оно важно и с чисто лингвистической точки зрения.

Во-первых, для асимметричных ситуаций характерна тенденция, выражающаяся в том, что речь лица, находящегося в зависимом положении, более эксплицитна, нежели речь его собеседника (под экспли-

* Мы придерживаемся следующего истолкования понятия зависимости: «X зависит от B = 'B может каузировать изменения в свойствах, состояниях и поведении X-а'» [Апресян 1974: 108].

цитностью понимается формальная выраженность элементов языка и связей между ними в речи). Например, просьбы, жалобы, самооправдания и т. п. (тип ролевого отношения $R_x < R_y$) должны быть изложены максимально понятно для того, кому они адресованы, — это в интересах самого говорящего; для достижения этой цели говорящий избегает редукации языковых средств, которая может привести к потере информации, сообщаемой им Y-у.

При ролевых отношениях $R_x > R_y$ требование эксплицитности речи также может быть настоятельным. Например, в речевых актах приказа, выговора, наставления речь X-а максимально эксплицитна, хотя Y в этом далеко не всегда заинтересован; в речевых актах рекомендации, совета и нек. др. в эксплицитности речи X-а заинтересованы обе стороны.

В симметричных ситуациях степень эксплицитности зависит от отношений между участниками: чем более официальны они, тем выше степень эксплицитности, и, напротив, чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь каждого из участников, тем ярче проявляется тенденция к свергыванию высказываний и замене языковых единиц элементами ситуации и параязыковыми средствами (жестами, мимикой, физическим положением общающихся в том или ином коммуникативном пространстве и т. п.).

Во-вторых, большая часть асимметричных ситуаций обслуживается кодифицированными подсистемами языка — преимущественно разными стилями книжно-литературного языка, — в то время как симметричные ситуации в этом отношении не маркированы: они могут обслуживаться как кодифицированными подсистемами языка, так и некодифицированными (диалектами, просторечием, жаргонами).

Владея разными типами ролевого поведения, каждый взрослый член общества в повседневной жизни выступает в разных ипостасях, являясь то отцом, сыном или мужем, то сослуживцем, начальником или подчиненным, то покупателем, то пассажиром, то пациентом и т. д. Переходя от исполнения одной роли к исполнению другой, индивид переключается с одних стереотипов поведения на другие. Речевое переключение имеет в этом процессе первостепенное значение: поскольку ролевое взаимодействие людей в большинстве ситуаций вербально, постольку успех общения в значительной мере зависит от того, в доста-

точной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации*.

Исходным положением при таком взгляде на ролевое переключение человека в его повседневном поведении является тезис о том, что каждой роли (или «пучкам» ролей) соответствует определенная разновидность языка. Иначе говоря, ролевой матрице, или матрице общения, может быть поставлена в соответствие «кодовая матрица» — множество обслуживающих данное общество языковых образований (см. [Gumperz 1962: 32]). Это могут быть как подсистемы одного языка или его стили, так и самостоятельные языки — в дву- или многоязычном обществе (о принципиальном сходстве механизма переключения с одной разновидности языка на другую с механизмом речевого переключения билингвов см. в очерке «Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии»).

Таким образом, члены общества диглосны: они владеют разными коммуникативными кодами (подсистемами, стилями), обращающимися в данном обществе. Их социальный успех, в частности естественность и эффективность их ролевого поведения, зависит от того, насколько совершенно это владение, насколько легко может индивид переключаться с одного кода на другой при смене социальной роли.

Так, лица, владеющие местным диалектом и в результате образования — литературным языком, используют эти подсистемы в разных классах ситуаций. Диалект используется при общении со старшими членами семьи, с односельчанами, литературный язык — в большинстве «городских» ситуаций, в особенности при официальной тональности этих ситуаций. Здесь действует тенденция: чем большего внимания к собственной речи требует от говорящего данная ситуация общения, тем вероятнее использование им литературного языка (или, при неполном владении последним, речевых форм, близких к литературным). Напротив, при свободном общении, при снятии или ослаблении соци-

* В аспекте социализации усвоение тех или иных социальных ролей значит в первую очередь овладение теми стереотипами речевого поведения, которые характерны для данной роли. Когда нам приходится исполнять чуждые для себя (то есть неосвоенные) роли, то мы чувствуем себя неуютно прежде всего оттого, что не знаем, что и как говорить при проигрывании этих ролей.

ального контроля и речевого самоконтроля* в той или иной ситуации вероятнее использование диалекта (заметим, что в точности таков же механизм использования родного и русского языков при национально-русском двуязычии).

В связи с этим показательно, что деление всех ситуаций общения в речевой практике диглосного говорящего (владеющего местным диалектом и литературным языком) на «сельские» и «городские» не жестко. Так, и в условиях села при общении с местными представителями официальной власти используются преимущественно не диалектные формы речи, а литературные или смешанные, промежуточные. С другой стороны, если говорящий общается с односельчанином, обладающим тем же самым или более низким социальным статусом, в условиях города, то в этом случае может преобладать диалектная речь.

При переключении с диалекта на литературный язык и обратно (так же, как при переключении с одного стиля на другой) действуют так называемые «вертикальные» правила совместной встречаемости языковых элементов (см. об этом выше, в очерке «Речевое общение, речевое поведение, речевой акт»).

Действие этих правил заключается в том, что если используется лексика литературного языка, то должно использоваться и соответствующее произношение, и синтаксис, и интонация, т. е. средства всех ярусов структуры литературного языка (или диалекта, при обратном переключении с литературного языка на диалект). Такое переключение

* С точки зрения силы социального контроля все ситуации общения можно условно разделить на (1) находящиеся в зоне жесткого социального контроля: это в основном ситуации с официальными ролевыми отношениями между участниками — ср. ситуации дипломатического приема, воинской присяги, выступления оратора, заседания ученого совета и др.; (2) находящиеся в зоне умеренного социального контроля: имеются в виду ситуации, регламентируемые социальным узусом, а не какими-либо специальными правилами, инструкциями и т. п., — такова, например, большая часть служебных ситуаций с ролевыми отношениями «начальник — подчиненный», «сослуживец — сослуживец», а также ситуации общения незнакомых и малознакомых людей в общественных местах — в магазине, на транспорте, на приеме у врача и т. п.; (3) находящиеся в зоне ослабленного социального контроля: ср. ситуации дружеского и интимного общения людей.

называется полным*. Когда же говорящий владеет другой подсистемой языка недостаточно, происходит неполное переключение, при котором вертикальные правила совместной встречаемости не выполняются: используя, скажем, литературную лексику, говорящий обнаруживает в своей речи фонетические и интонационные черты, свойственные диалекту.

Среди разных видов неполного переключения интересно явление ситуативно обусловленного использования некоторых, отдельных элементов диалектного кода лицами, которые владели диалектом лишь в детстве, а затем приобщились к литературному языку (что в социальном плане соответствует их перемещению в среду образованных горожан). В ситуациях, когда они выступают в роли сына (дочери), в их речи появляются фонетические, интонационные, синтаксические и лексические черты, характерные для речевых традиций данной семьи и отличающиеся от литературной нормы (см. об этом [Жоготкова 1979]).

Сходные явления наблюдаются при других видах диглоссии — например, при одновременном владении говорящими литературным языком и профессиональным жаргоном.

Явление диглоссии характеризует и функциональное соотношение двух основных разновидностей литературного языка — языка книжного, кодифицированного и разговорной речи. Как показывают исследования [PPP 1973; Земская и др. 1981; PPP 1983], в современном русском языке две эти разновидности различаются набором единиц и их сочетаемостью в речи. Так, в разговорной речи меньше набор фонем (нет < ж >] полумягкого и [1] «среднеевропейского», свойственных книжному языку при произношении слов типа *жюри* и *леди*; объективности ради надо заметить, что подобное произношение свойственно лишь небольшой части носителей современного литературного языка), в парадигме склонения имен существительных есть особая звательная форма типа *дядь*, *Петь*, *Лен* (вместо *дядя*, *Петя*, *Лена*); в разговорной речи неупотребительны причастия и деепричастия (в их предикативной функции); аналитические прилагательные типа *авиа* могут занимать не только препозитивное,

* Эти правила могут быть распространены и на использование невербальных средств коммуникации — жестов, мимики, проксемики, — так как функционирование каждой более или менее специфической языковой подсистемы (литературного языка, диалекта, жаргона) характеризуется особенностями невербального поведения говорящих. Однако в этих случаях правильнее говорить не о чисто языковом (речевом), а о коммуникативном переключении (и о его полноте / неполноте).

но и постпозитивное место относительно определяемого (*Дайте два билета авиа; Какой класс вы можете мне предложить — бизнес или эконом?*) и т. п.

Использование той и другой разновидностей литературного языка его носителями находится в зависимости от ситуации речи, от социально-психологических отношений между участниками коммуникации: в непринужденных бытовых ситуациях при неофициальных и дружеских отношениях между говорящими обычно используется разговорный язык. При смене ситуации и изменении ролевых установок говорящих происходит переключение с разговорного языка на книжный.

Например, произношение [буиът], [токъ], [када] — *будет, только, когда*, — нормальное для русской разговорной произносительной нормы, при изменении ситуации или роли говорящего (например, роли друга, сослуживца — роль докладчика) замещается так называемым полным произношением: [будъът] (или [буъдът]), [толжа], [кагда]; при этих же условиях, как вполне очевидно, происходит изменение лексического кода, хотя тема общения может сохраняться.

В качестве средств, на которые переключаются говорящие при изменении ролевой структуры ситуации общения, выступают также стили литературного языка. Изучение стилистической дифференциации последнего в связи с многообразием социальных ролей, проигрываемых человеком в повседневной жизни, по-новому освещает многие традиционные вопросы функциональной стилистики, ставя решение этих вопросов в зависимость от рассмотрения общей проблемы речевого поведения человека в социальной среде (подробнее об этом — в очерке «Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров»).

В качестве общей закономерности, характерной для соотношения различных ситуаций общения, с одной стороны, и разных языковых подсистем и стилей, с другой, можно отметить следующее: чем определеннее и жестче санкционируемые обществом требования, предъявляемые к данной ситуации и к проигрываемым в этой ситуации ролям — ср. роли судьи, командира воинского подразделения, председателя собрания и нек. др., — тем уже стилистические рамки речи.

Иными словами, выбор языковых средств оказывается ограниченным не просто некоторой стилистической сферой (например, официально-деловым стилем литературного языка), а определенным набором речевых шаблонов. В максимальной степени это свойственно разного рода риту-

альным ролям и ситуациям, осуществление которых сопровождается употреблением одного и того же набора готовых — не порождаемых в процессе общения — речевых формул: ср. принятие воинской присяги, свадебные и похоронные обряды; из современных коммуникативных ситуаций все более ритуализованной становится процедура защиты диссертаций.

При ослаблении социальных требований к ситуации и к исполнению тех или иных ролей стилистическая шкала используемых говорящими средств, естественно, изменяется. Однако это ведет не прямо к увеличению диапазона стилистических средств (хотя несомненно, что в социально слабо контролируемых ситуациях и ролях этот диапазон гораздо шире, чем в ситуациях и ролях с высоким уровнем социального контроля), а к изменению стилистической ориентации: с официальных, книжных стилей говорящий переключается на разговорные.

Кроме того, по мере ослабления социального контроля над ролевым поведением человека функции вербальных средств в более или менее значительной мере берут на себя средства невербальные: жесты, мимика, телодвижения. Большее значение, чем в официальных ситуациях общения, при дружеских и интимных ролевых отношениях коммуникантов имеют и такие факторы, как характер пауз, громкость и высота голоса, положение собеседников друг относительно друга (при контактном общении; ср. реакции собеседников типа: *Почему ты на меня не смотришь? Почему ты повернулся ко мне спиной?*), их взаимная установка на речевой контакт и т. п., составляющие психологический климат общения.

Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров*

На связи речевых жанров с общественным поведением человека указывал еще М. М. Бахтин (которому принадлежит и сам термин «речевой жанр»). Он писал в 1929 г.: «Все эти формы речевого взаимодействия [имеются в виду речевые жанры. — Л. К.] чрезвычайно

* Впервые опубликовано в книге: Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жанры современного общения: сб. докл. / отв. ред. А. В. Занадворова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.

тесно связаны с условиями данной социальной ситуации и чрезвычайно тонко реагируют на все колебания социальной атмосферы» [Волошинов 1929: 27].

Однако в то время, конечно же, еще не могло быть речи о таких социологических категориях, как социальная роль или социальный статус человека. Одним из первых (а возможно, просто первым), кто обратил внимание на возможность интерпретации функционально-стилистического и жанрового разнообразия речи с помощью теории социальных ролей, был петербургский лингвист Константин Аркадьевич Долинин. К. А. Долинин предпринял попытку — на мой взгляд, плодотворную — связать ролевую структуру поведения человека с функционально-стилистической дифференциацией языка.

По его мнению, функциональные стили — «это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли — такие, как ученый, администратор, поэт, политик, журналист и т. п. Эти нормы — как и всякие нормы ролевого поведения — определяются ролевыми ожиданиями и ролевыми предписаниями, которые общество предъявляет к говорящим (пишущим). Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут от него именно такого речевого поведения» [Долинин 1978: 60].

Функциональные стили отражают «традиционное представление о данного рода деятельности, сложившееся в данной культуре, ее (деятельности) социальный статус, — т. е. как на нее смотрят в обществе, какие требования предъявляют к тем, кто ею занимается, — опять-таки ролевые предписания и ролевые ожидания, которые, будучи приняты субъектом, определяют его отношение к себе как исполнителю роли, к адресату речи как ролевому партнеру и к предмету речи как объекту ролевой деятельности» [там же: 62].

Традиционно выделяемые функциональные стили, замечает К. А. Долинин, «чересчур обобщают, объединяют под одной рубрикой весьма разнородные речевые ситуации», и при анализе функционального разнообразия речи целесообразнее исходить «не из больших функциональных стилей, а из более дробных речевых жанров» [там же: 67]. Эта идея была развита им в некоторых других его работах, в которых

он уделяет внимание социальным ролям как детерминантам речевого поведения человека*.

Как можно представить себе связь между социальными ролями и речевыми жанрами? Социальная роль — одно из важнейших понятий социологии, в которой достаточно давно разработана теория социальных ролей. Ключевым понятием в этой теории является понятие ожидания: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида, они вправе требовать от него; он же обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям. Например, приходя в гости, вы обязаны поздороваться первым и имеете право на внимание к вам со стороны хозяев. Школьный учитель по своей профессиональной роли обязан передавать свои знания ученикам и вправе требовать от них внимания и прилежания (это их обязанность). Таким образом, роли — это своеобразные шаблоны взаимных прав и обязанностей. Роли могут быть обусловлены как постоянными или долговременными характеристиками человека: его полом, возрастом, положением в семье и социальным положением, профессией (таковы, например, роли мужа, отца, начальника, сослуживца и др.), — так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др. Роли, связанные с постоянными или долговременными характеристиками, накладывают отпечаток на поведение и даже на образ жизни данного человека. Сказываются они и в речи: ср. расхожие «квалифицирующие» определения вроде *говорит, как учитель; хорошо поставленным актерским голосом; начальственный окрик; оставь свой прокурорский тон; кричит, как базарная торговка* и под.

Многие роли, характерные для того или иного общества, имеют специальные обозначения в языке: *отец, жена, сын, одноклассник, сосед, учитель, покупатель, пациент, пассажир, клиент* и т. п. Все взрослые члены общества более или менее хорошо знают, чего ожидать от поведения человека при исполнении им каждой из подобных ролей, так что даже простое произнесение имени роли обычно вызывает в сознании

* Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978; Долинин К.А. Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века, СПб., 1998. С. 35—46. Теоретическое обоснование жанрового разнообразия современной русской речи см. в книге В. В. Дементьева «Теория речевых жанров» (Саратов, 2010).

говорящего и слушающего представление о комплексе свойственных этой роли прав и обязанностей.

Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в стереотипы; они составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. Стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться и т. п. Здесь мы приближаемся к точкам соприкосновения теории социальных ролей с теорией речевых жанров.

Первая точка соприкосновения. Каждый речевой жанр выделяется на основе повторяемости той или иной манеры речевого поведения носителей языка, и поэтому у говорящих, как правило, имеется более или менее отчетливое представление о том, каковы языковые и функционально-стилистические свойства жалобы, просьбы, обвинения, дружеской беседы, личного письма, дневниковой записи и т. п., и — что немаловажно — о том, какие языковые и неязыковые (жесты, мимика) средства могут осознаваться как не типичные для каждого из подобных речевых жанров, как отклонения от стереотипа. Иначе говоря, отклонения от жанрового стереотипа интерпретируются как отклонения от социально-ролевого поведения, и, наоборот, нарушение ролевого ожидания означает неудачную реализацию данного речевого жанра.

Вторая точка соприкосновения. Наиболее типичная форма ролевого взаимодействия людей — пары социальных ролей*. В качестве члена ролевой пары может выступать как отдельный человек, так и группа лиц: ср., например, урок учителя в классе, лекцию, выступление на митинге, проповедь в церкви и т. п. Соотношение ролей в таких парах может быть тройким:

1. роль первого участника ситуации (x) выше роли второго участника ситуации (y): $R_x > R_y$;
2. роль первого участника ситуации ниже роли второго участника: $R_x < R_y$;
3. роли обоих участников ситуации равны: $R_x = R_y$.

* Даже в тех случаях, когда осуществляется речевое взаимодействие между многими его участниками (ср. общение пациентов в больничной палате, застолье, посиделки туристов у костра, многочисленные современные телевизионные ток-шоу и т. п.), в каждом конкретном речевом акте взаимодействуют двое, каждый из которых в ходе диалога выступает то в качестве говорящего, то в качестве слушающего.

Социальная роль X-а выше социальной роли Y-а тогда, когда в некоторой ситуации общения Y зависит от X-а; и наоборот: социальная роль x-а ниже социальной роли y-а, если в некоторой ситуации общения X зависит от Y-а (понятие зависимости может быть эксплицировано следующим образом: «X *зависит от* B = 'B может каузировать изменения в свойствах, состояниях и поведении X-а'») [Апресян 1974: 108]).

При отношениях $R_x > R_y$ и $R_x < R_y$ левая часть формулы обозначает агенса, или адресанта, действия, а правая — адресата, и важно при этом, что исполняющие эти роли субъекты не могут, так сказать, меняться местами. Если это происходит, то разрушается сам тип ролевого взаимодействия и соответствующий ему речевой жанр: если, например, обвинение перерастает в перепалку между обвиняющей стороной и обвиняемой, то нельзя говорить о речевом жанре обвинения (по крайней мере, в его типичной форме).

При отсутствии зависимости говорят о равенстве социальных ролей участников ситуации. В этом типе ролевого взаимодействия речевое (и не только речевое) общение происходит «на равных», и за его участниками не закреплены роли агенса (адресанта) и адресата: оба попеременно могут исполнять и ту, и другую функцию. В соответствии с типами ролевых отношений все ситуации общения и многие речевые жанры можно подразделить на симметричные и асимметричные. Симметричными являются коммуникативные ситуации и речевые жанры с соотношениями ролей по типу $R_x = R_y$, асимметричными — ситуации с соотношениями ролей по типам $R_x > R_y$ и $R_x < R_y$.

Примеры речевых жанров с соотношением социальных ролей их исполнителей по типу $R_x = R_y$: дипломатические переговоры, научная дискуссия, дружеская беседа, общение покупателя и продавца, пассажиров в купе поезда. Примеры речевых жанров с соотношением социальных ролей их исполнителей по типу $R_x > R_y$: приказ, выговор, наставление, нагоняй*, инструкция, обвинение (в суде), приговор, прием у врача,

* В русском языке довольно много предикатных имен (и соответствующих им глаголов), главным образом разговорных, просторечных или жаргонных, обозначающих действия старшего по возрасту или служебному положению по отношению к младшему, подчиненному: *взбучка, вздрючка, встрёпка, втык, выволочка, головомойка, нагоняй, накачка, нахлобучка, пистон, проборка, разгон*, *разнос* и нек. др. Лексикографическое представление большинства подобных слов см. в [ТСРР, вып. 1—3].

прием у официального лица (врач и официальное лицо — «хозяева» ситуации). Примеры речевых жанров с соотношением социальных ролей их исполнителей по типу $R_x < R_y$: жалоба, просьба, покаяние, донос, письменное обращение в суд.

Очевидно, что эта типология не покрывает всю совокупность речевых жанров, свойственных современной русской коммуникации. Например, жанр упрека характеризуется как симметричными, так и асимметричными отношениями между коммуникантами (то есть упрекать может, например, приятель приятеля, сын отца, отец сына, подчиненный — начальника, начальник — подчиненного). В отличие от этого, речевое действие, обозначаемое глаголом *огрызаться* (в русском языке нет именного обозначения этого речевого жанра), возможно как при равных отношениях между ролевыми партнерами, так и «снизу вверх» (дочь — мать, сотрудник — руководитель), но не «сверху вниз»: например, отец едва ли может огрызаться на замечание незрелого сына, а начальник — на упрек молодой сотрудницы.

Этот небольшой очерк — лишь подступ к более систематичному анализу современных речевых жанров и их сопоставлению с типами ролевых взаимоотношений между участниками речевой коммуникации.

Речевое общение в социально неоднородной среде*

Успех речевого общения зависит от согласованности речевых действий коммуникантов. Одна из необходимых составляющих такой согласованности — общий, единый для всех участников коммуникативного акта языковой код. Современная теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Г. Грайс и др.) как раз и исходит из тезиса — правда, не формулируемого явно, — о том, что в реальных актах коммуникации люди используют один и тот же, общий для них языковой код.

Между тем в конкретных условиях общения абсолютная идентичность кода, используемого всеми участниками коммуникации, — явление крайне редкое. Напротив, обычна неоднородность языкового кода, и степени такой неоднородности различны.

* Впервые опубликовано в книге: Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

1. Говорящие владеют разными языками: каждая из сторон предполагаемой коммуникации говорит (пишет) только на своем языке и понимает только его; в этом случае речевое общение невозможно.

2. Говорящие владеют каждый своим языком, а кроме того, понимают язык собеседника (но активно им не владеют); речевое общение и взаимопонимание — хотя бы относительное — возможно.

3. Говорящие владеют двумя (или более) общими для них языками; при этом для каждого из них один из языков может быть родным, но для процесса коммуникации это не имеет принципиального значения, так как общение может происходить то на одном, то на другом языке по взаимному согласию сторон: ср. речевое общение в двуязычных семьях (см. об этом, например [Harding, Riley 1987]).

4. Говорящие владеют каждый своим (обычно родным для данного говорящего) языком и, кроме того, одним и тем же языком-посредником; речевое общение осуществляется с помощью языка-посредника: ср. роль английского языка в современном мире, роль русского языка в большинстве республик бывшего СССР, роль аварского языка в Дагестане и т. п.

5. Один из коммуникантов, помимо своего родного языка (L-1), владеет языком собеседника (L-2), в то время как собеседник не знаком с языком L-1 или владеет им недостаточно; речевое общение может осуществляться, естественно, только при помощи L-2: ср., например, общение русских и представителей коренных национальностей в республиках бывшего СССР (в большинстве случаев русские плохо владеют языком коренной национальности — таджикским, узбекским, киргизским, литовским, латышским, эстонским и др., — и поэтому речевое общение между русскими и носителями этих языков часто происходит по-русски).

Такие асимметричные коммуникативные ситуации чреваты некоторыми психологическими и психолингвистическими особенностями: например, если в присутствии лица, не владеющего L-1, разговор ведется именно на этом языке, то это лицо может испытывать своего рода коммуникативный дискомфорт (скажем, подозревая, что собеседники, переходя на L-1, хотят дать ему нелестную характеристику, скрыть от него предмет разговора и т. п.). Впрочем, в социумах, неоднородных в языковом отношении, речевое взаимодействие между участниками речевой коммуникации может колебаться весьма значительно — от

большого или меньшего взаимопонимания и согласия до коммуникативных конфликтов (см. в связи с этим [McRae 1986]).

6. Все участники речевого общения принадлежат к социуму, использующему один национальный язык L. Однако одни из них владеют (преимущественно или исключительно) подсистемой l-1, другие — подсистемой l-2, третьи — подсистемой l-3 и т. д., — например, местным диалектом, городским койне, литературным языком. В этом случае речевое общение может происходить с использованием средств каждой из этих подсистем: носитель диалекта использует местный говор, носитель городского койне — это койне, носитель литературного языка — литературный язык. Однако при общем относительном взаимопонимании — поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат **одному** национальному языку, — возможны коммуникативные провалы, обусловленные тем, что формально сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание (различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т. п.).

Примеры.

В рассказе А.П. Чехова «Новая дача» инженер Кучеров спрашивает деревенских мужиков, зачем они пускают скотину в его огород и сад, рубят деревья в лесу, перекопали дорогу. Он говорит им:

«— Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою».

Из всей его речи мужики уразумели только то, что надо платить (этот глагол понят ими в конкретном, вещественном смысле):

«— Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...».

В другой раз, встретив крестьян, Кучеров говорит раздраженно, возмущенный бессмысленностью их поступков по отношению к нему и его семье:

«Инженер остановил свой негодующий взгляд на Родионе [старом кузнеце] и продолжал:

— Я и жена относились к вам, как к людям, как к равным, а вы? Э, да что говорить! Кончится, вероятно, тем, что мы будем презирать вас. Больше ничего не остаётся!..

Придя домой, Родион помолился, разулся и сел на лавку рядом с женой.

— Да... — начал он, отдохнув. — Идем сейчас, а барин Кучеров навстречу... Да... глядит на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя призирать буду... Хотел я ему в ноги поклониться, да оробел... Дай Бог здоровья... Пошли им, Господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

— Господа добрые, простоватые... — продолжал Родион. — “Призирать будем...” — при всех обещал. На старости лет и... оно бы ничего... Вечно бы за них Бога молил... Пошли, царица небесная...».

6. Различия между коммуникантами могут касаться не собственно набора языковых единиц, а набора расхожих коммуникативных стереотипов, используемых в тех или иных ситуациях общения. Различия в стереотипах также могут приводить к взаимному непониманию или, во всяком случае, к коммуникативному дискомфорту, особенно на стадии установления речевого контакта. Напротив, полная согласованность говорящего и адресата в используемых стереотипах способствует более эффективному общению*.

Известно, например, как коробят слух современного русского интеллигента сравнительно недавно вошедшие в обиход обращения «Мужчина!», «Женщина!», адресуемые незнакомому прохожему, покупателю или покупательнице и т. д. Между тем для представителей других социальных слоев и групп это — обычный способ обращения к человеку в очереди, на улице, у прилавка магазина, не вызывающий отрицательной оценки и не нарушающий привычного автоматизма речи.

Таким образом, кодовые различия могут служить сигналами различий социальных. При этом совсем не обязательно, чтобы кодовые различия были резкими, символизирующими, например, принадлежность людей к разным классам, разным социальным слоям. Естественно, в больших человеческих сообществах и кодовые различия больше, многообразней; однако и в относительно небольших сообществах, например, в малых социальных группах (семье, школьном классе, спортивной команде

* В большинстве ситуаций, связанных с необходимостью обмена информацией, **эффективным** можно считать такое речевое общение, при котором всё внимание коммуникантов сосредоточено на содержании речи. Нарушение коммуникативного автоматизма происходит тогда, когда внимание кого-либо из участников общения привлекает форма высказываний: употребляемая лексика, особенности произношения, необычная интонация и др. В этом случае возникает «информационный шум», затрудняющий общение.

и т. п.) языковая однородность не бывает абсолютной. Правда, в этом случае она зависит не столько от собственно социальных характеристик говорящих (например, от их образовательного статуса, от культурного уровня, от рода занятий и т. п.), сколько от условий общения.

«Единообразие кода, воспринимаемого как “тот же” всеми членами речевой общности, — писал Р. Якобсон, — есть не что иное, как фикция. Как правило, каждый индивид одновременно принадлежит к нескольким речевым общностям разного радиуса действия. Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками» [Jakobson 1970: 458].

7. Различия между говорящими могут касаться также коммуникативной тактики (или тактики речевого общения), т. е. способов использования элементов одного и того же кода в одинаковых или сходных ситуациях.

В понятие «тактика речевого общения» входят такие компоненты, как инициатива коммуникативного контакта, установка на общение, «иллокутивное вынуждение» (термин А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина; см. [Баранов и Крейдлин 1992]; имеется в виду согласование участниками общения коммуникативных намерений, которые они облачают в форму тех или иных речевых актов — просьбы, требования, сообщения, приглашения, обещания и т. п.), соотношение диалогических и монологических форм речи, паузация (в частности, допустимость / недопустимость, обязательность / необязательность, краткость / протяженность пауз) и нек. др.

Рассмотрим с этой точки зрения общение врача и пациента.

В типичном случае это представители разных социальных слоев. Хотя инициатива обращения к врачу может исходить от пациента, «ведущим» в их диалоге является, несомненно, врач. Он задает вопросы, и пациент обязан на них отвечать, он приказывает: — *Дышите! Задержите дыхание!* — *Разденьтесь!* — *Лягте на кушетку!* — и пациент обязан подчиняться. Врач рекомендует, запрещает, страшит возможными последствиями нарушения врачебных предписаний, и это не вызывает у пациента протеста, потому что входит в систему ролевых ожиданий, характерных для социальной роли врача.

Само ролевое взаимодействие «врач — пациент» с необходимостью предполагает установку на общение (с этим можно сравнить ролевое

взаимодействие в диаде «следователь — подследственный», где установка на общение может присутствовать только у следователя). Врач и пациент в ходе общения попеременно занимают позиции то говорящего, то адресата, и хотя в целом этот вид коммуникации можно назвать диалогическим, в нем допустимы более или менее значительные по объему фрагменты монологической речи — например, когда врач составляет анамнез и выслушивает рассказ пациента обо всех его прошлых и настоящих недугах.

В процессе общения врача и пациента допустимы и нормальны паузы, причем регулирует паузацию, как правило, врач (как «хозяин» ситуации) — например, при выслушивании ритмов сердца, измерении артериального давления и т. п. (ср. общение в ситуации «своей» социальной среды, когда возникновение пауз скорее спонтанно, нежели вынуждаемо одной из сторон общения).

Имеются и другие специфические свойства речевой ситуации «врач—пациент», которая может отличаться, в частности, и национальными особенностями (типичные характеристики общения врача и пациента подробнейшим образом описаны в работе [Labov, Fanshel 1977]; см. также [Lennard, Bernstein 1970]).

Различия в тактиках речевого общения могут касаться также способов реализации одних и тех же языковых и параязыковых средств. Например, манера говорить, принятая среди представителей современного русского просторечия, в интеллигентской среде иногда оценивается как агрессивная (повышенная громкость обычной «информационной» беседы, резкость интонаций, оберучная размашистая жестикуляция, телодвижения, имитирующие те или иные физические процессы, и т. п.), — тогда как с точки зрения говорящего — носителя просторечия такая манера общения считается нормальной. В интеллигентской среде при передаче чужого мнения или чужих высказываний не принято подражать манере говорения, которая характерна для цитируемого лица; в просторечии имитация чужой речи с элементами передразнивания — при отрицательной оценке того, кто имеется в виду, его действий, слов и т. п., — явление вполне обычное (особенно среди женщин — носительниц просторечия).

Невербальные компоненты коммуникативной ситуации — жесты, мимика, телодвижения более разнообразны и свободны при общении людей среди «своих», с равными по статусу и социальным ролям; в

чужой среде и особенно при общении «снизу вверх» (при обращении к начальнику, командиру, тренеру, учителю и т. п.) эти компоненты находятся под социальным контролем, который суживает рамки жестовых и мимических реакций, и под самоконтролем участников коммуникации.

Из нашей краткой характеристики разных сторон речевого общения видно, что в общем случае взрослый человек владеет некоей совокупностью **социализированных норм общения**, включающих как собственно языковые нормы, так и правила социального взаимодействия. Эти нормы и правила обязательны для людей, живущих в данном языковом сообществе; с особой силой они проявляются при речевом общении в неоднородной человеческой среде.

Таким образом, мы можем говорить о трех видах факторов, которые влияют на характер речевой коммуникации в неоднородной среде, — языковых, социальных и ситуативных.

Социальная неоднородность говорящих и их языковая неоднородность коррелируют, но не совпадают. С одной стороны, социально однородная среда может быть гетерогенной в языковом отношении. Например, дворяне в России XIX в. владели русским и французским языками, но некоторые из них (не получившие соответствующего воспитания) владели только русским. С другой стороны, люди, пользующиеся одним и тем же языковым кодом, могут существенно различаться в социальном отношении*. Например, состав носителей литературной формы национального языка в большинстве современных обществ социально разнороден: городская и сельская интеллигенция, квалифицированные рабочие, чиновничество, офицерство и нек. др. социальные слои и группы.

* Впрочем, это может касаться и разных языковых кодов: в одних условиях общения человек использует один код, в иных — другой. Например, русские дворяне XIX в. в светской беседе друг с другом могли использовать как русский, так и французский язык, а в общении с крестьянами — только русский. Мужчины в Парагвае, владеющие и испанским, и языком гуарани, ухаживая за женщинами, говорят с ними на испанском как на социально более престижном языке, а женившись, переходят на гуарани [Rubin 1962]. Если описывать подобные кодовые переключения в терминах теории социальных ролей, то можно сказать, что смена социальной роли может влечь за собой смену языкового кода, вне зависимости от того, является ли этот код самостоятельным языком или подсистемой (вариантом) какого-либо языка.

Однако довольно часто разница в языках и языковых подсистемах, используемых участниками речевого общения, отражает социальную (и этническую — в случае различия языков) неоднородность коммуникантов, и, наоборот, социально и этнически разнородные группы говорящих обычно используют разные языки и языковые подсистемы.

Эта достаточно очевидная взаимозависимость, вероятно, и не заслуживала бы специального внимания, если бы из нее не вытекали следствия, существенные с точки зрения механизмов речевого общения. В самом деле, каким образом могут понять друг друга люди, если между ними существуют столь разнообразные языковые и социальные несходства, проявляющиеся в ситуациях повседневного общения? Ответ на этот вопрос предполагает изучение разных видов и способов коммуникативного приспособления друг к другу участников речевого общения.

В своем речевом поведении каждый говорящий, руководствуясь целью — быть понятым, ориентируется на коммуникативное «сотрудничество»* с адресатом своей речи, на поиски таких форм общения, которые были бы наиболее эффективны для взаимопонимания. Отсюда — необходимость для коммуникантов находить общий язык не только в терминологическом смысле этого словосочетания, но и в переносном: «...преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствовал бы о способности говорящего актуализовать навыки..., соответствующие ожиданиям» слушающего [Винокур 1993: 60—61].

* Ср. так называемый принцип кооперации, который, наряду с другими принципами (постулатами, максимами) речевого общения, был сформулирован в работах по теории речевых актов (см.: [Грайс 1985: 222 и след.; Гордон, Лакофф 1985: 277 и след.; Серль 1986]).

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ*

1. Речевое поведение говорящих можно рассматривать с точки зрения большей / меньшей толерантности по отношению к партнеру коммуникации. В связи с этим возникает вопрос о социальных различиях в речевом поведении носителей разных подсистем национального языка в тех или иных ситуациях общения. Эти различия могут интерпретироваться в аспекте толерантности / интолерантности.

2. Исходя из некоторых общих соображений, основанных на интуитивном представлении о поведении человека в разных социальных условиях, можно предположить, что в культурной языковой среде, т. е. среди носителей литературного языка, степень толерантности в целом выше, чем в среде малокультурной, — например, среди носителей просторечия или носителей уголовного жаргона (но не среди носителей диалекта: согласно многочисленным наблюдениям диалектологов, речевое общение в деревне отличается такими свойствами, как доброжелательность, стремление понять и принять точку зрения собеседника, самоирония и вместе с тем снисходительное отношение к недостаткам коммуникативного партнера и т. п.).

На это очевидное различие могут накладываться разного рода ситуативные факторы, которые, с одной стороны, уменьшают степень толерантности в речевом поведении носителей литературного языка, а с другой, требуют большей толерантности от тех говорящих, которые пользуются некодифицированными разновидностями языка.

* Впервые опубликовано в книге: Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.

3. Современное русскоязычное общество характеризуется активизацией таких форм общения, которые отличаются повышенной напряженностью отношений между партнерами коммуникации: таковы, например, некоторые формы общения в городском транспорте в часы пик, в контактах населения с представителями жилищно-коммунальных служб, на политических митингах, в Государственной думе, на многочисленных телевизионных ток-шоу и т. п.

В этого рода коммуникативных ситуациях нередко налицо явная поведенческая и речевая агрессия участников ситуации (см. в связи с этим ряд статей в сборнике [Агрессия 2004]), отсутствие толерантности — или значительно пониженный ее уровень — по отношению к партнерам коммуникации.

4. Гипотетически можно выделить несколько факторов языкового, социального, социально-психологического и ситуативного характера, которые могут влиять на степень толерантности партнеров по речевой коммуникации. Необходимо подчеркнуть, что эти факторы не следует рассматривать как жесткие детерминанты поведения человека — речь идет лишь о большей или меньшей вероятности их влияния.

4.1. Общность языкового кода. Имеется в виду как общность языка, которым владеют партнеры коммуникации, так и общность подсистемы одного и того же национального языка (литературная разновидность, городское просторечие, социальный или профессиональный жаргон). При совпадении языкового кода у людей, которые хотят или вынуждены вступать в коммуникативный контакт, вероятность интолерантного — «некооперативного» (ср. Принцип Кооперации Г. Грайса — [Грайс 1985: 222]), конфликтного, агрессивного, враждебного и т. п. — поведения меньше, чем при несовпадении.

Например, в конфликтах покупателей и продавцов на современных городских рынках, которые нередко находятся «под крышей» кавказских торговых группировок, поводом для раздражения покупателей нередко является плохая русская речь представителей этих группировок: кавказский акцент, неправильное словоупотребление, ошибки в построении синтаксических конструкций и т. п. И хотя подобные языковые конфликты являются, скорее всего, поверхностным отображением конфликтов более глубинных — этнических и социальных, фактор несовпадения языкового кода оказывается существенным при

характеристике речевого поведения участников коммуникативной ситуации с точки зрения толерантности / интолерантности.

С другой стороны, в социальной среде, которая отличается этнической, социальной и языковой однородностью, факторы лингвистического характера реже оказываются источником интолерантного поведения людей. Например, соседи по лестничной площадке в городском коммунальном доме могут конфликтовать из-за каких-либо бытовых неурядиц, но гораздо реже — на почве языковых различий (при условии, что все соседи — природные носители русского языка).

4.2. Общность апперцепционной базы. Этот фактор, играющий весьма существенную роль в речевом общении (его важность была показана на многочисленных примерах еще Л. П. Якубинским; см. [Якубинский 1923: 146—165]), тесно связан с предшествующим. Очевидно, что у людей, владеющих общим языковым кодом, апперцепционная база (то есть те фоновые знания, которые необходимы для взаимопонимания) обладает большей общностью, чем апперцепционная база людей, владеющих разными языковыми кодами. Однако и при владении одним языковым кодом у говорящих возможны различия в апперцепционной базе, обусловленные внешними, неязыковыми причинами: например, возрастом, уровнем образования, принадлежностью к разным социальным группам, неодинаковым жизненным опытом, уровнем материальной обеспеченности и т. п.

Чем выше общность апперцепционной базы у разных носителей языка, тем полнее понимание ими друг друга и тем менее вероятна — при прочих равных условиях — интолерантность в их речевом поведении.

4.3. Принадлежность к одной социальной общности. Под социальной общностью можно иметь в виду как большие совокупности людей (в терминах социологии — условные социальные группы), например, социальный слой, люди одного возраста и т. п. — так и компактные совокупности, например, малые социальные группы: семью, производственную бригаду, школьный класс и т. п. Как правило, разные социальные группы имеют собственные системы ценностей, иногда значительно отличающиеся друг от друга: то, что в одной социальной среде оценивается положительно, в другой может оцениваться отрицательно или не иметь никакой оценки. Например, такое свойство, как телесная полнота, в среде борцов сумо оценивается положительно, в среде топ-моделей — резко отрицательно, а в других социальных груп-

пах отношение к ней более или менее снисходительное. Другой пример: повышенная громкость обыденной речи и оберучная размашистая жестикация, характерные для носителей городского просторечия, в интеллигентской среде оцениваются отрицательно; с другой стороны, книжность бытовой речи, свойственная некоторым представителям интеллигенции и проявляющаяся в фонетике и в просодии, в выборе слов, в синтаксисе (см. об этом подробнее в [Крысин 2001]), среди носителей просторечия воспринимается как социально чуждая речевая черта, нередко вызывающая раздражение.

Если оба партнера коммуникации принадлежат к одной и той же социальной группе, то общность их в оценке предмета речи и тем самым вероятность их толерантного общения друг с другом выше, чем в случае, когда они принадлежат к разным социальным группам.

4.4. «Своя — чужая» среда общения. Еще одним фактором социально-психологического характера является разграничение коммуникативных ситуаций на ситуации общения в «своей» и в «чужой» среде. Несмотря на то, что важность такого разграничения (с точки зрения специфики речевого поведения человека) была отмечена давно, характер общения человека в «своей» и в «чужой» среде изучен недостаточно. Некоторое продвижение по пути такого изучения можно найти в книге О. С. Иссерс, в которой при весьма подробном анализе семантического и прагматического аспектов различных речевых тактик, используемых при уговорах, просьбах, оскорблениях, комплиментах и др., специально выделяется семантическая категория «свой круг» [Иссерс 1999: 202—205]; в связи с противопоставлением «свой—чужой» при исследовании механизмов речевой коммуникации см. также работу [Красных 2003]). В аспекте же толерантности речевого поведения участников коммуникативного акта фактор «“своя” среда vs. “чужая” среда», насколько известно, подробно не исследовался. Разумеется, он заслуживает именно исследования. Пока же можно высказать некоторые предварительные соображения.

Одно из них заключается в том, что «своя» среда стимулирует говорящего, с одной стороны, к непринужденному, дружескому и тем самым толерантному общению, но, с другой, понимание того, что среди своих многое позволено, может провоцировать человека на конфликтное (и тем самым — интолерантное) поведение. Многочисленные примеры этого мы найдем, исследуя общение человека в семье или в других

долговременных малых группах. Отец по отношению к членам семьи может играть и роль заботливого кормильца, и роль диктатора, который вовсе не боится идти на конфликт с женой или детьми. Подросток в игровой группе ровесников в одно время и в одних условиях может быть солидарен с шаблонами поведения товарищей, а в иных условиях и в иное время — действовать наперекор этим шаблонам, тем самым ведя себя интолерантно по отношению к группе. Очевидно, что в тех и других типах ситуаций используются разные языковые средства.

Другое соображение касается поведения человека в «чужой» для него среде. Здесь также многое зависит от целей, которые преследует человек, по принуждению или по своей воле погружаясь в эту среду. Если он хочет избежать конфликтов с «чужими», то он вынужден вести себя толерантно, мирясь с обстановкой или с неприятными для него людьми. Таким может быть, например, поведение — в частности, речевое — новобранца в армейском подразделении, новичка — в больничной палате, заключенного — в новой для него камере.

4.5. Расположенность партнеров коммуникации к общению друг с другом. Очевидно, что этот фактор является весьма важным с точки зрения толерантности речевого общения. Если хотя бы один из партнеров не расположен к общению с другими, то «вынуждение» (термин А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина; см. [Баранов, Крейдлин 1992]) его к этому общению может обернуться весьма нетолерантными реакциями с его стороны: ср. широко используемые реплики «посыла» собеседника с применением нецензурной лексики. Общение с продавцом в условиях российской торговли всё еще продолжает кое-где оставаться (с советских времен) нетолерантным — по той простой причине, что, если продавец не заинтересован материально в лучшей распродаже товара, то он и не расположен к толерантному, а тем более приветливому общению с покупателем.

4.6. Ситуативные факторы весьма разнообразны. Но их можно свести к нескольким типам, различающимся определенными признаками. Главные из этих признаков относятся к ролевым взаимоотношениям коммуникативных партнеров в рамках той или иной ситуации (см. в связи с этим статью [Крысин 1976], а также очерк «Речевое общение и социальные роли коммуникантов» в данной книге).

Равенство социальных ролей — условие, при котором легче достигнуть определенной степени толерантности в речевом общении, а их

неравенство, т. е. зависимость одного из партнеров коммуникации от другого, может служить причиной не вполне толерантного или даже интолерантного общения.

Например, общение сослуживцев, находящихся на одной ступени служебной иерархии, таит в себе меньше возможностей к интолерантному общению, чем общение начальника и подчиненного, у которых нередко имеются основания быть недовольными друг другом (подчиненный, как кажется начальнику, плохо работает, а начальник, как считает подчиненный, недостаточно ценит его труд).

В ситуациях обращения к представителям власти — к главе местной администрации, в суд, в отделы социальной защиты и т. п. — субъект таких обращений заинтересован в успехе своей апелляции и тем самым находится в определенной зависимости от адресата. При этих условиях субъект обращения больше склонен к толерантному речевому поведению, чем его собеседник. Это обстоятельство, естественно, накладывает определенные ограничения на выбор лексики, на построение высказываний, на общий тон речи и т. п.

В ситуации экзамена экзаменуемый, конечно же, находится во власти экзаменатора, зависит от его намерений и действий, и это обуславливает определенные свойства их речевого общения: стремление экзаменуемого к максимально толерантному поведению по отношению к экзаменатору, с одной стороны, и возможность интолерантного поведения экзаменатора, с другой (например, при плохих знаниях экзаменуемого или даже просто при неважном самочувствии, раздражительности экзаменатора).

В ситуации допроса следователем человека, подозреваемого в преступлении (формально эта ситуация имеет некоторые черты сходства с ситуацией экзамена), соотношение толерантности / интолерантности в речевом поведении участников ситуации не столь однозначно. С одной стороны, следователь должен добиться от подозреваемого нужных показаний, и в этом смысле он зависит от допрашиваемого; с другой стороны, подозреваемый кровно заинтересован в избавлении от следствия и, как это вполне очевидно, он находится в зависимости от следователя. Успех каждого из участников этой ситуации в достижении ими своих противоположных целей в определенной мере обусловлен тактикой их взаимодействий, в которой не последнюю роль играет правильное распределение толерантного и интолерантного речевого поведения: ср. такие разновидности речевых актов, имеющих место в рамках рече-

вого жанра «допрос», как требование, просьба, божба, запирательство, откровенное признание, раскаяние, ложь и т. п.

Таковы самые предварительные соображения по поводу темы, обозначенной в названии этого очерка: толерантность как фактор в речевом общении.

Социальная регуляция речевого общения

В языке существуют «зоны», в большей или меньшей мере чувствительные к влиянию социальных факторов. Например, формы обращения к собеседнику, стереотипы приветствий, прощаний, поздравлений, извинений и т. п. — словом, вся система речевого этикета в наибольшей степени обусловлена социальными характеристиками коммуникантов и ситуацией общения. При этом в разных языках и языковых сообществах действуют разные рекомендации и запреты, касающиеся употребления тех или иных этикетных формул.

Эти формулы достаточно условны: на их месте могли бы быть другие языковые выражения с той же функцией, однако традиция — культурная и языковая — закрепила в употреблении именно данные речевые формы, а не какие-либо иные, и пренебрежение условностями этикета, попытки «вольничать» с этикетными шаблонами могут вести к непониманию и конфликтам.

Если вы начинаете общение с вашим знакомым без обычного здравствуй(те) или добрый день, то он может либо оскорбиться, либо предположить, что у вас случилось нечто, выбившее вас из обычной колеи и заставившее пренебречь формами этикета.

Уход из гостей без прощания оценивается в русском обществе как невежливое поведение; англичане же относятся к этому иначе, и в русском языке даже существует оборот «уйти по-английски» — незаметно и потому не прощаясь (любопытно, что в английском языке то же действие обозначается словосочетанием *to take French leave*, т. е. «уйти по-французски»).

Обращение по имени в соответствии с русскими обычаями возможно лишь к близкому или хорошо знакомому человеку. При этом обычно используется не полное, так называемое паспортное, имя, а уменьшительное: не Вячеслав, а Слава, не Екатерина, а Катя (правда, в последнее

время, особенно у людей молодого и среднего возраста, вошло в привычку использовать в этой функции полную форму имени: Александр, Леонид, Святослав, однако это еще не стало общерусской нормой). У американцев принято более свободное употребление личного (и часто также уменьшительного) имени: например, коллеги по научной работе — не обязательно друзья или близкие знакомые! — могут называть друг друга Билл, Боб, Сьюзи.

На юге США в прошлом существовали очень строгие различия между обращениями белых к черным, с одной стороны, и черных к белым — с другой. От рабов всегда требовалось обращаться к каждому из правящей социальной группы, добавляя вежливое сэръ, или мистер, или мадам. К ним же обращались: бой или только по имени.

Среди некоторых национальностей современной Индии о лице, занимающем высокое социальное положение, принято говорить, употребляя местоимение и глагольные формы множественного числа. В буквальном переводе это звучит так: Судья начали заседание; Доктор заняли место председателя. Такое лицо и о себе говорит в столь же почтительной форме: мы пошли, нас предупредили, а не я пошел, меня предупредили. С этим можно сравнить обороты, существовавшие в старом русском просторечии: Барыня кушают, Барин гневаются, а также клише, начинавшее царские постановления: Мы, милостию Божией государь и император всея Руси Николай Второй...

Местоимение 2-го лица единственного числа, соответствующее русскому ты, используется в языке раджастхани (Индия) при дружеском обращении вышестоящего к нижестоящему или старшего по возрасту к младшему. Такое обращение возможно также в случае, когда говорящий ощущает большое интеллектуальное превосходство над адресатом (или это превосходство признается всеми членами данного социума): например, деревенский мудрец, к которому односельчане обращаются за советом и помощью, всем без исключения говорит ты, в том числе и сильным мира — богатому торговцу, землевладельцу [Хохлова 1973].

В Венгрии, по наблюдениям венгерского лингвиста академика Ф. Паппа, обращение на ты (te) широко распространено в среде интеллигенции и мало встречается у крестьян: крестьяне обращаются друг к другу на вы, даже жена мужа называет на вы (а он ее — на ты). Среди интеллигентных людей одной профессии принято обращение на ты, даже если между собеседниками большая разница в возрасте, и

они мало знакомы друг с другом: на ты может происходить, например, общение специалистов, впервые встретившихся на профессиональной конференции). Если жёны на ты, то и их мужья, несмотря на возможную значительную разницу в возрасте и не очень близкое знакомство друг с другом, тоже должны придерживаться этой формы личного обращения.

У некоторых народов речевой этикет очень своеобразен и сложен. Например, в сельских районах Мексики в обращениях к собеседникам используются два местоимения 2-го лица: литературное испанское *usted* и менее вежливое *tú* (сравните русские вы и ты или немецкие *Sie* и *du*). Но любопытно, что уважительное *usted* используется не только в официальных ситуациях и при обращении младших к старшим, но и при обращении... к собакам и кошкам, тогда как других животных называют на *tú*. Это связано со спецификой культурно-бытовых традиций, в которых собакам и кошкам отводится особое место: в отличие от других животных, собака и кошка постоянно находятся в доме (или при доме), они как бы члены семьи. Местоименное обращение *usted* и служит своеобразным отличительным признаком такого особого положения этих домашних животных [McRae 1986].

Чрезвычайно разработанная система речевого этикета сохраняется по традиции в Японии и некоторых других странах Востока. У японцев существуют иерархически упорядоченные совокупности форм приветствий, рекомендаций, просьб, благодарности и т. п., использование которых зависит от социального статуса собеседника, его возраста, пола, уровня культуры и других признаков (подробнее об этом можно прочитать в книге [Алпатов 1973]).

Еще более сложны и дифференцированы формы вежливости в таких языках, как корейский, тибетский, яванский. Корейцы, например, различают шесть рядов морфологических форм, каждая из которых связана с определенными отношениями между собеседниками: если социальное положение говорящего ниже, чем социальное положение адресата, употребляются одни формы, если выше — другие, при равенстве — третьи. Различаются по использованию этих форм виды речевого общения младшего по возрасту со старшим, женщины с мужчиной, мужчины с женщиной и т. д. Кроме того, еще два ряда форм служат для обозначения разных отношений между говорящим и тем, о ком (или о чем) идет речь в данной ситуации.

В тибетском языке одно и то же значение выражается по-разному, имеет ли говорящий в виду себя или кого-либо другого, к кому он

относится с почтением. Например, слова *u* и *go* значат 'голова', но *u* — почтительная форма, а *go* — обыкновенная (о своей голове говорящий не скажет *u*, а только *go*). Так же различаются слова *gongpra* и *sampra* 'мысль', *chhab* и *chpu* 'вода' и некоторые другие.

«В яванском языке, — пишет исследователь этого языка К. Гирц, — почти невозможно что-либо сказать, не указав на различия в социальном положении говорящего и слушающего. Эти различия сильнее, чем те, которые символизируются местоимениями *du* и *Sie* в немецком (или ты и вы в русском). Приветствуя человека, занимающего более низкое социальное положение, чем говорящий, последний использует выражение *Apa padda slamet?* 'Как дела?'; встречаясь же с лицом, которое выше его на социальной лестнице, он говорит нечто совсем иное, более вежливое, но имеющее тот же смысл: *Menapa sami sugeng?* Точно так же различаются и другие формы обращений и приветствий. Более того, многие слова и аффиксы, помимо их собственных значений, несут еще дополнительную нагрузку в условиях живой речи: они указывают на социальный статус собеседников и на степень близости их отношений. Так, слова *omah*, *grija*, *dalem* значат 'дом', но употребляются они различно: *omah* можно сказать при разговоре с человеком более низкого социального статуса, чем говорящий, *grija* — при разговоре с равным, третье же слово — *dalem* — самое уважительное: оно используется в общении с лицом более высокого социального положения» [Geertz 1970: 282—283].

На этих примерах мы убеждаемся, что формы речевого этикета отличаются не только национальным, но и социальным своеобразием. Способ обращения к собеседнику, виды приветствий, благодарности, приглашения, прощания и т. п. зависят от социального положения обоих коммуникантов, их пола и возраста, от характера их взаимоотношений.

Речевой этикет — лишь одна из «зон», испытывающих на себе влияние социальных факторов, регулирующих использование языковых средств. На других участках языковой системы это влияние имеет более скрытые и сложные формы. Например, оказывается, что социальные факторы не только формируют условия, в которых развивается и функционирует язык, но и входят в качестве компонентов в структуру языковых единиц. На первый взгляд это кажется маловероятным. Но факты свидетельствуют: социальное проникает в ткань языка, а не только служит «антуражем» его употребления.

ЭВФЕМИЗМЫ И ИХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ*

Может показаться странным, что в наше откровенное время, когда не только в бытовой речи, но и с экрана телевизора можно услышать ненормативное словцо или крутой фразеологический оборот, эвфемистические средства выражения не только не уходят на периферию языка, но и становятся весьма распространенными и активно употребляющимися. Эвфемизация речи — своего рода контртенденция, противостоящая огрубению — другой, весьма ярко проявляющейся тенденции, характерной для современной русской речи.

Как известно, эвфемизм — это стилистически нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему неприличной, грубой или нетактичной; эвфемизмы нередко вуалируют, маскируют суть явления. Наиболее часто приводимые примеры эвфемистических замен: скончаться вместо умереть, говорить неправду вместо врать, освободить нос вместо высморкаться, она ждет ребенка вместо она беременна.

В отличие от обычной лексики, эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений как «приличных» и «неприличных» (об этом писал в свое время Б. А. Ларин; см. [Ларин 1961]). С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма: то, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующих поколениях может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены. Такова, например, история фр. *garce* и *fille*. *Garce* в древности — всего лишь соответствие женского рода к *gars* 'парень, юноша', затем — эвфемистическое обозначение шлюхи, вскоре, однако, начавшее осознаваться

* Очерк основан на публикации [Крысин 1996].

как грубость и замененное в этой функции словом *fille* (в одном из его значений), которое в современном французском языке перестало быть эвфемизмом и (также в одном из значений) является элементом бранной лексики. Сходная картина — в истории славянских обозначений этого понятия: рус. курва (ср. также укр., белор., болг. курва, чеш. *kurva*, пол. *kurwa*) первоначально значило ‘курица’, затем стало употребляться в качестве эвфемистической замены грубых слов (типа русского блядь), обозначающих распутную женщину (ср. фр. *cocotte* первоначально ‘курочка’, затем — ‘женщина легкого поведения’).

Эвфемизм как способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия соотносителен с другими приемами речи — с литотой, понимаемой как прием выразительности, основанный на двойном отрицании (небесспорный, не без умысла) или на смещении отрицания из утвердительной части высказывания в модусную (Не думаю, что вы правы, — ср.: Думаю, что вы не правы), и с мейозисом, понимаемым как прием выразительности, основанный на намеренном преуменьшении интенсивности свойств предмета речи, действий, процессов и т. п. (Ее трудно назвать красавицей — об уродливой женщине; Он вполне прилично плавает — о хорошем пловце).

Процесс эвфемизации тесно переплетается с процессом номинации — одним из трех фундаментальных процессов, формирующих речевую деятельность человека (два остальных — предикация и оценка). Объекты, по этическим, психологическим, культурным, социальным и каким-либо иным причинам не называемые или называемые с трудом, нуждаются в эвфемистическом обозначении; обновление номинаций диктуется необходимостью вновь и вновь вуалировать или смягчать сущность того, что в культурном обществе считается неудобным, неприличным, этически недопустимым, оскорбляющим вкус и т. д.

В отличие от обычной номинации и от тех речевых приемов, что названы выше, эвфемизм обладает собственной спецификой. Она проявляется как в лингвистической сущности эвфемизма, так и в темах, которые чаще других подвергаются эвфемизации, сферах использования эвфемизмов, в типах языковых способов и средств, с помощью которых они создаются, в различии социальных оценок эвфемистических способов выражения.

Сущность эвфемизма. Для процесса эвфемизации существенны следующие моменты:

1) оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого может быть квалифицировано (в данной социальной среде или конкретным адресатом) как грубость, резкость, неприличие и т. п.;

2) подбор говорящим таких обозначений, которые не только смягчают способ выражения, но и маскируют, вуалируют суть явления; это особенно ясно видно на примере семантически расплывчатых медицинских эвфемизмов типа новообразование вместо опухоль или иноязычных — и потому не всем понятных — терминов типа педикулёз вместо вшивость;

3) зависимость употребления эвфемизма от контекста и от условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов, и, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи (общение в семье, с друзьями и т. п.) эвфемизмам могут предпочитаться «прямые», неэвфемистические средства обозначения.

Цели эвфемизации речи. 1. Основная цель, которая преследуется говорящим при использовании эвфемизмов, — стремление избежать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта. В эвфемизмах, преследующих эту цель, иначе, в более вежливой форме — по сравнению с иными способами номинации — называется объект, действие, свойство. Ср., например, употребляющиеся в качестве своеобразных терминов слова слабослышащий (вместо глухой), незрячий (вместо слепой), а также слова неправда (вместо ложь или враньё), полный (вместо толстый, о человеке), нетрезвый (вместо пьяный), беспокойный (о том, кто любит устраивать скандалы), приболеть (Да что-то он приболел — температура под сорок) и т. п.

2. Вуалирование, камуфляж сущности дела — еще одна цель, с которой создаются и употребляются эвфемизмы. Это особенно характерно для языка тоталитарного общества, каковым была Россия до конца 80-х годов XX в. Компетентные органы, учреждение (вместо тюрьма), доброжелатель (вместо стукач), многочисленные образования с первой частью спец- (спецконтингент, спецпереселенцы, спецотдел, спецполиклиника, спецхран, спецраспределитель и под.; см. о них [Крысин

1990а)], словосочетания типа для служебного пользования (о секретных документах), организационный вопрос (рассмотрев который, тот или иной партийный или советский орган выводил кого-либо из своего состава, тем самым наказывая провинившегося чиновника), упорядочивание или регулирование цен (что на самом деле означает их повышение), товары повышенного спроса (то есть те, которые трудно или невозможно купить), непопулярные меры (например, увеличение налогов), отрицательные темпы роста экономики (то есть совсем не рост, а нечто противоположное, попросту говоря — отставание экономики) и т. п. — всё это примеры эвфемистических выражений, вуалирующих, скрывающих неприятную для адресата суть понятий и действий.

Особый разряд среди этого типа эвфемизмов составляют те, которые обозначают военные действия государства, а истинный смысл этих действий скрывается от общественности: войны-интернационалисты (о советских солдатах в Афганистане в 1980—1989 гг.), дружеская помощь братскому афганскому народу, ограниченный контингент войск на территории того же Афганистана, весьма употребительные во время карабахских событий и войн в Чечне словосочетания: (в таком-то районе) сохраняется напряженность (и при этом есть убитые и раненые), пойти на крайние меры, военная операция по разоружению бандитов, дать адекватный ответ на акции террористов и т. п.

3. Эвфемизмы могут употребляться с целью скрыть от окружающих то, что говорящий хочет сообщить только конкретному адресату. Разумеется, такого рода «зашифрованность» сообщения относительна, и очень скоро она становится мнимой, в особенности, если подобные сообщения содержатся не в частной переписке, а публикуются и тем самым делаются доступными для интерпретации каждому читающему и слушающему. Это было характерно, например, для газетных объявлений 90-х годов XX в., касающихся обмена жилой площади («Меняю трехкомнатную квартиру на четырехкомнатную по солидной договоренности»), поиска сексуальных партнеров («Молодая женщина окажет внимание состоятельному мужчине»), найма на работу («На высокооплачиваемую работу приглашаются девушки без комплексов»), «Предприятию требуются водители и экспедиторы. Лиц с вредными привычками просим не обращаться» — под лицами с вредными привычками имеются в виду любители спиртного).

Темы и сферы эвфемизации. Оценка говорящим того или иного предмета речи с точки зрения приличия / неприличия, грубости / вежливости обычно бывает ориентирована на определенные темы и на сферы человеческой деятельности (и на отношения между людьми). Традиционно такими темами и сферами являются следующие:

1) некоторые физиологические процессы и состояния: освободи нос! — вместо высморкайся!; освободить кишечник; недомогание (о менструации); Она ждет ребенка вместо Она беременна;

2) определенные части тела, связанные с «телесным низом»; объекты этого рода таковы, что и не прямое, эвфемистическое их обозначение в бытовой речи часто воспринимается большинством говорящих как не вполне приличное: ср., например, просторечные и жаргонные номинации мужского полового члена: палка, конец, инструмент, аппарат, прибор, балда, банан, вафля и мн. др. (см. [Балдаев и др. 1992; Юганов, Юганова 1997]);

3) отношения между полами; ср.: находиться в близких, интимных отношениях, в интимной связи, физическая близость, встречаться 'иметь сексуальные отношения' и т. п.; некоторые обозначения, вращающиеся в этой сфере, относительно быстро утрачивают свою «смягчающую» функцию и начинают оцениваться носителями как несомненная грубость — таковы, например, некоторые глаголы, имеющие значение 'совершать половой акт (о мужчине)': *драть*, *дрючить* *иметь*, *пялить*², *трахать*² и др. и их производные (словарное описание подобной лексики с соответствующими стилистическими пометами представлено в [ТСРР]);

4) болезни и смерть: недомогать, плохо себя чувствовать — вместо болеть, хворать; Она совсем плохая — о безнадежно больной; французский насморк — вместо сифилис; ушел от нас, его не стало — вместо умер; усопший — вместо умерший, кончина — вместо смерть и т. п. Темы смерти и похорон, если эти события актуальны (совпадают с моментом речи или отделены от него небольшим промежутком времени), вербализуются почти исключительно с помощью эвфемизмов. Ср.: скончаться и устар. прост. кончиться, уйти из жизни, предать земле (но не закопать!), а также в речи медиков: потерять больного 'допустить, чтобы больной умер, не справиться с болезнью', дети уходят (то есть умирают). Эти темы и сферы эвфемизации можно назвать личными: они касаются личной жизни говорящего, адресата и третьих лиц (более подробно см. об этом в [Крысин 1996; Москвин 1999]).

Кроме того, явление эвфемизации характерно и для различных сфер социальной жизни человека и общества. Это, например, дипломатия, которая традиционно использует разного рода камуфлирующие выражения типа определенные круги, соответствующие меры, непредсказуемые последствия, миротворческая акция, физическое устранение (вместо: убийство) и т. п., репрессивные действия власти: высшая мера вместо смертная казнь, применить санкции (это может означать и арест, и высылку человека, и экономическую блокаду страны и т. п.); государственные и военные тайны и секреты: объект (о военном заводе, испытательном полигоне и т. п.), изделие (об атомной бомбе), нетрадиционные формы ведения войны (имеются в виду способы и средства полного уничтожения живой силы противника при сохранении его военной техники), деятельность армии, разведки, милиции и других органов власти, действия которых не должны быть «на виду»: операция, акция, спецакция (имеется в виду расстрел), ликвидировать в значении ‘расстрелять’, неуставные отношения (в армии; имеются в виду издевательства старослужащих над новичками), зачистка местности (проверка документов, арест лиц, не соответствующих тем или иным требованиям ситуации), наведение конституционного порядка (вместо: война, военные действия), отношения между различными национальными и социальными группами населения: некоренное население — например, о русских, живущих в Прибалтике, этническая чистка — высылка или уничтожение лиц, не принадлежащих к господствующей в данном регионе нации, группы повышенного риска — о проститутках, гомосексуалистах, наркоманах, которые имеют более высокую, чем другие социальные группы, вероятность заразиться СПИДом и иными инфекционными болезнями, лица без определенного места жительства (сокращенно бомж) — вместо старого бродяга, дом ночного пребывания вместо ночлежка и т. п.

С помощью эвфемизмов обозначаются некоторые профессии. Это делается с целью повысить социальный престиж таких профессий и скрыть негативное впечатление от «прямого» названия соответствующего рода занятий: оператор машинного доения, оператор очистных работ (ср. прежнее ассенизатор, переставшее выполнять свою эвфемистическую функцию), контролер вместо надзиратель, исполнитель — о том, кто приводит в исполнение смертные приговоры (ср. неэвфемистическое палач), и др.

Использование эвфемизмов иногда связано с определенным типом речевого акта. Например, речевые акты угрозы, шантажа и нек. др. могут реализоваться в завуалированной форме, для чего применяются эвфемистические приемы выражения: У тебя могут быть неприятности; Если вы не выполните наши требования, у вас появятся проблемы (трудности, осложнения и т. п.).

Языковые средства и способы эвфемизации: 1) слова-определители с диффузной семантикой: некоторый, известный, определенный, соответствующий, надлежащий и т. п. (примеры из современной прессы: «Эти действия правительства уже привели к известным результатам» — имеются в виду плохие, негативные результаты; «Определенный контакт между нашими службами был, но все остались живы»; «В “Мерседесах” едут люди, я бы сказал, со своеобразными лицами»);

2) имена существительные с достаточно общим смыслом, используемые для называния вполне конкретных предметов и действий: акция, изделие, объект, продукт (о «начинке» для атомных бомб), товар (о наркотиках), материал (в значении ‘компрометирующие сведения о ком-либо’), сигнал (в значении ‘сообщение в высшие инстанции о чем-либо неблагоприятном’);

3) неопределенные или указательные местоимения, а также местоименные обороты типа это дело, одно место: ср.: — У тебя что-нибудь было с Толей? — Нет, что ты! У нас с ним ничего не было (имеются в виду сексуальные отношения); название популярной в начале 90-х годов XX в. телевизионной передачи о сексе — «Про это»; Мне надо в одно место (= в уборную);

4) иноязычные слова и термины, употребляемые как обозначения, более пригодные — в силу своей «непрозрачности», меньшей понятности большинству носителей языка — для вуалирования сути явления, чем исконная лексика: канцер (вместо рак), педикулёз (вместо вшивость), либерализация (цен), селадон или *ловелас* (вместо оскорбляющего слух слова бабник), деструктивный ‘разрушительный’, конфронтация ‘противостояние’ (иногда с применением оружия) и т. п.;

5) слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства, употребляемые не в своем словарном значении, а в качестве эвфемизма: недослышать (о глухом), прихрамывать (о хромом), приостановить (деятельность какой-либо организации) и т. п.;

б) аббревиатуры, особенно характерные для репрессивной сферы и сфер, связанных с сокрытием военных и государственных тайн: ВМ = высшая мера (наказания), т. е. расстрел, СС = совершенно секретно (гриф на документах; в профессиональном обиходе такой гриф именовался «два Семёна»), зэк, в более позднем написании — зек (из словосочетания заключенный каналомареец — аббревиатура возникла во время строительства Беломорско-Балтийского канала), ПКТ = помещение камерного типа (то есть попросту — камера) и др.

Социальные различия в употреблении эвфемизмов. В разной социальной среде неодинаково представление о том, что «прилично» и что «неприлично», и, соответственно, о том, что может именоваться прямо, без обиняков, а что должно получать вуалирующие, эвфемистические обозначения. В этом отношении весьма примечательны различия между носителями литературного языка, с одной стороны, и, с другой, теми, кто использует в качестве основного или единственного коммуникативного средства территориальный диалект, городское просторечие, социальный жаргон.

Диалектологи, например, давно отметили, что носители диалектов склонны прямо называть некоторые объекты, действия и состояния, относящиеся к анатомии и физиологии человека и животных, к отношениям между полами, употреблять обценную лексику как в ее экспрессивной, так и в номинативной функции. Однако неверно было бы считать, что в этой среде нет потребности в эвфемизации речи. Напротив, и в местных диалектах, и в просторечии имеются весьма развитые «микросистемы» лексических средств, которые служат для эвфемистического обозначения табуируемых объектов, процессов, свойств. Так, глаголы озорничать, озоровать, шалить, баловаться используются здесь для называния некоторых негативно оцениваемых действий: Продавцы **озорничают**: *хочу* — открою в два, *хочу* — в три; А на молокозаводе-то **озоруют**: *молоко водой разбавляют; На дорогах тогда и белые, и красные шалили, нашего брата обирали* (записи устной речи); — Они, старики, просты; для них это птичий грех — со снохой **баловаться** (М. Горький).

Носители диалектов и просторечия, прибегая к эвфемистическим средствам, могут проявлять так наз. гиперкоррекцию: эвфемистической замене подвергаются даже те слова и обороты, которые в иной социальной среде (например, у носителей литературного языка) не оцениваются как неприличные или грубые. Так, некоторые носители современного

русского просторечия избегают слов сортир (вследствие фонетической и смысловой ассоциации его с соответствующим ненормативным глаголом, обозначающим процесс дефекации), яйца (употребляя в качестве названия продукта только слово яички и ложно оценивая его как более приличное, хотя, как известно, в качестве анатомического термина используется именно диминутив), заменяют грубое, с их точки зрения, название бабье лето оборотом женское лето и т. д.

Своеобразные функции выполняют эвфемизмы в социальных жаргонах. Здесь главное — скрыть, завуалировать сущность обозначаемого понятия; иногда это сопровождается элементами словесной игры, шутки, каламбура: академия, дача, курорт — о лагере, тюрьме, браслеты 'наручники', буфера, литавры 'женские груди', жмурик 'покойник', шутливая фраза: Я мог бы быть твоим отцом, заменяющая широко распространенное трехсловное обценное выражение, и т. п.

Эвфемизмы в тексте. В письменном тексте эвфемизм нередко выделяется кавычками и может сопровождаться разного рода метаязыковыми комментариями. Пишущий может «раскрывать» эвфемизм и в параллель ему приводить прямое наименование. Примеры из газет: Под благозвучным названием упорядочения цен повышены цены на ряд товаров повседневного спроса; Правило «око за око», на языке дипломатии именуемое принципом взаимности; Термин «миротворческие операции» всё чаще становится смягченным синонимом слова «война»; Это самое страшное оружие — биологическое. Еще его скромно называют — необычное; К нему применяли недозволенные методы следствия, т. е. побои.

Эвфемизмы — одна из разновидностей стилистических средств языка. Они позволяют говорящим варьировать свою речь в зависимости от условий общения, при необходимости скрывать, вуалировать свои намерения, а также избегать коммуникативных конфликтов, которые могут происходить при слишком прямолинейной номинации определенных предметов, действий и свойств.

О ПАРАМЕТРАХ РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА*

Проблема регионального варьирования** национальных языков давно привлекает к себе внимание лингвистов. В этой области еще во второй половине XX в. велись интенсивные исследования, результаты которых свидетельствуют о зависимости такого варьирования от географического, этнических, социальных и других факторов: ср. варьирование английского языка (см. работы В. Н. Ярцевой, А. Д. Швейцера), немецкого (работы М. М. Гухман, А. И. Домашнева), испанского (работы Г. В. Степанова), французского (работы Е. А. Реферовской) и др. Сейчас уже не требует особых доказательств тот факт, что английский язык Великобритании и английский язык США, испанский язык Испании и испанский язык, распространенный в странах Южной и Центральной Америки, — это разные варианты одного языка, причем каждый из вариантов имеет своих собственных носителей. В самом деле, американские дети усваивают с самого раннего возраста тот английский язык, на котором говорят жители США, а не британский вариант этого языка; на Кубе используется кубинский вариант испанского языка, а не язык природного испанцев, и т. д.

Среди социально обусловленных процессов, характерных для развития и функционирования современного русского языка, особое место занимают процессы, связанные с использованием русского языка в

* Впервые опубликовано в сборнике: Материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ, 2013.

** Термин «региональное варьирование» употребляется здесь применительно к функционированию языка в инонациональной языковой среде. Для обозначения вариативности языка на территории его исконного распространения принят термин «локальное (территориальное) варьирование»: например, имеется ряд работ, посвященных этому виду варьирования русского литературного языка в городах Сибири.

иноязычной среде, с усвоением его нерусскими в качестве средства межнационального общения. Специфика этих процессов заключается в том, что изменения, происходящие в русском языке, существующем в иноязычном окружении, испытывают влияние сложного комплекса собственно языковых, социальных и этнических факторов.

С тех пор, как русский язык приобрел функции языка межнационального общения, возник вопрос о его региональном варьировании. Речевая практика, использование русского языка в иноязычной среде обнаруживает более или менее значительные отклонения от русской литературной нормы, которые являются следствием интерферирующего влияния языка коренного населения*.

Как относиться к этим отклонениям? Можно объявить их «вне закона», не обращать на них внимания, руководствуясь принципом «литературный язык един для всех говорящих» (эта точка зрения выражена в книге [Филин 1981]). Однако в таком случае лингвистическая теория окажется в отрыве от речевой практики, между тем как языковеды не вправе проходить мимо тех проблем, которые являются актуальными не только в собственно лингвистическом, но и в социальном смысле (а в том, что овладение и владение русским языком как средством межнационального общения является насущной социальной задачей, сомневаться не приходится). Поэтому более реалистичным представляется иной подход: изучение функционирования современного русского языка в различных регионах России и выявление особенностей и закономерностей этого функционирования. Только на основе тщательного исследования фактического материала, характеризующего использование русского языка в различной этнической и социальной среде, возможна выработка методических рекомендаций, способствующих оптимизации процесса овладения русским языком как средством межнационального общения. Исходной посылкой при рассматриваемом подходе является признание факта варьированности русского языка в зависимости от территории

* На эти отклонения обращают внимание и те авторы, которые исследуют главным образом статус русского языка в постсоветском пространстве, — см., например [Белоусов, Григорян 1996; Белоусов, Григорян, Познякова 2001], а также исследователи социально обусловленного и ситуативного взаимодействия русского языка с языками коренного населения — см., например [Авина 2006, 2006а; Копыленко, Саина 1982; Михальченко 1984; Саина 2000; Типология 1999; Хашимов 1986; Шайбакова 2005; Блохинская и др. 2014] и др.

его распространения, национального состава говорящих на нем людей, их социальных характеристик и т. п.

Не надо быть специалистом-русистом, чтобы понять, что русский язык, даже литературный (не говоря уж о территориальных диалектах и просторечии), не может быть одним и тем же на огромных просторах от Калининграда до Чукотки, от Хибин до Северного Кавказа. Очевидно, что та русская речь, которую мы слышим в основных культурных центрах России — Москве и Петербурге, отличается от русской речи, звучащей в Улан-Удэ или во Владикавказе. А в этих городах и в соответствующих национальных регионах русский язык русского населения — не тот, что русский язык бурят и осетин, даже при условии, что они достаточно хорошо овладели этим языком.

Если идти дальше в сопоставлении разных языковых коллективов, то мы можем убедиться, что варьирование русского языка, его выразительных средств может быть обусловлено не только территориальным и этническим факторами, но и другими: например, уровнем образования говорящих (чем он выше, тем меньше отклонения в их речи от норм русского литературного языка), родом занятий, полом, возрастом и нек. др.

Нередко в той русской речи, которая распространена в условиях иноязычной среды, видят лишь искажение русского языка. Так ли это в действительности?

В свое время академик А. А. Шахматов считал, что задача лингвистов — в объективном изучении языковых фактов, без каких бы то ни было попыток оценивать эти факты, признавая одни правильными, а другие неправильными. «Странно было бы вообще, — писал он, — если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решилось указывать, как надо говорить» [Шахматов 1899: 33].

Современная лингвистическая наука далека от такой объективистской точки зрения на язык, которая отстаивает невмешательство ученых в языковую жизнь народа. Напротив, и в русском, и в других языках народов России действуют более или менее строгие нормы, которые сознательно культивируются, распространяются через систему образования, через печать, радио, телевидение. Единство и общеобязательность норм — залог единства и целостности литературного языка — культурного достояния народа. Выработка же единых норм

невозможна без оценки языковых фактов с точки зрения их общепринятости большинством говорящих на данном языке, а также с точки зрения большей или меньшей их выразительности, пригодности для целей общения.

Однако условием нормализаторской и кодификаторской деятельности лингвистов по сохранению (или же целесообразному обновлению) языковых норм является углубленное и детальное исследование языка, его развития и функционирования.

Поэтому, прежде чем объявлять те или иные явления искажением русского языка, необходимо объективно и непредвзято изучить эти явления, выявив все их особенности и выяснив их лингвистическую и социальную природу. Эта задача сложна и многопланова, и в этом докладе даже не ставится вопрос о ее решении (этому должны быть посвящены самостоятельные исследования). Однако в связи с общей проблемой регионально обусловленного варьирования современного русского языка необходимо обратить внимание и на явление варьирования русского языка в инонациональных условиях и, более конкретно, рассмотреть, хотя бы кратко, те формы, в которых подобное варьирование проявляется.

В качестве общего замечания о характере варьирования русского языка в иноязычной среде следует указать на множественность факторов, которые обуславливают варьирование. Это факторы и собственно языковые, и внешние: социальные, культурные, этнические, психологические и др.

Если иметь в виду такую множественность и разнородность условий, в которых функционирует русский язык в национальных регионах страны, то можно выделить несколько осей, или параметров, варьирования русского языка.

Поуровневая ось: имеется в виду варьирование средств русского языка, принадлежащих разным уровням его структуры, — фонетике, морфологии, лексике, синтаксису.

Например, в условиях украинско-русского и русско-украинского двуязычия наблюдаются такие факты, характеризующие русскую речь жителей Украины:

- «г» фарингальное (шелевое) на месте нормативного для русского литературного произношения «г» взрывного: [γ]óды, [γ]óрло, [γ]убы, но[γ]á, по[γ]áный и т. п.; [y] вместо [в], [ф] или [ф]: [y]бóк,

[у]б[́]ить, люб[́]о[у] вместо [в]бок, [в]б[́]ить, люб[́]о[ф] и т. п. (фонетический уровень*);

- кура вместо курица, скоренько, быстренько вместо скоро, быстро; ходить, спать вместо ходят, спят и т. п. (морфологический уровень);
- це вместо это, робить вместо делать, часом вместо иногда, дивиться вместо смотреть, глядеть и т. п. (лексический уровень);
- пришел со школы; Где идешь?; Не имею времени — вместо: пришел из школы; Куда идешь?; (У меня) нет времени и т. п. (синтаксический уровень).

В русской речи лиц, живущих в условиях такого иноязычного окружения, которое включает неродственные русскому языку (например, на Кавказе, в некоторых регионах Восточной Сибири), также наблюдаются отклонения от норм русского языка, определяемые влиянием фонетической, грамматической и лексико-семантической систем соответствующих коренных языков. Так, одно из самых распространенных явлений в фонетике — неразличение мягких и твердых согласных под влиянием языков, в которых противопоставление этих согласных нефонематично, т. е. не играет смысловозначительной роли: [б]ил вместо [б]ыл, [ж']изнь вместо [ж]изнь и т. п., и наоборот: [хы]трый вместо [х'и]трый, [сЫ]ла вместо [с'и]ла и т. п.

Некоторые исследователи отмечают варьирование рода русских существительных — под влиянием рода существительных в языке, с которым контактирует русский язык: так, говорящие по-русски литовцы иногда относят к существительным мужского рода некоторые слова женского рода (*гуашь, тушь; злой собака*); глагольное и именное управление испытывает влияние литовского синтаксиса: *Он старше за меня на пять лет* (см. об этом [Бразаускаене 2000: 20—21]).

В ряде работ, посвященных русскому языку в странах Европы и Америки, также отмечены разные по характеру отклонения от общерусской языковой нормы в речи русских эмигрантов (см., например [Голубева-Монаткина 2000; Земская 2008; Земская, Гловинская 2001; Русский язык зарубежья 2001] и др.). Внимание специалистов привлекают также проблемы существования и функционирования русского

* Приводятся лишь некоторые факты, характерные для каждого языкового уровня.

языка в странах восточного зарубежья (см., например, фундаментальное исследование Е. А. Оглезневой [Оглезнева 2009] особенностей русского языка в китайском городе Харбине).

Стилистическая ось: имеется в виду, во-первых, разная степень, в которой подвержены варьированию разные функциональные стили языка: в наибольшей степени отклонения от русских языковых норм представлены в обиходно-бытовом стиле речи, в наименьшей — в научном и официально-деловом стилях; во-вторых, неадекватное представление у говорящих об эмоционально-стилистической окраске языковых единиц, с чем связано коммуникативно и стилистически не оправданное использование стилистически окрашенных слов в нейтральной речи (и наоборот), смешение разных стилей: например, включение в обиходно-бытовой стиль элементов стиля официально-делового, книжных по своей окраске слов и оборотов — в речь разговорную, а разговорных и просторечных — в тексты книжно-письменной речи.

Ср., например: — *Ата, спички есть?* — *Нету таковых* (из диалога прохожих — молодого русского и пожилого казаха); *Площадь занимаемой квартиры — где-то около сорока метров* (из заявления в исполком); *Пришлите комиссию, пусть она вкрутит мозги ихнему начальнику* (из письма в редакцию газеты) и т. п.

Социальная ось: имеется в виду разная степень варьирования средств русского языка в группах людей, различающихся по возрасту, уровню образования, характеру профессии и т. п.

Так, в наибольшей мере отклонения от норм русского языка наблюдаются у самого молодого поколения (дошкольники и младшие школьники) и у самого старшего (речь идет о лицах, для которых русский язык не является родным); профессия, связанная с регулярным использованием слова (учитель, журналист, воспитатель и др.), способствует меньшему варьированию русского языка, а профессии, не связанные с регулярным использованием слова, в этом отношении более «нейтральны» (иначе говоря, отклонения от норм в речи шахтера, геолога, агронома и др. более часты, более обычны, чем в речи учителя или журналиста).

Ситуативная ось: имеется в виду разная степень варьирования языка в разных условиях общения и при исполнении разных социальных ролей. В социально важных, контролируемых ситуациях вариативность меньше, чем в ситуациях с ослабленным социальным контролем: ср., например,

письменное обращение носителя языка в органы власти (с письмом, жалобой и т. п.) — и непринужденный разговор того же лица с членами его семьи: в первом случае отклонений от норм русского языка, как правило, меньше, чем во втором.

Территориальная ось: имеется в виду варьирование способов использования средств одного и того же языка (в нашем случае — русского) в зависимости от территории его распространения. Наиболее очевидный пример — различия между территориальными диалектами и литературным языком, менее очевидный — варьирование литературного языка в зависимости от территориального фактора и формирование промежуточных языковых форм, в которых литературная речь оказывается в большей или меньшей степени диалектно окрашенной* (ср. введенное А.С. Гердом понятие *реглолекта*; см. [Герд 2000]; см. также [Букринская, Кармакова 2008]).

Этнокультурная ось: отклонения от национально обусловленной специфики использования языковых средств.

Таковы, например, случаи употребления некоторых названий животных без учета свойственных этим названиям коннотаций. В русском языке слова *осел*, *зверь*, *свинья* и нек. др. обладают негативными коннотациями, вследствие чего в переносных значениях они могут употребляться только для отрицательной характеристики лица: *Этому ослу бесполезно что-либо объяснять*; *Он смотрит на всех зверем*, *Я не знал, что ты такая свинья* и т. п.; ср. также слова и обороты типа *ослиное упрямство*, *вызвериться*, *поступить по-свински* и под. В других национальных культурах и языках соответствующие понятия и слова могут иметь иные коннотации (например, *осел* — не ‘тупость и упрямство’, а ‘упорство и трудолюбие’), и, стало быть, переносные значения этих слов реализуются в контекстах, не имеющих отрицательной оценки говорящим лица или события. Перенесение же этих контекстных условий на почву русского языка приводит к необычному употреблению слова (**Он работает, как осел*)**.

* См. работы, в которых исследуется проблема территориального варьирования русского литературного произношения: [Григорьева 1980; Ерофеева 1979; Жильцова 1987; Игнаткина 1982; Парикова 1966; Чуркина 1969].

** В сущности, каждая из рассмотренных осей варьирования языка свидетельствует о недостаточном владении говорящими соответствующим компонентом социалингвистической, или коммуникативной, компетенции.

Варьирование языка может происходить по всем этим осям одновременно. При таком условии мы можем говорить о некоей **шкале** варьирования, на которой разные оси (параметры) совмещаются. На этой шкале можно представить разные по «величине» отклонения от норм русского языка, а на крайних точках шкалы — максимальный и минимальный показатели таких отклонений.

На основании некоторых наблюдений можно сделать вывод о такого рода зависимостях в региональном варьировании русского языка при его функционировании в иноязычной среде:

- максимальная степень варьирования наблюдается на фонетическом уровне (то есть в произношении) в обиходно-бытовом стиле речи у лиц, не связанных профессионально с регулярным использованием слова, в ситуациях с ослабленным социальным контролем;
- минимальная степень варьирования наблюдается на морфологическом уровне в научном и официально-деловом стилях речи у лиц, связанных профессионально с регулярным использованием слова, в социально контролируемых ситуациях.

Изучение варьирования русского языка по всем названным параметрам является одной из актуальных задач современной русистики. Оно должно послужить теоретической базой для разработки оптимальных методов и приемов обучения русскому языку в условиях тесных контактов его с другими языками России и зарубежья.

ВАРИАТИВНОСТЬ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Понятия нормы, нормального важны для многих видов человеческой деятельности. Существуют *нормы* выработки продукции (например, на заводе) и *нормали*, т. е. технические требования, которым эта продукция должна удовлетворять. Диетологи говорят о *нормах* питания, спортсмены «укладываются» в определенные *нормативы* (в беге, в прыжках). Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что в любом цивилизованном обществе действуют нормы взаимоотношений людей, нормы этикета; у каждого из нас имеется представление о том, что нормально для человеческого общения, а что ненормально, выходит за пределы некоей неписаной нормы. Да и наша повседневная речь пестрит этими словами: — Как поживаешь? — Нормально! — Ну, как дела? — Да ничего, в норме.

Более того, норма незримо присутствует и в таких наших высказываниях, в которых нет самих слов норма или нормальный. Когда мы оцениваем, например, рост человека или животного, то можем сказать: — Какой высокий парень! или: — Что-то этот жираф маловат для жирафа, — и тем самым сравниваем рост парня и жирафа с какой-то подразумеваемой нормой роста (естественно, разной для человека и для жирафа). Когда мы говорим: удобный стул, слишком тёмная комната, невыразительное пение, мы имеем в виду (хотя не отдаём себе в этом отчёта) некие общепринятые «нормы» удобства стула, освещённости помещения, выразительности пения.

Лингвистами термин норма используется в двух смыслах — широком и узком.

* Очерк основан на докладе, прочитанном автором на 43 Виноградовских чтениях 20 января 2011 г. (М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2011), а также на статье [Крысин 2011].

В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию узуса, т. е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка. Так, можно говорить о норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских — аканье. По-своему нормативен и любой из социальных или профессиональных жаргонов: например, то, что используется в торговом аргументе, будет отвергнуто как чуждое теми, кто владеет жаргоном плотников; устоявшиеся способы использования языковых средств существуют в армейском жаргоне и жаргоне музыкантов-«лабухов», и носители каждого из двух этих жаргонов с легкостью отличат чужое от своего, «нормального», и т. д.

В узком смысле норма — это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием *литературного* языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным*. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, и поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина. Одним из первых в лингвистической науке двойное понимание нормы (дескриптивное: то, как *говорят*, как *принято* говорить в данном обществе, и прескриптивное — как *надо*, как *правильно* говорить) выдвинул уругвайский лингвист Э. Косериу: в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» (см. [Косериу 1963: 175]), а в узком смысле норма — результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению. Близкое к этому понимание нормы можно найти и в работах представителей Пражского лингвистического кружка (например, Б. Гавранка, А. Едлички).

* В западной лингвистической традиции принят термин «стандарт»; из отечественных языковедов этот термин предпочитал употреблять Е. Д. Поливанов (см., например [Поливанов 1968а]). Некоторые современные исследователи считают, что термин *стандарт*, или *стандартный язык*, более точно соответствует сущности того, что принято называть литературным языком (см., например [Шайкевич 2005: 220]).

Получается, что, говоря о неcodифицированных сферах языка, мы можем употреблять термины «узус» и «норма» безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, — это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов*. Однако относительно codифицированной подсистемы, каковою является литературный язык, такое безразличие в использовании терминов «узус» и «норма» явно не оправдано: одно дело, как предписывают употреблять языковые средства словари и грамматики (норма), и другое — как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика). Несовпадение нормативных предписаний и речевой практики более или менее очевидно, и современная устная и письменная речь предоставляет нам массу примеров такого несовпадения (см. об этом в книге [Современный русский... 2010]). Из сказанного следует, что применительно к литературному языку полезно различать три сущности: с и с т е м у — как набор возможностей, предоставляемых языком для выражения тех или иных смыслов, н о р м у — как совокупность правил отбора таких способов и средств выражения (возможных в системе данного языка), которые приняты в данном обществе в данное время и которые признаются большинством говорящих наиболее пригодными для использования в тех или иных коммуникативных ситуациях, и узус, или речевую практику.

При этом в понятии нормы надо иметь в виду два указанных выше смысла — широкий и узкий: 1) норма как результат традиции, как многолетний обычай использовать языковые единицы и их сочетания и 2) норма как результат codификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц.

Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию и codификацию, во многом основывающуюся на этой традиции. Тем самым литературная норма противопоставлена, с одной стороны, системе (не всё, что допускает языковая система, одобрено нормой),

* Говоря о том, что не только литературный язык, но и местные и социальные диалекты имеют свою норму, т. е. комплекс традиционно употребляемых средств («узус определяет норму народного языка»), Б. Гавранек обращал внимание на то, что «отклонения от этого комплекса воспринимаются [носителями данного диалекта. — Л. К.] как нечто ненормальное, как отступление от нормы» [Гавранек 1967: 339, 340].

а с другой, — речевой практике (узусу): в речевой практике вполне обычны бóльшие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях.

Взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда антиномичны, т. е. не всегда имеют форму конфликта, разрешаемого непременно в пользу какой-то одной из сторон. Вариативность, сосуществование, с одной стороны, языковых средств, освященных традицией и закрепленных в норме путем ее codификации, и, с другой, — языковых средств новых, идущих из речевой практики также представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса.

Несмотря на то что литературная норма, как это давно признано ее исследователями, строга и консервативна*, она допускает совместное функционирование вариантов одной и той же языковой единицы. Варианты могут различаться стилистически, узуально, могут зависеть от коммуникативных условий речи, относиться к речевой практике определенных социальных и профессиональных групп и т. д., но нередки случаи и свободного варьирования. И это не дефект литературного языка, его нормы, а вполне естественное явление: норма изменяется вместе с развитием языка (хотя темпы таких изменений медленней, чем темпы развития языка), и эти изменения, с одной стороны, отражаются в узусе в виде новшеств и сосуществующих вариантов, а с другой, — получают ту или иную квалификацию при составлении нормативных грамматик и словарей: ср. пометы типа «доп.» (= допустимо), «разг.» (= разговорное), «прост.» (= просторечное), «проф.» (= профессиональное), «жарг.» (= жаргонное) и т. п.**

В процессе обновления нормы определенное значение имеет распространенность, частота того или иного новшества в речевой практике, хотя роль этого фактора нельзя преувеличивать: распространенной, массовой может быть и явная ошибка (ср., например, произношение типа *инцидент*, *беспрецендентный*, весьма часто встречающееся даже

* Ср. известное высказывание А.М. Пешковского: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [Пешковский 1959а: 55].

** Ср. также различие старшей и младшей орфоэпической нормы и соответствующих фонетических вариантов в словаре [Каленчук и др. 2012].

в публичной речи, в частности, у журналистов). А. Б. Шапиро полвека назад справедливо заметил: «Даже если девяносто процентов русских людей будут говорить *доку́мент*, это не может стать литературной нормой». Однако в случае не столь ярких отличий вновь появляющегося языкового факта от традиционно используемой языковой единицы новое может приобретать широкое распространение и получать признание у большинства говорящих, и обе формы — старая и новая — могут сосуществовать, иногда в течение относительно долгого времени, в пределах литературной нормы.

Современные словари и справочники дают обильные примеры вариативных произносительных и акцентных норм: *творо́г* — *тво́рог*, *по среда́м* — *по сре́дам*, *раку́рс* — *ра́курс*, *ста́ртер* — *ста́ртёр*, *бу́ло[шн]ая* — *бу́ло[чн]ая*, [дэ]зодора́нт — [д'э]зодора́нт, пре[т'э]нзия — пре[тэ]нзия, [сэ]ссия — [с'э]ссия*; о редком явлении надо говорить *фено́мен* (ударение *фено́мен* не рекомендуется), а применительно к обладающему исключительными, редкими качествами человеку можно употреблять и ту, и другую акцентную форму [Орфоэпический словарь 1997: 599] (в живой речи произношение этого слова с ударением на втором слоге, по-видимому, большая редкость) и т. п.

Постепенно один из вариантов вытесняет своего конкурента: например, ударение на первом слоге в слове *творог* и в дательном падеже множественного числа слова *среда* (*по сре́дам*) сейчас является статистически преобладающим среди носителей русского литературного языка, так же, как и произношение *бу́ло[чн]ая* (традиционное старомосковское произношение этого слова со звуко сочетанием [шн] характерно главным образом для речи москвичей; см. об этом более подробно [РЯДМО, гл. 2]), акцентная форма *ра́курс* — по сравнению с ныне устаревшей (но

* Следует обратить внимание на такое свойство литературной нормы, как ее избирательность, особенно в сфере произношения: казалось бы, в одинаковых или в очень сходных фонетических позициях одни слова допускают одно произношение, а другие — иное. Например, сейчас уже почти никто не придерживается старомосковской нормы при произношении слова *шаги* ([шы]гй), но в словоформе *лошадей* звуко сочетание [шы] статистически преобладает над звуко сочетанием [ша]; слова *темп*, *тент* надо произносить с твердым [т], а при слове *тенор* «Орфоэпический словарь», напротив, дает запретительную помету: «не: *тэно́р*», и большинство говорящих по-русски с этим запретом, несомненно, согласится (так же, как и с запретом произносить твердый согласный перед [э] в словах *музей*, *шинель*, *пионер*).

до сравнительно недавнего времени единственно правильной*) формой *раку́рс***.

В обновлении нормы, в ее изменении под влиянием речевой практики важна также социальная и культурная среда, в которой то или иное новшество получает распространение. В общем случае: чем выше «общественный вес» той или иной социальной группы, ее престиж в социуме, ее культурный уровень, тем легче иницилируемые ею языковые новшества получают распространение в других группах носителей языка (ср. понятия социального статуса, социального престижа и престижной языковой формы, используемые У. Лабовом при объяснении им фонетических изменений; см. [Labov 1972; Лабов 1975: 225; Лабов 1975а: 323]). Однако обратное не всегда верно: то, что рождается в непрестижной, социально низкой и малокультурной среде, может сохраняться в этой среде, не выходя за ее пределы, но может — и нередко! — проникать в речь других социальных групп, в том числе и в речевую практику носителей литературного языка. Ср. замечание А. Д. Швейцера, основанное на анализе инновационных процессов в английском литературном языке и в английских диалектах: несмотря на сопротивляемость кодифицированного языка новшествам, идущим из субстандартных источников, «существует и противоположный путь распространения инноваций — “снизу вверх”, т. е. из субстандартных разновидностей языка в литературный язык. В результате этого процесса происходит сублимация субстандартных языковых форм и их закрепление в узусе, санкционируемом нормами литературного языка» [Швейцер 1994: 74].

Варьирование языковых единиц в пределах нормы имеет несколько типов:

- 1) *свободное*: таково, например, вариативное произношение твердого или мягкого согласного перед [э] (ударным или безударным)

* В словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, изданном в 1960-м году, рядом с рекомендуемой акцентной формой *раку́рс* стоит запретительная помета: «не: *ра́курс*». Ср. с современным «Орфоэпическим словарем русского языка» (М., 1997), где значится: «*ра́курс* и доп[устимо] устар[евающее] *раку́рс*».

** В ряде случаев рекомендации кодификаторов анахроничны: например, современный «Орфоэпический словарь» дает в качестве основных акцентных форм варианты *ке́та* и *ло́сось*, тогда как в речевой практике явно преобладают формы с ударением на втором слоге: *ке́та* и *лосо́сь*.

- в некоторых иноязычных словах: *пре[т'э]нзия — пре[тэ]нзия*, *[сэ]ссия — [с'э]ссия*, *[дэ]зодорáнт — [д'э]зодорáнт и т. п.*; вариативность ударения в словах *одновременно* (на третьем или на четвертом слоге), *угля́ и у́гля*, *те́фтели и тефте́ли*; вариативность некоторых падежных форм и личных форм глагола: *в мозгу и в мозге*, *чтят и чтут*, *вариативность реализации категории синтаксической одушевленности в некоторых группах существительных, например: ввести в роман новые персонажи — новых персонажей; внедрять в производство новые роботы — новых роботов*;
- 2) *семантически обусловленное*: например, варьирование форм родительного падежа и партитива: *чая — чаю, сахара — сахару, коньяка — коньяку и т. п.*, форм предложного и местного падежей: *(лежать) в снегу — в снеге (мало живописности), на самом краю — на переднем крае; в круге света — в своем кругу и т. п.*, форм множ. числа в зависимости от значения слова: *тормо́за (механизм) — то́рмозы (в работе), учителя́ (в школе) — учи́тели (о главах учений, научных или социальных теорий), сыновья́ (в семье) — сыны́ (сыны́ Отечества)* и др.;
- 3) *стилистически обусловленное*: *тракторы, инспекторы, прожекторы (книжн.) — тракторá, инспекторá, прожекторá (нейтр. или разг.)*, в отпуске (книжн. или нейтр.) — в отпуску (разг.), тропою (устар.) — тропой*;
- 4) *профессионально обусловленное*: *ко́мпас — компáс (в речи моряков), лоску́т — ло́скут (остатки в некоторых видах производства, например, в ткацком), сей́неры — сейнерá, разбивка — разбиение (второе — в научной речи; при общем для обоих слов значении 'распределение чего-л. по группам, классам')***;

* В «Орфоэпическом словаре» эти формы даны без стилистических помет.

** Не вполне ясными остаются критерии, на основании которых одни из профессионально маркированных вариантов могут рассматриваться «внутри» литературной нормы, а какие — за ее пределами. Ср., например, многочисленные образования форм множ. числа сущ. муж. рода с именительным на -á (-я): с одной стороны, это такие формы, как *взвода*, *спасательные* *плота*, *компрессора*, *шницеля* и *под.*, которые, по всей видимости, не могут оцениваться как варианты литературной грамматической нормы, с другой, — *инспекторá*, *прожекторá*, *слесаря́* и ряд других, которые в современных справочниках указываются как варианты соответствующих форм на -ы(-и) (*инспекторы*, *прожекторы*, *слесари*).

5) *социально обусловленное*: *по средáм* (главным образом, в речи интеллигенции старшего поколения) — *по средáм* (в речи молодого и среднего поколений независимо от социальной принадлежности), *é[ж':]у, дрó[ж':]и* (в речи интеллигенции, преимущественно московской, старшего поколения) — *é[ж:.]у, дрó[ж:]и* и (в речи других групп носителей современного литературного языка) и др.;

6) *территориально обусловленное*. Этот тип варьирования литературной нормы признаётся далеко не всеми исследователями: например, *Ф. П. Филин отстаивал единство и неварьируемость русского литературного языка на всей территории его распространения* (см. [Филин 1981]). Однако языковая действительность расходится с этой точкой зрения на литературную норму.

Исследования последних десятилетий убедительно показали, что русский литературный язык существует в определенных локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, а также словоизменение и лексику (единицы других сфер языка подвержены варьированию в меньшей степени). Так, для речи интеллигенции таких городов, как Вологда, Пермь, Красноярск, Тобольск и нек. др., характерна меньшая, чем в «столичной» норме, редукция гласных в неударных (особенно в заударных) слогах; в речи носителей литературного языка, живущих в городах к югу от Москвы, встречается [ʏ] фрикативный на месте [ɛ] взрывного; у носителей литературного языка, живущих в Москве и Санкт-Петербурге, наблюдаются различия в использовании наименований одних и тех же объектов, а также некоторые акцентные особенности, и т. п. (см. об этом, например, в работах [РЯДМО 1974; Парикова 1966; Чуркина 1969; Ерофеева 1979; Григорьева 1980; Игнаткина 1982; Жильцова 1987; Беликов 2004]).

Самым «слабым звеном» среди этих шести групп вариантов, допускаемых литературной нормой, является первая группа: свободная вариативность постоянно испытывает давление со стороны нормы, которая в принципе неохотно допускает функционально не оправданную дублетность языковых единиц (ср. основанное на этом свойстве нормы определение М. В. Пановым понятия литературного языка — в [Панов 1966: 56]). Срок существования ничем не обусловленных, «функционально не нагруженных» вариантов в литературном языке относительно короток: такие варианты постоянно «рассасываются»

в другие группы, где вариативность определяется теми или иными условиями коммуникации. Например, акцентная вариативность слова *творог* имеет отчетливо выраженную тенденцию перейти в другой тип варьирования — социально обусловленный: *творо́г* предпочитают говорить преимущественно представители интеллигенции старшего поколения, а *тво́рог* — вариант более молодой и социально слабо маркированный; похожая тенденция в распределении акцентных вариантов слова *щавель* (ударение на первом слоге — более молодое и, возможно, еще просторечное, но широкоупотребительное*, а *щаве́ль* отмечается преимущественно в речи интеллигенции старшего поколения).

В целом сосуществующие в литературном языке варианты функционально и коммуникативно подвижны: их использование зависит от сферы и стиля общения, от социальной и профессиональной принадлежности говорящего, от его коммуникативных намерений (например, говорит ли он всерьез или хочет пошутить) и способности переключаться с одной манеры речевого общения на иную (например, с профессиональной речи на общелитературный язык) и от некоторых других факторов (см. об этом, в частности, в работах [Современный русский... 2003; Современный русский... 2010]).

Вариативность нормы — явление естественное, обусловленное как эволюционными процессами в литературном языке, так и неоднородностью состава его носителей. Варианты одной и той же лексической единицы должны получать и получают отражение в нормативных словарях (см., например [Еськова 1994; Орфоэпический словарь 1997; Зализняк 2003; Штудинер 2004; Каленчук и др. 2012]). Стремление же некоторых кодификаторов и лексикографов рекомендовать «безвариантную» норму расходится с языковой реальностью.

* В «Орфоэпическом словаре» оно дается как неправильное.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: РЕГУЛИРУЕМЫЕ И «СТИХИЙНЫЕ» СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ*

Все многообразные формы использования современного русского литературного языка можно подразделить на два класса сфер — в зависимости от возможности применения к ним методов и средств языковой политики:

(а) такие, к которым языковая политика применима: законотворчество и законодательство; средства массовой информации; сферы науки и образования; деловая переписка между государственными учреждениями и нек. др.,

(б) такие, в которых «лингвистическая инспекция» (термин А. А. Реформатского) невозможна: бытовое общение, частная переписка, личные дневники, телефонные разговоры и т. п.; сюда же, по-видимому, надо отнести интернет-общение и художественную литературу.

К средствам и методам языковой политики можно отнести:

- нормативные словари, грамматики и справочники, имеющие статус общеобязательных руководств к использованию литературного языка в группе (а) сфер его функционирования;
- терминологические стандарты, которые актуальны для научной и производственно-технической областей использования литературного языка
- Закон о русском языке как государственном. Он принят и подписан Президентом РФ в 2005 г. По идее этот закон должен был бы служить регулирующим началом в таких формах применения русского литературного языка, как законотворчество, законодательство, разработка разного рода подзаконных инструкций, актов и т. п., деловая переписка между государственными учреждениями, и в особенности в сфере СМИ, язык которых остро нужда-

* Очерк основан на статье [Крысин 2008].

- ется в кодификации, в повышении культуры и печатного, и звучащего слова. В действительности Закон, составленный Государственной думой РФ без участия лингвистов, представляет собой набор деклараций, касающихся, например, нежелательности употребления иностранных слов, элементов просторечия и жаргонов и т. п. — без разработки и явного формулирования тех методов и средств, с помощью которых эти декларации могли бы претворяться в жизнь; таким образом, этот закон фактически не работает;
- службы русского языка при лингвистических учреждениях как справочно-регламентирующие каналы воздействия на речевую практику государственных учреждений, издательств, средств массовой информации и др.
 - особую и отнюдь не последнюю роль в улучшении ситуации с использованием русского литературного языка в публичных сферах общения играет просветительская деятельность лингвистов: их выступления в СМИ, популяризация лингвистических знаний в печати и т. п.

В целом сферы использования литературного языка, относящиеся к группе (а), поддаются регулируемому и кодифицируемому воздействию со стороны государства; нужно только, чтобы это воздействие было лингвистически грамотным. Лишь при этом условии языковая политика может быть, во-первых, соответствующей объективным тенденциям развития языка и, во-вторых, способствующей коммуникативно целесообразному использованию средств литературного языка.

Сфера (б), т. е. такие формы речевой коммуникации, как бытовое общение, частная переписка, личные дневники, телефонные разговоры, а также интернет-общение и художественная литература, — строго говоря, не является объектом языковой политики. Однако несомненно, что и в этих видах речевой коммуникации существуют определенные нормы, которых придерживаются говорящие и пишущие, следовательно, применительно и к этой сфере актуальны такие формы и результаты деятельности лингвистов, как нормативные словари и грамматики, научно-популярные издания о языке, пропаганда лингвистических знаний в средствах массовой информации, что в целом способствует повышению речевой культуры общества.

Очевидно, что средства и методы языковой политики ориентируются на единую литературную норму. Как же выглядит в современных усло-

виях, в начале XXI в., соотношение нормативного, кодифицирующего начала — и реальной речевой практики в публичных сферах использования русского литературного языка?

Хорошо известно, что норма реализует те потенции, которые заложены в языковой системе. Однако при этом норма осуществляет отбор, опирающийся на многие факторы: на языковую традицию, на распространенность того или иного факта, на то, в какой социальной среде принята определенная манера речи, и т. п. Далеко не всё из того, что «разрешает» система языка, получает реализацию в норме. Например, система русского языка не препятствует тому, чтобы от глаголов победить и убедить были образованы формы 1-го лица единственного числа: *побежду* (или *побежу*), *убежду* (или *убежу*), а норма такие глагольные формы отвергает, — сравните, однако, возможность подобных форм у сходных по структуре глаголов *наградить* (награжу), *разбудить* (разбужу) и др.

Современная речевая практика даёт примеры противоречий не только системы и нормы, но и системных и нормативных регламентаций, с одной стороны, и речевой практики, с другой. Проще говоря, в речи — в том числе и в средствах массовой информации — может встречаться не только то, что противоречит традиционной литературной норме, но и то, что не предусмотрено языковой системой. Тем самым речевой узус может «перекрывать» и нормативные рекомендации и запреты, и системные потенции языка.

Вот несколько примеров.

1. Система русского глагола запрещает производить причастия настоящего времени от глагольных форм совершенного вида (*написать*, *сделать*, *сказать* и т. п.), но речевая практика дает нам отнюдь не единичные примеры употребления таких причастий: **напишущий*, **сделающий*, **скажущий*) — ср.: Поверьте, это достойнейший человек, много **сделавший** и еще делающий для России! Возможно, учёный Грядущего, поставящий точку в данном исследовании, нежится сейчас на артековском пляже под Крымским солнышком. (Примеры из работы [Гловинская 2010: 193 и след.])

2. Система «не разрешает» производить слова от несуществующих лексических единиц. Узус, в особенности социально или профессионально специфический, дает примеры подобных образований: медики говорят тошачковая моча (в русском языке нет существительного **тошак*); нарушена и система, и норма.

3. Правила глагольного управления предусматривают общую для сочиняемых глаголов именную группу в определенном падеже только в том случае, если все сочиняемые глаголы имеют одну и ту же модель управления: писал и отправлял письма, беспокоился и заботился о детях и т. п. Если глаголы разноуправляющие, то постановка общей именной группы при сочиняемых глаголах запрещена: *опекал и заботился о детях. Современная речевая практика — не только разговорная речь, но и язык СМИ, — даёт обильные примеры именно таких ненормативных конструкций: *организовал и руководил оркестром; *прием и собеседование с абитуриентами; *контролировать и спрашивать с подчиненных и т. п.

При этом говорящих в радио- или телеэфире и пишущих в газете не останавливает то обстоятельство, что сочиняемые предикаты могут быть и по смыслу, и по синтаксическим свойствам весьма неоднородны, и в результате общая управляемая именная группа оказывается при таких парах предикатов, первый из которых требует выражения при себе семантического субъекта в форме подлежащего (то есть в виде существительного в именительном падеже), а второй — в форме дополнения, то есть в виде косвенного падежа существительного или в виде предложно-падежного словосочетания. Ср. следующие примеры: ...почему в Москве *разразился* и кто *виноват* в энергетическом кризисе (ТВЦ. 30.05.2005); ср.: разразился энергетический кризис (им. пад.) и (*быть*) *виноватым* в энергетическом кризисе (предл. пад.); ...*взят под стражу* и *предъявлено обвинение* еще одному *офицеру* из танкового училища в Челябинске (ТВ, конец января 2006 г.); ср.: еще один офицер (им. пад.) *взят под стражу* и *предъявлено обвинение* еще одному офицеру (дат. пад.); Были *арестованы* и *предъявлены обвинения* еще *двум подозреваемым* (Радио «Россия», февраль 2006); ср.: были арестованы два подозреваемых (им. пад.) и *предъявлены обвинения* двум подозреваемым (дат. пад.).

В современной литературной речи получают распространение факты, идущие из некодифицированных языковых подсистем, — главным образом из просторечия и жаргонов, и традиционно-нормативные единицы постепенно вытесняются новыми: традиционные *обусловливать*, *сосредоточивать* вытесняются новыми *обуславливать*, *сосредотачивать**; жаргонные слова *тусовка*, *беспредел*, *разборка*, *откат* и т. п. мелькают

* В книге [Янко-Гриницкая 1982: 207—208] формы с сохранением корневого <o> даются как единственно возможные в литературном языке.

в речи тех, кого общество привыкло считать несомненными носителями литературной нормы, и т. п. В подобных случаях узус пренебрегает нормативными рекомендациями и запретами, и речевая практика берет верх над языковой традицией и над предписаниями кодификаторов.

Нередко пренебрежение нормативными рекомендациями и традиционной литературной нормой ведет к явным ошибкам в использовании языковых средств, и современная печать и электронные средства массовой информации дают обильные примеры таких ошибок. Одна из распространенных разновидностей ошибок — нарушение правил сочетаемости слов друг с другом, в частности, в составе устойчивых оборотов (контаминация) — типа всем известных *играть значение* и *иметь роль* вместо *играть роль* и *иметь значение*.

Вот только некоторые примеры из современной прессы:

Двухлетнее тюремное заключение не пошло уроком для молодого человека (ср.: *не стало уроком* и *не пошло на пользу*); *За это время он успел сколотить значительную коллекцию русского искусства* (глагол *сколотить* в данном значении ограничен в своей сочетаемости; обычно он может сочетаться со словами, которые обозначают денежные средства: *сколотил немалую сумму денег* или со словами *состояние*, *богатство*, но не со словом *коллекция*, которую обычно *собирают*); ...*турецкое правительство погрязло в обвинениях в коррупции* (погрязнуть можно в том, что совершает сам субъект действия: *погрязнуть в грехах*, *в разврате*; в данном случае субъекты глагола *погрязнуть* и отглагольного существительного *обвинение*, которое синтаксически зависит от глагола, — разные: *погрязло* (в коррупции) *правительство*, а обвиняет его в этом не оно само, а кто-то другой); *За нарушение журналистской этики на корреспондента объявлено строгое административное взыскание* (совмещены два оборота: *наложить на кого-либо взыскание* и *объявить кому-либо выговор*).

Но наряду с этими огрехами в языке средств массовой информации немало и таких новшеств, которые свидетельствуют либо об определенных «точках роста» в развитии русского языка, либо о намеренном нарушении языковых норм с теми или иными целями.

Например, такие точки роста можно видеть в массовой замене беспредложных управляемых конструкций предложными: указывать недостатки → указывать о недостатках, факты хищения → факты о хищении, тактика ослабления напряжения → тактика на ослабление

напряжения и т. п., в тенденции к несклоняемости сложных числительных: из восемьсот двадцати четырех — вместо из восьмисот...; к тысяча двести тридцати пяти — вместо к тысяче двумстам... и т. п.

Особого разговора заслуживают сознательные отклонения от нормы, которые, в частности, могут опираться на нереализованные возможности языковой системы или использовать нетрадиционные, не характерные для литературного языка средства. Намеренное нарушение нормы обычно делается с определенной целью — иронии, насмешки, языковой игры. В этом случае перед нами не ошибка, не узуальное новшество, вступающее в противоречие с принятой нормой, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек использует язык, сознательно — с целью пошутить, обыграть значение или форму слова, скаламбурить и т. д. — игнорируя нормативные установки.

Одним из распространенных приемов языковой игры является стилистически контрастное использование разного рода расхожих штампов — газетных клише, оборотов какого-либо профессионального языка, канцеляризмов и т. п.: *Каждый год он вел борьбу за урожай на этой неказистой грядке* (из газетного очерка); *По достижении пятидесяти лет я оставил большой секс и перешел на тренерскую работу* (М. Жванецкий). Сознательное обыгрывание фразеологизмов, намеренное отклонение от их нормативного употребления — также один из приемов языковой игры: *Он съел в этом деле не одну собаку; Они жили на широкую, но босую ногу; (быть) между Сциллой и харизмой; пиар во время чумы; Мир хищникам, война творцам* (примеры из современной печати).

В заключение надо сказать, что, несмотря на активность ряда процессов, происходящих в современном русском языке, его система сохраняет свою устойчивость. Изменения происходят в узусе, речевой практике, в том числе и в речевой практике публичных сфер коммуникации. Многие из изменений свидетельствуют об обновлении литературной нормы или об отклонениях от нее. Время покажет перспективность одних новшеств, возможность для них сохраниться и сделаться нормативными — и случайность, временность других. При этом надо принимать в расчет важное свойство естественного языка — его способность к саморегулированию: к самоочищению от функционально излишнего и к адаптации функционально необходимого. Языковая политика, действующая в сфере публичных форм общения, призвана способствовать этому важному свойству языка.

СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ*

Социальная обусловленность языка, давно ставшая аксиомой лингвистики, выражается в разных формах — в социальной дифференциации национальных языков, в предпочтении разными социальными группами тех или иных выразительных средств, предоставляемых языковой системой (например, в неодинаковой употребительности вариантов представителями разных возрастных, профессиональных, образовательных и др. групп), в том, что определенные языковые средства приобретают функции социальных символов — маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде, и т. п.

Если говорить о социальной обусловленности использования языковых средств, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что эта обусловленность проявляется не на всём пространстве языка, а лишь на некоторых участках его системы. Это утверждение можно рассматривать как перифразу известного положения о том, что не все уровни языковой структуры в равной степени проницаемы для социального воздействия: наиболее проницаема лексика и фразеология, в наименьшей степени — морфология, фонемный состав языка (об этом писал еще Е. Д. Поливанов; подробный анализ различий в социальном воздействии на разные уровни языковой структуры содержится в работе «Русский язык и советское общество» (1968)).

Однако и на каждом уровне языка социальное влияние избирательно: ему подвержены лишь определенные участки, те или иные группы единиц и даже отдельные единицы, в то время как другие участки и группы единиц остаются относительно устойчивы к социальному воздействию.

В данном очерке делается попытка проиллюстрировать избирательный характер социальной обусловленности языка фактами, которые касаются (1) фонетических и (2) акцентных явлений, (3) словоизменительных

* Впервые опубликовано в журнале «Вопросы языкознания» (2000. № 4).

форм, (4) словообразовательных моделей (и отдельных образований), (5) синтаксических конструкций и (6) лексических значений

Поскольку в центре внимания — социальная маркированность языковых единиц, характер их соотношения с теми или иными социальными слоями и группами (а не, скажем, их лингвистические свойства), то выбор фактов, иллюстрирующих это соотношение, более или менее произволен.

1. Социальная маркированность фонетических явлений

1.1. В области **консонантизма** одной из ярких черт современного ненормативного (с точки зрения литературного языка) произношения являются [ɣ] фрикативный и его глухой позиционный коррелят [x]: *сне[ɣ]а — сне[x], но[ɣ]а — со всех но[x]* и т. п. Традиционно эта черта произношения рассматривается как результат влияния южнорусских говоров, однако она характеризует говорящих не только по территориальному признаку (так говорят многие выходцы из южных областей европейской части России), но и по социальным — например, по уровню образования, по принадлежности к тем или иным профессиональным группам, по возрасту и полу, по степени социальной мобильности и некоторым другим.

Так, с повышением уровня образования увеличивается вероятность вытеснения фрикативного его литературным вариантом [z] взрывным (среди выходцев с юга России, имеющих высшее образование, процент «уэкающих» меньше, чем среди тех, кто имеет среднее образование, хотя не последнюю роль здесь играют психологические факторы — самоконтроль говорящим своей речи, ее ситуативная приуроченность и т. п.). «Гуманитарии» успешнее избавляются от [ɣ] фрикативного, чем представители технической интеллигенции.

В политических кругах в период 1985—1991 гг. наблюдается эффект подражания лидеру: в то время, когда у власти находился М. С. Горбачев, речь которого характеризуется последовательным произношением фрикативного [ɣ], среди лиц, так или иначе приближённых к власти, было немало тех, кто не ощущал необходимости избавляться от этой ненормативной фонетической особенности, а, напротив, сохранял ее

в своей речи (так же, как и другие характерные приметы речи лидера: *начать, принять, углубить* и под.). Во времена Н. С. Хрущева, произношение которого отличалось не только наличием [ɣ] фрикативного, но и мягкостью [z] в словах типа *социализм*, «изъмы» слышались и в устных выступлениях многих других политиков.

Возрастной фактор влияет на наличие [ɣ] следующим образом: если в относительно молодом возрасте говорящий не смог избавиться от этой произносительной особенности, то в зрелом возрасте сделать это ему будет труднее (что отражает общую тенденцию к «консервации» речевых навыков с увеличением возраста).

Наличие [ɣ] обнаруживает некоторую зависимость и от пола говорящих: среди выходцев с юга России женщины дольше сохраняют в своей речи этот звук, чем мужчины, хотя на эту зависимость может накладываться действие других факторов: например, в среднем меньшая социальная мобильность женщин, чем мужчин, с одной стороны (что способствует сохранению [ɣ]), а с другой — в условиях семейной жизни влияние речи мужа, если для его речи характерен не [ɣ] фрикативный, а [z] взрывной.

Фактор социальной мобильности — как вертикальной, так и горизонтальной, — как известно, способствует устранению из речи говорящего черт, противоречащих общепринятому узусу. Эта закономерность проявляется и на примере [ɣ], при условии, что социальные группы, с представителями которых общается данный носитель языка, характеризуются наличием в их речи [z] взрывного, а не [ɣ] фрикативного.

Разумеется, надо учитывать и разную способность говорящего к самоконтролю: в том, что касается произносительных и интонационных речевых навыков, которые в значительной степени автоматизированы, весьма большой процент говорящих не способен контролировать себя и как-либо корректировать свою речь даже в «социально ответственных» коммуникативных ситуациях.

Эта общая картина, которая демонстрирует зависимость сохранения [ɣ] от социальных факторов, в реальности не выглядит цельной, а, напротив, нарушается многочисленными исключениями, в основе которых — значительные изменения в составе носителей русского литературного языка, произошедшие в XX — начале XXI в.

Пополнение контингента носителей литературного языка за счет выходцев с юга России сделало этот фонетический элемент необычайно

распространенным в современном произношении. Если пользоваться [ɣ] фрикативным как маркером нелитературности речи, то из состава носителей современного литературного языка следует исключить всех тех, чья речь содержит этот звук, но в остальных свойствах вполне литературна. Чистота произносительной нормы тем самым останется в неприкосновенности. Но, заметим, чистота нормы как идеала, как теоретического конструкта. Реальная же речевая практика с этим идеалом не совпадает и нередко весьма далека от него (как говорил Ж. Вандриес, «правильный язык — идеал, к которому стремятся, но которого не достигают»). А задача социолингвистического исследования состоит как раз в том, чтобы получить представление о реальной языковой жизни людей.

Однако помимо нормы есть еще один параметр (связанный с нормой, но всё же самостоятельный), по которому оценивается речь человека и ее свойства, — **социальный престиж**: очевидно, что социальный престиж литературного произношения в современном русском обществе выше, чем социальный престиж произношения диалектного или просторечного.

В связи с этим кажется несомненным, что социальный престиж двух типов произношения — с [ɣ] фрикативным и с [z] взрывным — неодинаков: тип с [z] взрывным как соответствующий традиционной фонетической норме более престижен, чем тип с [ɣ] фрикативным. Для всех говорящих по-русски очевидно, что в «социально ответственных», культурно значимых коммуникативных сферах и ситуациях общения — в радио- и телевизионной речи, на сцене театра, в кино — нормативным является произношение [z] взрывного. А фрикативный либо используется как необходимая «речевая краска», либо с ним мирятся как с неустранимой чертой речи лиц — выходцев с Юга России, которые могут играть определенную роль в политической и культурной жизни страны, быть людьми публичными (что связано с необходимостью выступать перед массовой аудиторией, в том числе по радио и телевидению).

Отдельный вопрос — о произношении заднеязычного в словах типа *Бог, благо* и ряда других слов религиозной сферы общения. До сравнительно недавнего времени [ɣ] и его позиционный вариант [x] были в произношении этих слов единственной орфоэпической нормой (о чем писал Дмитрий Николаевич Ушаков; см. [Ушаков 1928]). Однако в современной речи всё большее распространение получает произношение Бо[ɣ]

а, бла[ɣ]о и запрещаемое нормой (см. [Орфоэпический словарь 1989: 46, 651]) бо[к] — *Бог*; это характерно главным образом для речи молодого и среднего поколений. В произношении священнослужителей [ɣ] — [x] в этих словах, кажется, не зависит от возрастных различий говорящих (говорю об этом осторожно, потому что нет материала массовых наблюдений над речью священников).

К социально маркированным чертам произношения в области консонантизма следует отнести так называемое [ж'] полумягкое и [l] средневропейское, возможные в иноязычных словах типа *жюри, блеф*, в названии ноты *ля* и в собственных именах типа *Сен-Жюст, Флорбер*. Та и другая особенности произношения характерны для некоторых представителей старшего поколения интеллигентов — носителей литературного языка, как правило, владеющих иностранными языками (и [ж'], и [l], несомненно, ближе к иноязычным фонетическим образцам, чем [ж] и [л]). Кроме того, [ж'] полумягкий может встречаться и в речи представителей других социальных групп как ситуативно обусловленный вариант [ж] твердого. Так, ведущий телевизионной передачи «КВН» А. Масляков произносит [ж']юри, когда он выступает в роли именно телевизионного ведущего (то есть в публичной речи), а вне этой роли, в непринужденном разговоре допускает и твердый вариант: [ж]юри. Тенденция к ситуативно обусловленному произнесению именно [ж'], а не его твердого коррелята наблюдается и в речи некоторых других телевизионных ведущих. Так, во время ежегодной торжественной церемонии вручения приза ТЭФИ, транслируемой по телевидению, со сцены часто звучит полумягкий вариант фонемы <ж> в слове *жюри*.

1.2. Социально маркированными являются и некоторые виды позиционно обусловленного произношения согласных. Они были достаточно подробно описаны в предыдущих наших работах (см.: [РЯиСО; РЯДМО; Социально-лингвистические исследования 1976]), а также в исследованиях других авторов: см., например [Ганиев 1971; Григорьева 1980] и др.

Здесь обратим внимание на такие особенности произношения согласных, которые характерны не только для речи носителей литературного языка (что было объектом внимания в указанных работах), но и для речи носителей других языковых подсистем. Так, среди разных типов ассимилятивного смягчения согласного перед следующим мягким

согласным выделяются такие, которые не свойственны (или почти не свойственны*) речи носителей литературного языка, а являются яркой приметой просторечия: ко[н'ф']эта, ла[ф'к']и, ла[п'к']и, по[д'в']эсить, о[т'в']ёл и под.

Социально отмеченными, характерными для малообразованной просторечной среды являются многие случаи расподобления согласных типа *дилектор, колидор, слободно, транвай* и под., а также произношение *ка́ж[н]ый, пи[н]жа́к* и т. п. В отличие от [γ], который распространен широко, такого рода факты редко выходят за пределы просторечной среды, резко противопоставленной другим социальным группам по уровню образования и культуры.

Давно замечено, что социально обусловленные различия в фонетике часто лексикализованы: ср., например, произношение [ы³] в словах *шаги* и *лошадей*, ассимилятивное смягчение согласных и нек. др. фонетические явления. Иногда произносительная специфика касается одного слова: таково, например, произношение слова *вообще* в среде подростков: [ваш'э] — со стяжением <oo> в [a] и с полной утратой [п] на месте <б> (ср. нормативное произношение этого слова: [вапш'э] или [вапш'э]).

1.3. В области вокализма к социально маркированным особенностям можно отнести различие <o> и <a> неударных (то есть сохранение [o] не под ударением) в словах типа *божественный, богохульство, милосердие, добродетель* и т. п., наблюдаемое в речи священнослужителей, хотя, по-видимому, эту особенность их речи нельзя считать «полноценным» оканьем, как в типичных окающих севернорусских говорах. Кроме того, эта фонетическая черта у названной группы говорящих ситуативно и жанрово обусловлена: наиболее отчетливо она проявляется в проповедях и вообще в публичной речи, в других же коммуникативных условиях произношение <o> неударного близко к обычному окающему, рекомендуемому современной орфоэпической нормой.

* В литературном произношении эта фонетическая черта еще встречается у потомственных москвичей старшего поколения. Однако в целом ее следует квалифицировать как малохарактерную для современной орфоэпической нормы и, напротив, как весьма распространенную в просторечии. Об условиях реализации в произношении сочетаний согласного с последующим мягким согласным и об эволюции нормы на этом участке см. в [Панов 1967: 325—327; Григорьева 1980].

Звук [o] не под ударением сохраняется также при произношении некоторых иноязычных слов (типа *сонет, болеро*) в речевой практике представителей интеллигенции старшего поколения, главным образом в жанрах публичной речи*.

Социально отмеченной является редукция неударного <y> — явление, на которое впервые (на материале акающих говоров) обратил внимание Л. Л. Касаткин в работе [Касаткин 1971] и которое получает всё большее распространение в современной речи. По-видимому, в наибольшей степени произношение типа [бъ]тербрóд, [дъ]раки́ (дураки), [сь]ндуки́, дэ[дъ]шка, ма́[гъ]шка и под. характерно для носителей просторечия. Однако и у представителей других социальных слоев и групп в спонтанной, главным образом аллеговой, речи наблюдается эта особенность. Несмотря на это, пока, на современном этапе развития русского языка ее следует квалифицировать как ситуативно и отчасти социально обусловленную произносительную черту. Возможно, со временем она распространится во все слои носителей русского языка, но скорее всего сохранит ситуативную и жанрово-стилистическую обусловленность (сейчас трудно представить себе, чтобы со сцены, по радио или с телеэкрана произнесли: «Я памятник себе воздвиг [н'ирька]твóрный»).

2. Социальная маркированность акцентных явлений

Хрестоматийными примерами социально и профессионально обусловленных акцентных форм являются такие факты, как *компа́с* — в речи моряков, *до́быча* — в речи горняков, *прíвод* — в речи полицейских, *прíкус* — в речи стоматологов, *про́гиб* — в речи строителей, *ка́учук* — в речи химиков, *со́зывает* — в речи парламентариев и политиков и нек. др.

В современной речи наблюдаются массовые случаи отклонения от акцентной нормы. Политики, депутаты, члены правительства, обычные

* В работе [РЯиСО, кн. 3: 120] приведены статистические данные, свидетельствующие о том, что в речи старых москвичей эта черта произношения распространена достаточно широко. Однако эти же данные указывают на ее несомненную лексическую обусловленность: она сохраняется в малочастотных заимствованиях типа *боа, бомонд* и выглядит как претенциозное манерничанье в бытовых номинациях типа *костюм, бокал*, «чья заимствованность уже перестала ощущаться говорящими» [Панов 1967: 324].

носители языка то и дело произносят: *начать, углубить, обострить, принять, материальные блага, средства* и т. п. Многие из этих акцентных явлений «размыты» по разным социальным группам, не закреплены в речевой практике какой-либо одной из них. Кроме того, такие неправильности различаются по степени своего отклонения от литературной нормы: акцентные варианты типа *отпíл, налíл, обня́лись, собра́лись* и т. п. рассматриваются как допустимые в литературном произношении (см. [Воронцова 1979; РЯДМО; Орфоэпический словарь 1989]).

Наряду с подобными вариантами наблюдаются разнообразные акцентные явления, которые во многих случаях могут быть охарактеризованы как присущие речи той или иной социальной среды. Разумеется, и в этом случае литературная норма выступает мерилем акцентной правильности речи, однако квалификация «нормативно — ненормативно» здесь явно недостаточна: гораздо важнее «привязать» ненормативное явление к определенной социальной или профессиональной среде.

Не претендуя на систематичность в перечислении такого рода отклонений от акцентной нормы, укажем некоторые из них, наиболее яркие и определенные по своей социальной или профессиональной отнесенности.

Два причастия — *осужденный* и *возбужденное (дело)*, согласно орфоэпической норме имеющие ударение на гласном суффикса (*осу́ждён-ный, возбу́ждённое*), — в среде прокурорских работников, следователей, полицейских произносятся с ударением на гласном корня: *осу́женный, возбу́жденное*. Эти акцентные формы могут служить своеобразными маркерами речи указанных профессиональных групп: если вы слышите произношение этих словоформ с накоренным ударением, то, скорее всего, говорящий — либо прокурор, либо следователь, либо полицейский.

Можно предположить, что эта особенность ударения в указанных словоформах имеет длительную традицию в названной социальной среде: известный в прошлом адвокат П. С. Пороховщиков (П. Сергеич) еще в конце XIX в. отмечал накоренное ударение в глагольной форме прошедшего времени: *возбу́дил* — как характерное для речи юристов [Сергеич 1960: 38]. Он осуждал также ударение на префиксе в слове *приговор*, считая его принадлежностью «речи чинов прокуратуры, присяжных поверенных и их помощников, секретарей судебных мест и кандидатов на судебные должности» [там же]. В современной речи такое произношение слова *приговор*, по-видимому, не столь жестко при-

креплено к указанному профессиональному кругу говорящих — оно встречается и в других группах носителей языка.

Некоторые акцентные явления, обычно рассматриваемые лишь как отклонение от литературной нормы, приобретают черты социально локализованных языковых черт. Таково, например, произношение слова *квартал* с ударением на первом слоге: оно характерно главным образом для речи финансовых и административных работников, служащих домоуправлений и т. п. Ср.: «О, его величество квартал! Поседевшие в боях со штурмовщиной хозяйственники поклоняются его тысяче и одному показателю, как языческому божеству. (Кстати, не знаю ни одного из администраторов, кто бы произносил слово “квартал” правильно, и это тоже один из феноменов нашей действительности)» (Лит. газета, 1987, беседа с главным редактором издательства «Московский рабочий»; пример заимствован из работы [Еськова 1994: 133]).

Произношение слова *километр* с ударением на втором слоге в наибольшей степени характерно для речи водителей, диспетчеров автомобильного движения, автоинспекторов, хотя было бы неверно утверждать, с одной стороны, что в их речи встречается только этот вариант и отсутствует вариант с нормативным ударением, и, с другой, — что ненормативное произношение этого слова нельзя услышать в речи представителей других профессиональных групп. Кроме того, у одного и того же лица ударение может варьировать — в зависимости от ситуации или типа собеседника. Иногда говорящие вполне сознательно применяют разные акцентные варианты. Знаменитый металлург академик И. П. Бардин на вопрос о том, с каким ударением он произносит слово *километр*, ответил: «Когда как. На заседании Президиума Академии — *киломе́тр*, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, *кило́метр*, а то подумают, что зазнался Бардин» (цит. по [Костомаров, Леонтьев 1966: 5]).

Еще несколько примеров профессионально обусловленного ударения. На текстильных фабриках работают *мотальщицы* — именно так называют эту профессию и сами мотальщицы, и те, кто близок к текстильному производству. А в цехах механических заводов есть *стрóгальные станки*, у которых стоят *стрóгальщики*, и такое ударение является единственным в этой профессиональной среде (сказать здесь *стрóгальный станок, стрóгальщик* — значит, обнаружить себя как «чужака»). В речи медиков преобладает произношение *áлкоголь, наркомáния, рентгенограф́ия* и

под.; литературная норма, как известно, рекомендует иные акцентные образцы: *алкоголь, наркомания, рентгенография* [Орфоэпический словарь 1989].

Некоторые акцентные явления распространены не в одной, а в разных социальных и профессиональных группах говорящих. Например, ударение на флексии *-ы(-и)* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода распространено как среди людей технических профессий, так и в «обычном» (не профессиональном) просторечии: *краны́, стаканы́, склады́* (естественно, ударны и флексии косвенных падежей множ. числа: *крано́в, кранáм, кранáми, о кранáх, стакано́в, на складáх* и т. д.). Возможно, впрочем, что разные лексемы, которые характеризуются этим ударением, встречаются в той и в другой среде с разной частотой: например, словоформа *краны́* более обычна в техническом «языке» (по нашим наблюдениям, крановщики и сантехники употребляют словоформы этого слова — как в значении ‘подъемный механизм’, так и в значении ‘запорное устройство на водопроводной или какой-либо иной трубе для выпуска жидкости или газа’ — исключительно с конечным ударением), а словоформы лексемы *стакан* (*стаканы́, стакано́в* и т. д.) — в просторечной среде (вероятно, без какой-либо профессиональной локализации).

3. Социальная маркированность словоизменительных форм

3.1. Формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода, имеющих в конце основы твердый или мягкий согласный, с флексией *-á/-я́* весьма частотны в современной русской речи; при этом многие из них должны (или могут) быть охарактеризованы как профессионально или социально маркированные. Чаще других эту флексию и ударные флексии косвенных падежей получают существительные, обозначающие предметы и понятия, наиболее регулярно употребляемые в данной профессиональной или социальной среде.

Например, словоформы типа *соуса́, супá, торта́, шампура́, шинцеля́* и т. п. — примета речи поваров и других представителей «кулинарного цеха», словоформы типа *бункера́, взводá, госпиталя́, дембеля́* (от слова *дембель* во втором из двух значений: 1) ‘время демобилизации

из армии’ и 2) ‘тот, кто демобилизуется’) и т. п. — обычны в речи военных, а *боцманá, мичманá, штурманá, троса́* и под. — в речи моряков; как явные техницизмы, т. е. факты, присущие преимущественно речи людей, имеющих технические профессии, воспринимаются словоформы *допуска́, дюбеля́* (ед. *дюбель*), *кульманá, штангеля́, швеллера́* и под.; речи представителей сил правопорядка и правосудия — прокуроров, следователей, полицейских — присущи такие формы, как *обыска́, приводá, срока́* (*Было проведено несколько обыскóв; Участились приводá в полицию несовершеннолетних подростков; Необходимо сокращать срокá пребывания подследственных в местах предварительного заключения* — из выступлений по телевидению представителей органов следствия и прокуратуры, 1998—1999 гг.); в уголовном жаргоне ударные флексии в именных словоформах множественного числа приобретают наиболее употребительные и специфичные для этого жаргона имена существительные: *коре́ша* (от *коре́ш* в значении ‘друг, приятель’), *коше́ля* (от *коше́ль* в значении ‘карман’), *мусора́* (от *му́сор* в значении ‘милиционер, полицейский’), *фраера́, любера́* и т. п.

В просторечной среде в эту словоизменительную модель — с ударными флексиями в именительном и в косвенных падежах множественного числа существительных мужского рода — «затягиваются» и некоторые существительные женского рода: в просторечии частотны формы типа *матеря́, площадья́, мозоля́* (от *мозоль*; впрочем, это слово — так же, как *канифоль, фасоль* и нек. др. — в просторечии нередко склоняется и согласуется с определениями и с глагольными формами как существительное мужского рода: *Замучилась с этим мозо́лем, Новый мозо́ль на ноге образовался; суп с фасо́лем* и т. п.) и нек. др.

3.2. Социально или профессионально маркированы некоторые глагольные словоформы.

Так, накоренное ударение в словоформах настоящего времени (кроме формы 1-го лица ед. числа) *све́рлишь, све́рлит, све́рлим, све́рлите, све́рлят*, а также в личных формах префиксальных производных этого глагола: *просве́рлишь, просве́рлит, рассве́рлишь, рассве́рлит* и т. д. характерно для речи рабочих, имеющих дело с токарной и слесарной обработкой металла.

Накоренное ударение в личных (кроме формы 1-го лица ед. числа) формах глаголов *включить, подключить, исключить*: *включишь, включит,*

включим, включите, включают; подключат, исключим, исключат и т. д. — распределено в зависимости не от собственно социальных или профессиональных характеристик говорящих, а от их возраста: оно более характерно для речи молодого и среднего поколений, старшее же поколение больше привержено традиционному варианту (с ударением на личном окончании), а некоторые представители интеллигенции старшего поколения к тому же и осуждают акцентное новшество — ударение на основе; в частности, Лидия Корнеевна Чуковская и устно, и печатно (но безуспешно) боролась с произношением *включишь, включит* и т. д. (см. ее статью в сборнике, посвященном 90-летию академика Д. С. Лихачёва, [Чуковская 1996]).

4. Социальная маркированность словообразовательных моделей и отдельных производных

Начиная с пионерских работ Г. О. Винокура, обратившего внимание на определенную специфику словообразовательных процессов в области русской технической терминологии (см. [Винокур 1939; Винокур 1946]), исследователи отмечают **специализацию** словообразовательных моделей и словообразовательных аффиксов как одну из основных тенденций развития системы русского словообразования (см. [РЯиСО, кн. 2, гл. 5]).

При этом имеется в виду, во-первых, установление взаимно-однозначных отношений между аффиксом и выражаемым им значением: ср., например, вполне определившееся к концу XX в. отношение между значением 'житель города (местности)' и суффиксом *-чанин* — вместо имевшей место в недавнем прошлом множественности суффиксов, «обслуживавших» это словообразовательное значение.

Во-вторых, тенденция к специализации словообразовательных моделей выражается в «распределенности» аффиксов и соответствующих моделей словообразования по тем или иным сферам языка. Например, в техническом «языке» высока — по сравнению с другими сферами речевой деятельности человека — продуктивность суффиксов *-щик/-чик* и *-атор*: с помощью *-щик/-чик* образуются названия профессий — *расклейщик, перекладчик* и под., а суффикс *-атор* участвует в образовании

и имен лица, и названий механизмов, иногда совмещая в одном слове оба значения: *аэратор, дегазатор* и под.

Именное словообразование в области русской спортивной терминологии отличается иными особенностями: здесь исследователи отмечают типичность сложносоставных наименований нескольких разновидностей: *старт-финиш* (конъюнктивный тип), *легкоатлет* (видовой тип), *копьеметатель* (прямо-дополнительный), *конькобежец* (косвенно-дополнительный), *внутриклубный* (обстоятельный тип), распространенность стяжений словосочетаний в одно слово с добавлением суффикса *-к(а)*: *стометровка, двадцатиминутка, пятисотка* и т. п. (см. [Андреев, Замбрыцкий 1963]).

В среде, специфической не по профессиональному, а по возрастному признаку, — студенческой и, соответственно, в студенческом жаргоне активна модель образования с помощью суффикса *-няк* экспрессивных существительных с общим значением состояния организма: *депрессняк* 'депрессия', *отпадняк* 'состояние сильного удивления или восхищения', *передозняк* 'состояние, возникающее в результате передозировки наркотика' и т. п. (примеры взяты из работы [Юганов, Юганова 1997]). В так называемом общем жаргоне (см. о нем [Ермакова, Земская, Розина 1999]), который наиболее распространен в речи представителей молодого и среднего поколений говорящих, весьма продуктивен тип существительных с суффиксом *-ух(а)*: *бытовуха, кликуха, порнуха, чернуха* и под.

С точки зрения социальной дифференциации языка и социальной маркированности его средств важен второй (из указанных выше) аспект специализации словообразовательных средств. При определенной общности словообразовательных моделей для всего «пространства» русского языка — от территориальных диалектов и социальных жаргонов до литературной его формы — эти модели известным образом распределены между подсистемами языка (а внутри литературной формы — и между стилями и сферами общения). Однако это распределение не «жесткое» — по принципу «есть — нет» (такая-то словообразовательная модель, такой-то словообразовательный тип в данной подсистеме), а статистическое: слова, образующиеся по модели *X*, в подсистеме (сфере общения) *Y* более частотны, более обычны, более разнообразны — например, с точки зрения набора основ, от которых они могут быть произведены, — чем в подсистемах *Z*, *W* и др. Об этом

свидетельствуют, в частности, и примеры из технического «языка» и из спортивной терминологии, приведенные выше.

Наряду с этим в профессионально или социально ограниченных сферах общения возможно порождение и функционирование таких образований, которые отличаются от общезыковых как по слово-производственной модели, так и по сопровождающим такую модель иным, не словообразовательным чертам — например, по акцентным характеристикам, по семантическим взаимоотношениям со словами литературного языка и т. п. Как правило, такие специфические образования возникают для обозначения актуальных в данной сфере общения понятий и действий. Коммуникативная потребность в подобных образованиях столь велика, что говорящие либо пренебрегают запретами, которые налагает словообразовательная система языка на те или иные морфемные сочетания, либо производят такие лексические единицы, которые хотя и «разрешены» системой, но в которых другие сферы общения не испытывают нужды.

Например, в речи медиков отмечен глагол *раздышать*: *...пытались его [тяжело раненого] раздышать с помощью этого аппарата, но всё бесполезно* (Телевидение, 1998 г., в речи врача скорой помощи); как известно, в литературном языке *дышать* соединяется с приставкой *раз-* только в сочетании с постфиксом *-ся*: *раздышаться*. Медики говорят: *пролечить больного, проколоть ему пенициллин* (ср. также активность этой глагольной модели в речи финансистов, коммерсантов: *проплатить все счета*). В профессиональной медицинской среде отмечены такие образования, как *сочетанные травмы, тощакóвая моча, скоропомощные мероприятия, уходóвые пациенты** и т. п.

С точки зрения словообразовательной системы такие слова, как *сочетанный, тощакóвый, уходóвый* «незаконны»: от глагола *сочетать* не образуется страдательное причастие прошедшего времени, а прилагательное *тощакóвый* произведено от отсутствующего в языке

* Ср.: *Если в мирное время мы были избавлены от паллиативных пациентов, от уходóвых пациентов, то теперь мы их видим в полной мере. Вопрос с уходом из жизни паллиативных пациентов не решён на уровне не только ДЗМ [Департамента здравоохранения Москвы], но и всей страны* (Заведующий отделением анестезиологии-реанимации № 1 НМХЦ им. Н. И. Пирогова Борис Теплых. 03.05.2020).

существительного **тощак*, которое было «извлечено» профессионалами-медиками из наречия *натощак* для того, чтобы оно послужило производящей основой указанного прилагательного; слово *уход* — как бы его ни понимать: либо в том значении, которое реализуется в контекстах типа *уход за больным*, либо в том, когда *уход* употребляется в качестве эвфемизма в контексте *уход из жизни* — в литературном русском языке не имеет производных прилагательных.

Специфические образования отмечаются в официально-деловом стиле литературного языка, а говоря конкретнее — в «языке» чиновников (скорее устном, чем письменном): *подвижка* (*Произошли подвижки по Югославии*), *проговорить* и *обговорить* в значении «обсудить» (*Нужно проговорить вопросы, связанные с установлением границы с этим государством; Этот налог надо обговорить в Думе*); *конкретика* (*Предложенные планы правильные, только надо наполнить их конкретикой*), *наработки* (*В этой сфере у нас уже есть определенные наработки*) и др.

Глагол *задействовать* в значении «привести в действие», из языка военных перекочевавший в чиновничий язык, сейчас уже почти потерял свою социальную маркированность (с пометой «спец.» он зафиксирован в словаре Ожегова — Шведовой, но в данном случае эта помета, как кажется, не отражает узус: глагол употребляется достаточно широко и не только в речи специалистов).

Профессиональная речевая среда «не боится» омонимии возникающих в ней образований с уже имеющимися в языке словами: ср., например, бытующее в среде следователей и прокурорских работников слово *особняк* в значении «следователь по особо важным делам» (в этом же значении употребляется профессионализм *важняк*, образованный от другого компонента приведенного словосочетания); употребляющееся в административно-чиновничьем «языке» слово *расшивка* в значении «решение» (*Проводятся мероприятия по расшивке комплекса социальных проблем в регионе*); технический жаргонный термин *цветник* «специалист по цветным металлам»; спортивные термины *перестрелка* «повторные соревнования по стрельбе между спортсменами, набравшими одинаковое число очков, для выявления победителя» и *перебой* «повторная встреча фехтовальщиков, набравших одинаковое число очков, для выявления победителя», *сборник* «член сборной команды» и т. п.

5. Социальная маркированность синтаксических конструкций

5.1. В «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотова, вводя читателя в проблематику книги, останавливается на примерах конструкций, характерных для речи людей, «говорящих обедненным языком», речи, в которой автоматически и невпопад соединяются «клише и штампы среды обитания и притяжения; для одних — это разные молодежные группировки, для других — партийно-общественные круги, для третьих — профессионально-деловые, военные, спортивные» [Золотова и др. 1998: 18].

Хотя пафос этого наблюдения — в том, что многие бездумно относятся к своему языку, не контролируя выбор слов и их правильное, соответствующее не только литературной норме, но и культурной традиции совмещение в пределах высказывания, здесь подмечена одна характерная черта многих речевых произведений, о которой и идет речь в данном очерке, — их социальная маркированность.

В самом деле, приведенные в цитируемой книге фразы содержат фрагменты, которые могут быть квалифицированы как в большей или меньшей степени характерные для определенной социальной среды:

Когда он подъедет, мы попросим его подсесть к нам;

...расследуются преступления по убийству;

...ситуация по этому заводу;

обговариваем вопрос организации работ и т. п.

— это можно слышать из уст чиновника, работника прокуратуры, депутата Государственной думы.

Обычно такого рода речевые особенности интерпретируются либо с точки зрения их правильности — неправильности (то есть соответствия норме, характеризующей данный этап развития литературного языка), либо с точки зрения принадлежности их к какой-либо подсистеме языка или функционально-стилистической его разновидности — например, просторечию, официально-деловому стилю и т. п. Но фактически за такой интерпретацией стоят те или иные сферы социальной жизни и, значит, определенные группы людей, составляющих данное общество. Они могут пользоваться тою или иной подсистемой языка всегда, вне зависимости от условий общения (таковы, например, в своей массе носители русского просторечия), или же быть «полиглотными», пере-

ключаясь с одной подсистемы или функционально-стилистической разновидности на другие при изменении коммуникативной ситуации (например, с официально-делового стиля в ситуации судебного заседания на обычный разговорный язык в семейном или бытовом общении).

Но между полной «моноглотностью» (как у носителей просторечия) и умением легко осуществлять кодовое переключение (как у образцовых носителей литературного языка) есть масса промежуточных случаев, отражающих разрыв между осознанием необходимости подбирать подходящие языковые средства и неумением это делать (причин такого неумения много, но главная — неразвитость языкового вкуса). Значительная же часть говорящих попросту не озабочена проблемой выбора слова или синтаксической конструкции. Даже современная интеллигенция, по выражению Лидии Корнеевны Чуковской, «лишилась иммунитета»: «не совершает отбора» языковых средств [Чуковская 1996]. Как следствие этого — штампы полицейских протоколов в телевизионном интервью, «канцелярит» в обыденном разговоре, обороты, уместные в технических инструкциях, — в обращении водителя троллейбуса к пассажирам, и т. д. Всё это свидетельствует о низком уровне владения языком, хотя в такого рода смешении разных речевых стихий может и не происходить прямого нарушения грамматических норм языка (о чем также пишет Г. А. Золотова [Золотова и др. 1998: 17—18]).

Приведем примеры о социальной маркированности лишь некоторых синтаксических конструкций, употребительных в современной русской речи. Одни из них давно покинули ту социальную среду, которой обязаны своим рождением, и весьма частотны как в средствах массовой информации, так и в устно-разговорных жанрах речи; другие сохраняют следы своей социальной прикреплённости. Применительно и к тем, и к другим можно говорить о социальной маркированности, поскольку налицо не только особая стилистическая окрашенность синтаксической конструкции, но и специфика ее структуры, характерная для определенного круга говорящих.

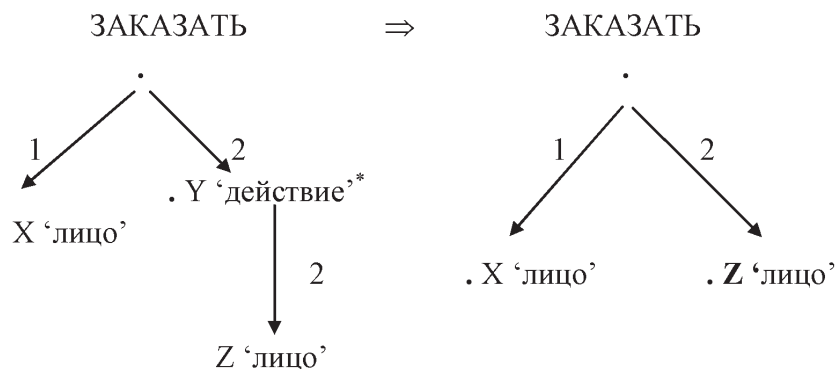
5.2. *Заказать* + S одуш вин.

Эта конструкция употребляется в значении ‘подготовить, организовать убийство кого-либо’. Оборот родился в речи мафиозных, преступных групп в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. и быстро распространился,

чему немало способствовали средства массовой информации, чуть ли не ежедневно сообщающие о заказных убийствах.

Своеобразие этой конструкции и ее отличие от нормативного употребления глагола *заказать* в литературном языке заключается в том, что второй актант в семантической структуре глагола обозначает лицо, в то время как литературное *заказать* исключает такое выражение второго актанта: можно заказать какие-либо услуги, еду, питье, предметы одежды и обуви и т. п.; ср.: *заказали столик в ресторане, заказать ужин на двоих, заказала платье в ателье*. В ситуации подготовки убийства кого-либо этот актант должен был бы выражаться каким-либо предикатом, чаще всего самым словом *убийство*, а также его синонимами и аналогами (*ликвидация, уничтожение* и др.), а синтаксическим зависимым этого предиката выступает именная группа, обозначающая лицо: *заказали убийство известного политического деятеля*.

В жаргонной конструкции убрано звено: вместо того чтобы подчинять глаголу обозначение лица через посредство предиката, подчинение осуществлено непосредственно:

При этом значение глагола специфицировано: он обозначает только ситуацию подготовки и организации убийства, но, например, не ситуацию приготовления какого-либо блюда, шитья платья или костюма и т. п.

* Возможность выражения второго актанта именами с предметным значением (*заказать борщ в ресторане, платье в ателье, номер в гостинице*) в данном случае не рассматривается.

5.3. S (V) + НА + S' вин.

Сходное стяжение актантной структуры предиката произошло в конструкции, имеющей совершенно иное «социальное происхождение». Речь идет о характерной для речевого обихода некоторых групп технической интеллигенции конструкции S (V) + НА + S' вин., где в качестве S (V) выступает отглагольное существительное типа *бурение, разведка*, а в качестве S' вин. — обозначение объекта, который является результатом действия, называемого с помощью S (V): *Фирма осуществляет бурение на воду; В этом районе велась разведка на нефть**. В развернутом виде эти предложения должны были бы включать компоненты, обозначающие объект (*бурение, разведка чего*) и цель (*бурение, разведка с целью обнаружения*), а результат действия в таком случае выражался бы синтаксическим зависимым предиката: *...с целью обнаружения воды (нефти)*.

Формально та же конструкция — сочетание существительного, обозначающего действие, с предложно-падежным оборотом НА + S вин, однако с иными значениями как составляющих, так и всей конструкции отмечена в других социальных сферах: в речи спортивных журналистов и спортсменов (*соревнования на первенство, матч на кубок, велогонка на приз* — выражено значение цели), в речи военных (*приказ на прорыв из окружения, решение на проведение операции* — выражены значения 'содержание' и 'цель') (см. [Золотова 1974: 155]).

Такого рода синтаксические стяжения не редкость в техническом и других профессиональных «языках», в устной форме официально-деловой речи. Как показатель определенной тенденции в развитии русского синтаксиса они были отмечены Г. А. Золотовой и Н. Ю. Шведовой более тридцати лет тому назад (см. [Золотова 1966; Шведова 1966; РЯиСО, кн. 3: 250 и след.]). С конца XX в. эта тенденция проявляется в речи разных социальных групп и на различном языковом материале.

Особенно характерна в этом отношении экспансия предлога ПО, неоднократно отмечавшаяся исследователями (см., в частности, [Гловинская 1996; Иомдин 1993]).

* Г. А. Золотова отметила случаи следующей стадии подобного стяжения, когда в качестве синтаксического хозяина в этой конструкции выступает не предикат, а предметное имя: *А между тем в России как будто нет руд на металлический алюминий* (В. Вернадский) (см.: [РЯиСО, кн. 3: 251]). По-видимому, этот тип синтаксического стяжения остается исключительной принадлежностью профессионального «языка» геологов и горняков.

5.4. S (V) + ПО + S' дат. или V + ПО + S' дат.

Возникшая в чиновничьей среде конструкция с предлогом *ПО* — типа: *переговоры по Югославии, голосование по кандидатуре NN, инициатива по Чечне, договоренность по Газпрому* и т. п. имеет исключительно широкое распространение в современной речи. Как правило, синтаксическим хозяином в этой конструкции является отглагольное существительное (как в приведенных примерах), в норме не управляющее предложно-падежной группой с предлогом *ПО* (ср.: *переговоры, договоренность о чем-либо, голосование за кого-либо, инициатива в чем-либо*). Встречаются и сочетания, где в качестве подчиняющего компонента употребляется не существительное, а глагол, в литературном языке также не способный управлять предлогом *ПО*: *Мы, кстати, встречались с Гайдаром и по банку, и по Парамоновой* (В. С. Черномырдин); *Необходимо договориться с МВФ по российскому долгу, по его реструктурированию* (М. М. Задорнов, министр финансов России).

Конструкции этого типа частотны в языке средств массовой информации, в устных выступлениях представителей власти, политиков, финансистов, бизнесменов, т. е. наблюдается достаточно широкий «разброс» этих конструкций по разным функциональным разновидностям речи и разным социальным слоям и группам. Однако нельзя не отметить тот факт, что рассматриваемые конструкции мало характерны для устно-разговорной речи социальных групп, не связанных с названными выше сферами деятельности (власть, политика, финансы, бизнес), — например, для речи гуманитарной интеллигенции.

Далеко не все специфические, нарушающие языковую традицию явления, в том числе и в синтаксисе, могут быть квалифицированы как принадлежащие той или иной социальной среде. Некоторые инновации отражают общие тенденции развития языка (или каких-либо уровней его структуры) и возникают на пересечении нескольких функциональных разновидностей языка и разных социальных сфер его использования. Тем не менее изучение источников появления тех или иных новшеств, «социальная паспортизация» этих источников позволяют яснее представить себе пути, которыми в литературный оборот вовлекаются новые выразительные средства.

6. Социальная маркированность лексических значений

До сих пор речь шла о социальной маркированности, выраженной в виде специфических звуков, особенностей ударения, словообразовательной структуры тех или иных слов, синтаксической структуры словосочетаний. Социальные маркеры в этих случаях материальны.

В этом разделе объектом нашего внимания будут субстанции, которые материализуются не в виде тех или иных внешних признаков слова или предложения, а в виде лексических значений (или фрагментов значений), которым в соответствие ставятся **толкования** (или соответствующие их части), описывающие эти значения. Тем не менее и в этом случае мы должны говорить о социальной маркированности языковых единиц, поскольку определенные значения слов или компоненты значений обнаруживают свою социальную (а не какую-либо иную) природу.

Тривиальной разновидностью социально маркированных лексических значений являются **метафорические переосмысления** общеупотребительных слов, происходящие в среде говорящих, ограниченной по профессиональному или социальному признаку. Ср., например: *коза* ‘вагонетка для перевозки людей в шахте’, *баран* ‘машина для сверления шпуров’, *чайник* ‘пневматический насос’ — в профессиональном языке горняков ([Краснова, Марченко 1981: 338—339]), *брюхо* ‘нижняя часть фюзеляжа’, *морда* ‘лобовая часть самолета’, *нога* ‘опора шасси’ — в языке летчиков; *меняла* ‘сменщик’, *пиджак* ‘пассажир провинциального вида’, *ехать конем*, т. е. порожняком, без пассажиров — в языке таксистов (подробнее см. в [Крысин 1989: 68—69]); *балерина* ‘отмычка’, *крыса* ‘тот, кто ворует у своих’, *кувалда* ‘умственно отсталый человек’, *ротонда* ‘тюрьма’ — в жаргоне уголовников (см. [Балдаев и др. 1992]), *колёса* ‘наркотик в виде таблеток’, *косяк* ‘папироса с марихуаной или другим наркотиком’, *торчать* ‘употреблять наркотики’, *травя* ‘марихуана’ — в жаргоне наркоманов и хиппи (см. [Рожанский 1992; Юганов, Юганова 1997]) и мн. др. Во всех подобных случаях слово с данным значением является социальным маркером определенной профессиональной или социальной среды. Такого рода метафорические переосмысления, характерные для профессионального просторечия и для социальных жаргонов, достаточно подробно описаны в ряде работ отечественных русистов.

Менее тривиальными являются такие особенности смысла некоторых групп слов, которые выражаются либо в виде определенных компонентов толкования лексической единицы, либо в прагматических условиях ее употребления. Этому роду маркированности языковых единиц посвящена часть очерка «Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц».

В заключение необходимо подчеркнуть, что исследование социальных различий в речи и, в частности, социальной маркированности языковых единиц важно не только само по себе (это делалось и раньше: см., например, работы В. М. Жирмунского, Д. С. Лихачева, В. Д. Бондалетова и др.), но и как свидетельство многообразия тех форм, в которых проявляет себя социальное на различных уровнях языковой структуры. Изучение этих форм, анализ природы и характера социальной обусловленности как самих языковых единиц, так и использования их в речи говорящими — одна из актуальных задач того направления, которое может быть названо исследованием русского языка под социальным углом зрения, или социорусистикой.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ «НЕПРАВИЛЬНОСТЕЙ»*

Возникающие в речи «неправильности» обычно анализируются с точки зрения нормы, существующей в данное время в данном литературном языке.

Собственно нормативный взгляд на разного рода речевые ошибки и отклонения от языковой правильности может быть дополнен их *социолингвистическим* анализом. Суть его — в том, чтобы квалифицировать (естественно, там, где это возможно) нарушения литературной нормы как возникающие в определенной социальной среде.

В этом очерке рассматривается ряд фактов, относящихся к современной русской речи (и к недавнему прошлому русского языка), под углом их «социального происхождения». При этом сами языковые явления привлекаются к анализу в более или менее свободном порядке, — главное внимание обращается на социальную и профессиональную среду, которая порождает эти явления.

Такой подход, как кажется, полезен для осмысления механизма и перспектив развития литературного языка: общеизвестно, что многие факты литературной речи, вполне одобряемые современной нормой, в прошлом могли оцениваться как чуждые языковой традиции или просто как «неправильности».

Например, известный автор русской грамматики Н. И. Греч негативно оценивал — в первой трети XIX в. — формы *колени* вместо единственно правильной, по его мнению, формы *колена*. «*Поезда* вместо *поезды* ныне во всеобщем употреблении, но совершенно неправильно и неизвестно, на каком основании», — писал в заметке «Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном русском языке» неизвестный автор, скрывшийся за инициалами «Н.Г.» (СПб., 1890. С. 18).

По свидетельству Корнея Чуковского, знаменитый юрист, академик Анатолий Федорович Кони возмущался употреблением наречия

* Очерк основан на работе [Крысин 2000а].

обязательно вместо непременно. «— Представьте себе, — говорил он, хватаясь за сердце, — иду я сегодня по Спасской и слышу: “Он обязательно набьет тебе морду!”. Как вам это нравится? Человек сообщает другому, что кто-то любезно поколотит его!» [Чуковский 1982: 14]. Сам Чуковский признавался, что его коробит пришедшее из актерской среды прилагательное *волнительный* (и наречие *волнительно*) [там же: 21—22].

Еще в начале XX в. ревнителей чистоты и правильности русского языка выводил из себя глагол *выглядеть* (*Вы сегодня прекрасно выглядите!*), в котором они видели «незаконную» словообразовательную кальку с немецкого *aussehen* (см., например [Огиенко 1915]). Александр Блок писал: «Нам кажется недопустимым, чтобы в пьесе, под которой подписано имя такого стилиста, как Сологуб, хотя бы и в ремарке встречалось выражение “выглядит хорошо”» (цит. по [Грановская 1996: 13]).

Примеры такого рода можно многократно умножить.

Некоторые из фактов, квалифицировавшихся на определенном этапе развития литературного языка лингвистами как «неправильности», первоначально были характерны для определенной социальной или профессиональной среды и лишь спустя какое-то время распространялись среди других групп носителей языка (см. в связи с этим замечательную книгу академика В. В. Виноградова «История слов» [Виноградов 1999], в которой описан процесс вовлечения в круг литературной лексики сотен слов русского языка, первоначально имевших ограниченное употребление — диалектное, просторечное, профессиональное, жаргонное и т. п.). Это же характерно и для современного этапа развития русского языка.

Например, формы родительного падежа множественного числа существительных, обозначающих единицы различных физических величин (веса, мощности, напряжения и т. п.), не имеющие флексий: *сто грамм*, *двести двадцать семь ватт*, *семьдесят пять вольт* (вместо «положенных» по традиционной норме форм с флексией *-ов*), — возникли в технической среде и первоначально были признаком «технического» стиля, но не допускались литературной нормой. Например, Б. Н. Головин [Головин 1966: 61] запрещал форму (*сто грамм*). Д. Э. Розенталь отмечает формы *граммов* и *грамм* как свидетельство колебания нормы [Розенталь 1965: 103], а К. С. Горбачевич в книге 1971 г. пишет: «Форма с нулевым окончанием в родительном падеже множественного числа слова *грамм* прочно завоевала право на существование» и приводит

многочисленные примеры, подтверждающие это мнение [Горбачевич 1971: 186]. Современный «Орфоэпический словарь русского языка» вводит понятие счётной формы (впервые счётная форма как особый падеж рассматривается в работе [Бидер и др. 1978: 38]), которое актуально для названий единиц измерения — существительных мужского рода с основами на твердый согласный. При указании количества какой-либо энергии или физической величины формы типа (*5 вольт*, (*10 ампер*, (*100 ватт* кодифицируются как нормативные. В иных же контекстах, где речь не идет о количестве, правильны только формы на *-ов*: «отмена, введение [как единиц измерения] *вольтов*, *амперов*, *ваттов*...» [Орфоэпический словарь 1989: 670—671].

Некоторые языковые факты не несут в своей структуре никаких особенностей, характеризующих ту или иную социальную среду, и лишь специальные лингвистические исследования могут указать на их происхождение, как это имеет место, например, в истории слов *животрепецущий*, *двурушник*, *промокашка*. Хотя по отношению к такого рода языковым фактам термин «неправильность» едва ли применим, в языке прошлого они воспринимались как новшества, шедшие вразрез с литературной традицией.

Как известно, слово *животрепецущий* первоначально было принадлежностью профессионального языка торговцев рыбой (*животрепецущая рыба*), «но уже в критике и публицистике 30—40-х годов [XIX в.] выступает употребление слова в расширительном смысле: *животрепецущая новость дня*, *животрепецущий опыт*» [Сорокин 1965: 497].

Двурушником в языке нищих называли того, кто собирал милостыню обеими руками. В. В. Виноградов отмечает, что впервые в художественной литературе слова *двурушник* и *двурушничать* были употреблены В. В. Крестовским в «Петербургских трущобах» — при описании быта нищих, и приводит обширную цитату из этого произведения, иллюстрирующую употребление существительного и глагола [Виноградов 1999: 130].

Слово *промокашка* попало в общее употребление из школьного арго, и в словаре В. Долопчева оно отмечается как неправильность — вместо правильного словосочетания *промокательная бумага* [Долопчев 1909].

Естественно, далеко не всякий факт, характерный для словоупотребления той или иной социальной среды, может расширить сферу

своего использования и проникнуть в общий речевой обиход. Например, многочисленные случаи нарушения современной акцентной, словоизменительной, словообразовательной, синтаксической нормы остаются локализованными в определенных социальных и профессиональных группах носителей языка. Подробнее об этом см. в предыдущем очерке «Социальная маркированность языковых единиц».

Несколько иначе обстоит дело с многочисленными жаргонизмами, проникающими в литературный оборот. Хотя источник их распространения весьма определен — это уголовная или полууголовная среда, представители теневого бизнеса и т. п., едва ли можно утверждать, что такие слова, как *крутой (парень)*, *разборка*, *наехать (на кого-либо)*, *тусовка*, *баксы*, *беспредел* и т. п., ограничены в своем употреблении именно указанными социальными группами. Напротив, такого рода лексика весьма активно используется в устно-разговорной разновидности литературного языка, в языке средств массовой информации. Она формирует так называемый общий жаргон — языковое образование, составляющее, по-видимому, часть словаря, используемого носителями современного литературного языка (о сущности общего жаргона, его функциях и лингвистическом статусе см. в работе [Ермакова и др. 1999]; в книге [Розина 2005] дана подробная характеристика этого языкового образования, которое автор называет общим сленгом. Как известно, понятие общего сленга используется также при описании современного состояния других национальных языков, например, американского варианта английского языка, французского языка; см. об этом [Швейцер 1983; Хорошева 1998]).

Современная социальная и языковая ситуация в российском обществе такова, что жаргонные лексические элементы, подобные перечисленным выше, не только не осуждаются носителями литературного языка, но и активно вовлекаются в речевой оборот. Их вхождение в литературный обиход, несомненно, нарушает культурную традицию, но, по-видимому, не нарушает языковую норму, даже если иметь в виду норму стилистическую: слова общего жаргона, как правило, стилистически маркированы и употребляются носителями литературного языка лишь в определенных ситуациях (обычно — при непринужденном общении в «своем» кругу).

В заключение отметим, что данный очерк содержит лишь постановку вопроса о возможности *социолингвистической* интерпретации речевых

«неправильностей» и намечает типы языковых явлений, которые могут быть таким образом интерпретированы. Более или менее представительное описание «неправильностей», встречающихся в современной русской речи, под социальным углом зрения — задача самостоятельного исследования (а возможно, и специального словаря, который содержал бы социальную и социально-стилистическую паспортизацию речевых ошибок*). Отдельной, но лингвистически весьма содержательной задачей является задача обнаружения среди подобных «неправильностей» своего рода «точек роста», т. е. таких явлений, которые свидетельствуют об определенных тенденциях в развитии языка (подробнее об этом см. [Гловинская 1996] и книги [Современный русский... 2007; Современный русский... 2010]).

* Некоторый намек на такого рода паспортизацию содержится в разрабатываемом в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Толковом словаре русской разговорной речи», первые три выпуска которого опубликованы (см. [ТСРР, вып. 1—3]).

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ: ПОПЫТКА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА*

1. Предварительные замечания

Понятие речевого портрета группы носителей языка не ново в лингвистике. Подобие социально-речевых портретов можно найти в диалектологии, в особенности, когда речь идет об описании не данного диалекта в целом (в этом случае границы социума более или менее размыты), а, например, говора группы деревень или одной деревни. Однако в диалектологических описаниях бывают хорошо представлены собственно языковые характеристики носителей говора и, как точно заметила Т. М. Николаева, «незатронутой остается модель коммуникативной селекции» [Николаева 1991: 69]. Между тем выбор языковых средств в зависимости от целей коммуникации — важнейший показатель групповых предпочтений и неприятий.

В середине и особенно во второй половине XX в. методы диалектологического описания активно переносятся с сельских диалектов на городскую речь; в этой связи нельзя не вспомнить пионерские работы Б. А. Ларина [Ларин 1928; Ларин 1931], в известном смысле содержавшие программу изучения языка города.

В США первые социолингвистические обследования, проводившиеся в городах, осуществлялись в тесном сотрудничестве с диалектологами (таковы, например, работы У. Лабова, Р. Мак-Дэвид, Дж. Гамперца, Л. Левина и К. Крокет, Р. Фэйсолда и др.). Опыт диалектологических исследований используется и в отечественной социолингвистике — при разработке анкет, методик устного опроса и т. п., хотя самими социолингвистами это не всегда признаётся в явном виде.

* Первая публикация этой статьи в журнале: Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Разумеется, при социолингвистическом изучении городского населения применяются и такие методы, которые не используются диалектологами в исследовании сельских диалектов, — например, метод включенного наблюдения (заимствованный из социологии), позволяющий изучать речь той или иной общности «изнутри». Диалектолог в большинстве случаев лишен этой возможности: как бы ни приспособлялся он, городской житель, к нормам поведения носителей диалекта, они воспринимают его как «чужака», как представителя иной культуры.

Саму по себе активизацию исследований городской речи едва ли, однако, можно считать шагом к созданию социально-речевых портретов: изучение языка города как определенной разновидности национального языка или даже речевых особенностей отдельного, конкретного города не дает представления о свойствах языка и речевого поведения достаточно четко очерченных групп городского населения, выделяемых, например, по общности профессии, уровню и характеру образования, по принадлежности к одному поколению, а также по совокупности подобных характеристик.

По всей видимости, непосредственным толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея **фонетического портрета**, выдвинутая в середине 60-х годов XX в. Михаилом Викторовичем Пановым и блестяще воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII—XX вв. [Панов 1990].

Хотя эти портреты индивидуальны: описывается манера произношения отдельного, данного человека, — их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый из портретов отражает черты речи определенной общественной среды (представителем которой является «портретируемый»). Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М. В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т. п.), наличие локальных речевых особенностей — ср. противопоставление Москвы и Петербурга — и др. [Панов 1990: 14, 59, 159, 253, 418].

Идея фонетического и, шире, речевого портрета подхвачена другими исследователями: см., например [Язык и личность 1989; Винокур 1989; Ерофеева 1990; Земская 1990; Николаева 1991; Черняк 1994; Китайгородская, Розанова 1995] и др.

Т.М. Николаева ставит вопрос о построении таких речевых или, в ее терминологии, социолингвистических портретов, в которых был бы компонент, характеризующий тактику речевого поведения: выбор одних элементов (из пар или ряда вариантов) и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других. Исследовательница задается вопросом: «Используя социолингвистический портрет как метод описания речевых характеристик, нужно ли представлять эксплицитно все уровни и все факты языковой системы?» И отвечает на этот вопрос отрицательно: ведь «многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать **яркие диагностирующие пятна**» [Николаева 1991: 73; выделено мной. — Л. К.].

Предлагаемый ниже фрагмент речевого портрета интеллигенции как одного из социальных слоев, которые составляют современное русское общество, содержит главным образом такого рода «диагностирующие пятна» — социально маркированные способы **выбора** и **употребления** языковых средств и особенности **речевого поведения**.

2. Неоднородность объекта

Что мы имеем в виду, когда употребляем словосочетания «современный русский интеллигент», «современная русская интеллигенция»? Едва ли найдутся хотя бы два человека, чьи интерпретации указанных словосочетаний совпадали бы полностью. Разногласия возможны (и, как показывают наши наблюдения, они реально существуют) и в понимании определения «современный» (конец XX в.? его вторая половина? весь этот век? начало века XXI?)*, и в понимании того, кто может быть назван «русским»: скорее всего, русский — это русский по культуре, по системе воспитания, а не только по месту рождения и уж, конечно, не только по крови, хотя последнее осмысление слова «русский» делается в современной публицистике всё более актуальным, противопоставляясь термину «русскоязычный». Особенно же сложно, противоречиво и

* В качестве **современной** в данном очерке рассматривается интеллигенция конца XX — начала XXI в.

изменчиво как во времени, так и от одной социальной среды к другой понимание слов *интеллигент*, *интеллигенция*.

Даже если отвлечься от сугубо качественного осмысления этих понятий (ср.: «Интеллигент — это тот, чьи интересы и чья воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и [существуют] даже вопреки им. Интеллигент — это тот, чья мысль неподражательна». — А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг) и иметь в виду *социальные* характеристики интеллигента и интеллигенции, то остаются неясными многие вопросы, относящиеся к статусу этого общественного слоя.

Прежде всего необходимо сделать существенную оговорку по поводу различий между понятиями «интеллигент» и «интеллигенция». Несмотря на общность у этих слово словообразующей основы, эти слова различны по смыслу. Интеллигенция — это слой людей, обладающих определенным уровнем образования и культуры и занятых умственным трудом. А интеллигент — это не просто, так сказать, один «квант» интеллигенции и даже не обязательно представитель этого социального слоя, а человек, обладающий большой внутренней культурой (высшее образование при этом может и отсутствовать); поэтому интеллигента можно встретить и в университетской аудитории, и в заводском цеху, и за штурвалом комбайна. В дальнейшем мы будем говорить в основном об **интеллигенции** как определенном социальном слое в структуре современного русского общества.

Но даже и с этим понятием, которое неоднократно становилось объектом анализа в работах социологов (см., например [Семенов 1977; Сенявский 1973; Русская интеллигенция 1999]), не всё ясно. Например, несомненно, что характер образования — гуманитарное оно или техническое — накладывает отпечаток на человеческую личность, на систему его ценностей. В связи с этим возникает вопрос: гуманитарная и техническая интеллигенция — это один культурный и социальный слой или два разных? Интеллигенция старшего, среднего и молодого поколений — «одна и та же», или же речь может идти о каких-либо качественных различиях между этими поколениями, в том числе и такими, которые существенны с социолингвистической точки зрения (выбор разных языковых средств, различия в тактиках речевого поведения и т. п.)? Интеллигенция Москвы, Петербурга, Тулы, Костромы, Иркутска, Владивостока — это один социальный слой, или же надо

говорить о локальных различиях, имеющих под собой не только чисто территориальные, но и некие качественные основания?

Ограничимся только этими вопросами, хотя очевидно, что ими не исчерпываются неясности по поводу «социального лица» интеллигенции.

Само собой разумеется, что прежде чем браться за создание речевого портрета представителя интеллигенции, нужно решить, каков же наш объект: чей портрет мы собираемся «рисовать»?

В связи со сказанным выше представляется разумным следовать принципу **множественности, неоднородности** описываемого объекта — интеллигенции и **неединственности** типичного представителя этого социального слоя. Вслед за работами [РЯиСО, РЯДМО, Социально-лингвистические... 1976] мы различаем: а) гуманитарную и техническую интеллигенцию; б) старшее, среднее и молодое ее поколения (соответственно, это люди, имеющие возраст: (1) от 60 лет и старше; (2) от 36 до 59 лет; (3) до 35 лет; в) территориально маркированные слои интеллигенции, располагающиеся по оси основного противопоставления: интеллигенция главных культурных центров (Москвы и Петербурга, с фиксацией языковых различий между москвичами и петербуржцами) vs. интеллигенция средних и малых городов России (с фиксацией речевых различий, обусловленных разным диалектным окружением; ср. введенное А.С. Гердом [1998] понятие *региолекта* — смешанного типа речи, характерного для образованных жителей малых и средних городов, находящихся в диалектном окружении).

Не исключено, однако, что некоторые характерные черты языка и речевого поведения свойственны интеллигенции как социальному слою в целом, в его противопоставлении иным социальным слоям. Естественно, что и такие черты — в качестве штрихов к речевому портрету типичного представителя современной русской интеллигенции — будут отмечены.

Ниже мы рассмотрим два класса лингвистических и социокультурных характеристик, специфичных для слоя интеллигенции (либо в целом, либо для той или иной из отмеченных выше групп, составляющих этот слой): 1) особенности в **наборе** языковых единиц (главным образом, фонетических и лексико-семантических) и 2) особенности в **речевом поведении** представителей интеллигенции.

3. Особенности набора языковых единиц

Фиксация специфических фонетических и лексических единиц обычна для диалектологических исследований. Например, такие фонемы, как <о> закрытое или мягкое <ц'>, слова *кочет*, *чапельник*, *баской* и т. п. характерны для некоторых диалектов и тем самым отличают их от других диалектов и от литературного языка. Фиксация подобных различий **внутри** литературного языка менее обычна: ведь само понятие литературного языка предполагает единую, целенаправленно формируемую норму, а стало быть — единый набор выразительных средств.

И всё же можно обнаружить некоторое своеобразие в фонетике и словоупотреблении, свойственное тем или иным группам носителей литературного языка и прежде всего — группам интеллигенции.

3.1. Фонетика

3.1.1. Консонантизм. Для некоторых групп *гуманитарной* интеллигенции характерно так называемое [*ж'*] полумягкое, произносимое в иноязычных словах типа *жюри*. Такое произношение весьма избирательно и лексически обусловлено; кроме того, оно зависит и от ситуации: например, ведущий телепередачи «КВН» А. Масляков перед микрофоном произносит слово *жюри* с полумягким начальным согласным, а в менее официальной ситуации — с твердым. Но сама по себе эта (хотя и редкая) произносительная черта встречается только в речи интеллигенции.

Другой чертой, характеризующей те же группы интеллигенции, является [*л*] среднее, или европейское, по артикуляции промежуточное между [*л*] и [*л'*]. Произношение этого звука свойственно некоторым представителям гуманитарной интеллигенции старшего поколения — в словах иноязычного происхождения и в иностранных собственных именах: *блеф*, *ля* (название музыкальной ноты), *лямбда* (название греческой буквы, используемой в качестве математической переменной), *Флобер* и нек. др. Е. Д. Поливанов писал, что «интересен не перечень слов, произносимых (всеми или не всеми интеллигентами) со средним *л*, а само наличие этой фонемы... как один из фонетических признаков данного социально-группового диалекта» [Поливанов 1968: 233].

Очевидно, что и [ж], и [л] принадлежат к фонетическим архаизмам, раритетам: они характеризуют произносительную практику лишь небольшого числа представителей старшего поколения интеллигенции*. Но в качестве «портретных» черт они должны быть отмечены, так как отличают слой интеллигенции от всех других социальных слоев.

В сравнении с этим, звук [γ] фрикативный является для литературного произношения фонетической инновацией. В последние десятилетия наблюдается необычайная экспансия типа произношения с [γ] фрикативным — как территориальная (с европейского юга России в средне-русские и северные города), так и социальная (от носителей диалекта к носителям просторечия и носителям литературного языка). Споры орфоэпических ригористов и либералов ничего не меняют в динамике этого процесса, и [γ] звучит сейчас и с телеэкрана, и с парламентской трибуны, и в различных типах чисто городских коммуникативных ситуаций. Он запрещен нормой, но живет реально — в речи носителей литературного языка.

По нашим наблюдениям, фрикативный заднеязычный звук распределен в интеллигентской среде, но не жестко, а по принципу «больше / меньше»: в речи интеллигенции южнорусских городов этот звук и его глухой коррелят [x] регулярны и, по-видимому, не варьируют со взрывными [з] и [к] (в зависимости от параметров речевой ситуации). Фрикативный присутствует также в речи технической интеллигенции, происходящей с Юга России, но длительное время живущей в Москве или Петербурге. Здесь он может варьировать со взрывным: при самоконтроле, в «ответственных» коммуникативных ситуациях вместо [γ] может появляться [з]. Фрикативный [γ] проникает и в среду гумани-

* М. Я. Гловинская пишет, что, по данным проведенного в 60-х годах XX в. социолингвистического обследования, [л] полностью исчезло из речи интеллигенции [Гловинская 1971: 69]. На мой взгляд, этот вывод излишне категоричен: во-первых, он сделан на основании результатов анкетирования, то есть прямого обращения к носителям языка по поводу свойств их произношения, что неизбежно приводит к некоторым отклонениям от реальной картины современного произносительного узуса; во-вторых, другие исследователи отмечают этот звук в речи реальных говорящих (ср. заметку Р.Ф. Пауфوشима о произносительной манере А. А. Реформатского [Пауфوشима 1989]); в-третьих, нормативные рекомендации, содержащиеся в современных словарях, предусматривают произношение [л] в словах типа *легато*, *леди*, *ленто*, *сленг* (см.: Орфоэпический словарь современного русского языка. 5-е изд. М., 1989).

тарной интеллигенции, и решающим фактором в его конкуренции с [з] взрывным является место рождения и место наиболее длительного жительства данного говорящего: как правило, «южное» происхождение дает себя знать, и в ситуациях с ослабленным или снятым социальным контролем (эмоциональная речь, импульсивные реплики и т. п.) в речи такого лица может появляться [γ] фрикативный.

Разумеется, [γ] может использоваться представителями интеллигенции и намеренно, при экспрессивном выделении какого-либо слова (*Ишь ты, [γ]ушь какой выискался!*), однако это — часть более общего вопроса об употреблении иносистемных элементов для целей большей выразительности речи; см. об этом [Реформатский 1966].

В речи разных групп интеллигенции неодинаково качество звука, произносимого на месте буквы «щ» и звукосочетания «сч»: преобладающим является произношение долгого мягкого «щ»: [*ш'астье*, [*ш'едрый*], но в среде «южан» (по происхождению) обычным является произношение [*ш'ч'*]: [*ш'ч'астье*, [*ш'ч'едрый*] и даже [*шч'*] — с твердым [*ш*], — что отражает влияние украинского языка. Так говорили К. Чуковский, Л.О. Утёсов и другие представители старшего поколения интеллигенции — «южане» или одесситы по месту рождения, однако в речи более молодых носителей литературного языка, в том числе и уроженцев Юга России, более обычно нормативное [*ш'*], а [*ш'ч'*] может появляться в определенных коммуникативных ситуациях, требующих экспрессивного выделения: ср. речь артиста Романа Карцева, который в выступлениях с эстрады педалирует [*ш'ч'*], а в обыденных ситуациях произносит [*ш'*].

3.1.2. Вокализм. Наличие особого звука [ы^э] в первом предударном слоге после твердых шипящих: *ж[ы^э]ра*, *ш[ы^э]ги* — типичная черта старомосковской произносительной нормы. Говорит ли так кто-нибудь из представителей интеллигенции сейчас, в наши дни? Исследования показывают: несмотря на почти полное возобладание новой нормы, «подравнивающей» произношение гласных непереднего ряда в указанной позиции под произношение их после всех остальных твердых согласных ([*жа]ра*, [*ша]ги* — так же, как [*са]рай*, [*га]ра* и т. п.), — некоторые группы интеллигенции сохраняют в своем произношении старомосковскую норму. Это — потомственные москвичи старшего поколения. Звук [ы^э] в словах типа *жара*, *шаги* — характерная черта

их речи (подробную социолингвистическую картину распределения этой черты в разных группах говорящих см. в [РЯиСО, кн. 3, гл. 3]). Надо, однако, иметь в виду лексическую обусловленность рассматриваемого фонетического явления: в словоформах *жара, ужаснется, вожака, шаги, шалаш, шаблон, шатен* звук [ы³] встречается крайне редко (он характерен для речи лишь небольшой части потомственных москвичей), а в словоформах *жакет, ржаной, жалеть, лошадей* — достаточно частотен (см. [РЯДМО: 106]).

В 1971 г. Л. Л. Касаткин на диалектном материале отметил редукцию неударного [у] в словах типа *дедушка, бабушка, бутерброд*, т. е. произношение *де[дъ]шка, ба[бъ]шка, [бъ]терброд*. Это явление характерно также для просторечия; встречается оно и у носителей литературного языка [Касаткин 1971]. Однако в интеллигентской речи оно характерно главным образом для представителей *технической* интеллигенции молодого и среднего поколений (преимущественно в так называемой аллегровой речи). У «гуманитариев» редукция неударного [у] случается реже. О том, имеются ли локальные особенности реализации этого звука в указанной позиции, — т. е. различаются ли этим, например, с одной стороны, представители московской интеллигенции, а с другой, представители интеллигенции красноярской или калужской, — надежных данных нет.

Характерной чертой произношения некоторой части современной интеллигенции является сохранение [о] в неударной позиции в заимствованных словах: [во]кал, [со]нет, [бо]леро и т. п. Как распределена эта особенность по различным группам интеллигенции? Здесь оказываются важными не только те три параметра, которые мы выделили выше (гуманитарная или техническая интеллигенция, возраст ее представителей, место их рождения или длительного жительства), но и более конкретные, в частности профессиональные, характеристики говорящего. Например, в речи радио- и теледикторов старшего поколения сохранение [о] неударного в иноязычных словах — явление вполне обычное. Правда, значим и ситуативный фактор: в речи перед микрофоном сохранение [о] более вероятно, чем в иных, не столь официальных, коммуникативных условиях. Однако в других группах интеллигенции — например, в среде «технарей» — [о] сохраняется реже, и замена его вариантами [а] или [ъ] не зависит от характера коммуникативной ситуации.

3.2. Лексика

3.2.1. Словоупотребление. Как известно, лексические факты менее частотны в речевой цепи, чем фонетические. Встречаемость слова в речи намного ниже, чем встречаемость звука. Поэтому наблюдения над лексическими особенностями речи той или иной социальной группы почти всегда содержат элементы случайности. Не являются исключением и те факты, которые будут приведены здесь: они также оставляют впечатление случайности, неупорядоченности. Но их вполне можно рассматривать в качестве *штрихов* к речевому портрету представителя интеллигенции. Вот эти штрихи.

Слова *волнительный, волнительно*, несомненно, интеллигентские. И даже не вообще интеллигентские, а свойственные словоупотреблению части этого социального слоя — актерам, театральным критикам, искусствоведам, филологам, отчасти врачам (— Избегайте *волнительных* ситуаций, — советовал мне как-то участковый терапевт) и, возможно, некоторым другим группам преимущественно гуманитарной интеллигенции. Ср. у К. Федина в диалоге актера Цветухина и писателя Пастухова:

«— У меня такое чувство, что мы идем садом, охваченным бурей, всё гнется, ветер свистит, и так шумно на душе, так *волнительно*, что... — Ах, черт! Вот оно! — ожесточился Пастухов. — Выскочило! *Волнительно!* Я ненавижу это слово! Актерское слово! Выдуманное, несуществующее. Противное языку... какая-то праздная рожа, а не человеческое слово...».

Более свежий пример — употребление и восприятие носителями современного русского языка словечка *отнюдь*. Слово это книжное (помета «разг.», которою сопровождается это слово в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, скорее указывает на сферу его употребления — устно-разговорную разновидность речи, — чем на стилистическую окраску). Использование этого слова в указанной разновидности речи придает высказыванию оттенок книжности, и это чаще происходит именно с интеллигентской речью. При этом книжность с наибольшей яркостью проявляется в изолированном (абсолютивном или отделенном паузой от остальной части высказывания) употреблении этого слова в качестве ответа-возражения на слова собеседника: — Вы согласны с этим? — *Отнюдь*; — Он собирался выступить? — *Отнюдь*: он и на собрание-то не пошел.

Подобная форма ответов достаточно распространена в интеллигентской речи. Она характерна, например, для Е. Гайдара, и Михаил Жванецкий в одном из своих выступлений тонко уловил в этом словоупотреблении Гайдара такую примету интеллигентской манеры выражаться, которая может раздражать гайдаровских оппонентов левого толка и даже вызывать у них неприязнь.

Можно указать и другие примеры слов, употребление которых свойственно исключительно или преимущественно интеллигентской речи. Особенно характерен выбор разного рода оценочных и модальных слов и словосочетаний типа *жаль* (но не *жалко*: **Жаль**, что вы не поехали с нами), несомненно и оборот *вне всяких сомнений, весьма* (ср. синоним этого наречия *очень*, социально не маркированный), *неприменно* и нек. др.

3.2.2. Не менее показательны факты **неупотребления**, сознательного или неосознанного отвержения каких-либо лексических средств, причем это касается не только слов, принадлежащих некодифицированным подсистемам языка, — просторечных, жаргонных или диалектных (во многих ситуациях они как раз могут включаться в речь с различными коммуникативными и стилистическими целями — см. об этом ниже), а слов вполне литературных. Это относится, например, к лексическим инновациям, которые могут достаточно широко употребляться в языке средств массовой информации или в устно-разговорной речи других социальных слоев и групп. Настороженность интеллигента по отношению к языковым новшествам объясняется определенным консерватизмом культурной речевой традиции. Ср. замечание Т. М. Николаевой о том, что «ментальная открытость» интеллигенции «обычно сочетается с речевой консервативностью и отрицательным отношением к языковым новшествам» [Николаева 1991: 72].

Такое отрицательное отношение наблюдается в среде интеллигенции, например, к идущим из чиновничьего речевого обихода, но широко распространившимся словам типа *подвижка* (*Произошла **подвижка** по Черному морю и Севастополю*), *конкретика* (*Наполним наши планы **конкретикой** повседневных дел*), *обговорить* (*Этот вопрос надо еще раз **обговорить** на президиуме*) и т. п. Как свидетельствуют данные наблюдений, интеллигентской речи подобное употребление «противопоказано»: оно отпугивает своей казенностью.

Во многих случаях, однако, имеет место не безусловное неприятие каких-либо лексических и фразеологических элементов, а, скорее, их распределение внутри слоя интеллигенции. Так, техническая интеллигенция оказывается более восприимчивой к новшествам, чем гуманитарная; выражения типа: *Надо с этим **определиться**; Они переехали на новую квартиру и сейчас **обустраиваются**; Придется **задействовать** все резервы* и под. довольно обычны в среде технической интеллигенции, особенно в речи молодого и среднего поколений, для большинства же «гуманитариев» это — неприемлемый «канцелярит».

Есть слова и обороты, не отягощенные административно-чиновничьим происхождением и соответствующей окраской, однако в известном смысле всё же «отмеченные» и потому употребляющиеся лишь в некоторых группах интеллигенции. Так, словоформа *пригласите*, используемая в общепринятых клише телефонного разговора: — *Пригласите, пожалуйста, Таню*, — осознаётся как провинциализм, и представитель интеллигенции — житель Москвы или Петербурга — едва ли употребит эту словоформу в данном контексте.

3.2.3. Жаргонизмы. Исследователи отмечают, что устная речь современного русского интеллигента в достаточно сильной степени жаргонизирована (см., например [Земская 1987: 29—30; Крысин 1989, гл. IV; Ермакова, Земская, Розина 1999 и др.]). Особенно характерно это для речи мужчин. Слова и обороты жаргонного происхождения — типа *беспредел, глухо* (*С этим делом у них **глухо***), *в напряге* (*Мы все были в таком **напряге!***), *врубиться* (*Никак **не врублюсь**: о чем речь-то?*), *вешать лапшу на уши, катить бочку* (на кого-либо), т. е. безосновательно обвинять кого-либо в чем-либо, и многие другие звучат и из уст интеллигента. Но вопрос: какого и в каких ситуациях?

По нашим наблюдениям, такое словоупотребление больше свойственно речи представителей технической интеллигенции молодого и среднего возраста в ситуациях фамильярного или эмоционального речевого общения: в разговорах с друзьями, с сослуживцами в неофициальной обстановке, в речевых актах инвективы, предъявления претензий, обиды и т. п. В речи гуманитариев старшего поколения такая лексика почти не встречается (впрочем, Е. А. Земская отметила *тусовку* в телевизионном выступлении А. И. Солженицына [Земская 1997], однако нельзя

не обратить внимание на то обстоятельство, что оно было произнесено в отрицательном контексте: Солженицын сказал, что он не участвует во всяких писательских и иных *тусовках*). Гуманитарии молодого и среднего поколений если и прибегают к подобного рода выразительным средствам, то в более узком круге ситуаций и с бóльшим осознанием «иносистемности» таких элементов. Это выражается в интонационном выделении их, в «цитатном» характере их употребления, чему служат оговорки типа «как сейчас говорят», «говоря современным языком», «как принято выражаться у новых русских» и т. п.

4. Особенности речевого поведения

4.1. Кодовое переключение

Одна из характерных особенностей речевого поведения интеллигентных носителей языка (не только русского) — умение **переключаться** в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Эта диглосность (точнее, полиглосность, поскольку переключаться приходится не на одну, а на множество разновидностей) отличает интеллигенцию, например, от носителей просторечия, которые моноглосны и в массе своей не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации.

Полиглосность обеспечивается механизмом **кодовых переключений**, который вырабатывается у человека в процессе его социализации в культурной речевой среде. Усвоение системы социальных ролей, свойственных данному обществу, идет в тесном взаимодействии с усвоением норм речевого поведения, обеспечивающих оптимальное исполнение той или иной роли. А варьирование этих норм в значительной мере возможно лишь потому, что язык предоставляет говорящему различные способы выражения одних и тех же коммуникативных интенций, одних и тех же смыслов. Различные способы языкового выражения оказываются как бы привязанными к различным условиям общения, к разным коммуникативным ситуациям, к исполнению тех или иных социальных ролей (см. об этом [Крысин 1976] и очерке «Речевое общение и социальные роли коммуникантов» в данной книге).

В ряде случаев распределение языковых средств по сферам и ситуациям общения бывает достаточно жестким и социально маркированным. Например, принятые в культурной среде нормы общения по телефону обязывают того, кому звонят, первым произносить междометие *алло* в микрофон снятой трубки*, и запрещают тому, кто звонит, начинать общение по телефону с вопроса: — *Кто это?* (черта, свойственная носителям просторечия).

Другие контактоустанавливающие реплики телефонного разговора также весьма жестко регламентированы. Рекомендуется, например, сначала представиться самому, а затем поинтересоваться собеседником (предпочтительно в форме: — *Простите, с кем я говорю?*); просьба о том, чтобы к телефону подошел именно тот, кому вы звоните, выражается относительно небольшим набором вариантов (— *Можно попросить Иванова <Николая Ивановича, Колю...>? — Не могли бы вы попросить (не: пригласить! — см. выше)..; — Можно попросить..; — Попросите, пожалуйста... и нек. др., но не: — Иванова, пожалуйста! — Мне нужен Иванов! — Иванова!* и тому подобные формулы, в интеллигентской среде оцениваемые как грубые и потому недопустимые в разговорах по телефону (подробнее см. об этом: [PPP-тексты 1978: 298—299; Формановская 1982; Крысин 1994: 72]).

4.2. Апеллятивы

Контактное речевое общение малознакомых и незнакомых представителей интеллигентской среды также регулируется определенными, хотя и «неписаными» правилами, действие которых особенно явно обнаруживается на начальных стадиях речевого акта.

В культурной среде всякого общества вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях: в магазине, в автобусе, у железнодорожной кассы, на приеме у врача, при общении со случайным прохожим и т. п. Как показывают исследования современной русской разговорной речи, наборы этих формул сравнительно немногочисленны и устой-

* Э. Щеглов называет это правило «правилом распределения начальных реплик» телефонного разговора и формулирует его так: «...отвечающий (на звонок) говорит первым» [Schegloff 1972].

чивы. «Стереотипы представляют собой готовые формулы не только с точки зрения их морфологической структуры, но и с точки зрения их лексической наполненности» [PPP 1978: 269—270].

Например, обращение к продавцу, к прохожему и вообще к лицу, имени которого мы не знаем, начинается со слов: — *Скажите, пожалуйста..;* — *Простите..;* — *Не могли бы вы сказать...* и нек. др. В этих формулах, естественно, присутствует некая «безличность», невыраженность свойств адресата, да и сам он крайне редко фигурирует под именами *гражданин, товарищ, господин*. Чаще других употребляется апеллатив *девушка*, но он ограничен полом и возрастом адресата, а также социальными характеристиками адресанта (например, ребенок не может обратиться к женщине-продавцу, используя этот апеллатив). Обращения *мужчина, женщина, дама* — элементы просторечного, не принятого в интеллигентской среде общения. Апеллативы типа *Водитель! Кондуктор! Доктор!* жестко закреплены за ситуациями, в которых адресат исполняет свою служебную или профессиональную роль, другие же именованья адресата по его служебной или профессиональной роли невозможны, во всяком случае, среди интеллигенции: нельзя начать свое обращение с апеллативов: **Продавец! *Врач! *Кассир! *Учитель!* и т. п.

Многие из апеллативов либо не принимаются интеллигентской средой (как в только что рассмотренных случаях), либо внутри нее ограничены определенными группами говорящих. Например, обращение *коллега* принято — да и то в более или менее официальной обстановке — в среде медиков, ученых; *ваше преосвященство, ваше святейшество, владыка* — при обращении к иерарху церкви; апеллатив *профессор*, хотя и возможен при обращении студента к преподавателю, достаточно редок, поскольку предполагается, что студент должен знать имя и отчество своего преподавателя (однако иностранные студенты часто используют именно этот, удобный для них апеллатив, свойственный их речевому поведению на их родном языке, избавляющий от необходимости запоминать не привычные для иностранца русские сочетания имен и отчеств).

Многочисленные просторечные и жаргонные формы личного обращения к незнакомым людям, использующие в качестве апеллативов термины родства, наименования некоторых социальных ролей или слова, именующие человека по его принадлежности к лицам мужского или женского пола: *папаша, мамаша, дед, дедуля, бабуля, отец, мать,*

дочка, сынок, брат, браток, братан, сестренка, друг, кореш, земляк, шеф, начальник, хозяин, хозяйка, командир, женщина, мужчина, мужик, парни, девки и др., — как правило, не используются говорящими из культурной языковой среды, хотя к употреблению их в речи собеседника представители интеллигенции относятся более или менее терпимо (за исключением форм, несущих на себе печать низкой культуры или чуждой социальной среды, — типа *мужчина, женщина; братан, кореш; мужик, шеф, командир*)*.

5. Прецедентные феномены

Современный человек в процессе речевого общения часто использует разного рода «готовые», не создаваемые в данном акте коммуникации выразительные средства, начиная от фразеологизмов и кончая разного рода художественными текстами, при условии, что эти тексты известны и адресату. В работах Ю.Н. Караулова и его последователей (см., например [Караулов 1987; Прохоров 1996; Гудков 1999]) достаточно ясно показано, что в цивилизованном обществе велика роль разного рода прецедентных текстов, высказываний и имен, которые составляют определенный культурный фон данного социума.

Совокупности таких прецедентных феноменов национально специфичны, хотя отдельные их составляющие могут быть интернациональны (например, цитаты из Библии, из произведений Шекспира, высказывания типа «*И ты, Брут...*», такие имена, как *Магомед, Иуда, Гамлет*). В работе [Гудков 1999] убедительно показано, что прецедентные феномены имеют не только национальную (этническую), но и социальную обусловленность: в разной социальной среде могут существовать свои прецедентные феномены, отличные от тех, которые характерны для иных социальных слоев и групп.

Развивая эту идею, надо сказать, что разные социальные группы и соответствующие им культуры могут различаться типом прецедентных феноменов.

* Ср.: «...мы не знаем, как обращаться к людям незнакомым! “Улица корчилась безъязыкая” и, помучившись, выход нашла. “Женщина! У вас чулок порвался! Мужчина! Сдачу забыли!” Всё чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они ужасны, но чем заменить их, чем?» (Н. Ильина. Уроки географии).

Так, есть основания полагать, что, поскольку в элитарной части общества значительный слой культуры составляют разного рода **тексты** (мифологические, художественные, публицистические и т. п.), то в речевой коммуникации представителей интеллигенции велика роль прецедентных *текстов, высказываний и имен* литературных персонажей. В среде же «простой», с иными, чем у интеллигенции, культурными традициями преобладают прецедентные *ситуации*: в ходе речевой коммуникации представители такой среды — семейного клана, производственной бригады, спортивной команды и т. п. — чаще используют имена или более развернутые наименования ситуаций, которые имели место в прошлой жизни такой социальной группы.

Имена литературных героев или исторических лиц фигурируют в интеллигентской речи в качестве символов определенных человеческих свойств — скупости (*Плюшкин, Гобсек*), ума и разносторонних знаний (*Ломоносов*), смелости и самопожертвования (*Иван Сусанин*), самодурства (*Салтычиха*), беспочвенной мечтательности (*Манилов*) и т. п. При этом, поскольку такие имена служат своего рода эталонами указанных свойств, они часто употребляются в сочетании с квалификаторами типа *настоящий, вылитый, классический*, с модальными наречиями и частицами *просто, прямо, прямо-таки* и нек. др.: *Он настоящий Плюшкин: у него зимой снега не допросишься; Ты всё мечтаешь, а ничего не делаешь, — просто Манилов какой-то; Свекровь у нее — прямо Салтычиха* и т. п.

Цитаты из литературных произведений также весьма характерны для речевого общения интеллигентных носителей языка. Формы и способы цитации зависят от уровня образованности и общей культуры человека, степени социальной и психологической близости собеседников, от характера коммуникативной ситуации и ряда других факторов. Основным условием для реализации возможности процитировать какое-либо произведение (или намекнуть на то или иное место в его тексте) является общность некоего культурного фона и, более конкретно, знание и говорящим, и слушающим данного произведения и оценка его как такого, которое часто служит источником расхожих цитат. Это позволяет говорящему вводить в свою речь элементы, которые, как он уверен, должны быть известны и правильно интерпретированы адресатом. Ср. цитаты типа: *быть или не быть* (и многообразные обыгрывания этой формулы: *бить или не бить, пить или не пить, шить*

или не шить и т. п.); *Служить бы рад — прислуживаться тошно; А воз и ныне там; Позвольте вам выйти вон; Сижу, никого не трогаю, починяю примус; великий комбинатор* и т. п.

6. Языковая игра

Для интеллигентской среды, в особенности для «гуманитариев», характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т. п. — иначе говоря, **языковая игра** во всех ее обличьях. Разумеется, разным людям это присуще в различной степени. Не исключено и полное отсутствие у того или иного человека чувства юмора, языкового вкуса, неумение вслушиваться в звучание слова и вдумываться в его настоящий или мнимый смысл. Но более или менее очевидно, что в массе своей именно *образованные и культурные* носители языка в наибольшей степени склонны к языковой игре.

В. З. Санников, автор замечательного исследования «Русский язык в зеркале языковой игры», рассматривает языковую игру применительно только к литературному языку и подчеркивает, что она «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [Санников 1999: 13, 15], что «это всегда неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим» [Санников 1995: 67]. Почти весь богатейший иллюстративный материал, приведенный в книге В. З. Санникова: литературные цитаты, анекдоты, расхожие каламбуры и присловья, остроты и т. п., — рассчитан на творческое восприятие языка, на умение всматриваться и вслушиваться в слово, вдумываться в его смысл. А это как раз и характерно для речевого поведения типичного интеллигента.

Исследователи русской разговорной речи квалифицируют языковую игру, разнообразные способы обыгрывания формы высказывания как одну из характерных черт непринужденного общения в интеллигентской среде и приводят многочисленные и разнообразные примеры такой игры, основанные на искажении фонетического облика слова, его морфолого-словообразовательной структуры, на сознательном нарушении правил

сочетаемости слов друг с другом, на совмещении в одном высказывании стилистически несовместимых слов и т. п. [Земская, Китайгородская, Розанова 1983: 172—214]: *тюлипанчики, кинижечки, ужасно, конкретно, румочки, мармалад; лясочек, мядадь, лямон; лизарюция, лисипед, брульянт; документ, прбцент; пуцай, сидю, хочете; У нее двое детей, а у меня один деть; — Вот наши апартаменты* (вводя собеседника в более чем скромное жилище); — *Завтра у них какое-то муроприятие; — Старухи на завалинке симпозиум устроили* и т. п.

Одним из наиболее распространенных видов языковой игры являются шутки, основанные на искажении или распространении известных фразеологизмов и литературных цитат: *работать не прикладая рук* (вместо: *не покладая*), *гнать каленой метлой* (из: *каленным железом и новая метла*); *В этом деле он съел не одну собаку; Что-то я не в шутку занемог; Ну, что — бум меняться дежурствами?* (*бум меняться* — из эстрадной миниатюры в исполнении Аркадия Райкина); *А у нас с собой было* (с этими словами говорящий достает из портфеля чистую бумагу, сама же эта фраза — из рассказа М. Жванецкого и подразумевает наличие у собеседников спиртного); — *У них то и дело воду отключают. — Зато сухо* (вторая реплика — из известной телевизионной рекламы детских памперсов) и т. п.

В данном очерке не ставилась цель исчерпывающим образом описать виды языковой игры, распространенные в среде интеллигенции. Задача в другом: показать, что игра со словом и в слово — характерная черта речевого поведения представителей интеллигенции, отличающая их от носителей языка из иных социальных слоев и тем самым важная в качестве одного из штрихов в социально-речевом портрете интеллигента.

О РУССКИХ ЭТНОСТЕРЕОТИПАХ В ИХ ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ*

Давно известно, что жизнь и поведение человека регулируется определенными шаблонами, или стереотипами, которые различаются по своей природе — социальной, психологической, этнической и т. п. Многие из таких стереотипов имеют языковое выражение. Выделяют, например, стереотипы возраста (см. статью Г. Е. Крейдлина с тем же названием — [Крейдлин 1996]), стереотипы, связанные с различиями людей по полу (они изучаются в рамках гендерной лингвистики; см. об этом, например [Кирилина 1998; Потапов 2002]), стереотипные представления об исполнении тех или иных социальных ролей и о характеристиках таких ролей (напр., ролей учителя, судьи, врача, продавца, пассажира и т. п.), стереотипы, обусловленные разным представлением о провинциалах и столичных жителях (см. [Плунгян, Рахилина 1996: 349—350], и многие другие.

В языке подобные стереотипы получают выражение в виде слов, словосочетаний, фразеологически или синтаксически обусловленных конструкций и т. п., которые, как это вполне очевидно, должны получать определенную лингвистическую интерпретацию. Ср., например, расхожие выражения типа: *расплакался, как ребенок <как девчонка>, барские замашки, начальственный окрик, орёт, как базарная торговка, оставь свой прокурорский тон, учительские интонации в голосе* и т. п. Некоторые характеристики людей, выражаемые качественными прилагательными, «в норме», в виде стереотипных определений приложимы к лицам определенного возраста (ср. *дородный мужчина, дородная купчиха*, при невозможности сказать **дородный ребенок*) или пола — например, только к женщине (*пышная <сдобная> буфетчица*, но не **пышный <сдобный> буфетчик*)**, или преимущественно к мужчине (напр., определение *кряжистый* или глагол *кряжнуть*) и т. п.

* Очерк основан на публикации [Крысин 2003].

** Примеры из статьи [Урысон 2000: 246—247].

В данной статье мы рассмотрим понятие *этностереотипа* как одного из видов ментальных стереотипов. Этностереотип понимается нами как стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос (естественно, возможны и другие толкования этого термина). Понятие этностереотипа тесно связано с понятием *коннотации*, которое определяется как стандартная, устойчивая ассоциация, которую вызывает в языковом сознании носителей языка употребление того или иного слова в данном значении (напр., употребление слова *осел* в его прямом значении у носителей русского языка вызывает ассоциацию с такими свойствами, как тупость и упрямство) (определение понятия *коннотация* и типологию коннотативных смыслов см. в [Иорданская, Мельчук 1980; Апресян 1995]).

Этностереотип возникает на основе массовых и повторяющихся в данном этносе, устойчивых ассоциаций некоего этнонима (и его производных) с теми или иными положительными или отрицательными свойствами людей, обозначаемых этим этнонимом. Это могут быть представители как иного этноса, чем тот, членам которого принадлежат такие ассоциации, так и того же самого этноса: например, русские могут ассоциировать определенные свойства как с этнонимами типа *немец*, так и с этнонимом *русский* (ср.: *немецкая пунктуальность, русский размах, русское «авось»* и т. п.).

В современной этнографии, культурологии и социальной психологии тема этностереотипов весьма популярна. Однако в лингвистике она изучена недостаточно. Одна из первоначальных задач такого изучения — отделить лингвистический аспект темы от всех остальных, понять, что в этой проблематике заведомо не относится к компетенции лингвистов. Например, вопрос о том, насколько соответствует тот или иной стереотип реальным свойствам представителей данного этноса, находится, по-видимому, вне сферы лингвистики и ее интересов.

В чем состоит лингвистический аспект изучения этностереотипов? Прояснению ответа на этот вопрос, возможно, поможет рассмотрение двух связанных друг с другом подходов.

Во-первых, важно понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющих его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки. Очевидно, что это разного рода *отличия*, то, что «не похоже»,

что *выделяет* данную национальную культуру среди других. Повторяемость отрицательных или положительных оценок, их массовость (среди представителей данного этноса) и устойчивость во времени — условие формирования этностереотипов. Объектами оценки, в частности, могут быть национальные традиции и обычаи, модели повседневного поведения, черты национального характера, особенности анатомии, физических движений, походки, речи и многое другое. Ср. стереотипное представление о грузинах, запечатленное в современных русских анекдотах: «Это человек заметный, шумный, пестро, часто безвкусно, но всегда “богато” одетый. Больше всего на свете грузин озабочен тем, что у него чего-то нет, он очень любит прихвастнуть, показать свое реальное или мнимое богатство... Грузины в русских анекдотах — люди гостеприимные, любящие компанию, застолье, тосты; щедрые, иногда слишком щедрые... Грузины преувеличенно мужественны, но при этом отношение к женщине у них “восточное”, как к низшему существу...» [Шмелева, Шмелев 1999: 163].

Во-вторых, необходимо выделить языковые единицы — слова, фразеологизмы, синтаксические конструкции, которые можно интерпретировать как средства обозначения этнических стереотипов. Это могут быть:

- слова, в свернутой форме содержащие в своих значениях оценку свойств типичного представителя другого этноса; таково, напр., жаргонное *чурка* — о жителе Средней Азии; в основе лежит представление о нем как о непонятливом и даже тупом, хотя в действительности он просто плохо понимает русский язык; значение просторечного глагола *выцыганить* ‘получить что-либо у другого лица в результате настойчивых, надоедливых просьб’ основывается на пресуппозиции, согласно которой цыгане умеют добиваться своего именно путем таких просьб; диалектно-просторечное *жидиться* ‘скупиться, жадничать’, образованное от существительного *жид* в его бранном переносном значении ‘скупой, как скупы все евреи’, и др.;
- атрибутивные словосочетания, где определение — прилагательное, образованное от этнонима, а определяемое — имя какого-либо свойства человека: *американская деловитость, английская чопорность, с немецкой аккуратностью <дотошностью>, русский размах* и т. п.;

- генитивные словосочетания, где в позиции подчиненного генитива — этноним, а в позиции синтаксического хозяина — имя какого-либо человеческого свойства: *Он добивается своего с упорством китайца*;
- сравнительные обороты: *точен, как немец; холоден, как англичанин; молчалив, как финн* и т. п.; интересно изучить разное лексическое «наполнение» этой сравнительной конструкции: первый компарат — имя свойства, второй компарат — этноним (ср. работы Ю. А. Сорокина — напр. [Сорокин 1977]); для выявления национально обусловленных различий в такого рода сравнительных конструкциях возможен (и он реально применяется) устный опрос или письменное анкетирование информантов;
- фразеологизмы: *уйти по-английски*; ср. в английском языке выражение *French leave* ‘уход без прощания’ (буквально: ‘уход по-французски’) (см. [НБАРС-1: 818]);
- пословицы, поговорки, включающие этнонимы и эксплицитно или имплицитно указывающие на какие-либо свойства представителей соответствующей национальности: *Что русскому хорошо, немцу — смерть; Незванный гость хуже татарина* и под.

Материал для лингвистического анализа этностереотипов могут давать анекдоты, которые часто эксплуатируют расхожие представления о том или ином этносе или какой-либо его группе в качестве сюжетобразующих компонентов; ср., например, анекдоты о габровцах, построенные на представлении о жителях этого болгарского города как о необычайно скупых и экономных людях. Задача лингвистического анализа — выявить способы и средства, которыми передается информация об этих свойствах габровцев. Интересен также вопрос о характерных приметах речи представителей того или иного этноса — типа обращения *кацо* у грузин — героев анекдотов, *однако* — у чукчей, *грассирующего* [р] и частицы *таки* — в анекдотах про евреев и т. п. (см. об этом [Шмелева, Шмелев 1999]).

Для языкового выражения этностереотипов характерны **обобщение** и **гиперболизация** тех или иных свойств. Этой цели служат, в частности, кванторные слова типа: *все (Все чехи любят пиво; Все русские бабы — толстые), всегда (Немец всегда пунктуален), никогда (Англичане никогда не поступятся вековыми традициями ради сомнительных новшеств современной цивилизации), каждый (Каждый азиат — многоженец;*

*У каждого американца есть автомобиль, а то и два), любой (У бразильцев любой ребенок играет в футбол лучше нашего мастера)** и т. п.

Интересны также модальные наречия типа *просто, прямо, прямо-таки*, усилительные частицы типа *даже*, оценочные прилагательные *настоящий, истинный, подлинный* и нек. др., которые употребляются в контексте сравнения свойств того или иного лица со свойствами представителя «эталонного» в этом отношении этноса: *Ну и аккуратист! Просто немец какой-то <прямо настоящий немец>; Ты прямо цыган: умеешь выпрашивать, что тебе надо; Тут даже финн разговорится* (имеется в виду ситуация, когда способен разговориться и тот, кто обычно немногословен) и т. п.

Заслуживают исследовательского внимания случаи переносного употребления некоторых этнонимов (или слов, обозначающих представителей какой-либо расы). Например, слово *негр* в русской разговорной речи употребляется в значении ‘человек, который тяжело и не имея никаких прав работает на другого’ (*Нашел себе негра: ишачь на него, а он будет деньги огребать!***). Переносные значения имеют и некоторые прилагательные, образованные либо от этнонимов, либо от имен стран и материков; ср.: *азиат* в значении ‘некультурный, грубый человек’, *азиатский* ‘дикий, грубый’*** (ср. также производное *азиатчина*), употребление слов *африканский, китайский* в составе устойчивых оборотов *африканские страсти, китайская грамота****, китайские*

* О гиперболе в русской разговорной речи см. [Крысин 1988].

** Это значение слова *негр* в русском языке сравнительно новое. Ни в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, ни в более поздних Большом и Малом академических словарях, Словаре русского языка С. И. Ожегова оно не зафиксировано. По-видимому, первая его регистрация — в [Ожегов, Шведова 1992], где оно приведено с пометой «перен.»; в [Крысин 1998] оно снабжено, кроме того, пометой «разг.».

*** В словаре под ред. Д. Н. Ушакова это значение указано как устаревшее, а слово *азиат* в значении ‘некультурный, грубый человек’ снабжено таким комментарием: «...возникло на почве высокомерно-пренебрежительного отношения европейцев к колониальным народам» [Ушаков 1935: 18]. Такое осмысление слов *азиат, азиатский* не уникально для русского языка: ср., напр., английское существительное *Asiatic* ‘азиат’, которое в [НБАРС-1: 148] сопровождается пометой: «часто пренебр. [ежительно]»; в американском сленге употребительно прилагательное *Asiatic* в значении ‘дикий, необузданный, эксцентричный’ [APCAS 1994: 15].

**** В бразильском варианте португальского языка в том же значении употребляется выражение, которое переводится как *русская грамота*.

церемонии и нек. др. В основе подобных переносных употреблений, как это вполне очевидно, — определенные представления об эмоциональном мире, о характере менталитета или о культурных традициях тех или иных народов.

Исследователь этностереотипов не может пройти и мимо своеобразных импликатур, которые в неявно выраженном виде (хотя и с определенными контекстными маркерами — в виде союзов, частиц и т. п.) содержат те или иные мнения об определенном этносе и о характерных свойствах его представителей. Ср. высказывания типа: *Я не русский, но выпить люблю; Александр не пьёт спиртного, хотя он и русский; Как Александр не пьёт? Он же русский* (примеры из книги [Zybatov 1995: 154]); *Катя вышла замуж. Муж ее еврей, но человек хороший.*

Следующий шаг на пути лингвистического анализа этностереотипов — установление того, каким образом отображаются стереотипные представления об этносе в значениях языковых единиц.

Если это слова, то естественно задаться вопросом: в какой части лексического значения помещается эта информация — в ассерции, в пресуппозиции или в оценочной части? Ответ на этот вопрос можно получить, лишь истолковав значения имен этностереотипов, а также выявив коннотации, которыми сопровождается у говорящих — представителей данной этнической общности — употребление языковых единиц, так или иначе связанных с представлениями о другом этносе, — например, таких этнонимов, как *француз, немец, англичанин, чукча, еврей, татарин* и т. п., кличек и прозвищ (часто обидного, иногда — шуточного характера), которые даются представителям тех или иных этносов: напр., *макаронники* — об итальянцах, *лягушатники* — о французах, *чернота, чернорожие, черножопые* — о жителях Кавказа на неисконных (преимущественно российских) территориях их проживания, а также о чернокожих представителях африканского или американского континентов, *саранча* — о китайцах, незаконно проникающих на территорию Дальнего Востока и Юго-Восточной Сибири, и др.

Такого рода коннотации могут быть обусловлены не только этнически, но и социально: внутри одного этноса употребление одних и тех же этнонимов нередко сопровождается разными дополнительными смыслами. Отсюда — «мостик» к еще одной теме, связанной с данной: *социальные стереотипы*, или *социостереотипы*, и лингвистический аспект их изучения.

СОЦИАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕНОРМАТИВНЫХ ЭТНОНИМОВ*

Ненормативные этнонимы — это эмоционально окрашенные лексические обозначения людей по их принадлежности к тому или иному этносу или той или иной национальной группе: азеры, азиаты, америкашки, америкосы, армяшка, жид, жидёнок, жидовка, итальяшки, кацап, китаёза, лягушатники, макаронники, москаль, негритос, немчура, татарва, узкоглазые, французишка, фрицы (*устар.*), хачик, хохол, чернота, черные (в середине XX в. так называли негров, сейчас — жителей южных республик бывшего СССР), чурка, чучмек, япошка.

Как можно убедиться по приведенному ряду этнонимов, среди этой лексики преобладают слова, обозначающие представителей тех этносов, с которыми так или иначе (территориально, политически, идеологически, в повседневном быту и т. п.) контактировало или контактирует русское население или какие-либо его социальные слои и группы — политики, военные, бизнесмены, журналисты, рабочие, домохозяйки и др. Обращает на себя внимание отсутствие в этом ряду негативных обозначений для представителей многих других этносов — таких, например, как испанцы, чехи, сербы, все народы, населяющие Южную Америку и Австралию, и др.

Я называю эти этнонимы ненормативными, и это несколько противоречит общепринятому пониманию термина ненормативный: в последнее время он закрепился за обозначением обсценной лексики. Но такое его употребление несколько суживает буквальный смысл слова ненормативный: этим термином необходимо обозначать всё, что противоречит литературной норме, в том числе и обсценную лексику, но не только ее.

Поскольку нет сомнения в том, что эти слова существуют в современном русском языке и употребляются в повседневной городской речи,

* Очерк основан на статье [Крысин 2015].

постольку возникает проблема словарной фиксации приведенных слов: насколько она необходима?

Ненормативные этнонимы имеют в разной степени резкую отрицательную окраску, в которой отражается негативное — язвительно-насмешливое, пренебрежительное, уничижительное, презрительно-ироническое и т. п. — отношение носителей русского языка к представителям некоторых этносов. Большая часть таких этнонимов не фиксируется современными толковыми словарями. Исключение составляют слова *азиаты*, *жид* и однокоренные (ср. толкование слова *жид* в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: «в устах антисемитов — еврей» [СУ-1: 868]), негритос. Между тем, ненормативные этнонимы весьма частотны в некодифицированных разновидностях языка — разговорной речи, просторечии, сленге, жаргонах, а также в некоторых печатных и электронных органах современных СМИ, и поэтому они нуждаются в словарном представлении с экспликацией их лингвистически существенных свойств — семантических, сочетаемостных, и в особенности стилистических и прагматических.

Значительная часть этих слов получила отражение в «Русском орфографическом словаре» под ред. В. В. Лопатина (см. [РОС 2007]). Существующие же толковые словари эти этнонимы не фиксируют и, возможно, не обязаны фиксировать, поскольку это по преимуществу словари л и т е р а т у р н о г о языка (то есть словари нормативной лексики). Но их, естественно, надо описывать в словарях разговорной и просторечной лексики, в словарях сленга и жаргонов. В качестве своего рода лексикографических опытов фиксации таких слов в толковых словарях можно указать на «Большой толковый словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика, вышедший в Петербурге в 2004 г. [Химик 2004], и [ТСРР 1—3].

Очевидно, что употребление рассматриваемых слов ограничено определенными (иногда, правда, и не вполне определенными) рамками — социального, стилистического и узуального характера. А именно:

(1) слова этого типа более или менее употребительны в речевой практике представителей националистически настроенных групп носителей русского языка;

(2) они употребляются либо в контекстах, выражающих негативную характеристику — пренебрежение, уничижение, презрение и т. п. —

того или иного этноса в целом или конкретных людей, принадлежащих к этому этносу, либо с целью прямого оскорбления представителей соответствующего этноса;

(3) использование рассматриваемой лексики характерно для условий неформального речевого общения преимущественно в «своей среде» (ср.: — Серёжа, немедленно убери всех азеров с московских рынков! (Распечатка телефонных звонков московского правительства // Коммерсант-Власть. 1999), хотя нередки случаи печатного и публичного употребления негативно окрашенных этнонимов. Например: Иностранцы аристократы презирали безнаказанно, весело и открыто, маскируя этим страх перед ними и зависть к ним, намекая отнюдь не тонко, что надо глядеть остро за ними, иначе они погубят Россию: все эти япошки и китаёзы, армяшки, жида, чухны и хохлы, негритосы и татарва... (Н. Берберова. Железная женщина); Итальяшки молодцы, растянули время. А украинцев жаль, но не по силам им итальяшки оказались (Телерепортаж о футбольном матче. 2006 // www.ruscorgora.ru).

В первом выпуске «Толкового словаря русской разговорной речи» (см. [ТСРР-1 2014]) ненормативные этнонимы получают такое лексикографическое представление, при котором наибольшее внимание уделяется, во-первых, толкованию слова и текстовым иллюстрациям его употребления, во-вторых, его стилистическим характеристикам, в-третьих, лексическим аналогам, в-четвертых, прагматике — условиям употребления лексемы в речи и социальной характеристике тех носителей языка, которые используют ненормативные этнонимы в своей речевой практике.

Надо сказать несколько слов о характере словарной статьи в упомянутом словаре и о ее структуре. Словарная статья разделена на 11 зон, в каждой из которых содержится определенный вид лингвистически существенной информации о слове. Это: (1) вход в словарную статью — в виде исходной формы описываемого слова; (2) толкование слова и иллюстративные примеры его употребления; (3) зона морфологических признаков; (4) зона синтаксиса; (5) стилистические характеристики; (6) синонимы; (7) антонимы; (8) конверсивы; (9) аналоги; (10) фразеология с данным словом; (11) прагматика — сведения о социальных и ситуативных условиях употребления слова в речи, сведения историко-культурного характера.

Прежде чем привести примеры словарных статей в ТСРР, описывающих указанные ненормативные этнонимы, надо дать некоторые пояснения. Одно из них касается соотношения толкования и зоны стилистических характеристик.

В словарных статьях обсуждаемого словаря толкования не содержат компонентов, отражающих негативную семантику. Эти компоненты могли бы иметь вид мнения говорящего по поводу именуемого лица. Однако эти мнения хотя и негативны, но в большинстве случаев расплывчаты, неопределенны. А более определенно эта негативность выражается в стилистической окраске слова, и для ее обозначения используются пометы пренебр., уничиж., презр., груб., бран. (содержание каждой из помет описано в предисловии к первому тому ТСРР).

Сравнение словарных статей из приведенных ниже примеров показывает, что разные этнонимы могут быть неодинаковыми по силе негативной оценки — от относительно «слабой» стилистической пометы пренебр. (например, в словарных статьях АЗЕР и АМЕРИКАШКА) до бран., презр. (в словарной статье ЖИД).

Второе пояснение — по поводу зоны прагматики. Как правило, для рассматриваемой лексической группы существенно указать, в какой социальной среде используются ненормативные этнонимы. Однако в некоторых словарных статьях зона прагматики отсутствует — как, например, в словарной статье АМЕРИКАШКИ. По всей видимости, было бы натяжкой утверждать, что это слово (как и синонимичное ему америкосы) используется только или преимущественно в среде националистов. Скорее, более правдоподобно было бы указание на характер контекста — например, можно предполагать, что слово америкашки вполне допустимо в пренебрежительно-шутливых контекстах, не содержащих резко отрицательного отношения к американцам и к Соединенным Штатам; ср., например: Для него не было разницы, кто ты — татарин, эстонец, китаец, поэтому он не задумываясь, с неумелым акцентом рассказывал армянские, еврейские анекдоты и первый хохотал, высмеивал америкашек, итальяшек, армяшек, больше же всех от него доставалось русским, и никто его ни в чём не мог заподозрить (Д. Гранин. Зубр); — Америкашки совсем придурки, — весело пояснил он, — но техника у них будь здоров (Г. Пращкевич, А. Богдан. Человек «Ч»).

Примеры словарных статей в «Толковом словаре русской разговорной речи»

АЗЕР.

DEF: азербайджанец, пребывающий на территории России. — Серёжа, немедленно убери всех азеров с московских рынков! (Распечатка телефонных звонков московского правительства // Коммерсант-Власть. 1999); У казахов ничего не нашли. У азера обнаружили заначку анаши (Криминальная хроника. 24.07.2003); — Они все Ахмеды. Таджики скромнее, чем азеры. *Меньше воруют* (В. Токарева. Своя правда); Моему пятилетнему сыну в песочнице, когда он не дал свою формочку маленькому азеру, *было сказано этим же соплёй*: «Ничего, скоро мы вам всем животы повспарываем!» (Ю. Жуковская. Почему москвичи не любят приезжих? // Комсомольская правда. 13.09.2006).

MORPH: м.; одуш.

STYL: сниж., пренебр.

ANALOG: америкашка, америкос, армяшка, кацап, китаёза, макаронник, немчура, хачик, чёрный, чурка, чучмек, япошка.

PRAGM: слово употребляется преимущественно в речевой практике националистически настроенных носителей русского языка.

АМЕРИКАШКИ.

DEF: американцы. Для него не было разницы, кто ты — татарин, эстонец, китаец, поэтому он не задумываясь, с неумелым акцентом рассказывал армянские, еврейские анекдоты и первый хохотал, высмеивал америкашек, *итальяшек, армяшек, больше же всех от него доставалось русским, и никто его ни в чём не мог заподозрить* (Д. Гранин. Зубр); Выступает всё против коммунизма, за православие и америкашек наших тоже травит за то, что Бога забыли (В. Войнович. Москва 2042); — Много ты знаешь, америкашка, — подумал Феликс. — Если ты думаешь, что «вору в законе» будет хуже в российской тюрьме, чем в вашей, ты глубоко ошибаешься (А. Ростовский. Русский синдикат).

MORPH: м.; одуш.; ед. америкашка; употр. преимущ. во мн.

STYL: сниж., пренебр.

SYN: америкосы.

ANALOG: азеры, армяшки, кацапы, китаёзы, макаронники, немчура, хачики, чёрные, чурки, чучмеки, япошки [Словарная статья составлена М.Я. Гловинской].

АРМЯШКА.

DEF: армянин. Иногда могли обзывать кого-нибудь «жидёнком» или «армяшкой», но это было довольно редко и в каких-то крайне нервных ситуациях, сгоряча (А. Козлов. Козел на саксе); — И ты думаешь, что я этим армяшкам свой интерес уступлю? (А. Грачев. Ярый против видеопиратов); Наши добрые русские бабули писали красивые телеги на нерусских владельцев [магазинов], не знаю, кто они там, то ли армяшки, то ли азеры, но перцу им хорошо подсыпали; В продолжение темы про «армянские» имена: я всегда говорил, что Хачик — это не имя, хачик — это диагноз армяшки; Есть в русских этакое высокомерие по отношению к другим нациям — мол, эти «грязные арабы», да кто они такие? Или всякие там грузины, «армяшки», уж не говорю про отношение к евреям — почти поголовный антисемитизм! А французишки эти — гомосексуалисты несчастные, развратники? Ну, все они ногтя нашего не стоят! А мы — непогрешимые, почти святые (Блоги, 2014).

MORPH: м.; одуш.

STYL: сниж., презр.

ANALOG: азер, америкашка, америкос, итальяшка, кацап, китаёза, макаронник, немчура, хачик, черножопый, чёрный, чурка, чучмек, япошка.

PRAGM: употребление слова свойственно преимущественно речевой практике националистически настроенных носителей русского языка.

ЖИД.

DEF: еврей. — Смотри, жид, — говорил похожий на поворотливого, светлоглазого дикого кота Колька, — смотри, падло, ты мне последние нервы треплешь (В. Гроссман. Жизнь и судьба); — Жид, — сказал он, — жид пархатый! — и придвинулся ко мне. — Я не жид, я еврей, понял? — Жид, — сказал он. — Все евреи — жида, в чемоданах золото прячут! (Ю. Герт. А ты поплачь, поплачь...); На всё я готов — / На разбой и насилье / И бью я жидов / И спасаю Россию (В. Высоцкий. Антисемиты); Слово «жид» носилось в воздухе уличных перебранок (Г. Померанц. Догматы полемики и этнический мир).

MORPH: м.; одуш.

SYNT: употр. часто в функции сказуемого или в функции обращения.
STYL: презр., бран.

ANALOG: азер, америкашка, америкос, армяшка, итальяшка, кацап, китаёза, лягушатник, макаронник, негритос, фриц, хачик, хохол, чурка, чучмек, япошка.

PRAGM: в языке XIX — начала XX в. слова жид, жидовка были нейтральными наименованиями представителей еврейской нации и не являлись бранными (ср. название одного из рассказов А.И. Куприна «Жидовка»); в качестве бранных слов они стали употребляться в советское время, и этот новый их статус был зафиксирован в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. Резко негативным, бранным являются эти слова и их производные и в языке начала XXI в. Ср.: Слово «жид» в современном русском языке является национальным оскорблением, так как в качестве официального термина используется слово «еврей» (А. Кучерена. Бал беззакония).

Употребление слова жид и его однокоренных (жидёнок, жидовка, жидовня, жидовский) характерно для речевой практики антисемитов.

ИТАЛЬЯШКА.

DEF: итальянец. Конечно, хотелось бы, чтоб Украина дальше про-шла, но что-то я не верю в их победу над итальяшками (Гоооо! // Форум. 2006); — Ай да итальяшки, подумала она, вымогатели чер-товы, — достала мелочь и бросила пятьсот лир (Д. Рубина. Высокая вода венецианцев); — Почему, если ты болгарин, или, скажем, какой-нибудь итальяшка, или даже француз, то обязательно живешь в бла-годатном теплом краю? (О. Дивов. Молодые и сильные выживут); Он поволок крепко подпивших итальяшек в Эрмитаж, в самые богатые в мире запасники рыцарского вооружения (М. Веллер. Оружейник Тарасюк); — Да / и в той же воде отваримпельмени // — О / во как здорово // А что уже всё / готово / да? Итальяшки не доваривают? — Да / уже всё // Aldente // (Телепередача «Кулинарный поединок» // Из коллекции НКРЯ. 2005).

MORPH: м.; одуш.; употр. преимущ. во мн. (итальяшки).

STYL: сниж., пренебр.

ANALOG: азер, америкашка, америкос, армяшка, кацап, китаёза, макаронник, немчура, хачик, черножопый, чёрный, чурка, чучмек, япошка.

PRAGM: обычно употребление в осуждающих, ироничных, шуточных и т. п. контекстах.

ЧУРКА.

DEF: коренной житель Средней Азии, пребывающий на территории России. В тех случаях, когда выигрывал Слава, Николай Леонидович обзывал его страшными матерными словами — хотя начинал обычно, вспоминая, что мать партнёра — узбечка, с крика: «Чурка ты!».. (И. Кио. Иллюзии без иллюзий); Что происходит в голове у подростков, кричащих «Мочи чурок!»? (Русский репортер. № 3 (181), 2011); — Закрой свой рот, ты, вонючий чучмек, чурка! (Г. Садулаев. Когда проснулись танки); Чтобы публично узбека или азербайджанца обозвать «черножопым» или «чуркой», *такого и быть не могло* (С. Есин. Маркиз Астольф де Кюстин); Крюк подносил к обмороженному уху азиата дамские часики, уверяя недоверчивую чурку в их безотказном тиканье (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр»); Таджикская девочка — она чужая, чурка нерусская, а бедные мальчики свои, русские (Форум, 2007); Новыми врагами стали чужаки, недавние пришельцы на улицы родных городов, плохо говорящие по-русски и ведущие себя не по «понятиям» (то есть «нашему» своду законов), — «черные», «чурки», «чучмеки», «хачики» и иже с ними (Н. Митрохин. От «Памяти» к скинхедам Лужкова. Идеология русского национализма в 1987—2003 годах // Неприкосновенный запас. 12.09.2003).

MORPH: м. и ж.; одуш.

SYNT: употр. часто в функции сказуемого или в функции обращения.

STYL: сниж., уничиж., бран.

SYN: чучмек.

ANALOG: азер, америкашка, америкос, армяшка, жид, итальяшка, кацап, китаёза, лягушатник, макаронник, негритос, фриц, хачик, хохол, япошка.

PRAGM: употребляется в речевой практике националистически настроенных носителей русского языка.

Исследование ненормативных этнонимов не ограничивается только словарным аспектом (в каких словарях и как их описывать). Оно направлено также на узуальные и стилистические аспекты употребления такого рода слов, а также на их социальную и этическую оценку (см. об этом, например [Вепрева, Купина 2014]). Очевидно, что это — своего рода

болезненный нарыв на теле современного русского языка, но аналитический скальпель лингвиста не должен избегать подобных нарывов: изучение ненормативных этнонимов поможет определить их место в системе лексических средств русского языка, их социальный и стилистический потенциал, а также — шире — их место и роль в национальной политике государства.

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Со времен Ф. де Соссюра в лингвистике принято разграничивать синхронический и диахронический аспекты исследования языка. Соответственно, выделяют синхроническую лингвистику и лингвистику диахроническую. Ученые справедливо указывают на определенную условность такого разделения, поскольку при изучении тех или иных состояний языка (чем занимается синхроническая лингвистика) важен учет исторического фактора (предмет изучения диахронической лингвистики). И, наоборот, эффективное изучение истории языка часто осуществляется путем сравнения синхронных срезов, характеризующих состояние языка в тот или иной момент его развития.

Такое разделение синхронического и диахронического аспектов в изучении языка существует и в социолингвистике: различают синхроническую социолингвистику и социолингвистику диахроническую.

Синхроническая социолингвистика

Если следовать буквальному смыслу определения «синхроническая», то это направление должно изучать лишь **отношения**, существующие между языком и обществом, не обращаясь к **процессам**, характеризующим социально обусловленное функционирование языка (поскольку всякий процесс протекает во времени и, стало быть, несинхронен).

В действительности же синхроническая социолингвистика изучает и отношения, и процессы, касающиеся связей языка и общества. Отношения характеризуют статику этих связей, а процессы — их динамику.

* Серия очерков о направлениях социолингвистических исследований основана на соответствующем разделе в книге [Беликов, Крысин 2016].

Проиллюстрируем сказанное на примерах.

Каждый носитель того или иного языка имеет набор социальных характеристик: определенный уровень образования, профессию, систему ценностных ориентаций и т. п. Соотношение статусов «носитель языка» и «носитель социальных характеристик» не связано с какими-либо процессами, протекающими во времени, — это некая данность. Но исследовать особенности использования языка людьми, которые обладают разными социальными характеристиками, можно, только выйдя за пределы этой данности и наблюдая процесс речевого общения. Статика сменяется динамикой.

В многоязычном обществе языки распределены между носителями — соответственно их этнической принадлежности: ср., например, современную Россию, где, помимо русских, живут татары, якуты, осетины и другие народы, каждый из которых является носителем своего родного языка. При этом надо учитывать, что соотношение языков и этносов — не взаимно-однозначное: с одной стороны, помимо своего родного языка, представители многих национальностей пользуются еще и другими языками, распространенными в данном социуме; с другой стороны, есть языки, например, суахили, которые «не имеют коррелята на этническом уровне, поскольку в Африке не существует автохтонного этноса, родным языком которого был бы суахили» (Рябова 1985: 107).

Констатация этого положения — вещь достаточно тривиальная. Но каково взаимоотношение и взаимодействие родных и вторых языков? В каких сферах и ситуациях общения они используются? Для ответа на подобные вопросы социолингвистика обращается к функционированию языков, т. е. к процессам речевого общения и к факторам, обуславливающим характер этих процессов.

Еще один пример. Описывая какой-либо национальный язык с точки зрения его социальной дифференциации, обычно констатируют наличие в нем (на том или ином синхронном срезе) определенных подсистем — литературной формы, территориальных диалектов, профессиональных и социальных жаргонов, городских койне и т. п. Эти подсистемы существуют не изолированно друг от друга, — они находятся в некоторых взаимоотношениях (в каких — вопрос, на который можно ответить лишь в результате исследования). Как пользуются этими подсистемами говорящие? Каково их функциональное соотношение (хотя бы на том же

самом синхронном срезе, который имеется в виду при разграничении подсистем)? Давая ответы на эти вопросы, мы переходим от статичности, характеризующей социальную дифференциацию языка, к динамике функционирования составляющих этот язык подсистем.

В компетенцию синхронической социолингвистики входит и изучение языковой социализации, освоения языка в связи с освоением системы социальных ролей, овладения основами «ситуативной грамматики» и ряда других процессов, относящихся к общей проблеме социальной обусловленности языковой компетенции.

Примерами синхронических социолингвистических исследований могут служить работы У. Лабова и его последователей, посвященные изучению фонетического варьирования современного американского варианта английского языка в зависимости от социальной характеристики говорящего и от стилистических условий речи, а также труд «Русский язык по данным массового обследования» (1974), в котором представлен результат изучения определенного синхронного среза, характеризующего вариативность литературной нормы; исследования отечественных африканистов по типологии языковых ситуаций в полиэтнических государствах современной Африки [Виноградов и др. 1984]; социолингвистическое «портретирование» языков России, с подробным анализом национального и социального состава их носителей, функций каждого языка, взаимодействия его с другими языками данного ареала [Михальченко 1995].

Характерно, что ни в одной из названных работ авторы не стремятся сохранить «чистоту» синхронического подхода, — почти всегда для объяснения современного состояния языка или каких-либо его подсистем привлекаются исторические данные, позволяющие видеть движение языковой системы от одной стадии к другой. Однако явное преобладание целей, задач и методики исследования, присущих синхроническому подходу, позволяет относить эти работы именно к синхроническому направлению социолингвистических исследований*.

* Обзор проблематики, которой занимается или должна заниматься синхроническая социолингвистика, дается в книге Л. Б. Никольского [Никольский 1976]. См. также двухтомник «Advances in the sociology of language» под редакцией Дж. Фишмана (Fishman 1971—1972), содержащий работы, которые дают представление главным образом о синхроническом аспекте социолингвистических

Диахроническая социолингвистика

В самом общем виде диахроническая социолингвистика может быть определена как направление социолингвистических исследований, которое изучает историю языка в связи с историей народа. Такое определение, однако, нуждается в уточнении. Ведь традиционно многие работы, посвященные эволюции конкретных языков, описывали исторический контекст, в котором происходят языковые изменения. Можно ли квалифицировать такие работы как социолингвистические?

Существенной особенностью социолингвистического исследования является систематическое, последовательное взаимное соотнесение языковых фактов и социальных процессов. Если, изучая историю какого-либо языка, ученый лишь от случая к случаю упоминает события, относящиеся к истории народа, то такую работу трудно квалифицировать как социолингвистическую. Если же исследование основывается на четком разграничении внутренних, присущих самому языку законов его развития и внешних, социальных факторов, обуславливающих это развитие, и анализирует языковые изменения, показывая действие как тех, так и других, то такое исследование скорее всего должно быть отнесено к диахронической социолингвистике.

Примерами подобных работ могут служить многие историко-лингвистические исследования отечественных и зарубежных авторов, в особенности те, в которых изучается становление национальных языков, формирование их литературной нормы, развитие у литературных языков социальных функций и т. п. Таковы, например, работы В. В. Виноградова по истории русского литературного языка [Вино-

исследований. Вышедший в 1972 г. под редакцией Дж. Гамперца и Д. Хаймса сборник «Directions in sociolinguistics» (Gumperz, Hymes 1972), судя по его названию, должен был бы представлять весь спектр направлений, характерных для социолингвистики середины XX в. Тем не менее и в нем помещены в основном работы, ориентированные на синхронный анализ языковых явлений в их связи с явлениями социальными. См. также обзор [Гулида 1999], дающий представление главным образом о синхронном аспекте англоязычных социолингвистических исследований, а также сборник переводов наиболее значительных зарубежных работ по современной социолингвистике [Вахтин 2012].

градов 1938; 1956], В. М. Жирмунского — по истории немецкого языка и по немецкой диалектологии [Жирмунский 1956; Жирмунский 1965], Б. А. Успенского — о церковнославянско-русской диглоссии в Московской Руси [Успенский 1987; Успенский 1994], М. В. Панова — об истории русского произношения [Панов 1990], цикл работ по истории литературных языков, выполненный в Институте языкознания РАН [Норма... 1969; Социальная... 1977; Функциональная... 1985; Литературный... 1994; Языковая... 1996] и др., а также исследования зарубежных лингвистов по истории формирования национальных языков в связи с историей народов: элементы диахронно-социолингвистического подхода характерны, например, для классических работ А. Мейе по исторической лингвистике, Ф. Брюно — по истории французского языка, Х. Эггерса — по истории немецкого языка, Менендеса Пидала — по истории испанского языка и др.

Регулярные связи между развитием языка и развитием общества могут быть прослежены на сравнительно коротких отрезках языковой эволюции. Например, П. Лафарг исследовал новшества, появившиеся во французском языке во времена Великой французской революции [Лафарг 1930]. А. М. Селищев в знаменитой книге «Язык революционной эпохи» [Селищев 1928; Селищев 2003 Т. 1, 47—279] проанализировал изменения, произошедшие в русском языке в течение десяти послереволюционных лет, и связал эти изменения с теми преобразованиями, которые были совершены в России в результате октябрьского переворота 1917 г. Более близким к нашим дням примером может служить книга немецкого исследователя Л. Цыбатова [Zybatow 1995], в которой изменения, характерные для русского языка конца 80 — начала 90-х годов XX в., изучены в связи с политическими, экономическими и культурными процессами постперестроечного периода.

Целью социолингвистического изучения языка в диахроническом аспекте является установление связей между историей языка, изменениями, происходящими в нем в ходе исторического развития, — и историей общества, которое «обслуживается» данным языком, теми социальными, экономическими и культурными изменениями, которые характеризуют эволюцию данного общества и его институтов. На пути к достижению этой цели исследователь решает ряд задач, среди которых наиболее существенно изучение характера связей между языковыми

и социальными явлениями, что предполагает ответы на такие, например, вопросы:

- вызывает ли социальное изменение непосредственное изменение в языке или же такое влияние осуществляется более сложно, опосредованно?
- какие из факторов социальной эволюции наиболее существенны для развития языка?
- какие «участки» языковой системы наиболее податливы к социальному воздействию; иначе говоря, что в первую очередь меняется в языке под влиянием социальных преобразований, а что остается относительно стабильным на протяжении длительного времени?

В задачи диахронической социолингвистики входит также изучение изменений в языковой ситуации под воздействием изменений в обществе, анализ изменений в наборе и характере функций языка (языков), в социальном и коммуникативном статусе литературной формы национального языка и социолектов, фиксация и исследование изменений в отношении общества в целом или отдельных социальных групп к своему языку или каким-либо его подсистемам, к языковым новшествам и т. п.

Приведем примеры решения этих задач на конкретном языковом материале.

Языковая ситуация в Португалии начала XVI в. характеризовалась многоязычием, в основе которого лежали португальский и испанский языки, а также латынь (на латыни составлялись географические описания, ставились пьесы в университетских театрах). К концу века усиливалась тенденция к большей самостоятельности и функциональной самодостаточности португальского языка, вовлечению в литературный обиход разговорных, просторечных и диалектных элементов, что отражало процессы, происходившие в Португалии того периода: разрушение феодальных институтов, укрепление абсолютизма, рост городов, миграция сельских жителей в города, культурную интеграцию высших слоев общества вокруг королевского двора и др. [Вольф 1985].

Изучение истории многих европейских языков вскрывает движение литературной формы этих языков от более или менее аморфного состояния к нормированной языковой системе с единой диалектной основой. Так, во французском языке XV в. «совокупность старофранцуз-

ских наддиалектных литературных образований <...> стала заменяться единым литературным языком, в основе которого лежал диалект столицы — Парижа <...> изменялся и статус диалектов — от территориального диалекта феодального общества к территориально-социальному диалекту периода формирования и развития национальных языков» [Чельшева 1985: 216]. Литературный французский язык начал функционально преобладать над латынью, которая постепенно вытеснялась из социально наиболее важных сфер общения (Там же: 217).

Характеризуя языковую ситуацию в Японии XIX—XX вв., исследователи особо выделяют период после 1945 г., когда усилилась роль английского языка, и, следовательно, произошло некоторое распределение функций между японским и английским языками: «...в Японии существуют влиятельные газеты на английском языке, англоязычные телепередачи и пр. Возможны и случаи общения на английском языке между японцами: в рекламе для придания ей большей элитности и иногда в научной литературе» [Алпатов 1993: 107].

Иллюстрацией изменения в отношении к собственной речи и ее оценке могут служить наблюдения русских диалектологов. Согласно этим наблюдениям, проводившаяся в годы советской власти политика вытеснения местных диалектов из коммуникативных сфер, такое направление школьного обучения и воспитания, которое внедряло в сознание учащихся пренебрежительное отношение к собственному говору как к неправильной, искаженной речи, сформировали устойчивую негативную оценку диалектных способов говорения самими носителями диалекта [Булатова и др. 1975; Касаткин 1999].

С этим можно сравнить совсем иное отношение к диалектам в современной Японии, где «люди среднего и младшего поколений относятся к собственному использованию диалекта как к чему-то само собой разумеющемуся. По-видимому, низкая престижность диалектов была свойственна периоду массового овладения литературным языком, когда речь на диалекте ассоциировалась с низким уровнем образования и культуры. Теперь же, когда владение диалектом вовсе не означает неумения переключаться с него на литературный язык, диалект считается вполне законным средством неофициального общения со “своими” <...> В этой обстановке изменилось и официальное отношение к диалектам. Перед школой и средствами массовой информации ставится уже не задача искоренения диалектов, а задача их правильного употребления.

Сейчас в школах введен курс местного диалекта, особый для разных районов Японии, в котором учат пользованию диалектом и осознанию его отличий от литературного языка» [Алпатов 1996: 242—243].

Для диахронической социолингвистики характерен явно декларируемый и последовательно проводимый в конкретных исследованиях принцип: история языка должна изучаться в тесной связи с историей его носителей, с их повседневной жизнью. «Слово путешествует из диалекта в диалект, из языка в язык вместе с людьми, идущими на базар или ярмарку, в храм или к святым местам, на олимпийские игры, в театр или цирк, на корриду или футбол. Слово путешествует вместе с товарной этикеткой, с любым товаром материального или духовного производства» [Журавлев 1993: 7].

Макросоциолингвистика

Разграничение макро- и микросоциолингвистики в известной мере является аналогией соответствующего деления социологии на макро- и микросоциологию. Макросоциология занимается глобальными процессами, характеризующими развитие и функционирование общества в целом, а микросоциология проявляет интерес к человеку как члену тех или иных социальных групп.

Некоторые авторы называют макро- и микроподход к социальному изучению языковых явлений не направлениями, а уровнями социолингвистического анализа [Berruto 1974]. Однако по мере развития социолингвистики эти уровни анализа становятся самостоятельными и образуют два мало пересекающихся направления социолингвистических исследований.

Макросоциолингвистика изучает крупномасштабные процессы и отношения, которые имеют место в языке и которые в той или иной степени обусловлены социальными факторами. Эти процессы и отношения могут характеризовать общество в целом или достаточно большие совокупности людей — социальный слой, этнос, этническую группу и т. д. Например, изучение социальной дифференциации языка включает в себя макроуровень, на котором выясняется, как распределены данный национальный язык и его подсистемы в разных социальных слоях носителей этого языка.

Макроподход преобладает во многих работах, посвященных *двуязычию и многоязычию*: такие вопросы, как соотношение численностей говорящих на разных языках, обращающихся в данном сообществе, разграничение функций этих языков, языковая интерференция и ее типы и другие, часто рассматриваются в общем виде, без обращения к индивидуальным или групповым речевым особенностям [Алпатов 1997, 2000; Дешериев 1966; Дешериев 1976; Джунусов 1969; Дьячков 1996; Социальная... 1997].

Проблемы нормализации и кодификации языка, а также языковой политики и языкового планирования изучаются прежде всего в рамках макросоциолингвистического подхода, поскольку обычно они затрагивают интересы всего населения, пользующегося данным языком (или языками), или значительной его части. Например, говоря о политике государства в отношении малочисленных народов, населяющих это государство, исследователь неизбежно касается вопроса о сохранении языка того или иного малого этноса, и, как правило, обсуждение этого вопроса ориентировано на интересы всего этноса, а не каких-либо отдельных его представителей. Исследование статуса тех или иных языков в полиэтническом обществе, функциональных свойств и возможностей подсистем, входящих в качестве компонентов в какой-либо национальный язык, также требует макроподхода, поскольку речь идет о коммуникативном «обслуживании» больших совокупностей людей или даже всего населения страны в целом.

К макросоциолингвистике относятся очень важные в социальном плане проблемы, связанные с анализом языковых ситуаций, которые характеризуют общество в тот или иной период его существования. Подобный анализ может касаться компонентов, составляющих данную социально-коммуникативную систему (кодов и субкодов), их распределения по сферам общения, коммуникативного «веса» каждого из компонентов с точки зрения его функций в различных сферах социальной деятельности, потенциальных и реальных изменений в соотношении компонентов социально-коммуникативной системы, научно обоснованных прогнозов, касающихся характера языковой ситуации, и т. п.

В последние десятилетия социолингвисты обратили свое внимание к еще одной области взаимоотношений языков, которая, как это ни печально, стала весьма актуальной в современном мире, — к языковым конфликтам. Возникла и формируется новая область социолингвистиче-

ских исследований — лингвистическая конфликтология (конфликтами, возникающими в человеческом обществе, занимаются также политологи, психологи, социологи, этнографы, поэтому определение «лингвистическая» необходимо).

В основе языковых конфликтов лежат социальные и экономические причины, поэтому свойства того или иного конфликта естественно рассматривать на макроуровне, а не на уровне индивидуальном или частно-групповом, хотя зарождаются языковые конфликты могут и в территориально или этнически ограниченных группах.

Нередко в условиях полиэтнического государства язык становится символом национальной солидарности, объединяющим ту или иную этническую группу в ее борьбе за собственные интересы, в противостоянии другим группам или центральной власти. Особенно характерна эта тенденция для малочисленных народностей в составе какого-либо государства. «Каждый экономический класс, принадлежащий к языковым меньшинствам, использует язык как объединяющий символ в борьбе с центральным правительством, даже несмотря на то, что интересы некоторых из этих классов (например, крестьян и дворянского сословия) бывают противоположны друг другу», — пишут исследователи языковых конфликтов Р. Ингельхарт и М. Вудворд [Inglehart, Woodward 1977: 370], приводя многочисленные примеры языковых конфликтов и из истории стран Западной Европы и Канады, и из современных их отношений.

Есть и еще проблемы языковой жизни общества, при изучении которых применяется преимущественно макроподход. Некоторое представление о разнообразии и характере этих проблем можно составить, обратившись к весьма объемистому сборнику «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира» [Социолингвистические... 1996]: большая часть помещенных здесь работ отражает именно макросоциолингвистический взгляд на социально-языковые отношения и процессы.

Микросоциолингвистика

Микросоциолингвистика — направление социолингвистических исследований, занимающееся изучением того, как язык используется

в малых социальных общностях*. Большие и малые социальные общности различаются не только количественно, но и качественно: закономерности, наблюдаемые при использовании языка в малом социальном коллективе (например, в семье, игровой, производственной группе), часто «не действуют» или действуют не так в больших человеческих совокупностях, и наоборот.

Долгое время в социолингвистике преобладали работы, объектом которых были процессы и отношения крупного масштаба, присущие либо обществу в целом, либо значительным социальным и этническим совокупностям людей. Языковые процессы и отношения, характеризующие взаимодействие людей в малых общностях, привлекали к себе меньшее внимание. Правда, мнение относительно важности изучения малых групп с позиций социолингвистики высказывалось неоднократно. Например, Р. Белл писал, что поскольку «членство в группе почти наверняка имеет языковые индикаторы — внутригрупповые признаки фонологического и лексического характера, которые сразу определяют данную группу и исключают “чужаков”, — постольку лингвистика должна расширить свою сферу, включив в себя описание употребления языка в малых группах», и при этом она не может «игнорировать тот факт, что уже существует экспериментальная методика, принесшая результаты, которые можно переосмыслить в социолингвистических терминах» [Белл 1980: 145—146].

Однако конкретные работы, исследующие особенности общения людей в тех или иных группах, весьма немногочисленны как в отечественном языкознании, так и за рубежом. Между тем, несомненно, что исследование поведения людей как членов малых групп дает многое для характеристики вообще социального поведения человека. Без такого исследования невозможно правильно судить о многих сторонах речевого

* В специальной литературе встречается и несколько иное понимание областей применения и задач макро- и микросоциолингвистики: макросоциолингвистика ориентирована на изучение того, что в системе Ф. де Соссюра называется *langage* (то есть язык в его коммуникативной функции), а микросоциолингвистика — на изучение *parole* (то есть речи, того, как реализуется язык в различных ситуациях общения). На долю же собственно лингвистики остается *langue* — язык как определенным образом организованная система отношений между составляющими его единицами, обусловленных внутренними закономерностями [Виноградов и др. 1984: 4].

поведения человека как существа социального; кроме того, свойства индивида как говорящего, как «производителя» определенных высказываний обнаруживаются прежде всего в пределах подобных групп (а не в обществе в целом).

Таким образом, микросоциолингвистика ставит в центр внимания исследователей человека и его непосредственное окружение, в то время как макросоциолингвистика обращена к проблемам, характеризующим целое общество или крупные социальные объединения людей. Те же группы, о которых нередко идет речь и в макросоциолингвистических работах, — например, лица определенного возраста, пола, уровня образования, — это условные **группы**: члены таких групп не находятся в контакте друг с другом, не общаются.

Микросоциолингвистика — дисциплина, безусловно, языковедческая (как и вообще социолингвистика), поскольку объектом ее является язык, хотя и в специфическом внутригрупповом использовании. Однако она тесно связана с другими науками о человеке, прежде всего с психологией и социальной психологией, у которых она заимствует некоторые ключевые понятия. Таковы, например, понятия социальной роли, малой группы и всех разновидностей малых групп: формальной / неформальной, референтной (эталонной), первичной / вторичной и другие, понятия лидера и аутсайдера, конформного — неконформного поведения и некоторые другие. Часть из этих понятий была рассмотрена в работе [Крысин 1989а], другие будут проиллюстрированы в этом очерке на конкретных примерах.

Проблемы, которыми занимается микросоциолингвистика, можно сгруппировать в два концентра, как бы отвечая на вопросы: 1) каков язык, используемый (или каковы языки, используемые) в данной малой социальной общности? 2) как используется этот язык (эти языки) в данной малой общности ее членами?

Ответы на эти вопросы лишь на первый взгляд кажутся тривиальными и заранее известными: если данная группа существует в пределах некоего объемлющего ее социума (нации, страны, этноса и т. д.), то члены группы должны использовать во внутригрупповом общении те же языковые образования, которые функционируют во всем социуме.

Однако наблюдения показывают, что социально-групповое обособление людей с необходимостью включает и момент лингвистический: язык, которым пользуются члены группы, оказывается не совсем тем

же, что общенациональный язык (или какие-либо его подсистемы). Одно из свидетельств этого — существование так называемых семейных «языков»: общеупотребительные языковые средства претерпевают здесь иногда значительные трансформации (см. об этом, в частности работу [Занадворова 2003]). С этим можно сравнить также выработку особых «языков» в группах, члены которых объединяются по производственным, игровым, спортивным или каким-либо еще интересам (подчеркнем, что имеются в виду не социальные и профессиональные жаргоны вообще, а вырабатываемые в пределах достаточно узких групп специфические средства общения).

В связи с этим можно вспомнить наблюдение Л. Н. Толстого, описанное им в повести «Юность» и касающееся особенностей поведения, в частности речевого, членов узкого кружка или одной семьи. Характеризуя способность к взаимному пониманию между такими людьми, он писал: «Сущность этой способности состоит в условленном чувстве меры и в условленном одностороннем взгляде на предметы. Два человека одного кружка или одного семейства, имеющие эту способность, всегда до одной и той же точки допускают выражение чувства, далее которой они оба вместе уже видят фразу; в одну и ту же минуту они видят, где кончается похвала и начинается ирония, где кончается увлечение и начинается притворство, — что для людей с другим пониманием может казаться совершенно иначе. Для людей с одним пониманием каждый предмет одинаково для обоих бросается в глаза преимущественно своей смешной или красивой, или грязной стороной. Для облегчения этого одинакового понимания между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой язык, свои обороты речи, даже слова, определяющие те оттенки понятий, которые для других не существуют <...> Ни с кем, как с Володей, с которым мы развивались в одинаковых условиях, не довели мы эту способность до такой тонкости. Например, у нас с Володей установились, Бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: изюм означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги, шишка (причем надо было соединить пальцы и сделать особое ударение на оба “ш”) обозначало что-то свежее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д., и т. д. Но, впрочем, значение зависело больше от выражения лица, от общего смысла разговора, так что, какое бы новое выражение

для нового оттенка ни придумал один из нас, другой по одному намеку уже понимал его точно так же».

Использование подобных специфических средств общения может отличаться рядом особенностей. Иначе говоря, на один вид специфичности — в наборе средств — как бы наслаивается второй ее вид — в комбинировании этих средств и в их функциях. Например, для внутригруппового общения характерна символическая функция языкового знака (наряду с номинативной и оценочной): определенные слова, обороты, типы произношения приобретают свойство символа принадлежности говорящего к данной группе. Это связано с одним из мотивов, которыми руководствуется говорящий в своем внутригрупповом поведении: показывать своей речью, что он принадлежит к данной группе, что он «свой».

Не овладев такого рода символами принадлежности к группе и, шире, принятой в данной группе манерой общения, человек не может с полным правом претендовать на место в этой группе и нередко оказывается на ее периферии. У. Лабов пишет, что положение аутсайдера, в терминологии У. Лабова — изгоя (*lame*), имеет языковое следствие: аутсайдер плохо усваивает культурные и языковые нормы группы [Labov 1972a]. Однако часто причина и следствие меняются местами: именно манера речи, если она отличается от принятых в группе речевых стереотипов, мешает человеку влиться в группу, чувствовать себя в ней «своим».

Другим примером специфики использования языковых средств во внутригрупповом общении может служить формирование групповых шаблонов речи. Подобно тому, как в процессе совместной деятельности у людей вырабатываются определенные стереотипы поведения, регулярность коммуникативных контактов между членами группы ведет к выработке речевых шаблонов. В качестве последних могут выступать отдельные языковые единицы, различные фрагменты высказываний и диалогов, имевших место в прошлом группы (или кого-либо из ее членов), своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов, также отражающие общий коммуникативный опыт данной группы, цитаты — как из литературных произведений, так и из устных высказываний какого-либо члена группы, в частности лидера, и т. п. При этом шаблон (вопреки своему названию!) как правило используется в эмоциональном контексте, специально — шуточно, ёрнически, с пародийными целями и т. д. — обыгрывается, и тем самым к нему привлекается внимание окружающих.

В качестве иллюстрации приведем небольшой отрывок из повести Д. Гранина «Зубр»:

«— На меня давила его (Н. В. Тимофеева-Ресовского) речь, интонация, словечки. Мы все повторяли за ним: “трёп”, “душеспасительно”, “душеласкательно”, “это вам не жук накакал”, “досихпорешние опыты” — прелесть, как он умел играть голосом, словами. “Кончай пря!” — в смысле пререкания. “Что касасемо в рассуждении...”

— Сплошной бонжур! — добавил я.

— Заметили? И это тоже...

Сила влияния или обаяния его личности были таковы, что люди, сами того не замечая, перенимали его выражения, его манеры».

Если характеризовать внутригрупповое устное речевое общение в целом, то необходимо отметить две тенденции: к свертыванию, элиминации таких средств, которые называют объект речи, и, напротив, к детализации таких средств, которые характеризуют, оценивают его. Это происходит вследствие того, что общий опыт членов группы, приобретенный в процессе совместной деятельности и взаимного общения, служит надежной опорой для полного взаимопонимания и без эксплицитного называния предмета речи. Однако обмен характеристиками этого предмета речи, его оценками со стороны разных членов группы часто составляет самую суть внутригрупповой коммуникации.

Иначе говоря, для речи человека как члена определенной малой группы характерны предикативность и оценочность, при слабой выраженности чисто номинативного аспекта. В этом отношении устное общение членов малой группы в большей степени, чем какой-либо другой жанр разговорной речи, обнаруживает сходство с внутренней речью: постоянство состава общающихся и их опора на общий совместный опыт делают малую группу как бы единой «коллективной личностью», для которой многое в предмете речи является как бы само собой разумеющимся и поэтому не нуждается в назывании.

Весьма популярными в микросоциолингвистике являются исследования речевого общения в человеческих диадах и триадах — например, общения врача и пациента, мужа и жены, учителя и ученика, судьи, подсудимого и адвоката и т. п. Детальное исследование особенностей речевого поведения членов таких «микрогрупп» вскрывает механизмы, управляющие подобным поведением при различном соотношении статусов и ролей коммуникантов. Примером такого скрупулезного микро-

анализа речевого взаимодействия является книга У. Лабова и Д. Фэншела «Терапевтический дискурс. Психотерапия как общение» [Labov, Fanshel 1977], в которой на основании изучения конкретного материала бесед психотерапевта с пациентами формулируются общие правила, характеризующие речевую тактику коммуникантов и различные ее проявления как в вербальном, так и невербальном поведении (жестах, мимике, смене поз и т. п.).

Теоретическая и экспериментальная социолингвистика

Для начального этапа изучения языка под социальным углом зрения во многом был характерен умозрительный подход к анализу социально-языковых связей — еще не был накоплен значительный фактический материал, относящийся к этой области исследования. Кроме того, многие вопросы, касавшиеся корреляции «язык—общество», только ставились, и обсуждение их велось в самом общем виде, с опорой на немногие иллюстративные примеры. Таким было, например, обсуждение Е. Д. Поливановым тезиса о необходимости социологической лингвистики, его идеи, касающиеся опосредованного воздействия социальных изменений на языковую эволюцию, о лексике и фразеологии как сферах языка, которые наиболее чутко реагируют на внешнее влияние, и т. п.

Столь же общим было рассмотрение Антуаном Мейе и другими представителями французской социологической школы начала века проблем социальной обусловленности развития языка, его дифференциации под влиянием расслоения общества [Слюсарева 1981: 63], внимание чешских и словацких лингвистов к функциональной стороне языка, к проблемам нормы и кодификации литературного языка [Краус 1976: 201].

Следует подчеркнуть, что умозрительный характер многих ранних социолингвистических штудий — отнюдь не порок развития этой науки, а естественный и необходимый этап. Как известно, успех любого дела, а научного исследования в особенности во многом зависит от правильной постановки вопросов, и ключевой задачей социолингвистики на первых порах было выяснение круга проблем, относящихся к ее компетенции, и их правильное формулирование.

Первые социолингвистические работы образовали необходимый фундамент, на котором начало строиться здание теоретической социолингвистики. Это направление социолингвистических исследований занимается изучением наиболее общих, основополагающих проблем, характеризующих отношение «язык и общество». Какого рода эти проблемы?

Многих из них мы уже касались в разных частях нашей книги, поэтому здесь их можно просто перечислить, не претендуя на то, что этот перечень будет полным:

- формулирование системы аксиом, группирующихся вокруг общего тезиса о том, что язык есть явление социальное;
- выявление наиболее существенных закономерностей языковой эволюции и доказательство их социальной природы (наряду с такими закономерностями, которые обусловлены саморазвитием языка);
- исследование социальной обусловленности функционирования языка, зависимости его использования в разных сферах общения от социальных и ситуативных переменных;
- анализ процессов речевого общения, в которых определяющее значение имеют такие факторы, как система социальных ролей, исполняемых участниками коммуникации, социально-психологические условия реализации тех или иных речевых актов, их иллюкативная сила, умение говорящего переключаться с одного кода на другие и т. п.;
- изучение взаимодействия и взаимовлияния языков в условиях их существования в одном социуме; проблемы интерференции и заимствования элементов контактного языка; теоретическое обоснование процессов формирования промежуточных языковых образований — интердиалектов, койне, пиджинов, — а также другие проблемы.

Теоретики социолингвистики достаточно рано осознали необходимость подкреплять общие положения о зависимости языка от социальных факторов массовым эмпирическим материалом (то, что этот материал должен был быть массовым, вполне естественно, поскольку требовалось доказать социальные, групповые, а не индивидуальные связи носителей языка с характером использования ими языковых средств). М. В. Панов в России и У. Лабов в США были, по-видимому, первыми социолингвистами, которые в начале 60х гг. XX в. независимо друг от

друга обратились к эксперименту как необходимому этапу в социолингвистических исследованиях и способу доказательства определенных теоретических построений.

Так был дан толчок развитию экспериментальной социолингвистики.

Современный социолингвистический эксперимент — дело весьма трудоемкое, требующее больших организационных усилий и немалых финансовых затрат. Ведь обычно экспериментатор ставит перед собой задачу получить достаточно представительные и по возможности объективные данные о речевом поведении людей или об иных сторонах жизни языкового сообщества, и такими данными должны характеризоваться разные социальные группы, образующие языковое сообщество. Следовательно, нужны надежные инструменты экспериментального исследования, опробованная методика его проведения, обученные интервьюеры, способные неукоснительно следовать намеченной программе эксперимента, и, наконец, правильно выбранная совокупность обследуемых информантов, от которых и надо получить искомые сведения.

Правда, история науки знает случаи и не столь громоздкой организации социолингвистических экспериментов. Как полушутя-полусерьезно рассказывает в своей книге Р. Белл [Белл 1980: 299], одним из первых социолингвистов-экспериментаторов можно считать древнего военачальника Иефтая, принадлежавшего к племени галаадитян. Для того чтобы предотвратить проникновение в его вооруженные силы вражеской «пятой колонны» — представителей племени ефремлян, Иефтай приказывал каждому воину, приходившему к переправе через реку Иордан: — Скажи «шибболет».

Шибболет на иврите означает ‘поток’. Такой приказ на берегу реки был вполне уместным и даже естественным: галаадитяне легко произносили звук [ʃ] в начале слова шибболет, а ефремляне не умели это делать. Результат эксперимента был кровавым: «каждого, кто не умел произнести “шибболет” на галаадитский манер, “они взяли и заклали <...> и пало в то время ефремлян сорок две тысячи” (Книга Судей, 12.6)» [Белл 1980: 300].

В конце 50-х годов XX в. ленинградский исследователь Н. Д. Андреев провел несложный, но весьма эффективный эксперимент. Он спрашивал людей на улицах Москвы и Ленинграда, как называется тот или иной городской объект — вокзал, мост, проспект — с целью выяс-

нить, как люди произносят финали прилагательных типа Казанский, Ленинградский, Ярославский (вокзалы), Ботанический (сад), Невский (проспект), Кировский (мост) и т. п. (возможны два варианта: [-кыj] и [-к'иj]). Правда, на эксперимент ушло два года (его проводил один человек), зато были получены массовые данные: было опрошено 2280 информантов, в том числе 1378 москвичей и 902 ленинградца. Опрошенные были разделены на группы в зависимости от возраста, пола и — весьма ориентировочно — от социального положения, и их ответы были сведены в суммирующие таблицы [Андреев 1963].

С началом широкомасштабных социолингвистических исследований потребовались более сложно организованные эксперименты, результаты которых характеризовали бы не тот или иной случайно выбранный языковой факт, а определенные структурные особенности языка — например, его произносительной системы, системы словоизменения тех или иных классов существительных и глаголов и т. п.

Для проведения подобных экспериментов разрабатываются методики массовых обследований. Некоторые из таких методик успешно применяли У. Лабов и его последователи при изучении современного американского варианта английского языка. На материале современного русского языка масштабное массовое обследование было проведено коллективом московских лингвистов под руководством М. В. Панова.

В зависимости от задач, которые ставит перед собой социолингвист-экспериментатор, применяются и такие методики, которые не связаны с обследованием больших групп говорящих. Таковы, например, некоторые эксперименты по изучению кодового переключения. Американский ученый Дж. Гамперц записал на магнитофон разговор между американцами мексиканского происхождения. Английский язык в этом разговоре чередовался с испанским. Затем запись была расчленена на тематически однородные эпизоды, а эпизоды разделены на реплики. «После этого исследователь совместно с автором каждой реплики, содержащей переключение кода, пытался выяснить место данной реплики в структуре текста и определить “социальное значение” переключения кода. В частности, использовался метод субституции: фраза с переключением кода заменялась фразой на другом языке с тем, чтобы выявить функциональную и смысловую роль переключения» (цит. по: [Швейцер 1976: 165]).

В так называемых пилотажных исследованиях, когда основной целью является опробование тех или иных инструментов сбора материала (анкет, вопросников, тестов и т. п.), а также различных методик получения социолингвистических данных, экспериментатор вправе дать полную свободу своей изобретательности в проведении экспериментов, чтобы найти наиболее эффективные и надежные способы их осуществления и отбросить методы, не дающие искомого результата, или существенно скорректировать их.

Например, на ранних этапах социофонетических исследований, когда ставилась задача изучить зависимость произношения людей от их социальных характеристик, наиболее простым путем получения материала было предложение информантам прочитать перед микрофоном заготовленный исследователем список слов (включающий слова с нужными фонетическими явлениями). Однако вскоре выяснилось, что чтение разрозненных, синтаксически не связанных друг с другом слов не отражает тех произносительных особенностей, которые проявляются в связной речи. Кроме того, на произношение информанта влиял орфографический облик слова (что могло сказываться, например, в том, что информант читал *бу́ло[чн]ая, ти́[х'и]й, бою́[с']*, тогда как в спонтанной речи того же человека эти словоформы звучали иначе: *бу́ло[шн]ая, ти́[хы]й, бою́[с]*). Поэтому чтение списков слов было дополнено чтением более или менее значительных отрывков из специально сконструированного «фонетического» текста, пересказом определенных текстов, а также записями свободной беседы с интервьюируемым на избранную интервьюером тему (ограничение темы бесед необходимо, так как это увеличивает вероятность появления в речевой цепи слов и словоформ, содержащих изучаемые звуки и звукосочетания) (см. об этом в работах М. В. Панова [Панов 1966; Панов 1971]).

Прикладная социолингвистика

Многие науки, помимо теоретической разработки стоящих перед ними задач, решают задачи, связанные с практикой; обычно направления, занимающиеся этим, называются прикладными. Существует, например, прикладная лингвистика, которая разрабатывает широкий круг практических проблем — от создания письменностей и алфави-

тов для бесписьменных и младописьменных народностей (эта задача была чрезвычайно актуальна в нашей стране в 1920—1930-е годы) до разработки систем машинного перевода, информационного поиска и других систем автоматической переработки текста. Обширно поле применения прикладной математики, прикладной психологии и других прикладных наук.

Какие же проблемы составляют объект прикладной социолингвистики?

Это, например, проблемы обучения родному и иностранным языкам.

Традиционная методика преподавания языков базируется на словарях и грамматиках, которые фиксируют главным образом внутрисктурные свойства языка и обусловленные самой его системой правила использования слов и синтаксических конструкций. Между тем реальное употребление языка регулируется еще, по крайней мере, двумя классами переменных — социальными характеристиками говорящих и обстоятельствами, в которых происходит речевое общение. Следовательно, обучение языку наиболее эффективно тогда, когда в методике его преподавания, в учебной литературе учитываются не только собственно лингвистические правила и рекомендации, но и различные «внешние» факторы.

Наиболее очевидна роль этих факторов при обучении второму языку. Те знания и навыки, которые ребенок приобретает в процессе освоения родного языка, взрослый человек, постигая неродной для себя язык, должен усваивать «с нуля», в значительно более короткие сроки и в известной мере искусственно — в учебной ситуации, а не в ходе постепенной социализации. Ошибки в чужом языке, и особенно в речевом поведении, чаще всего происходят от незнания ситуативных и социальных условий уместности тех или иных языковых единиц и конструкций, от невладения механизмами кодового переключения при изменении параметров речевого общения (смене темы, адресата, цели и т. п.).

В отечественной системе образования еще нет должного осознания целесообразности применения социолингвистики для целей обучения языкам, хотя социолингвисты пытаются внедрить в сознание педагогов важность этой проблемы [Дзекиревская, Тарасов 1970; Дьячков 1992; Дьячков 1993; Фирсова 1992]. В лучшем случае используются страноведческие знания (ср., например, серию учебников русского языка для иностранцев, созданную в Институте русского языка им. А. С. Пушкина),

но они составляют лишь часть социолингвистической информации. В США и некоторых других странах важность подобной информации при обучении языку осознана достаточно давно. К этому выводу можно прийти на основании как общих заявлений типа — «...социолингвистическая информация может способствовать разработке новых основ подготовки учителей, созданию учебных материалов, методов обучения и различного рода учебных программ» [Shuy 1974: 157], — так и конкретных программ, созданных с участием социолингвистов и применяемых в школьном обучении языкам. Уже к середине 70-х годов XX в. было разработано несколько таких программ, и интенсивная работа в этом направлении была продолжена как в США, так и в странах Западной Европы*.

Социолингвистическая информация важна при разработке проблем и практических мер, составляющих языковую политику государства.

Языковая политика требует особой гибкости и учета множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных стран, где соотношение языков по их коммуникативным функциям, по использованию в различных сферах социальной жизни тесно связано с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности. Одним из инструментов языковой политики являются законы о языках. Их разработка в целом — компетенция юристов: именно они должны четко и непротиворечиво формулировать положения, касающиеся, например, статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения «местных» языков и т. п. Однако совершенно очевидно, что создать лингвистически грамотные законы о языке можно лишь на основе всестороннего знания функциональных свойств языка, степени разработанности в нем тех или иных систем (например, системы специальных терминологий, научного языка, языка дипломатических документов, официально-делового общения и т. п.), более или менее детального представления о том, что может и чего не может данный язык в разнообразных социальных и ситуативных условиях его применения [Языковые проблемы... 1994].

* Некоторое представление о характере и масштабах этой работы дают обзорная статья [Els, Extra 1987] и специальный том международного ежегодника «Социолингвистика», посвященный многоязычию в школах Европы [Sociolinguistica 1993].

Сферы приложения социолингвистической теории и результатов социолингвистических исследований к решению задач общественной практики нередко зависят от характера языковой ситуации в той или иной стране. В многоязычных странах возникают одни проблемы, в моноязычных — совсем иные. В условиях многоязычия остро стоят вопросы выбора одного языка-макропосредника, который служил бы средством общения всем нациям, населяющим страну, и, возможно, обладал бы статусом государственного языка. В условиях языковой однородности актуальны проблемы нормирования и кодификации литературного языка, его отношений с другими подсистемами национального языка. Отсюда — разные акценты в разработке социолингвистических проблем, в ориентации прикладных направлений социолингвистики.

Например, в некоторых полиэтнических странах особое политическое значение приобретает сохранение языков малочисленных народностей (так называемых миноритарных языков — от фр. *minoritaire* ‘относящийся к меньшинству, представляющий собой меньшинство’), в связи с чем возрождается литература на этих языках, они вовлекаются в сферу общественной коммуникации. Нередко эти процессы приходят в противоречие с функциональными возможностями миноритарных языков, с неразвитостью в них стилей, неразработанностью специальных терминологий, общественно-политической лексики и т. п. Многие из этих проблем — объект интереса прикладной социолингвистики.

В ряде стран современной Европы остра ситуация с иностранными рабочими и иммигрантами из азиатских и африканских государств, с их социальной, культурной и языковой адаптацией. Поэтому вполне объяснимо внимание немецких и французских исследователей к речевому поведению иммигрантов, смешанным формам речи (в частности, к полужычию, например, турецко-немецкому, арабо-французскому и т. п.), к обучению детей иммигрантов в европейских школах и др. [Living... 1982; Lüdi 1990].

Для американской социолингвистики некоторое время тому назад был характерен всплеск интереса к блэк-инглиш — языку американских негров (современный американский этикет требует замены этого словосочетания словом «афроамериканцы»), который по ряду черт отличается от стандартного американского варианта английского языка. В связи с этим весьма актуальной оказалась проблема обучения негритянских детей в школе, поскольку речевые навыки, полученные

ими в семье, приходят в противоречие с правилами того английского языка, которому их обучают в школьном классе [Dillard 1973; Labov 1972; Швейцер 1983].

В условиях современной России актуально и изучение многоязычия, характерного для полиэтнических стран (в частности, сохранения и «вitalности», т. е. жизнеспособности, миноритарных языков), и вопросов, связанных с нормализацией и кодификацией отдельных национальных языков, например, русского литературного, взаимоотношений и взаимовлияния разных подсистем национального языка, что получает отражение в языковой практике и вызывает определенную общественную реакцию. Такова, например, реакция на жаргонизацию литературной речи, которая была весьма интенсивна в конце XX в., на неумеренное, с точки зрения некоторой части российского общества, заимствование иноязычной лексики, на другие процессы, характерные для развития и функционирования современного русского литературного языка, которые, по мнению многих представителей интеллигенции, требуют регулирующего вмешательства со стороны лингвистов.

Функциональная социолингвистика*

Термин «функциональная социолингвистика» впервые был употреблен в работе [Земская, Крысин 1998]; см. также Приложение в конце данного сборника очерков. Функциональная социолингвистика противопоставляется структурной социолингвистике: структурная социолингвистика изучает отношения между социальной структурой общества и социальной дифференциацией языка, обслуживающего данное общество. Функциональная социолингвистика изучает процессы: функционирование языка и изменения в функциональных свойствах языковых единиц в зависимости от социальных факторов или в контексте тех или иных социальных феноменов. Структурная социолингвистика по своим задачам и методам исследования преимущественно «синхронична», функциональная преимущественно «диахронична».

В компетенцию функциональной социолингвистики входит изучение следующих проблем.

* В этом очерке использована статья [Крысин 2012].

1. Проблема взаимодействия языков и языковых подсистем. Здесь изучается взаимодействие языков и языковых подсистем, обусловленное социальными факторами.

В условиях многоязычного общества актуально исследование таких процессов, как контакты языков и их интерференция, динамика развития разных типов двуязычия (см. по этому поводу [Никольский 1976] и нек. др.).

В условиях общества монолингвального — изучение актуальных для современного состояния языковых подсистем процессов размывания границ между ними, их взаимовлияния и взаимодействия: границы между такими подсистемами, как литературный язык, территориальные диалекты, городские койне, социальные и профессиональные жаргоны, становятся менее жесткими, происходит «перетекание» языковых средств из одной подсистемы в другую, формирование промежуточных языковых образований типа интержаргона, полудиалекта*, общего сленга (см. об этом понятии, в частности, в книге [Розина 2005]) и т. п.

Несомненно, что такого рода процессы расшатывают традиционную литературную норму, поскольку в речевой оборот вводятся новые средства и способы языкового выражения, конкурирующие с теми средствами и способами, которые устоялись и освящены длительной традицией употребления в пределах литературного языка. Особое место в этих процессах занимает влияние на литературный язык некодифицированных подсистем, в частности, лексические заимствования из территориальных диалектов и городского просторечия, а также жаргонизация литературной речи (подробнее об этом см. [Русский язык... 1996; Современный русский... 2003; Современный русский... 2008; Розина 2005]).

С этим связана еще одна проблема:

* Термин «полудиалект» — калька с немецкого *Halbmundart*; первоначально он и использовался применительно к немецкому языку, а затем стал употребляться и исследователями других языков с разветвленными диалектными системами и, главное, с интенсивным взаимовлиянием территориальных диалектов и литературного языка. В связи с этим еще в середине прошлого столетия академик В. М. Жирмунский писал: «...Полудиалекты являются привычным средством речевого общения с теми, кто не являются уроженцами данной местности или, как “образованные”, говорят на литературном языке» [Жирмунский 1956: 28]. Близкое к этому понятие региолекта было предложено А. С. Гердом для обозначения промежуточных языковых идиомов, характерных для малых городов, население которых живет в тесном соседстве с носителями местных диалектов (см. [Герд 1998; Герд 2000]).

2. Проблема социально обусловленных изменений литературной нормы. Она должна рассматриваться в аспекте триады «система — норма — узус»: в узусе может присутствовать, с одной стороны, то, чего еще нет в норме (напр., до недавнего времени употребление слова *кофе* в форме среднего рода признавалось ненормативным, но такое употребление было широко представлено в узусе; ср. также нормативный и узуальный статусы словоформ множественного числа с ударными флексиями у существительных мужского рода типа *договор, инспектор: договорá, инспекторá* — наряду с традиционно-нормативными *договоры, инспекторы* и т. п.; с другой стороны, узус допускает даже то, чего «не разрешает» языковая система (например, «незаконные» образования типа *тощакочья моча* — в языке медиков). В порождении подобных ненормативных и внесистемных фактов определяющую роль играют социально и профессионально ограниченные языковые идиомы: специальные подъязыки, профессиональные и социальные аргы и жаргоны, городские койне типа современного русского городского просторечия (см. [Городское просторечие 1984; Разновидности... 1988; Русский язык... 1996; Крысин 2000; Современный русский... 2008, Современный русский... 2010]).

3. Проблема вариативности языковых средств. В традиционном языкознании эта проблема рассматривается главным образом в русле стилистики: изучается разная стилистическая окраска вариантов, их коммуникативные свойства, различная употребительность в функционально-стилистических разновидностях языка и т. д.

В функциональной социолингвистике упор делается на распределении вариантов в социальных группах говорящих и на динамике их использования в различных условиях общения. Так, например, в работах [РЯиСО; РЯДМО1974; Социально-лингвистические... 1976] на большом фактическом материале, собранном путем массового обследования говорящих на русском литературном языке, было показано, что употребительность допускаемых нормой вариантов (типа *ло[шы]дэй / ло[ша]дэй, бўло[шн]ая / бўло[чн]ая, творог / твóрог, (бутылка) коньяка / коньяку, прожéкторы / прожекторá, в отпуске / в отпуску* и т. п.) зависит от социальных характеристик говорящих — таких, как уровень образования, профессия, место рождения и место наиболее длительного проживания, возраст и нек. др. (о разных типах подобных вари-

антов и разной обусловленности их употребления см. в статье [Крысин 2011]).

4. Проблема коммуникативного выбора языковых средств в разных условиях общения. При изучении этой проблемы в качестве исходной позиции обычно принимается схема коммуникативной ситуации Якобсона — Хаймса (см. [Jakobson 1960; Hymes 1970]): 1) отправитель речи (говорящий); 2) получатель (слушающий); 3) форма сообщения; 4) канал связи; 5) код; 6) тема; 7) обстановка. Эта схема иногда подвергается той или иной модификации — главным образом путем уточнения значений каждой из указанных переменных. Например, основным значением переменных «говорящий» и «слушающий» при осуществлении коммуникативного выбора является ‘социальная роль’, поскольку смена социальной роли и изменения в соотношении социальных ролей говорящего и слушающего ведут к изменениям и в коммуникативном поведении участников общения и в выборе ими языковых средств (см. об этом [Крысин 1976]).

Другие переменные, составляющие указанную схему, также могут принимать разные значения, что позволяет строить типологию коммуникативных ситуаций, основным свойством которой является обусловленность выбора языковых средств и способов общения типом и характером ситуации (один из примеров построения такой типологии см. в [Холодович 1967]).

5. К сфере функциональной социалингвистики относятся также:

- **проблема языковой социализации человека** — в разной социальной среде она различна: ср., например, социализацию ребенка в рабочей среде и в среде интеллигентской (см. в связи с этим работу [Димитрова 2000], где исследуются процессы речевого общения с детьми в разных социальных и ситуативных условиях);
- **проблема последовательного (распределенного во времени) и одновременного вхождения говорящего в разные малые социальные группы**, языковая и коммуникативная адаптация в каждой из них (см. в связи с этим [Labov 1972; Крысин 2004]) и сопряженная с этим;
- **проблема кодовых переключений** при общении в разных группах: ср., например, общение подростка в семье — и в игровой

группе сверстников, общение людей в профессионально однородной среде — и за пределами профессиональной группы и т. д.;

- **создание социально-речевых портретов** (см. об этом [Панов 1990: 418—440; Николаева 1991; Крысин 2001; Современный русский язык... 2003, ч. IV; Земская 2004, гл. 5; Карасик, Дмитриева 2005]).

6. Перечисленное — лишь примеры проблем, относящихся к компетенции функциональной социалингвистики (правда, как кажется, наиболее характерных). Выявление полного перечня этих проблем и хотя бы краткая их характеристика — самостоятельная задача, на решение которой данная статья не претендует.

Исследование проблем, подобных тем, что названы выше, в большей или меньшей мере соприкасается с задачами, которые решаются в рамках направления современной лингвистики, именуемого культурой речи.

Социалингвистика и социология языка

Наряду с термином «социалингвистика» многие исследователи употребляют термин «социология языка». Одни считают их синонимами, другие настаивают на необходимости разграничивать стоящие за ними понятия, считая социалингвистику одним из направлений социологии языка. При этом иногда тот или иной автор пытается теоретически разграничить эти направления исследований, но, используя их названия в конкретных описаниях языка под социальным углом зрения, взаимозаменяет термины «социалингвистика» и «социология языка» как полные синонимы. Например, американский ученый Дж. Фишман считает, что социалингвистика исследует прежде всего «социально обусловленную вариативность языкового употребления» [Fishman 1971: 8], социология языка рассматривает социально обусловленные языковые варианты (то, что уже установлено социалингвистикой) «как цели, как препятствия и как стимуляторы» социального взаимодействия, а самих «использователей языка и способы употребления ими языковых вариантов — как аспекты более общих социальных систем и процессов» [Fishman 1971: 9]. Однако в большой работе [Fishman

1971a], помещенной в том же томе, что и процитированное предисловие, Дж. Фишман не различает терминов «социолингвистика» и «социология языка», используя их как синонимы.

Согласно мнению, которое разделяется многими современными исследователями, основное различие между обсуждаемыми понятиями заключается в том, что социолингвистика — это область языкознания, и она изучает языковые явления с привлечением социальных факторов (обуславливающих развитие и функционирование этих явлений), а социология языка — междисциплинарная, промежуточная область исследования, сочетающая социологические цели и методы исследования с лингвистическим материалом [Kjolseth 1972; Белл 1980]. Развивая этот взгляд, можно сказать, что социолингвистика изучает языковые отношения и процессы, привлекая для их интерпретации социальные факторы, а социология языка изучает социальные отношения и процессы, обращая внимание на языковые явления, которые находят отражение в этих отношениях и процессах.

В отличие от социолингвистики, которая изучает вариативность языка, зависящую от социальных условий его существования, социология языка интересуется тем, как распределен язык и, в частности, языковые варианты в различных социальных группах и как эти группы с помощью языка достигают своих целей. Например, социолингвиста интересует, как манипулирует языком власть (см. об этом в работах [Блакар 1987; Купина 1995], как она использует его в качестве средства социальной демагогии [Николаева 1988] или средства скрыть истину [Вайнрих 1987], как можно найти путь к согласию с политическим оппонентом без ущерба для собственного реноме [Фишер, Юри 1987] и т. п.

Социолингвист идет «от языка», от языкового факта, социолог языка — «от общества», от общественных отношений и институтов.

Поясним сказанное на примере.

Изучая вариативность языка, социолингвист устанавливает, что использование языковых вариантов $V(1)$ и $V(2)$ зависит от возраста, пола, социального статуса информантов, от уровня их образования и общей культуры и от других характеристик. Основываясь на том, что вариант $V(1)$ больше распространен в культурной среде и в группах более молодых носителей языка, исследователь может интерпретировать этот вариант как социально более престижный и более перспективный —

с точки зрения нормы, — чем $V(2)$, который представлен в менее культурной среде и главным образом в речи старшего поколения.

Те же самые варианты $V(1)$ и $V(2)$ могут быть и объектом внимания социолога языка. В этом случае они фигурируют как одни из признаков того или иного социального слоя, той или иной социальной группы — в ряду прочих признаков, например, психологических, поведенческих и т. п. (которые изучаются представителями других гуманитарных наук).

Однако социология языка не ограничивается использованием результатов, полученных социолингвистами, для лингвистической характеристики тех или иных групп. Задачи ее значительно шире. Идя «от общества», т. е. от лингвистической характеристики общества и составляющих его социальных групп, социолог языка определяет, какими языками и языковыми подсистемами пользуется та или иная группа, в каких сферах общения и с какой регулярностью, каковы численные соотношения лиц, владеющих разными коммуникативными кодами и субкодами, устанавливает количественные показатели, характеризующие использование языка (языков, языковых подсистем) в средствах массовой информации, в науке, в сфере образования, художественного творчества и т. п. Особенно актуальны такие исследования в многоязычных обществах, где важными параметрами языковых ситуаций являются распределение языков в разных общественных и этнических группах, характеристика групп с точки зрения использования ими этих языков в разных коммуникативных целях, общественные оценки «своего» и «чужого» языков и т. п.

Социология языка может ставить перед собой и задачу изучения определенных социальных групп в качестве таких совокупностей людей, которые используют специфические языковые средства в роли символов принадлежности индивида к данной группе.

Таким образом, социолингвистика и социология языка, имея много общего в целях и задачах исследования, достигают этих целей и решают эти задачи, идя разными путями: первая — от языка к обществу, вторая — от общества к его языковым характеристикам.

В некоторых работах, помимо социолингвистики и социологии языка, выделяется еще лингвистическая социология, или лингвосоциология. Как следует из определений, которые дает этому понятию Л. Б. Никольский, оно весьма близко к тому содержанию, которое вкладывается в термин

«социология языка»: это «направление или область исследования, в которой изучаются социальные явления и процессы через их языковые отражения, а язык рассматривается в ряду факторов, оказывающих воздействие на функционирование и эволюцию общества» [Никольский 1976: 131]. В сходном понимании термин «лингвистическая социология» употребляют и некоторые зарубежные лингвисты (см., например [Ellis 1965]).

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Авина 2006 — Авина Н. Ю. Региональные особенности языка: вопрос о нормативном статусе (на материале русского языка в Литве) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006.
- Авина 2006а — Авина Н. Ю. Родной язык в иноязычном окружении. М.; Вильнюс, 2006.
- Аврорин 1975 — Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.
- Агрессия... 2004 — Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / отв. ред. И. А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004.
- Алпатов 1973 — Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.
- Алпатов 1993 — Алпатов В. М. Социолингвистическая ситуация в Японии XIX—XX вв. // Диахроническая социолингвистика / отв. ред. В. К. Журавлев. М., 1993.
- Алпатов 1996 — Алпатов В. М. Норма языка в современной Японии // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / отв. ред. В. Я. Порхоновский, Н. Н. Семенюк. М., 1996.
- Алпатов 1997, 2000 — Алпатов В. М. 150 языков и политика. М., 1997; 2-е изд. М., 2000.
- Андреев 1963 — Андреев Н. Д. Об одном эксперименте в области русской орфоэпии // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.
- Андреев, Замбжицкий 1963 — Андреев Н. Д., Замбжицкий В. Л. Именное словообразование // Развитие современного русского языка / под ред. С. И. Ожегова, М. В. Панова. М., 1963.
- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1978 — Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Tekst. Język. Poetyka. Wrocław, 1978.

Апресян 1980 — Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener slawistischer Almanah. Wien, 1980. Sonderband 1.

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М., 1995.

АРСАС 1994 — Англо-русский словарь американского сленга / пер. и сост. Т. Ротенберг и В. Иванова. М., 1994.

Балдаев 1992 — Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Одинцово, 1994.

Баранов, Крейдлин 1992 — Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

Беликов 1997 — Беликов В. И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1997.

Беликов 2004 — Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 23—38.

Беликов 2004а — Беликов В. И. К типологии региональных семантических различий в русской лексике // Проблемы лексической семантики: тез. докл. Междунар. конф. Девятые Шмелевские чтения (24—26 февраля 2010 г.). М., 2010. С. 25—27.

Беликов, Крысин 2001 — Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001. (2-е изд. М., 2016).

Белл 1980 — Белл Р. Социолингвистика: пер. с англ. М., 1980.

Белоусов, Григорян 1990 — Белоусов В. Н., Григорян Э. А. Русский язык в межнациональном общении в Российской Федерации и странах СНГ (По данным социолингвистических опросов 1990—1995 гг.). М., 1996.

Белоусов и др. 2001 — Белоусов В. Н., Григорян Э. А., Познякова Т. Ю. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001.

Берн 2000 — Берн Э. Лидер и группа: пер. с нем. Екатеринбург, 2000.

Бидер и др. 1978 — Бидер И. Г., Большаков И. А., Еськова Н. А. Формальная модель русской морфологии. Ч. 1. М., 1978.

Блакар 1987 — Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.

Блохинская и др. 2014 — Блохинская А. В., Гордеева С. В., Оглезнева Е. А., Цзян Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке и приграничной территории. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014.

Богданов 1990 — Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.

Богораз 1934—1939 — Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934—1939. Т. 1—2.

Бодуэн де Куртенэ 1908 — Бодуэн де Куртенэ И. А. «Блатная музыка» В.Ф. Трахтенберга // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

Бондалетов 1987 — Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Борисенко 1990 — Борисенко Н. А. Лексико-семантическая интерференция в русской речи на Украине (лингвистический и социолингвистический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990.

Бразаускаене 2000 — Бразаускаене Е. Грамматические особенности русского языка в Литве // Русский язык сегодня. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Булатова и др. 1975 — Булатова Л. Н., Касаткин Л. Л., Строганова Т. Ю. О русских народных говорах. М., 1975.

Вайнрайх 1972 — Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. VI. Языковые контакты.

Вайнрайх 1979 — Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.

Вайнрих 1987 — Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.

Васильева и др. 1995 — Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарвич А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.

Вахтин 2012 — Социолингвистика и социология языка: хрестоматия: пер. с англ. / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2012.

Вахтин, Головкин 2004 — Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб., 2004.

Вежбицка 1985 — Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI.

Вепрева, Купина 2014 — Вепрева И. Т., Купина Н. А. Тревожная лексика текущего момента: неофициальные этнонимы в функции актуальных слов // Политическая лингвистика, 2014. № 3 (49).

Верещагин, Костомаров 1976 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1976.

Виноградов 1990 — Виноградов В. А. Койне // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Виноградов и др. 1984 — Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология. Западная Африка. М., 1984.

Виноградов 1935 — Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М. — Л., 1935.

Виноградов 1938 — Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. (2-е изд. М., 1972).

Виноградов 1952 — Виноградов В. В. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания // Вопросы языкознания. 1952. № 5.

Виноградов 1956 — Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания. 1956. № 1.

Виноградов 1965 — Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1965.

Виноградов 1972 — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.

Виноградов 1999 — Виноградов В. В. История слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1999.

Винокур 1939 — Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. М., 1939. Т. 5. Сб. ст. по языкознанию.

Винокур 1946 — Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1946. Т. V. Вып. 4.

Винокур 1968 — Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968.

Винокур 1989 — Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М., 1989.

Винокур 1993 — Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993 (5-е изд. — М.: Ленанд, 2017).

Волошинов 1929 — Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М., 1929.

Вольф 1985 — Вольф Е. М. Некоторые особенности языковой ситуации в Португалии XVI в. // Функциональная стратификация языка / отв. ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1985.

Вопросы 1969 — Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969.

Воронцова 1979 — Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв. М.: Наука, 1979.

Выготский 1956 — Выготский Д. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.

Гавранек 1967 — Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967.

Гамперц 2012 — Гамперц Дж. Речевая общность // Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2012.

Ганиев 1971 — Ганиев Ж. В. О произношении рабочих — уроженцев г. Москвы // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М.: Наука, 1971.

Гендер и язык 2005 — Гендер и язык / под ред. А.В. Кирилиной. М., 2005.

Герд 1998 — Герд А. С. Диалект — региолект — просторечие // Русский язык в его функционировании // Тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1998.

Герд 2000 — Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000.

Гловинская 1992 — Гловинская М. Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. Вып. 5: Модели действия. М., 1992.

Гловинская 1993 — Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1993.

Гловинская 1996 — Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / под ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры, 1996.

Гловинская 2010 — Гловинская М. Я. Потенциальные глагольные формы // Современный русский язык: система — норма — узус / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2010.

Головин 1966 — Головин Б. Н. Как говорить правильно. Горький, 1966.

Голубева-Монаткина 2000 — Голубева-Монаткина Н. И. Заметки о двуязычии русских эмигрантов первой волны во Франции 1920—1990 гг. // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Гольдин 1967 — Гольдин В. Е. К методике отграничения соответствующих лексико-грамматических групп // Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967.

Горбачевич 1971 — Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л.: Наука, 1971.

Горбачевич 1978 — Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978.

Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984.

Государственные... 1995 — Государственные языки в Российской Федерации. М., 1995.

Грайс 1985 — Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.

Грановская 1996 — Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX—XX вв. Баку, 1996. Ч. 1.

Григорьева 1980 — Григорьева Т. М. О социолингвистической обусловленности произносительной нормы в условиях диалектного окружения (на материале ассимилятивного смягчения согласных в современном русском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Гудков 1999 — Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Гулида 1999 — Гулида В. Б. Современная англоязычная социолингвистика // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999.

Гухман 1972 — Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики // Иностранные языки в школе. 1972. № 4.

Дементьев 2010 — Дементьев В. В. Теория речевых жанров. Саратов, 2010.

Дель Гаудио 2011 — Дель Гаудио С. О вариативности русского языка на Украине // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2011. № 2. С. 28—36.

Дешериев 1966 — Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М.: Наука, 1966.

Дешериев 1976 — Дешериев Ю. Д. Развитие национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1976.

Дзекиревская, Тарасов 1970 — Дзекиревская Л. Н., Тарасов Е. Ф. Овладение иностранным языком как социолингвистическая проблема // Труды ВИИЯ. Иностранные языки. М., 1970. № 6.

Диахроническая... 1993 — Диахроническая социолингвистика / отв. ред. В. К. Журавлев. М.: Наука, 1993.

Димитрова 2000 — Димитрова С. П. Речевое общение с детьми: коммуникация в условиях «неравнопоставленности» // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М., УРСС, 2000.

Джунусов 1969 — Джунусов М. С. Социальный аспект двуязычия в СССР // Социология и идеология. М., 1969.

Долинин 1978 — Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978.

Долинин 1998 — Долинин К. А. Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб.: Изд-во СПбУ, 1998.

Долопчев 1909 — Долопчев В.Р. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909.

Домашнев 1983 — Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах Л., 1983.

Дьячков 1992 — Дьячков М. В. Проблемы двуязычия (многоязычия) и образования: пособие для учителей средних школ, преподавателей педучилищ и пединститутов. М., 1992.

Дьячков 1993 — Дьячков М. В. Социальная роль языков в межэтнических обществах: пособие для университетов и пединститутов. М., 1993.

Дьячков 1996 — Дьячков М. В. Мажоритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.

Едличка 1988 — Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

Елоева, Русаков 1990 — Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. Проблемы языковой интерференции. Л., 1990.

Ермакова и др. 1999 — Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Ерофеева 1979 — Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.

Ерофеева 1990 — Ерофеева Т. И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.

Еськова 1994 — Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М.: Русский язык, 1994.

Еськова 2004 — Еськова Н. А. Рецензия на книгу: Зарва М. В. Русское словесное ударение: словарь. М., 2001 // Русский язык в научном освещении. М., 2004. № 1 (7).

Живов 1996 — Живов В. М. Язык и культура России XVIII века. М., 1996.

Жильцова 1987 — Жильцова Т. П. Социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения (предударный вокализм в речи жителей г. Красноярск): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.

Жирмунский 1956 — Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.

Жирмунский 1965 — Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965.

Жирмунский 1968 — Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. Л.: Наука, 1968.

Жирмунский 1969 — Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Журавлёв 1981 — Журавлёв В. К. История языка и диахроническая социолингвистика // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.

Журавлёв 1982 — Журавлёв В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Наука, 1982.

Журавлёв 1987 — Журавлёв В. К. Интегративные языковые процессы города // Socjolingwistyka. Kraków, 1987. № 6.

Журавлёв 1993 — Журавлёв В. К. Диахроническая социолингвистика (предмет, задачи, проблемы) // Диахроническая социолингвистика / отв. ред. В. К. Журавлёв. М., 1993.

Зарва 2001 — Зарва М. В. Русское словесное ударение: словарь. М., 2001.

Зализняк 2003 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 2003.

Занадворова 2003 — Занадворова А. В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 381—402.

Звегинцев 1976 — Звегинцев В. А. О предмете и методе социолингвистики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. М., 1976. Вып. 4.

Звегинцев 1982 — Звегинцев В. А. Социальное и лингвистическое в социолингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1982. Вып. 3. [переиздано в: Звегинцев 1996].

Звегинцев 1996 — Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М., 1996.

Земская 1968 — Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект. М.: Наука, 1968.

Земская 1997 — Земская Е. А. У людей развязались языки // Известия. 26.09.1997.

Земская 1990 — Земская Е. А. Речевой портрет ребенка // Язык: система и подсистемы: сб. ст. в честь 70-летия М. В. Панова. М., 1990.

Земская 1998 — Земская Е. А. О типических особенностях речи русских эмигрантов первой волны и их потомков // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 1998. Вып. 4.

Земская 2008 — Земская Е. А. Активные процессы в языке русского зарубежья // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Наука, 2008.

Земская, Гловинская 2001 — Земская Е. А., Гловинская М. Я. Язык русского зарубежья. М.: Наука, 2001.

Земская и др. 1981 — Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

- Земская и др. 1983 — Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1983.
- Земская, Крысин 1998 — Земская Е. А., Крысин Л. П. Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы исследований. М., 1998.
- Золотова и др. 1998 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванов 1982 — Иванов Вяч. Вс. Варьирование в языковой эволюции // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). М., 1982. Ч. I.
- Игнаткина 1982 — Игнаткина Л. В. Территориальное варьирование русского литературного произношения (на материале гласных в речи информантов городов Вологды и Перми): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.
- Иомдин 1993 — Иомдин Л. Л. Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich / pod red. Z. Saloniego. Białystok, 1993.*
- Иорданская, Мельчук 1980 — Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Коннотация в лексической семантике // *Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 6.*
- Иссерс 1999 — Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1999.
- Каленчук и др. 2012 — Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.
- Капанадзе 1965 — Капанадзе Л.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики русского литературного языка / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1965.
- Карасик 2002 — Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
- Карасик, Дмитриева 2005 — Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград, 2005.*

- Караулов 1987 — Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Касаткин 1971 — Касаткин Л. Л. Новая ступень в развитии системы гласных русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М.: Наука, 1971.
- Касаткин 1999 — Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка М., 1999.
- Кёстер-Тома 1996 — Кёстер-Тома З. Сфера бытования русского социолекта // *Русистика. Берлин, 1996. № 1—2.*
- Кирилина 1998 — Кирилина А. В. Гендерные стереотипы, речевое общение и «деловая» лексика // *Имидж женщины-лидера. Иваново, 1998.*
- Кирилина 1999 — Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
- Китайгородская и Розанова 1995 — Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М., 1995.
- Коготкова 1979 — Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979.
- Козлова, Сандомирская 1996 — Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.
- Кон 1967 — Кон И. С. Социология личности. М., 1967.
- Кон 1969 — Кон И. С. Личность и ее социальные роли // *Социология и идеология. М., 1969.*
- Конрад 1986 — Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.*
- Копыленко 1976 — Копыленко М. М. О семантической природе молодежного жаргона // *Социально-лингвистические исследования / отв. ред. Л. П. Крысин, Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1976.*
- Копыленко, Саина 1982 — Копыленко М. М., Саина С. Т. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982.
- Косериу 1963 — Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // *Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Прогресс, 1963. С. 143—343.*

Костомаров 1994 — Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. М., 1994.

Костомаров, Леонтьев 1966 — Костомаров В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые актуальные проблемы культуры речи // Вопросы языкознания. 1966. № 5.

Красных 2003 — Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Краус 1974 — Краус Й. К общим проблемам социолингвистики // Вопросы языкознания. 1974. № 4.

Краус 1976 — Краус Й. К пониманию социолингвистики в Чехословакии // Социально-лингвистические исследования. М.: Наука, 1976.

Крейдлин 1996 — Крейдлин Г. Е. Стереотипы возраста // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd. 37.

Крысин 1968 — Крысин Л. П. Русский язык по данным массового опроса. Проспект. М.: Наука, 1968.

Крысин 1976 — Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования / отв. ред. Л. П. Крысин и Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1976.

Крысин 1976а — Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования / отв. ред. Л. П. Крысин и Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1976.

Крысин 1986 — Крысин Л. П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.

Крысин 1988 — Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука, 1988.

Крысин 1989 — Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.

Крысин 1989а — Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1989.

Крысин 1990 — Крысин Л. П. Социальные компоненты в прагматике языкового знака: квазисимметричные предикаты // Metody formalne w opisie języków słowiańskich / pod red. Z. Saloniego. Białystok, 1993.

Крысин 1990а — Крысин Л. П. Из истории употребления слов особый и специальный // Русистика. Берлин, 1990. № 2.

Крысин 1991 — Крысин Л. П. Параметрическое описание языковых состояний // Русский язык в СССР. 1991. № 5.

Крысин 1994 — Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция / отв. ред. В. Я. Порхомовский и Н. Н. Семенюк. М.: Наука, 1994.

Крысин 1996 — Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, М., 1996.

Крысин 1999 — Крысин Л. П. Введение: социолингвистические проблемы при контактировании близкородственных языков // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / отв. ред. А. Н. Булыко и Л. П. Крысин. Минск: Беларуская навука, 1999.

Крысин 2000 — Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4.

Крысин 2000а — Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей» // Культурно-речевая ситуация в современной России / отв. ред. Н.А. Купина. Екатеринбург, 2000.

Крысин 2003 — Крысин Л. П. Лингвистический аспект изучения этно-стереотипов // Славянские языки в контексте национальных культур / под ред. Г. П. Нешименко и Е. Ф. Тарасова. М., 2003.

Крысин 2004 — Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки русской культуры, 2004.

Крысин 2008 — Литературный язык: регулируемые и «стихийные» сферы функционирования // Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet: сб. докл. IV Междунар. конф. / науч. ред. Л. Шипелевич. Варшава, 2008.

Крысин 2011 — Крысин Л. П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2011. № 4.

Крысин 2012 — Крысин Л. П. Культура речи и функциональная социолингвистика // Вопросы культуры речи. М., 2012. Вып. XI.

Крысин 2015 — Крысин Л. П. Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1.

Крысин 2018 — Крысин Л. П. Человек как объект оценки средствами русской устно-разговорной речи // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (№ 34).

Купина 1995 — Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Лабов 1975 — Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. VII. Социолингвистика.

Лабов 1975a — Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. VII. Социолингвистика.

Лабов 1975b — Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. VII. Социолингвистика.

Лабов 2012 — Лабов У. Взаимодействие пола и социального класса в ходе языковых изменений // Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2012.

Ларин 1928 — Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3.

Ларин 1931 — Ларин Б. А. Об изучении языка города // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7.

Ларин 1961 — Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л., 1961.

Лафарг 1930 — Лафарг П. Язык и революция. М.; Л., 1930.

Леонтьев 1990 — Леонтьев А. А. Психолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Леонтьев 1972 — Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.

Литературный... 1994 — Литературный язык и культурная традиция. М.: Наука, 1994.

Лихачев 1935 — Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. III. (Перепечатано в: Балдаев и др. 1992.)

Лихачев 1964 — Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие лексики и грамматики современного русского языка. М.: Наука, 1964.

Лурия 1959 — Лурия А. Р. Развитие речи и формирование психических процессов // Психологические исследования в СССР. М., 1959.

ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Мартине 1979 — Мартине А. Предисловие // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979.

Миграционная подвижность... 1974 — Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974.

Михальченко 1984 — Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984.

Михальченко 1995 — Михальченко В. Ю. Социолингвистический портрет письменных языков России: методы и принципы исследования // Методы социолингвистических исследований. М., 1995.

Москвин 1999 — Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград, 1999.

НБАРС-1 1993 — Новый большой англо-русский словарь. Т. 1 / под ред. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993.

Нещименко 1985 — Нещименко Г. П. Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М.: Наука, 1985.

Николаева 1988 — Николаева Т. М. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988.

Николаева 1991 — Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2.

Никольский 1976 — Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М.: Наука, 1976.

Никольский 1986 — Никольский Л. Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986.

Новое... 1973 — Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1973. Вып. VI. Языковые контакты.

Новое... 1975 — Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. VII. Социолингвистика.

Новое... 1986 — Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов.

Норма... 1969 — Норма и социальная дифференциация языка. М.: Наука, 1969.

Огиенко 1915 — Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.

Оглезнева 2009 — Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье. Благовещенск, 2009.

Ожегов, Шведова 1992 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Орлов 1969 — Орлов Л. М. Из истории советской социальной лингвистики 20—30-х годов // Ученые записки Волгоградского пединститута. Волгоград, 1969. Вып. 2.

Орусбаев 1990 — Орусбаев А. Функциональная дистрибуция языков (на материале языковой практики в Киргизии): дис. ... д-ра филол. наук. Фрунзе, 1990.

Орфоэпический словарь... 1997 — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. 6-е изд. М.: Русский язык, 1997.

Оссоветский 1969 — Словарь современного русского народного говора / под ред. И. А. Оссоветского. М.: Наука, 1969.

Панов 1966 — Панов М. В. О тексте для фонетической записи // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966.

Панов 1966а — Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 1.

Панов 1967 — Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов 1968 — Панов М. В. Принципы социологического изучения русского языка // РЯиСО. М.: Наука, 1968. Кн. 1.

Панов 1971 — Панов М. В. О том, как составлялся вопросник по произношению // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М.: Наука, 1971.

Панов 1979 — Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Панов 1990 — Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М.: Наука, 1990.

Парикова 1966 — Парикова Н. Б. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка / отв. ред. М. В. Панов. М.: Наука, 1966.

Пауфошима 1989 — Пауфошима Р.Ф. О произносительной манере [А.А. Реформатского] // Язык и личность. М.: Наука, 1989.

Пешковский 1959 — Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959.

Пешковский 1959а — Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959.

Пиаже 1994 — Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. М., 1994.

Письменные языки... 2000 — Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1 / под ред. Г. Д. Макконела, В. М. Солнцева, В. Ю. Михальченко. М., 2000.

Плунгян, Рахилина 1996 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. М., 1996. Т. 2.

Поливанов 1927 — Поливанов Е. Д. О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. 1927. № 1.

Поливанов 1928 — Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. № 2; 4—5.

Поливанов 1931 — Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931; 2-е изд. — М., 2004.

Поливанов 1968 — Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.

Поливанов 1968а — Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.

Полинская 1987 — Полинская М. С. Полуязычие // Возникновение и функционирование контактных языков. М., 1987.

Потапов 1997 — Потапов В. В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 1997. Вып. 3.

- Потапов 2002 — Потапов В. В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1.
- Прохоров 1996 — Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- Разновидности... 1988 — Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988.
- Реферовская 1972 — Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., 1972.
- Реформатский 1959 — Реформатский А. А. Что такое термин и терминология? М., 1959.
- Речевое... 2000 — Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Рожанский 1992 — Рожанский Ф. И. Сленг хиппи: мат-лы к словарю. СПб.; Париж, 1992.
- Розенталь 1965 — Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1965.
- Розина 1998 — Розина Р. И. Общий жаргон: принципы лексикографического описания, семантика и поведение // Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. М., 1998.
- Розина 2005 — Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: Глагол. М., 2005.
- РОС 2007 — Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
- РРР 1973 — Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской М.: Наука, 1973.
- РРР 1978 — Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е. А. Земская и А. Л. Капанадзе. М.: Наука, 1978.
- РРР 1983 — Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983.
- Русская интеллигенция 1999 — Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.
- Русский язык... 1996 — Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / под ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры, 1996.

- Русский язык зарубежья 2001 — Русский язык зарубежья / отв. ред. Е. В. Красильникова. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Рябова 1985 — Рябова И. С. Различия в функциональном членении суахили в Танзании и Кении // Функциональная стратификация языка. М.: Наука, 1985.
- РЯДМО 1974 — Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974.
- РЯиСО 1968 — Русский язык и советское общество. Кн. 1—4 / под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.
- Саина 2000 — Саина С. Т. Двухязычие и многоязычие в семейной жизни и повседневном быту // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / под ред. Л. П. Крысина. М., 2000.
- Санников 1995 — Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- Санников 1999 — Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Санников 2019 — Санников В. З. О парных речевых актах русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2019. № 4.
- Селищев 1928 — Селищев А. М. Язык революционной эпохи. М., 1928.
- Селищев 2003 — Селищев А. М. Труды по русскому языку. М.: Языки русской культуры, 2003. Т. 1. Социоллингвистика.
- Семенов 1977 — Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977.
- Сенявский 1973 — Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества: 1938—1970. М., 1973.
- Сепир 1993 — Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сергеич 1960 — Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1960.
- Серль 1986 — Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов.
- Слюсарева 1981 — Слюсарева Н. А. Проблемы социальной природы языка в трудах французских лингвистов // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Смелзер 1994 — Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М., 1994.

- Современный русский... 2003 — Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2003.
- Современный русский... 2008 — Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Современный русский... 2010 — Современный русский язык: система — норма — узус / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Сорокин 1992 — Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Сорокин 1977 — Сорокин Ю. А. Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Сорокин 1965 — Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.: Наука, 1965.
- Социальная... 1977 — Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
- Социальная психология 1975 — Социальная психология. М., 1975.
- Социально-лингвистические... 1976 — Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1976.
- Социолингвистика... 2004 — Социолингвистика вчера и сегодня / отв. ред. Н. Н. Трошина. М., ИНИОН, 2004.
- Социолингвистические... 1996 — Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: мат-лы междунар. конф. М., 1996.
- Социология 1996 — Социология. Основы общей теории. М., 1996.
- Стеблин-Каменский 1968 — Стеблин-Каменский М. И. Возможно ли планирование языкового развития? (норвежское языковое движение в тупике) // Вопросы языкознания. 1968. № 3.
- Степанов 1963 — Степанов Г. В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.
- Степанов 1969 — Степанов Г. В. Социально-географическая дифференциация испанского языка Америки на уровне национальных вариантов // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

- Степанов 1976 — Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.
- Степанов 1979 — Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. М.: Наука, 1979.
- СУ-1 1935 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1.
- Супрун 1982 — Супрун А. Е. В условиях близкородственного двуязычия // Русский язык в национальной школе. 1982. № 2.
- Теоретические... 1981 — Теоретические проблемы социальной лингвистики. М.: Наука, 1981.
- Типология... 1999 — Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / отв. ред. А. Н. Булыко, Л. П. Крысин. Минск, 1999.
- Толстой 1985 — Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) // Функциональная стратификация языка. М.: Наука, 1985.
- Толстой 1998—1999 — Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1—3. М., 1998—1999.
- ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1—3 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2014; 2017; 2019.
- Украинско-русское... 1988 — Украинско-русское двуязычие. Социолингвистический аспект. Киев, 1988.
- Урысон 2000 — Урысон Е. В. Понятие нормы в метаязыке современной семантики (Параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) // Слово в тексте и в словаре: сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / отв. ред. Л. Л. Йомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2000.
- Успенский 1987 — Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987.
- Успенский 1994 — Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. II. Язык и культура.
- Ушаков 1928 — Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3.

Фергюсон 2012 — Фергюсон Ч. Диглоссия // Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2012.

Филин 1981 — Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.

Фирсова 1992 — Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков / отв. ред. Н. М. Фирсова. М., 1992.

Формановская 1982 — Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1982.

Функциональная... 1985 — Функциональная стратификация языка / отв. ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1985.

Хашимов 1986 — Хашимов Р. И. Таджикско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Душанбе, 1986.

Химик 2004 — Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Холодович 1967 — Холодович А. А. О типологии речи // Историко-филологические исследования: сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967.

Хомский 1972 — Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: пер. с англ. М., 1972.

Хорев, Чапек 1978 — Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.

Хорошева 1998 — Хорошева Н. В. Промежуточные формы городской разговорной речи (на материале русского общего жаргона и французского общего арго): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Хохлова 1973 — Хохлова Л. В. Социолингвистический анализ форм вежливости в языке раджастанхана // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М., 1973. № 2.

Челышева 1985 — Челышева И. И. Языковая ситуация во Франции XV века // Функциональная стратификация языка. М.: Наука, 1985.

Черняк 2003 — Черняк В. Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Наука, 2003.

Чуковская 1996 — Чуковская Л. Куоккала — Переделкино // Русское подвижничество: сб. ст. в честь 90-летия академика Д. С. Лихачева. М., 1996.

Чуковский 1982 — Чуковский К. Живой как жизнь. М., 1982.

Чуркина 1969 — Чуркина К. И. Эволюция произносительных норм в речи интеллигенции г. Красноярска: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1969.

Шайбакова 2005 — Шайбакова Д. Д. Функционирование неорганического языка в полиэтничном обществе (на материале русского языка в Казахстане): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2005.

Шайкевич 2005 — Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. 2-е изд. М.: Academia, 2005.

Шахматов 1899 — Шахматов А. А. Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1899. Т. 47. № 1.

Шведова 1966 — Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М.: Наука, 1966.

Швейцер 1963 — Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М.: Наука, 1963.

Швейцер 1971 — Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Наука, 1971.

Швейцер 1976 — Швейцер А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Швейцер 1976а — Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. М.: Наука, 1976.

Швейцер 1983 — Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983.

Швейцер 1991 — Швейцер А. Д. Модели языковой вариативности // Языки мира: проблемы языковой вариативности. М., 1991.

Швейцер 1994 — Швейцер А. Д. Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М.: Наука, 1994. С. 68—78.

Швейцер, Никольский 1978 — Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Наука, 1978.

Шейгал 2000 — Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.

Шибутани 1969 — Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

Шмелев 1973 — Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.

Шмелева, Шмелев 1999 — Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. «Неисконная русская речь» в восприятии русских // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.

Штудинер 2004 — Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-пресс, 2004.

Щепаньский 1969 — Щепаньский Ян. Элементарные понятия социологии: пер. с пол. М., 1969.

Щерба 1958 — Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. Т. I.

Щерба 1974 — Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974

Этнические стереотипы... 1991 — Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Юганов, Юганова 1997 — Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга / под ред. А.Н. Баранова. М., 1997.

Язык и личность 1989 — Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989.

Языковая норма... 1996 — Языковая норма. Типология нормализационных процессов / отв. ред. В. Я. Порхомовский и Н. Н. Семенюк. М., 1996.

Языковая ситуация... 1967 — Языковая ситуация в странах Азии и Африки. М., 1967.

Языковая ситуация... 1975 — Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975.

Языковые проблемы... 1994 — Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.

Якобсон 1985 — Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Якубинский 1923 — Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. Пг., 1923. Вып. 1.

Янко-Триницкая 1982 — Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. М., 1982.

Ярцева 1977 — Ярцева В. Н. Соотносительность региональных и социальных вариантов языка в плане стиля и нормы // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.

Яхнов 1998 — Яхнов Х. Социоллингвистика в России (90-е годы) // Русистика. Берлин, 1998. № 1/2.

Auer 1984 — Auer J. C. P. Bilingual conversation. Amsterdam — Philadelphia, 1984.

Barden, Großkopf 1998 — Barden B., Großkopf B. Sprachliche Akkomodation und soziale Integration. München, 1998.

Bernstein 1966 — Bernstein B. Elaborated and restricted codes // Sociological inquiry. 1966. Vol. 36.

Berruto 1974 — Berruto G. La sociolinguistica. Bologna, 1974.

Bierwisch 1976 — Bierwisch M. Social differentiation of language structure // Language in focus: foundations, methods and systems / Ed. by A. Kasher. Dordrecht, 1976.

Bock 1968 — Bock Ph. Social structure and language structure // Readings in the sociology of language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1968.

Calvet 1994 — Calvet L.-J. Les voix de la ville: introduction à la sociolinguistique urbaine. Payot, 1994.

Cazden 1978 — Cazden C. R. The situation: a neglected source of social class differences in language use // Sociolinguistics / Ed. by J. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1978.

Chomsky 1965 — Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Massachusetts, 1965.

Coupland, Jaworski 1997 — Coupland N., Jaworski A. (eds.). Sociolinguistics. London, 1997.

Currie 1952 — Currie H. A projection of socio-linguistics: the relationship of speech to social status // Southern speech journal. 1952. Vol. 18. No. 1.

Del Gaudio 2009 — Del Gaudio S. On the nature of surżyk: a double perspective // Wiener Slawistischer Almanach. München: Wien, 2009. Sonderband 75.

Dillard 1973 — Dillard J. L. *Black English (its history and usage in the United States)*. New York, 1973.

Ellis 1965 — Ellis J. *Linguistic sociology and institutional linguistics // Linguistics*. 1965. No. 19.

Eloy 1985 — Eloy J.-M. *À la recherche du «français populaire» // Language et société*. Paris. 1985. № 31.

Els, Extra 1987 — Theo van Els, Guus Extra. *Foreign and second language teaching in Western Europe: a comparative overview of needs, objectives and policies // Sociolinguistica*. Tübingen, 1987. Vol. 1.

Ervin-Tripp 1971 — Ervin-Tripp S. *Sociolinguistics // J. Fishman (ed.) Advances in the sociology of language*. The Hague; Paris, 1971. Vol. 1.

Ervin-Tripp 1973 — Ervin-Tripp S. *Language acquisition and communicative choice*. Stanford, 1973.

Fergusson 1959 — Fergusson Ch. *Diglossia // Word*. 1959. No. 4.

Fillmore 1973 — Fillmore Ch. *A grammarian looks to sociolinguistics // Monograph series on languages and linguistics*. Washington, 1973. No. 25.

Fishman 1971 — Fishman J. *Preface // Fishman J. (ed.) Advances in the sociology of language*. The Hague: Paris, 1971. Vol. 1.

Fishman 1971a — Fishman J. *The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society // Fishman J. (ed.) Advances in the sociology of language*. The Hague; Paris, 1971. Vol. 1.

Fishman 1972 — Fishman J. *Domains and the relationship between micro- and macrosociolinguistics // Gumperz J. J., Hymes D. (eds.) Directions in sociolinguistics*. New York etc., 1972.

Garros 1989 — Garros V. *Intelligencija // Опыт словаря нового мышления / под ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро*. М., 1989.

Geertz 1970 — Geertz C. *Linguistic etiquette // Readings in the sociology of language / Ed. by J. Fishman*. 2-nd ed. The Hague; Paris, 1970.

Gordon, Lakoff 1975 — Gordon D., Lakoff G. *Conversational postulates // Syntax and semantics*. New York, 1975.

Guiraud 1965 — Guiraud P. *Le Français populaire*. Paris, 1965.

Gumperz 1962 — Gumperz J. *Types of linguistic communities // Anthropological linguistics*. 1952. Vol. 4. No. 1.

Gumperz 1964 — Gumperz J. *Linguistic and social interaction in two communities // American anthropologist*. 1964. No. 6. Pt. 2.

Gumperz 1984 — Gumperz J. *Introduction: language and the communication of social identity // Language and social identity / Ed. by J. J. Gumperz*. Cambridge University Press, 1984.

Gumperz, Hymes 1972 — Gumperz J. J., Hymes D. (eds.). *Directions in sociolinguistics*. New York, 1972.

Harding, Riley 1987 — Harding E., Riley Ph. *The bilingual family*. Cambridge, 1987.

Hertzler 1965 — Hertzler J. *Sociology of language*. New York, 1965.

Hymes 1970 — Hymes D. *The ethnography of speaking // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman*. The Hague; Paris, 1970. P. 99—138.

Hymes 1972 — Hymes D. *Models of the interaction of language and social life // Directions in sociolinguistics*. New York, 1972.

Hymes 1972a — Hymes D. *On communicative competence // Sociolinguistics / Ed. by J. Pride, J. Holmes*. Harmondsworth, 1972.

Hymes 1973 — Hymes D. *The scope of sociolinguistics // Monograph series on languages and linguistics / Ed. by R. W. Shuy*. 1972. Washington, 1973. No. 25.

Inglehart, Woodward 1977 — Inglehart R. and Woodward M. *Language conflicts and political community // Language and social context / Ed. by P. P. Giglioli*. Harmondsworth, 1977.

Jakobson 1960 — Jakobson R. *Linguistics and poetics // Style in language / Ed. by T. A. Sebeok*. Cambridge; New York, 1960. P. 350—373.

Jakobson 1970 — Jakobson R. *Linguistics in its relation to other sciences // Main trends of research in the social and human sciences*. Paris, 1970. P. 419—463.

Kjolseth 1972 — Kjolseth R. *The development of the sociology of language and its social implications // Sociolinguistics Newsletter*. 1972. Vol. III.

Koester-Thoma 1993 — Koester-Thoma S. *Standard, Substandard, Nonstandard // Russistika*. Berlin. 1993. № 2.

Kraus 1971 — Kraus J. *K sociolingvistickým prvkům ve funkční stylistice // Slovo a slovesnost*. 1971. No. 3.

Krysin 1977 — Krysin L. *Sociolinguistics in the USSR // Language in society*. 1977. No. 2.

- Krysin L. 1988 — Krysin L. Sociolinguistic problems in the USSR // *Sociolinguistics*. Tübingen, 1988.
- Labov 1966 — Labov W. The social stratification of English in New York city. Washington, 1966.
- Labov 1966a — Labov W. The effect of social mobility on linguistic behavior // *Sociological inquiry*. 1966. Vol. 36. No. 2.
- Labov 1970 — Labov W. The study of language in its social context // *Studium generale*. 1970. No. 23.
- Labov 1972 — Labov W. Language in the inner city. Studies in the Black English vernacular. Philadelphia, 1972.
- Labov 1972a — Labov W. The linguistic consequences of being a lame // Labov W. Language in the inner city. Studies in the Black English vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
- Labov 1972b — Labov W. The social motivation of a sound change // Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. 1—42.
- Labov, Fanshel 1977 — Labov W., Fanshel D. Therapeutic discourse. Psychotherapy as conversation. New York; San Francisco; London. 1977.
- Lakoff 1973 — Lakoff R. Language and women's place // *Language in society*. 1973. No. 1.
- Lakoff 1975 — Lakoff R. Language and women's place. New York, 1975.
- Lennard and Bernstein 1970 — Lennard H. and Bernstein A. Interdependence of therapist and patient verbal behavior // *Readings in the sociology of language* / Ed. by J. Fishman. 2-nd ed. The Hague; Paris, 1970.
- Living... 1982 — Living in two cultures. The socio-cultural situation of migrant workers and their families. Paris: Unesco Press; London: Grover, 1982.
- Lüdi 1990 — Lüdi G. Les migrants comme minorité linguistique en Europe // *Sociolinguistica*. Tübingen, 1990. Vol. 4.
- McRae 1986 — McRae K. D. Conflict and compromise in multilingual societies. Waterloo: Ontario, 1986. Vol. 1—2.
- Mead 1935 — Mead M. Sex and temperament in three primitive societies. New York, 1935.
- Mills 1999 — Mills M. (ed.). Slavic gender linguistics. Philadelphia, 1999.
- Moscovici 1972 — Moscovici S. (ed.). The psychosociology of language. Chicago, 1972. Pt. 6. Language as an index in small group interactions.
- O'Donnell, Todd 1980 — O'Donnell W. R., Todd L. Variety in contemporary English. London, 1980.
- Piaget 1923 — Piaget J. Le langage et la pensée chez l'enfant. Bern, 1923.
- Rubin 1962 — Rubin J. Bilingualism in Paraguay // *Anthropological Linguistics*. 1962. No. 4.
- Schegloff E. Sequencing in conversational openings // *Advances in the sociology of language*. Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1972. Vol. 2.
- Sherer, Giles 1979 — Sherer K. R., Giles H. (eds.). Social markers in speech. Cambridge, 1979.
- Shuy 1974 — Shuy R. W. Sociolinguistic strategies for teachers in a Southern school system // Verdoot A. (ed.) *Association Internationale de Linguistique Appliquée: 3-d Congress Proceedings*. Heidelberg, 1974. Vol. II.
- Sociolinguistica* 1990 — *Sociolinguistica*. Tübingen, 1990. Vol. 4. Minorities and language contact.
- Sociolinguistica* 1993 — *Sociolinguistica*. Tübingen, 1993. Vol. 7. Multilingual concepts in the schools of Europe.
- Stewart 1965 — Stewart W. A. Urban Negro speech: sociolinguistic factors affecting English teaching // *Social dialects and language learning*. Champaign, 1965.
- Sulan B. Zu einigen Fragen des Bilinguismus // *Slavica*. Debrecen. 1963. Bd. 3.
- Tannen 1990 — Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. New York, 1990.
- Tannen D. (ed.). Gender and conversational interaction. Oxford University Press, 1994.
- Thorne, Henley 1975 — Language and sex: differences and dominance / Ed. by B. Thorne, N. Henley. Rowley, 1975.
- Trudgill 1974 — Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction. London, 1974.
- Wardhaugh 1992 — Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. Oxford; Cambridge (Mass.), 1992.
- Zybatow 1995 — Zybatow L. N. Russisch im Wandel. Die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden, 1995.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е. А. Земская, Л. П. Крысин

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ*

Московская школа функциональной социолингвистики (МШФСЛ) продолжает отечественную традицию исследования русского языка под социальным углом зрения (ср. работы И. А. Бодуэна де Куртене, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова и др.). У истоков школы стоит Михаил Викторович Панов. Концептуальная основа Школы была заложена им в проспекте темы «Русский язык и советское общество» [Русский язык и советское общество. Алма-Ата, 1962] и развита в четырехтомном труде под тем же названием (в дальнейшем сокращенно РЯСО). На основе Проспекта под руководством М. В. Панова в 60-х годах был осуществлен цикл работ, посвященных изучению развития русского языка XX в. в тесной связи с социальными изменениями в обществе, серия сборников «Развитие современного русского языка» (1963—1975), ряд диссертаций по этой тематике (см. Библиографию).

1. Основные теоретические постулаты РЯСО были разработаны и сформулированы М. В. Пановым так: «В языке существуют качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противо-

* Эта работа была издана в виде брошюры малым тиражом и сейчас представляет собой библиографическую редкость. Вследствие этого обстоятельства я счел необходимым поместить ее в качестве приложения к моим «Очеркам».

положностей порождает столкновения, новые противоречия в языке (в принципе — того же порядка), и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они — постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту» [РЯСО-I: 24]. В этом исследовании выделено пять антиномий: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языковой системы; антиномия кода и текста; антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; антиномия двух функций языка: чисто информационной и экспрессивной [РЯиСО-I: 24—34].

В качестве основных социальных факторов развития языка в монографии были выделены такие: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и др. [РЯиСО-I: 34—35].

Особо подчеркнем роль Д. Н. Шмелева в этой большой коллективной работе. Он был одним из ее основных организаторов и участников, одним из авторов раздела «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи» [РЯиСО-I], осуществлял общее руководство разделом «Лексика» [РЯиСО-I: 50—185], был автором основных глав этого тома.

Д. Н. Шмелеву принадлежит исследование одной из основных противоборствующих тенденций развития лексической системы языка — тенденции к экспрессивности и тенденции к регулярности.

2. В РЯиСО были заложены важнейшие теоретические и методологические принципы МШФСЛ, получившие дальнейшее развитие в последующие годы. Со времени опубликования РЯиСО прошло 30 лет. Пора подвести итоги сделанному и наметить задачи и пути дальнейших исследований.

Непосредственной реализацией и развитием идей РЯиСО явилась серия сборников «Развитие современного русского языка», выходящая в свет в 1963—1975 гг. (опубликовано 7 книг, см. библиографию). Д. Н. Шмелев и в этих книгах осуществлял общее руководство исследованиями по лексике, был редактором трех сборников.

В 60-е годы была начата разработка двух направлений социолингвистики, выросших из идей, изложенных в РЯиСО.

3. Первое направление — массовые социолингвистические обследования носителей русского литературного языка. Идея необходимости таких обследований была высказана М. В. Пановым в конце 50-х — начале 60-х годов и воплощена им в одном из инструментов социолингвистического обследования — «Вопроснике по современному русскому литературному произношению» (М., 1960; о методике и технике получения информации с помощью вопросника, а также с помощью специально сформулированных «фонетических» текстов см. [Панов 1966, 1971, Барина, Ильина, Кузьмина 1971, Гловинская 1966]).

По образцу этого вопросника были составлены другие, с помощью которых предполагалось получить информацию о функционировании и социальном распределении морфологических и словообразовательных вариантов, а также определенных групп лексических единиц (см. Библиографию). Все вопросники были распространены в середине 60-х годов, с их помощью получен массовый материал. На его основе была написана коллективная монография «Русский язык по данным массового обследования» (М., 1974); см. также сборник «Социально-лингвистические исследования» (М., 1976, раздел III, «Социальные различия в использовании языковых вариантов» авторы: В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, Н. Е. Ильина, М. В. Китайгородская), работы [Крысин 1968б, 1970, 1973, 1974, 1980].

На большом фактическом материале в этих работах показано, что функционирование допускаемых современной литературной нормой вариантов подвержено колебаниям стилистического характера. Наибольшей социальной варьированностью обладают стилистически контрастные вариативные ряды употребительных в речи единиц. По силе и диапазону воздействия на распределение языковых вариантов социальные факторы неодинаковы; по двум этим характеристикам (силе и диапазону) они могут быть ранжированы следующим образом: территориальная принадлежность говорящих (место, где прошло детство, место наиболее длительного жительства) — самый «влиятельный» фактор, затем — возраст, социальное положение, уровень образования, территориальная характеристика родителей, их социальное положение; наименьшее влияние, да и то лишь на использование некоторых фонетических вариантов, оказывает частный социальный фактор — регулярность, с которой человек слушает радио и смотрит телевизор.

Следует отметить, что в названных публикациях использованы не все материалы, полученные с помощью вопросников, а только их часть; остальные хранятся в архиве Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. К сожалению, дальнейшая работа по анализу и описанию этих материалов не была осуществлена по причинам нелингвистического характера: в 1970 г. из Института вынужден был уйти М. В. Панов, а в начале 1973-го — Л. П. Крысин, вернувшийся в Отдел современного русского языка указанного Института только в 1991 г.

4. В 60-е годы в рамках Школы возникает еще одно направление. Оно оформилось в процессе изучения русской разговорной речи (далее: РР). Особенности этого направления определялись задачей, которая была поставлена, выбором объекта исследования и методом изучения, что позволило получить новые теоретические выводы и ввести в науку новые фактические данные.

До 60-х годов изучалась преимущественно лексика и фразеология разговорной речи*, причем материалом служили данные художественной литературы, а не записи живой устной речи**. Это касается как трудов учеников и последователей Б. А. Ларина, так и многих других работ. Коллектив Сектора современного русского языка поставил перед собой задачу: выяснить, как говорит в условиях неофициального общения образованный горожанин — носитель литературного языка. Было решено изучать подлинную, а не отраженную в зеркале художественной литературы устную речь. В качестве материала использовались магнитофонные и ручные записи устной речи, протекающей в условиях непосредственного, неофициального, неподготовленного общения.

Изучалась не только лексика и фразеология, но все уровни языка. В сферу исследования включались не только материалы записей уст-

* Монография Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису разговорной речи» (М., 1960) была пионерским исследованием.

** Чуть ли не единственным исключением были работы О. А. Лаптевой, основанные на записях живой устной речи и обращенные преимущественно к синтаксису (см.: Лаптева О. А. О структурных компонентах разговорной речи // Русский язык в национальной школе. 1965. № 5; она же. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1966. № 2 и последующие работы этого автора; см. также: Никольский А. А. Очерки по синтаксису разговорной речи. Душанбе, 1964).

ной речи, но и невербальные средства коммуникации (жест, мимика), а также конситуация*.

Для того чтобы установить, какова роль условий коммуникации и невербальных компонентов в акте общения, в структурировании самого вербального компонента, было решено первоначально изучать лишь речь носителей литературного языка двух самых больших городов России — Москвы и Ленинграда. Это ограничение имело принципиальное значение: особенности неофициальной устной речи, их отличие от речи кодифицированной, книжной нельзя было приписать влиянию диалектов или просторечия.

Результаты исследования оказались неожиданными не только для лингвистов, не занимающихся подобной проблематикой, но и для самих авторов. Особенности неподготовленной устной неофициальной речи носителей литературного языка оказались столь значительными, что это заставляло говорить о ней как об особой языковой системе, отличной от системы книжного литературного языка.

Полученные выводы можно сформулировать так:

- 1) Русский литературный язык существует в двух разновидностях — кодифицированной (КЛЯ) и разговорной (РЯ). Различия между этими разновидностями столь существенны, что это позволяет их рассматривать как разные языковые системы. КЛЯ и РЯ имеют принципиальные различия на всех уровнях: фонетика, морфология и словообразование, синтаксис, лексика и способы номинации. Специфика РЯ наблюдается как в наборе единиц, так и в их соотношении и функционировании. В предшествующих работах к таким выводам исследователи не приходили.
- 2) Носитель литературного языка (один и тот же человек!) в разных условиях общения пользуется то одной, то другой системой.
- 3) Третий вывод: условия функционирования языка выступают как фактор, формирующий систему языка.

* Представляется странным, что в рецензии на книгу *Russische Umgangssprache* (Berlin, 1995) В. М. Мокиенко не увидел этих принципиальных отличий исследований 60—80-х годов московской школы разговорной речи от словарных трудов последователей Б. А. Ларина, которые сам рецензент и называет: Словарь автобиографической трилогии М. Горького, Псковский областной словарь с историческими данными (см.: Мокиенко В. М. рец.).

Именно этот последний вывод определяет основное отличие той научной школы, о которой идет речь в данной работе: функциональная социолингвистика.

Основные теоретические положения этого направления были опубликованы в проспекте «Русская разговорная речь» (Земская 1968). Полное описание РЯ было осуществлено в серии коллективных монографий: PPP-73; тексты-78; PPP-81; PPP-83 и многочисленных статьях. Первоначально над исследованием РЯ работал коллектив из пяти человек: П. А. Баринова, Е. А. Земская (руководитель), Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Е. Н. Ширяев; в последствии в эту работу включились М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова.

5. В 1970 г., после увольнения М. В. Панова, руководство работой сектора современного русского языка взял на себя Д. Н. Шмелев.

6. Д. Н. Шмелев в 70-е годы продолжает исследование вопросов, связанных с функционированием языка. Он предпринимает изучение сложнейшей проблемы — функционально-стилистического расслоения русского языка. Вышедшая в 1977 г. книга Д. Н. Шмелева «Русский язык в его функциональных разновидностях» (М.: Наука, 1977) не только содержит освещение важнейших дискуссионных вопросов теоретического языкознания, но и излагает убедительную оригинальную концепцию. Д. Н. Шмелев предлагает разграничивать такие явления, как функциональные разновидности языка и дифференциацию стилистических средств языка. Высказанные в этой книге положения Д. Н. Шмелев продолжал разрабатывать в последующие годы. Они послужили базой работ многих языковедов.

Эти идеи получили реализацию в двухтомном труде, руководителем и ответственным редактором которого был Д. Н. Шмелев: «Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика» (М.: Наука, 1989); «Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис» (М.: Наука, 1991). Авторы этих работ: С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Г. Н. Иванова-Лукьянова, Е. В. Красильникова, С. М. Кузьмина, Е. Н. Ширяев.

7. Д. Н. Шмелев руководит фундаментальным исследованием способов номинации, действующих в современном русском языке. Результаты этой работы нашли отражение в книге «Способы номинации в современном русском языке» (отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984).

8. Завершив цикл исследований по изучению литературного разговорного языка (последняя монография опубликована в 1983 г.), коллектив расширяет проблематику и вводит в сферу изучения новые объекты. Оставаясь в пределах общей проблемы «язык города», мы вышли за рамки принятых ранее ограничений. Начинается изучение не только речи носителей литературного языка, но и речи лиц, не владеющих нормами литературного языка, пользующихся просторечием.

Проблема просторечия долгое время оставалась малоисследованной. Несмотря на давнее функционирование в языкознании самого термина «просторечие», в современных работах его используют для называния различных лингвистических феноменов: 1) совокупность стилистических средств сниженной экспрессии; 2) не закрепленные территориально особенности речи лиц, не владеющих нормами литературного языка. Именно это «второе» просторечие стало объектом нашего исследования. Чтобы отграничить это просторечие от стилистического феномена, было решено называть его городским просторечием.

В начале 80-х годов была начата работа над книгой «Городское просторечие. Проблемы изучения» (отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984). В рамках этой работы представители МШФСЛ поставили перед собой задачу изучать речь горожан (жителей Москвы и Ленинграда). Просторечие понимается как не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не владеющих нормами литературного языка. Факты подобного рода обычно отмечались по преимуществу в работах по культуре речи. Однако только нормативный аспект в отношении к просторечию представляется нам явно недостаточным. Мы считали необходимым тщательное и свободное от вкусовых пристрастий исследование просторечной языковой стихии. Обращение с этой точки зрения к такому, казалось бы, «малопочетному» языковому материалу оправдывается общими целями: обнаружить те или иные тенденции, действующие в современном русском языке в целом, выявить природу и истоки многих явлений, считающихся характерными для литературной разговорной речи и других устных форм реализации

языка, выявить слабые и неустойчивые звенья в структуре общенационального русского языка, что позволит с большей определенностью ставить прогнозы его развития и с большим основанием предлагать те или иные рекомендации нормативного характера.

Отметим, что многие элементы просторечия постепенно входят в общелитературное употребление, некоторые из общепотребительных слов современного литературного языка еще в недалеком прошлом рассматривались как просторечные; довольно часто факты просторечия используются в художественной литературе для речевой характеристики персонажей и т. д. Историческая интерпретация соответствующих явлений важна при лингвостилистическом анализе художественных произведений. В просторечии, как и в диалектах, сохранились отдельные явления, проливающие свет на историю русского языка. Всё сказанное объясняет актуальность изучения современного просторечия как одной из составных частей языка современного города.

Названная выше книга «Городское просторечие. Проблемы изучения» может способствовать решению таких важных задач, как выяснение статуса городского просторечия на современном этапе и выявление истоков современного просторечия (в частности, определение удельного веса и влияния старых, отживших форм, диалектных форм, явлений профессиональной речи, жаргонов, «канцелярита», «русификации» интрасистемных языковых явлений и др.).

Особенностью работ, составляющих указанную книгу, является то, что в них фактически впервые к исследованию привлечен обширный материал записей живой, подлинной речи лиц — носителей городского просторечия. До сих пор, как можно было заметить, подобные факты извлекались большей частью из беллетристических сочинений, т. е. брались в виде, препарированном художественным сознанием авторов.

Просторечные явления обнаруживаются на разных ярусах языковой структуры, чем и обусловлен поуровневый анализ просторечия в настоящем сборнике: исследуются фонетика, морфология, синтаксис, лексика, лексическая семантика (статьи Н. Н. Розановой, Е. А. Земской и М. В. Китайгородской, А. Ф. Журавлева, Л. А. Капанадзе, О. П. Ермаковой, Т. С. Морозовой). Предметом изучения явилась в основном речь жителей Москвы и Ленинграда, однако в сборнике представлены и статьи, в которых содержатся попытки отдельного «монографического»

описания просторечия некоторых иных городов (Челябинск и другие города Урала, Элиста).

В Приложение к книге включены расшифровки магнитофонных записей — образцы диалогического и нарративного жанров в просторечии.

9. В середине 80-х годов коллектив МШФСЛ продолжает расширять проблематику своих исследований, оставаясь по-прежнему в рамках темы «язык города». В 1988 г. выходит в свет коллективная монография «Разновидности городской устной речи» (отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука). В этой книге осуществлен новый подход к вычленению объекта исследования. Изучаются разновидности городской устной речи, т. е. объект анализа обусловлен формой речи (устная vs. письменная речь), а не характеристикой говорящего субъекта. Привлекаются факты как литературной устной речи (подготовленной / неподготовленной, официальной / неофициальной, публичной / личной), так и просторечия, которые рассматриваются во всем разнообразии их функционирования.

Основным признаком, характеризующим устную речь как особую форму существования языка, авторы считают ее неподготовленность. Исследуются факторы, определяющие выделение разновидностей городской устной речи: говорящий субъект, адресат, характер и вид коммуникации, роль невербального компонента коммуникации. Дается классификация основных разновидностей устной городской речи. В зависимости от признаков говорящего субъекта городская речь делится на литературную (выступающую в двух разновидностях: кодифицированный литературный язык — разговорный язык) и просторечие. Характер коммуникации определяет дифференциацию городской устной речи: речь личная / публичная; последняя подразделяется на речь массовой коммуникации и речь, имеющую коллективного, но непосредственно присутствующего адресата (см. ст. Е. А. Земской).

Понимая, что полное описание всех особенностей устной речи в одной книге невозможно, авторы ставили перед собой задачу начать разработку конкретных материалов современной городской устной речи, предложить решение некоторых дискуссионных в современной науке вопросов: Какие разновидности устной речи характеризуют жизнь современного города? Как влияют параметры устность и неподготовленность на различные характеристики речи? Что является определяющим в раз-

биении КЛЯ / РР — устная форма или такие признаки, как неофициальность, неподготовленность? (см. ст. А. Ф. Журавлева, Т. С. Морозовой). Какие средства экспрессивности, оценочности использует современный человек в своей обычной устной речи? (см. ст. Л. А. Капанадзе). В чем состоит специфика построения текста в просторечии? (см. ст. М. В. Китайгородской). В какие жанровые формы отливается современная бытовая (домашняя) и публичная речь? (см. ст. Л. А. Капанадзе и Е. А. Земской). Каковы специфические количественные характеристики строения слова, высказывания и ряда грамматических единиц в разных видах устной речи? (см. ст. А. Ф. Журавлева).

В отдельных статьях рассматриваются фонетические (Н. Н. Розанова) и синтаксические особенности тех или иных разновидностей устной речи. Особые разделы посвящены прагматическим аспектам анализа устной речи. Намечаются пути построения типологии жанров в разных видах устной речи. Исследуются особенности устной речи ряда городов (г. Саратова — ст. О. Б. Сиротининой и г. Элисты — ст. З. С. Санжи-Гаряевой).

Устная форма не только определяет большую роль звуковых средств, интонации, просодии в любом виде устной речи, но, будучи неминуемо спаянной с неподготовленностью, импровизацией, оказывает большое влияние на явления всех ярусов — прежде всего на синтаксис, семантическое строение, способы номинации.

10. Некоторые актуальные проблемы социолингвистики применительно к современному русскому языку рассматриваются в книге Л. П. Крысина «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (М.: Наука, 1989). Это (1) социальная и функциональная дифференциация языка, (2) взаимодействие и взаимовлияние социально обусловленных подсистем (литературного языка, территориальных говоров, городского просторечия, профессиональных и социальных жаргонов), (3) социальный аспект владения языком, (4) социальные компоненты в структуре языкового знака и социальные ограничения в сочетаемости лексических единиц.

Основной целью этой работы было выяснение таких социолингвистических особенностей функционирования русского языка второй половины XX столетия, которые отличают современный этап от предшествующих этапов развития русского языка, а также выделяют соци-

альный контекст существования русского языка на фоне социальных условий развития и функционирования других современных языков. Особой задачей автор книги считал доказательство положения, согласно которому социальное не только составляет «фон» языковых изменений, но и проникает в структуру языкового знака, становясь компонентом его семантики или обуславливая его сочетаемость с другими знаками (этой проблеме специально посвящена пятая глава книги, а также работы [Крысин 1983а, 1983б, 1986]).

11. Начало 90-х годов ознаменовалось выходом в свет фундаментального исследования М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.» (отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1990. 450 с.). Эта книга была завершена в 1970 г., много лет лежала в архиве одного из секторов Института и была опубликована лишь в 1990 г.*

Может быть, было бы логичнее говорить об этой книге раньше, когда шла речь о 70-х годах? Однако, к сожалению, книга вошла в научный обиход лишь в 90-е годы. Значение этой книги в развитии науки велико и еще не полностью осознано. Такого глубокого и полного осмысления социальных факторов, действующих на протяжении трех столетий, нет ни в одной современной работе.

В заключении к книге М. В. Панов так характеризует действие социальных факторов:

«Разнообразны были социальные факторы, в течение трех веков влиявшие на изменения в литературном языке, в его произношении. Менялись социальные слои, которые имели приоритет в области культуры: царский двор (эпоха Петра I), дворянская интеллигенция, База-

* В начале книги М. В. Панов пишет: «Эта работа была завершена в 1970 г. и тогда же утверждена к печати Ученым советом Института русского языка АН СССР. После этого она несколько лет безмятежно лежала в архиве одного из секторов Института. (Спасибо тем, кто сохранил рукопись.)

В настоящее время расположение светил опять благоприятно для ее издания, и Ученый совет снова утвердил ее к печати.

Ни при первом, ни при втором утверждении никаких принципиальных претензий к содержанию работы высказано не было, и можно было бы печатать текст в 1970 г., но время идет, и автор решил дополнить текст отдельными вставками, а некоторые факты описать более ясно и точно. Концепция, которая выдвигается в этой книге, осталась прежней — и в целом, и в деталях. Никаких изменений, обусловленных конъюнктурой, сделано не было» (с. 3).

ровы, широкие демократические массы. Коренным образом изменился состав людей, причастных к культуре, в 1917 г. Сталкивались речевые манеры социальных групп, доминировали то те, то другие произносительные типы. Все время менялась роль диалектов: то они были предметом отталкивания, то источником желанных новшеств. Поэтому менялось взаимоотношение литературного языка с диалектной речью, с просторечием (то есть говором городских низов), с профессиональным арго. Перемешивались массы населения — перетирались говоры, становились более проницаемы для литературного влияния. Появились и распространились новые формы общественных контактов, социально значимых форм общения: публичное судоговорение, государственные прения в правительственных учреждениях, распространение школ разного типа и разных форм обучения, научные диспуты, общедоступные курсы, лекции для народа, митинги, кружки самообразования. Все это были очаги разнообразнейших языковых новаций, притяжений и отталкиваний. Вырастали новые промышленные центры, собирали вокруг себя новое население, и формировались в этих центрах-городах новые орфоэпические шаблоны, претендующие на культурное признание. Плодотворным было развитие театра, росла общенародная любовь к нему. Возникали радио и телевидение и, пожалуй, наложили свой отпечаток на произношение. Менялись устные формы существования поэзии. Волнами сменяли друг друга периоды подъема и падения художественного вкуса — это тоже отражалось на литературном произношении. Возникали новые центры русской речи в национальных республиках нашей страны (они стабилизирующе влияли на русский литературный язык и его орфоэпию).

Список социальных факторов, в течение трех веков влиявших на русский литературный язык, на литературное произношение, можно было бы увеличить в два, в три, в четыре раза» [Панов 1990: 441].

Мы приводим в докладе именно эту цитату для того, чтобы показать, сколь разнообразные социолингвистические факторы рассматриваются в этой книге.

М. В. Панов изучает действие внутренних законов развития языка. Их краткая формулировка дана в заключении (см. [Панов 1990: 442]). Однако на этой очень важной стороне концепции автора мы останавливаться не будем, так как эта тема другого исследования. Выделим лишь одну, интересную и в теоретическом, и в методическом отношении и

важную для темы нашего доклада, находку автора: идею речевых портретов. М. В. Панов последовательно заканчивает каждую главу своей книги разделом «Фонетические портреты» (идя от поэта Вознесенского до императора Петра I).

12. В последующие годы изучение проблем коммуникативно-прагматического характера продолжалось. Прежде всего выделим книгу М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Русский речевой портрет. Фонохрестоматия» (М., 1995), в которой даны фрагменты записей устной речи представителей разных социальных групп (преимущественно интеллигенции) и лингвистические комментарии этих фрагментов.

Проблемы создания речевых портретов поднимаются и в ряде других работ последнего десятилетия (см.: [Земская 1990, Крысин 1994], а также [Ерофеева Т. И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990; Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады... М., 1991. Ч. 2; Черняк В. Д. наброски к портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2]).

Как кажется, создание речевых портретов представителей разных социальных слоев и групп должно опираться на некоторые принципы; селективность речевых признаков (отбор характерных именно для данной социальной среды), значимость не только наличия, но и отсутствия каких-либо черт в идиолекте говорящего (то есть изучение как «пристрастий», так и «неприятностей»), совмещение собственно языкового и коммуникативно-поведенческого аспектов.

13. В 80—90-е годы проблемы функционирования языка занимают в языкознании одно из центральных мест. Функциональная лингвистика, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика — эти направления отражают различный подход к общей проблеме функционирования языка. В эти годы, продолжая изучение современной живой устной речи, коллектив сосредотачивает свое внимание на коммуникативно-прагматическом аспекте рассмотрения материала. Для исследования была избрана проблематика, не нашедшая еще должного рассмотрения в русском языкознании. В начале 90-х годов выходит в свет книга: «Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагма-

тический аспект» (отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1992).

Книга состоит из шести глав. Она открывается работой Т. Г. Винокур «Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных целей говорящего и слушающего».

Большая глава посвящена «Особенностям мужской и женской речи» (авторы Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова). Эта тема важна и сама по себе, и с точки зрения более общей проблемы «пол и язык», которая активно разрабатывается в современном языкознании. В своем подходе к материалу авторы избегали тех феминистических устремлений, которые свойственны работам многих немецких и американских исследователей. Они стремились показать, как именно свойственно говорить мужчинам и женщинам, выявить реальные типические особенности их речи.

Плодотворной для современной лингвистики оказалась теория речевых актов, разработанная Дж. Остином, Дж. Серлем и др. Эта теория поднимает целый комплекс проблем, важных для понимания того, как функционирует естественный язык (в частности, таких как понятие коммуникативной неудачи, способы передачи чужой речи и др.). Эта проблематика нашла отражение в трех главах книги. В главе «К построению типологии коммуникативных неудач» авторы (О. П. Ермакова и Е. А. Земская) рассматривают — на материале естественного диалога и данных художественной литературы — целый комплекс факторов, вызывающих коммуникативные неудачи (КН). Авторы выделяют КН, порождаемые свойствами языка, КН, связанные с индивидуальными и типовыми различиями говорящих, различием пресуппозиций, актуализируемой апперцепционной базы, неправильным пониманием коммуникативного намерения говорящего; КН, порождаемые прагматическими факторами (игнорирование прагматического компонента в семантике слова, нарушение стереотипных связей и др.) и, наконец, КН, наблюдаемые при передаче чужой речи.

Изучение КН мы считаем особенно важным по двум причинам. Коммуникативные неудачи до сих пор изучались преимущественно на материале английского языка, либо на материале искусственно составленных препарированных текстов. Между тем именно естественная неподготовленная устная речь — это та сфера, в которой коммуникативные неудачи особенно часты и многообразны.

Глава «Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов» (автор М. Я. Гловинская) представляет особый интерес потому, что общие положения теории речевых актов настоятельно требуют их соотнесения с тем инвентарем лексических средств, который в данном языке используется для выполнения и называния реальных речевых актов.

Исследованию приемов и средств передачи чужой речи в естественном устном общении посвящена глава «Чужая речь в коммуникативном аспекте» (автор М. В. Китайгородская). В ней дается классификация типов чужой речи, основанная на своеобразии реализации в акте коммуникации четырех составляющих: Говорящий — «автор» воспроизводимой речи — адресат — тема (шире — ситуация).

Одна из важнейших задач изучения устной речи — описание тех речевых жанров, в которых протекает устная коммуникация. Эта проблематика отражена в главе «Устная публичная речь. Жанр публичной лекции» (автор Е. И. Голанова).

14. Проблематика, рассматриваемая в монографии «Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект», перекликается с рядом проблем, которых коснулась в своей книге «Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения» (М.: Наука, 1993) трагически погибшая весной 1992 г. Татьяна Григорьевна Винокур. В этой книге на материале современного русского языка она исследует механизмы, управляющие нашим речевым поведением: социальные и психологические установки участников акта коммуникации, переключение с одних стилистических регистров на другие в ходе общения, сочетание разных функций языка в разных коммуникативных актах и др. Исследование Т. Г. Винокур явилось определенным этапом в развитии идей современной социолингвистики и теории коммуникации, касающихся структуры речевого поведения человека в различных ситуациях общения.

15. В эти же годы по инициативе берлинской исследовательницы З. Кёстер-Тома было решено создать итоговую монографию о русском разговорном языке. Ее целью было не только подвести итоги сделанному в 60—80-е годы, но и отразить новые теоретические решения и фактические материалы, а также новую лингвистическую литературу.

Кроме того, была поставлена задача — познакомить западного лингвиста, не читающего по-русски, но интересующегося проблематикой коллоквиалистики, с результатами работ по изучению русской разговорной речи.

В 1995 г. под редакцией З. Кёстер-Тома и Е. А. Земской в Берлине была опубликована — в переводе на немецкий язык — книга «Russische Umgangssprache» (Berlin: Deiter Lenz Verlag, 1995. 306 S.).

Основной коллектив авторов составляли московские ученые (М. Я. Гловинская, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Н. Н. Розанова, Е. Н. Ширяев), главу «Лексика» написала З. Кестер-Тома, пражский лингвист П. Адамец — главу о порядке слов.

16. Близился конец века. Общественно политические события (перестройка, падение тоталитаризма) оказывали сильнейшее влияние не только на жизнь общества, но и на язык. Именно поэтому в начале 90-х годов коллектив МШФСЛ на новом витке истории вернулся к проблематике, рассматривавшейся четверть века назад в РЯСО. Была поставлена задача — охарактеризовать сложный современный период в жизни русского языка, проанализировать те перемены в условиях личной и публичной коммуникации, в наборе и употреблении единиц разных уровней, которые составляют специфические особенности функционирования русского языка в 1985—1995 гг. Изучению были подвергнуты все три компонента, которые имеют в виду, когда говорят о языке: тексты, языковая компетенция говорящих, система языка. Очевидно, что основным материалом были тексты, при том тексты двух главных форм существования языка — языка прессы и живой разговорной речи.

РЯСО было построено как исследование отдельных уровней языка: лексика; словообразование и морфология; синтаксис; фонетика. Такое поуровневое описание отличаясь полнотой и фундаментальностью, оставляло за пределами исследования изменения в условиях функционирования языка, изменения коммуникативно-прагматического характера. Между тем период перестройки, распад СССР, крушение тоталитарной системы внесли большие изменения как раз в условия функционирования языка. Поэтому, изучая язык конца 80-х — начала 90-х годов, мы могли использовать РЯСО прежде всего как исходную точку, видя в ней базу данных, характеризующих предшествующий этап развития языка, т. е. материал для сравнения. Мы не могли ограни-

читься рассмотрением изменений, характерных для различных уровней языка. Поуровневое описание необходимо было дополнить анализом коммуникативно-прагматического характера, который, естественно, связан с изучением иной проблематики и иных объектов.

Именно поэтому новая книга — «Русский язык конца XX столетия (1085—1995)» (отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996. 478 с.) — содержит две части. В первой — рассматриваются активные процессы в сфере лексической семантики и словообразования, наполнение языка новыми иноязычными заимствованиями, новая экономическая терминология, изменения в области морфологии и синтаксиса, рост черт аналитизма в морфологии, явления ударения.

Вторая часть посвящена проблематике коммуникативно-прагматического характера. Это особенности современной городской коммуникации; процессы эвфемизации в разных сферах языка; особенности языка средств массовой коммуникации; особенности, отличающие устный публичный диалог, в первую очередь жанр интервью. Таким образом, для исследования избирались явления, ранее совсем не изученные или недостаточно изученные по отношению к русскому языку нашего времени.

17. Малоисследованной, но весьма актуальной проблематике изучения устной городской речи в ее соотнесенности с культурой посвящена работа М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект» (М., 1998).

В центре исследовательского внимания авторов — вопрос жанровой стратификации разговорной речи. В работе предлагается алгоритм описания жанра, включающий в себя определенный набор «шагов» перехода от уровня коммуникативной ситуации к типу текста. Записи устной речи коренных москвичей, послужившие основой работы, группируются по принципу жанрово-тематической принадлежности и образуют два блока. Первый — это рассказы-воспоминания о Москве и москвичах («Моя семья», «Я и время», «Я и город», «Москва и москвичи»). Во второй блок входят тексты, отражающие «языковое существование» современных москвичей в типовых коммуникативных ситуациях и соотносимых с ними жанрах. Тексты сопровождаются комплексным комментарием как культурологического, так и лингвистического характера.

Исследованию современной устной политической речи посвящена завершенная работа М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Совре-

менный устный политический дискурс: Жанры. Речевой “имидж” политических течений».

Книга состоит из двух основных частей. Первая часть посвящена исследованию современной устной политической речи в коммуникативно-прагматическом и жанрово-тематическом аспектах. Вторая часть представляет собой хрестоматию устных текстов, организованных по коммуникативно-ситуативному, жанрово-тематическому и хронологическому принципам. Тексты сопровождаются лингвистическим комментарием. Материалом для исследования послужили аудио- и видеозаписи современной политической речи. Основной массив текстов составляют записи речи на митингах разной политической ориентации в период с 1989 по 1997 г. и отражают важные этапы социально-политического процесса.

Объектом лингвистического анализа является текст, нередко представляющий собой объединение разных жанров. Политическая коммуникация рассматривается в работе как многокодовый семиотически значимый текст, организуемый набором общесемиотических оппозиций (старое / новое, свое / чужое, ложное / истинное и нек. др.). В работе исследуются основные тенденции развития современной политической коммуникации (устность, диалогичность, спонтанность, адресованность, персонифицированность и др.). Ситуацию нашего времени можно рассматривать как ситуацию «политической полифонии», связанной с формированием разных политических течений. Этот процесс сопровождается поисками «своего языка». Специфический лексикон, своеобразие метафорических переосмыслений, приемы политической аргументации и речевого воздействия послужили основой для создания речевых портретов ряда политических лидеров и стоящих за ними течений разной политической ориентации.

18. Наряду с проблемами, характеризующими актуальное состояние русского языка, в рамках МШФСЛ ведутся исследования, материалом которых служит история развития русской лексики за более или менее длительный период. Эти исследования осуществляются в форме над «Историческим словарем русского языка», идея создания которого была сформулирована Д. Н. Шмелевым еще в 70-х годах. Д. Н. Шмелев был и первым руководителем работы над словарем; после его смерти руководство ею взял на себя А. Ф. Журавлев.

Основная задача этого словаря — проследить те изменения, которые претерпела семантика слов в процессе исторического развития русского языка под влиянием внешних, в частности социальных, и внутренних, присущих самому языку, факторов.

19. Таковы некоторые итоги более чем тридцатилетнего периода исследовательской работы Московской школы функциональной социолингвистики. Основные научные результаты можно сформулировать в виде ряда фундаментальных теоретических положений, которые нашли практическое подтверждение при анализе явлений и процессов, характерных для русского языка XX в.:

- теория антиномий, разработанная М. В. Пановым и примененная при анализе социально обусловленных изменений в русском языке XX в. (см. четырехтомный труд «Русский язык и советское общество», а также последующие работы представителей Школы);
- теория функциональной дифференциации русского языка (работы Д. Н. Шмелева, Т. Г. Винокур и их учеников);
- теория структурной дифференциации русского литературного языка на две функционально разграниченные подсистемы: кодифицированный язык и разговорную речь; этот теоретический был всесторонне и детально обоснован в цикле работ по разговорной речи под ред. Е. А. Земской (см. Библиографию);
- интерпретация владения разными подсистемами языка как явления внутриязыковой диглоссии (работы Л. П. Крысина);
- доказательство наличия социальных компонентов в структуре языкового знака (работы Л. П. Крысина);
- разработка методологии исследования современной городской коммуникации в социокультурном аспекте (работы Т. Г. Винокур, Е. А. Земской, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородской, Л. П. Крысина, Н. Н. Розановой и др.);
- социально ориентированная типология речевых актов и речевых жанров (работы М. В. Панова, Е. А. Земской, М. Я. Гловинской, Л. А. Капанадзе);
- разработка проблем детской речи в связи с социальными характеристиками семейных языковых традиций (работы Е. А. Земской);

- теоретическое обоснование существенности речевых различий между носителями языка, обусловленных их различиями по полу (работы Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой);
- совмещение собственно лингвистического и социолингвистического подходов при изучении иноязычных заимствований (работы Л. П. Крысина).

В работах представителей Школы:

- на большом фактическом материале доказан теоретический постулат о взаимодействии внутренних и внешних закономерностей развития языка, о социально обусловленной реализации языковых антиномий;
- подробно исследовано поуровневое развитие русского языка XX в., с детальным анализом специфики влияния социальных факторов на каждом уровне (лексико-семантическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом), а также в области стилистики;
- путем массового обследования говорящих изучены допускаемые современной литературной нормой варианты, их социальная обусловленность, их конкуренция. Различная их перспективность с точки зрения сохранения в языке;
- доказано, что большая часть процессов, происходящих в русском языке, свидетельствует об общей тенденции к росту аналитизма (эта тенденция прослеживается на всех уровнях языка);
- показана подверженность строевых и функциональных характеристик ряда коммуникативных сфер (митинги, теле- и радиокommunikация, сфера повседневной городской коммуникации и др.) влиянию социально-политических, экономических и иных внешних факторов.

При обосновании теоретических положений и их применении к конкретному языковому материалу представителями Школы предложены новые методы и приемы изучения русского языка в социолингвистическом и функционально-прагматическом аспектах:

- метод массового обследования носителей языка (с помощью специально разработанных вопросников, устных интервью, фонетических текстов, некоторых приемов тестирования);

- методы статистической обработки полученного массового материала, развивающие и дополняющие известные методики математической статистики;
- методы записи спонтанной, неподготовленной речи, в том числе методы скрытого и включенного наблюдения, с последующей расшифровкой записей;
- методы комплексного (коммуникативно-прагматического и собственно лингвистического) анализа устных текстов.

Эти методы нашли свое применение не только в работах представителей Школы, но и в исследованиях других направлений современной русистики, а также в зарубежных социолингвистических исследованиях.

В настоящее время исследование русского языка под социальным углом зрения продолжается. В 1997 г. начата разработка следующих тем.

Социальная дифференциация современного русского языка: проблемы изучения

При изучении этой темы представляется, с одной стороны, собрать воедино различные точки зрения на социальное расслоение современного русского языка, а с другой — обосновать собственную исследовательскую позицию, касающуюся этой проблемы. В качестве предварительного соображения можно высказать мысль о том, что при изучении социальной дифференциации языка полезно различать два аспекта — статический и динамический.

Согласно первому, современный национальный русский язык членится на следующие подсистемы: литературный язык; территориальные диалекты; городское просторечие; профессиональные «языки»; социальные жаргоны. Несмотря на сохранение такой дифференциации в течение достаточно длительного периода, каждая из названных подсистем претерпевает изменения, особенно существенные в эпоху значительных социальных перемен (например, в 20-е годы, в конце 80-х — начале 90-х годов XX в.). Изменяются коммуникативные функции подсистем, их социальный «вес», их взаимоотношение друг с другом и т. д. Это составляет динамический аспект существования языковых подсистем. При этом направлении исследования социальной дифференциации рус-

ского языка должны учитывать такие факторы, как социальный статус и социальные роли коммуникантов, коммуникативные роли говорящего и адресата, стиль и жанр акта коммуникации, фактор группы (общение в так называемых малых группах — в семье, бригаде и т. п.) и др. (подробнее об этом см. в ст. Крысин 1997б).

Язык русского зарубежья

Эта тема рассматривается в аспекте функциональной социолингвистики, но, кроме того, для нее очень важен учет исторических и культурно-психологических факторов. Как говорят русские, постоянно живущие вне России? Какие факторы оказывают наибольшее воздействие на их язык? Эти вопросы приобрели особую актуальность в XX в., потому что в прошлые периоды истории число русских, живущих вне России было незначительным. В XX в. положение резко изменилось. Помимо этого в 20-е годы правительство высылало из страны деятелей культуры (ученых, писателей, артистов...). Последующие волны эмиграции принято характеризовать так: вторая связана с событиями войны 1941—1945 гг.: лица, вывезенные в Германию на работу, попавшие в плен, в оккупацию и т. п. Третья волна эмиграции — 70-е годы — отъезд преимущественно творческой интеллигенции и диссидентов. Четвертую волну обычно именуют «перестроечной» и экономической. Люди уезжают навсегда в поисках лучших условий жизни и работы.

Русская диаспора рассеяна по разным континентам и многим странам*. Наибольшее число эмигрантов живет в Германии, Франции, США, Италии, Канаде, Финляндии. Как же говорят эти люди? Сохраняют они русский язык или забывают его? Отличается ли их русский от того языка, на котором говорят в России?

Эти вопросы только начинают изучаться**. Пока можно с определенностью сказать следующее.

* См. об этом: Пушкарева Н. Л. Русские за рубежом // Русские. М.: Наука, 1997. С. 141—158.

** Назовем несколько работ: Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995; Голубева-Манаткина Н. Н. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции // Русистика сегодня. 1995; Земская Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.

Язык русского зарубежья в высшей степени неоднороден. Среди эмигрантов есть люди, сохранившие прекрасный, образцовый язык, и люди, русский язык которых подвергся сильному влиянию языка страны нового обитания.

Язык эмигрантов первой волны, их детей и внуков часто носит следы архаичности, некоторой законсервированности. Они не употребляют многих слов и выражений, широко распространенных в России, таких, например, как квартплата, пластмасса, зарплата (говорят: жалование), ручка (говорят: перо).

Язык русских эмигрантов, живущих в разных странах, подвергается влиянию основного языка данной страны. Эмигранты используют наиболее распространенную, частотную, социально значимую лексику данного языка. Наблюдается влияние чужого языка и в фонетике, и в грамматике. Однако прежде всего под воздействием чужого языка разрушается интонация. Многие покинувшие Россию сохраняют звуковой, грамматический и лексический состав русского языка, но приобретают не свойственную русскому языку интонацию.

Речи эмигрантов каждой страны присущи свои специфические особенности. Тем не менее говорить о том существует ли французский (или немецкий, или итальянский и т. д.) вариант русского языка, нет основания. Русский язык един. Однако изучать особенности речи эмигрантов, живущих в разных странах, важно и интересно. Такое изучение представляет историко-культурный и социологический интерес. Важно оно и для языкознания. Какие особенности структуры русского языка подвергаются воздействию прежде всего? Какие элементы языка наиболее, а какие наименее устойчивы? Как происходит влияние одного языка на другой в области фонетики, лексики, грамматики? Как рождается двуязычие? Как распределяются языки по своему употреблению?

Разрушение или сохранение русского языка зависит от многих факторов. Один из важнейших — образование. Знание нескольких языков благоприятствует способности переключения с одного языка на другой, а не порождения макаронического дискурса. Большую роль играют индивидуальные особенности человека (способности к языкам, память и др.). Очень важна профессия (связана оно или нет с использованием русского языка). Существенны также такие факторы, как национальный состав семьи (домашний язык), дружеское окружение, круг общения (состоит ли он из русских или людей другой / других национальностей).

Среди факторов общего характера — один из основных: мотивы и цель эмиграции. Резко различаются люди, уехавшие на время, мечтающие сохранить свою «русскость», вернуться в Россию, и люди, уехавшие навсегда, желающие как можно скорее войти в новую жизнь, овладеть языком приютившей их страны и слиться с ее населением. С этой точки зрения, наиболее резко противопоставлены эмигранты первой волны (и их потомки) и эмигранты последней волны. Первые уезжали на время, и жили на чемоданах годами, считая, что советская власть долго не продержится. Вторые, как правило, в поисках лучшей жизни уезжают навсегда.

Среди эмигрантов первой волны было много высокообразованных людей, свободно владеющих не одним языком и легко переходящих с одного языка на другой. Их русский был одним из многих языков, на которых они свободно говорили и писали. Их речевую компетенцию отличала поликодовость, т. е. умение переходить с языка на язык (в зависимости от собеседника, темы, ситуации и т. д.). Именно поэтому каждый из используемых языков сохранял свою частоту.

Эмигранты 90-х годов, как правило, не обладают умением свободно переходить с языка на язык. Среди эмигрантов 90-х годов зафиксировано 99,3% граждан, заявивших при въезде, что они никаких языков, кроме русского, не знают*. Поэтому, овладевая новым для них языком чужой страны, они обычно включают в русский язык его элементы, создавая макароническую смесь двух языков. Вот несколько примеров из речи эмигрантов. Записано в Германии — Встретимся у банхофа (нем. *Bahnhof* — вокзал); У него урлауп (нем. *Urlaub* — отпуск); в США — Я тебе подарю кэш (англ. *cash* — наличные деньги); Мне нужен сэмпл. Без семпла купить трудно (англ. *sample* — образец).

Покинувшие Россию люди науки и искусства продолжают свою деятельность за рубежом. Эмигрантский русский балет, музыка, живопись, театр, литература, наука, высоко ценятся во всем мире. Называть здесь фамилии излишне. Таких людей сотни. В первую очередь благодаря им русская эмиграция за рубежом хранит русский язык и русские обычаи, развивает русскую культуру, в том числе, конечно, и русскую литературу**.

* Пушкирева Н. Л. Русские за рубежом // Русские. М.: Наука, 1997. С. 156.

** См. об этом, например, в книге: Грановская Л. М. Русский язык в «расеянии». М., 1995.

Дань памяти наиболее известным эмигрантам первой волны отдана в специальном труде. Это большое исследование «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь» (общ. ред. В. В. Шелохаев. М., 1997). Прекрасно изданная красивая книга включает свыше 400 биографий.

Закончим этот небольшой раздел словами: «Впечатляющей не столько по численности, сколько по значимости потерь для духовной жизни России, стала эмиграция деятелей русской культуры»*.

Устные и письменные русские тексты: структура и тенденции развития

В этой работе продолжается линия исследования стилистических, жанровых и коммуникативно-прагматических свойств различных текстов на русском языке, характеризуется их современное состояние, в отличие от текстов предшествующих периодов (эти отличия обусловлены, в частности, и социально-политическими факторами: ср. в значительной степени нивелированные по языку и стилистике публицистические тексты середины XX в. и богатую жанрово-стилистическую палитру публицистики постперестроечного периода). Особую задачу составляет исследование тенденций развития разных речевых жанров, в частности, новых или таких, которые актуализируются социально — ср., например, некоторые средства массовой коммуникации, особенно телевидения (интервью, ток-шоу, игровые передачи и др.), дипломатических и политических переговоров, парламентских дебатов и т. п.

* Пушкирева Н. Л. Русские за рубежом // Русские. М.: Наука, 1997. С. 157.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ**

1960

Вопросник по современному русскому литературному произношению / сост. М. В. Панов. М.: Наука. 23 с.

1962

Русский язык и советское общество / С. И. Ожегов, М. В. Панов. Алма-Ата: Проспект. 118 с.

Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания. № 3.

Шмелев Д. Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка // Изв. Ан СССР. Сер. литературы и языка. Т. 21. Вып. 5.

1963

Развитие современного русского языка / под ред. С. И. Ожегова и М. В. Панова. М.: Наука. 171 с.

Вопросник по современному русскому словообразованию / сост. Р. В. Бахтурина, отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука. 31 с.

Вопросник по современной русской морфологии / отв. ред. И. П. Мучник. М.: Наука. 32 с.

Панов М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Вопросы языкознания. № 1.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М.: Наука.

* Библиография дается по годам издания соответствующих работ. Первыми указываются коллективные и индивидуальные монографии, затем статьи участников Школы (по алфавиту).

1964

Развитие грамматики и лексики современного русского языка / под ред. И. П. Мучника и М. В. Панова. М.: Наука. 346 с.

Вопросник по современной русской лексике / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 24 с.

1965

Развитие лексики современного русского языка / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 135 с.

Крысин Л. П. Вопросы исторического изучения иноязычных заимствований в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. (Рук. акад. В. В. Виноградов. Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1965 году.)

1966

Развитие словообразования современного русского языка / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 211 с.

Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологической и общепотребительной лексики: дис. ... канд. филол. наук. (Рук. Д. Н. Шмелев. Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1966 году.)

Развитие фонетики современного русского языка / под ред. С. С. Высотского, М. В. Панова, В. Н. Сидорова. М.: Наука. 182 с.

Шмелев Д. Н. Социальные и внутриязыковые факторы лексико-семантических изменений в современном русском литературном языке // Русский язык и советское общество: тез. докл. М.: Наука.

1967

Гловинская М. Я. Фонологическая подсистема редких слов в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. (Рук. М. В. Панов. Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1967 году.)

Крысин Л. П. Язык и социальная действительность // Русский язык в школе. № 3.

1968

РЯиСО: Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1—4 / под ред. М. В. Панова. М.: Наука.

Кн. 1: Лексика современного русского литературного языка. 186 с.

Кн. 2: Словообразование современного русского литературного языка. 300 с.

Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. 367 с.

Кн. 4: Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. 213 с.

Развитие функциональных стилей современного русского языка / отв. ред. Т. Г. Винокур и Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 231 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект. М.: Наука. 99 с.

Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука. 208 с.

Крысин Л. П. Русский язык по данным массового опроса: проспект. М.: Наука (б). 114 с.

1970

Земская Е. А. О понятии «разговорная речь» // Русская разговорная речь / отв. ред. О. Б. Сиротинина и др. Саратов.

Крысин Л. П. Языковые варианты и социальное расслоение говорящих // Русский язык в национальной школе. № 4.

Барина Г. А. Фонетика русской разговорной речи (сегментные единицы): дис. ... канд. филол. наук. (Рук. М. В. Панов. Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1970 году.)

1971

Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М.: Наука. 344 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь // Вопросы языкознания. № 5.

Красильникова Е. В. Наблюдения над морфологией русской разговорной речи (противопоставление имени и глагола): дис. ... канд. филол.

наук. (Рук. Е. А. Земская. Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1971 году.)

Крысин Л. П. К социолингвистическому изучению современного русского языка // Очерки по социолингвистике / отв. ред. В. П. Тимофеев. Шадринск.

1972

Земская Е. А. Наблюдения над синтагматикой русской разговорной речи (функции именительного падежа существительного) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький. (Учен. зап. Горьковского пед. ин-та иностр. языковой., вып. 49).

Крысин Л. П. О внутренних и внешних стимулах развития языка // Русский язык в школе. № 3.

Крысин Л. П. Русский язык XX века // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6.

Панов М. В. О литературном языке // Русский язык в национальной школе. № 1.

1973

Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука. 485 с.

Крысин Л. П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопросы языкознания. № 3.

1974

Русский язык по данным массового обследования / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Наука. 352 с.

Винокур Т. Г. О социологическом аспекте функционально-стилистических исследований // Всесоюз. конф. по теоретическим вопросам языкознания: тез. докл. М.

Земская Е. А. О некоторых дискуссионных вопросах теории разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: респ. сб. Горький. Вып. 5. (Учен. зап. Горьковского пед. ин-та иностр. языков).

Крысин Л. П. Социальное распределение словообразовательных вариантов // Язык и общество. Саратов. Вып. 3.

Крысин Л. П. Социальные отношения и семантическая структура слова // Вопросы лексики и синтаксиса. Шауляй.

1975

Словообразование. Членимость слова / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука. 264 с.

Шмелев Д. Н. О стилистической дифференциации литературного языка // Русский язык в школе. № 2.

1976

Социально-лингвистические исследования / отв. ред. Л. П. Крысин и Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 232 с.

Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М.: Наука.

Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Там же.

Krysin L. P. Zur Soziolinguistik der 60er und 70er Jahre in der UdSSR // Herausgegeben von W. Girce und H. Jachnow. Tübingen.

1977

Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М.: Просвещение. 191 с.

Крысин Л. П. О некоторых понятиях современной социальной лингвистики // Язык и общество. Саратов. Вып. 4.

Krysin L. P. Social linguistics in the USSR // language in Society. № 2.

Krysin L. P. On social differences in the use of linguistic variants // Ph. A. Luesdorf (ed.). Soviet contribution to the sociology of language. Mouton.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука. 168 с.

1978

Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М.: Наука. 307 с.

Земская Е. А. Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание. VIII Междунар. съезд славистов.

Земская Е. А. Le particularite du russe parle et la structure de l'act communicatif // VIII Meginarodni slavistski Kongress. Zagreb.

Розанова Н. Н. Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи): дис. ... канд. филол. наук. (Рук. Д. Н. Шмелев. Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1978 году.)

1979

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык. 239 с.

Земская Е. А. Разговорная речь // Русский язык: энциклопедия. М.

Земская Е. А. Устная речь // Там же.

Земская Е. А. Письменная речь // Там же.

Панов М. В. Социофонетика // Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение.

1980

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука. 237 с.

Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. № 6.

Крысин Л. П. Вопросы социологии языка в трудах академика В. В. Виноградова // Русский язык в школе. № 1.

Крысин Л. П. Социолингвистические исследования вариантов современного русского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. (Защищена в МГУ в 1980 году.)

Земская Е. А. Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука. 276 с.

Китайгородская М. В. Наблюдения над словообразованием глаголов в русской разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. (Рук. Е. А. Земская. Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1981 году.)

1982

Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 296 с.

Крысин Л. П. Взаимоотношения русского литературного языка и местных диалектов в советскую эпоху // Русский язык в школе. № 5.

Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука.

1983

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука. 238 с.

Земская Е. А. Общее и различное в структуре разговорной речи ряда славянских и неславянских языков // Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов. М.: Наука.

Земская Е. А. Русское просторечие как лингвистический феномен // Československa rusistika.

Крысин Л. П. О социальном компоненте в составе лексических значений // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 3.

Крысин Л. П. Социальные компоненты в семантике языковых единиц // Русский язык в школе. № 3.

1984

Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 189 с.

Крысин Л. П. Социолингвистика // Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика.

Крысин Л. П. Язык и общество // Там же.

1986

Русское сценическое произношение / отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: Наука. 237 с.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка // Вестник АН СССР. № 8.

Крысин Л. П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. М. Вып. 28.

Крысин Л. П. О региональном варьировании современного русского языка // Русский язык в национальной школе. № 11.

1987

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык. 237 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Proceedings XIV-th ICPLS. Tallin. Vol. 1.

Земская Е. А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика. Принципы и методы морфемного описания. М.: Изд-во МГУ.

Санджи-Гаряева З. С. Словообразование русской разговорной речи (имя существительное): дис. ... канд. филол. наук. (Рук. Е. А. Земская. Защищена в МГУ в 1987 году.)

1988

Разновидности городской устной речи / отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 260 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В. Проблема составления словаря городского просторечия // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука.

Земская Е. А., Китайгородская М. В. Современное городское просторечие и задачи его лексикографического описания // Словарные категории. М.: Наука.

Земская Е. А. Перспективы изучения славянских разговорных языков // Славянское языкознание. X Междунар. съезд славистов. М.: Наука.

Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука.

Крысин Л. П. Взаимоотношения русского литературного языка и просторечия // Русский язык в школе. № 2.

Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука.

Krysin L. P. Sociolinguistic problems in the USSR // Sociolinguistics. Tübingen. Vol. 1.

Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики: учеб. пособие. М.

Панов М. В. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука.

1989

Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 285 с.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц: дис. ... д-ра филол. наук. (Защищена в Институте русского языка АН СССР в 1989 году.)

Земская Е. А. Активный и пассивный аспект в изучении разговорного языка // Russistik. Berlin. № 1.

Капанадзе Л. А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука. 178 с.

Крысин Л. П. Социолингвистический подход к определению понятия «литературный язык» // Русский язык в национальной школе. № 1.

Крысин Л. П. Социолингвистика и семантика // Проблемы социолингвистики. София. Т. 1.

Крысин Л. П. Речевое поведение человека в малых социальных общностях // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.

Шмелев Д. Н. Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств // Грамматические исследования... М.

1990

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М.: Наука.

Язык: система и подсистемы. К семидесятилетию М. В. Панова / отв. ред. М. Я. Гловинская и Е. А. Земская. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР. 296 с.

Земская Е. А. О некоторых видах варьирования в сфере словообразования // *Res philologica*. Памяти академика Г. В. Степанова (1919—1986) / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Наука.

Земская Е. А. Речевой портрет ребенка // *Язык: система и подсистемы* / отв. ред. М. Я. Гловинская, Е. А. Земская. М.: Наука.

Земская Е. А. Русский литературный язык и городское просторечие: сходства и различия // *Problemi di morfosintassi delle lingue slave*. Bologna. 2.

Земская Е. А. Словообразование и текст // *Вопросы языкознания*. № 6.

Крысин Л. П. Из истории употребления слов «особый» и «специальный». Социолингвистический анализ // *Русистика*. Берлин. № 2.

Крысин Л. П. М. В. Панов — социолингвист // *Язык: система и подсистемы*. М.

Крысин Л. П. Язык и общество // *Лингвистический энциклопедический словарь* (в соавт. с А. Д. Швейцером).

1991

Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразования. Синтаксис / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 247 с.

Земская Е. А. Язык современных газет и перестройка // *Zielsprache Russisch*. № 1.

Крысин Л. П. Изучение современного русского языка под социальным углом зрения // *Русский язык в школе*. № 5 и 6.

Крысин Л. П. О социолингвистическом подходе в современной лингвистике // *Русский язык в СССР*. № 1.

Крысин Л. П. Параметрическое описание языковых состояний // *Русский язык в СССР*. № 5.

Крысин Л. П. Социолингвистические проблемы при контактировании близкородственных языков // *Функционирование языков в многонациональном обществе*. М.: Ин-т языкозн. АН СССР.

1992

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука. 221 с.

Какорина Е. В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (Трансформация семантико-стилистической сочетаемости): дис. ... канд. филол. наук. (Рук. Т. Г. Винокур. Защищена в Институте русского языка РАН в 1992 году.)

Капанадзе Л. А. Грамматика гласности. Устная речь Михаила Горбачева // *Независимая газета*. 26 марта 1992 г.

Крысин Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике // *Русистика*. Берлин. № 2.

1993

Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука.

Давлатназаров М. Социолингвистический статус заимствований в бесписьменном (шугнанском) языке: дис. ... канд. филол. наук. (Рук. Л. П. Крысин. Защищена в Институте языкознания РАН в 1993 году.)

Ермакова О. П. Семантические процессы, характерные для русской лексики 80—90-х годов в связи с процессами общественно-политическими // *Aufbau, Entwicklung und Struktur des Wortschatzes in den europäischen Sprachen* / Hrg. B. Panzeri. Berlin.

Зайковская Т. В. Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона: дис. ... канд. филол. наук. (Рук. Е. А. Земская. Защищена в Институте русского языка РАН в 1993 году.)

Земская Е. А. Активные процессы пополнения словарного состава русского языка в 80—90-х годах XX века // *Aufbau, Entwicklung und Struktur des Wortschatzes in den europäischen Sprachen* / Hrg. B. Panzeri. Berlin.

Земская Е. А. К вопросу о системности некодифицированных сфер речи. Речевой портрет ребенка 2—6 лет // *Harvard Studies in Slavic Linguistics*. Vol. II / Ed. by O. T. Yokoyama. Cambridge.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект* / отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи // *Вопросы языкознания*. № 1.

Крысин Л. П. Языковые заимствования как проблема диахронической социолингвистики // *Диахроническая социолингвистика* / отв. ред. В. К. Журавлев. М.: Наука.

1994

Ермакова О. П. Современный молодежный жаргон и его место среди других некодифицированных систем языка // *Sprachlicher Standart und Substandart in Südosteuropa und Osteuropa* / Hrg. N. Reiter. Berlin.

Земская Е. А. Категория вежливости в аспекте речевых действий // *Логический анализ языка. Язык речевых действий* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука.

Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // *Russistik*. № 1—2.

Земская Е. А. Проблемы изучения языка современного города // *Sprachlicher Standart und Substandart in Südosteuropa und Osteuropa* / Hrg. N. Reiter. Berlin.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Основные тенденции современной городской коммуникации (язык Москвы) // Там же.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речевые одежды Москвы // *Русская речь*. № 2—4.

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // *Русистика*. Берлин. № 1—2.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // *Литературный язык и культурная традиция* / отв. ред. В. Я. Порхомовский и Н. Н. Семенюк. М.

Крысин Л. П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // *Язык — культура — этнос* / отв. ред. Г. П. Нешименко. М.

Крысин Л. П. Социальный контекст функционирования современного русского языка // *Язык в контексте общественного развития* / отв. ред. В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. М.

Крысин Л. П. Русский язык как язык национального меньшинства // *Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках* / отв. ред. Т. Б. Крючкова. М.

1995

Русский язык в его функционировании. Уровни языка / отв. ред. М. Я. Гловинская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука. 276 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. М. 114 с.

Kasatkin L., Krysin L., Zivov V. Il Ruso. Firenze. 396 с.

Russische Umgangssprache / Hrg. S. Koester-Toma und E. Zemskaja. Berlin. 306 с.

Ермакова О. П. Семантические процессы в русском молодежном жаргоне и аргоне // *Wielkie miasto: czynniki integrujace i desintegrujace*. Lodz. II.

Земская Е. А. К столетию со дня рождения академика В. В. Виноградова // *Russistik*. Berlin. № 1—2.

Земская Е. А. Просторечие и жаргон в языке русского города 90-х гг. XX столетия // *Wielkie miasto: czynniki integrujace i desintegrujace*. Lodz. II.

Земская Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья // *Язык — система, язык — текст, язык — способность*. М.

Земская Е. А. Язык как зеркало современности (Словообразовательные заметки) // *Филологический сборник*. М.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое» — «чужое» в коммуникативном пространстве митинга // *Русистика сегодня*. № 1.

Крысин Л. П. О некоторых критериях оценки данных массового социолингвистического обследования // *Методы социолингвистических исследований*. М.: Ин-т языкозн. РАН.

1996

Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры. 478 с.

Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур / отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: Наука. 333 с.

Ермакова О. П. Вербализованная ирония в естественном диалоге // *Русская разговорная речь как явление городской культуры* / отв. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург.

Ермакова О. П. Семантические процессы в современном молодежном жаргоне // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур*. М.: Наука.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. № 3.

Земская Е. А. Письма просторечноговорящих как источник изучения некодифицированных сфер русского языка и городской субкультуры // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. К 60-летию А. А. Зализняка / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик.

Земская Е. А. Письменные жанры неофициальной речи как материал для изучения разговорного языка (наблюдения над порядком слов) // Словарь. Грамматика. Текст. М.

Земская Е. А. Материалы к словарю современного русского жаргона // Russistik. Berlin. № 1—2.

Земская Е. А. О языке русского зарубежья и задачах его изучения // Aspekteja. Slavica Tampere. V. Tampere.

Земская Е. А. Русский язык конца XX столетия (1985—1995) // Вестник РГНФ. № 3.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Устный текст как источник социокультурной информации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокура. М.: Наука.

1997

Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева / сост. и отв. ред. Л. П. Крысин. М., Институт русского языка РАН. 383 с.

Земская Е. А. Категория вежливости: общие вопросы — национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift für slavische Philologie. Heft 2.

Земская Е. А. Лингвистическая мозаика. Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX в. // Studia Slavica Finlandensia. T. XIV. Оценка в современном русском языке / Ed. Basch-Sinki.

Крысин Л. П. Вопросы социологии языка в работах Г.О. Винокура // Русский язык в школе. № 2 (а).

Крысин Л. П. О социальной дифференциации современного русского языка // Русистика сегодня. № 3/4 (б).

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.

1998

Изменения в славянских языках. 1945—1995. Русский язык / В. Н. Виноградова, М. Я. Гловинская, Е. Н. Голанова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Е. В. Какорина, Л. А. Капанадзе, Л. П. Крысин, Е. Н. Ширяев; отв. ред. Е. Н. Ширяев, Ополе.

Земская Е. А., Ермакова О. П., Рудник-Карват З. Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков) // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. М.

Крысин Л. П. Социосемантика // Современный русский язык: учебник для филологических факультетов университетов / под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М.

Рецензии на труды представителей Школы в отечественной и зарубежной печати

Труды участников Школы, перечисленные в Библиографии, получили положительные отзывы в научной печати. См., например, рецензии: J. Skacel (Rusky jasyk. 1968. № 21); A. V. Isačenco (Československa rusistika. 1969. № 14); В. В. Веселитский (Русский язык в национальной школе. 1969. № 1); В. В. Иванов (РЯНШ. 1970. № 2); V. Barnet (Československa rusistika. 1970. № 15); P. Brang (Zeitschrift für Slavische Philologie. 1970. Bd. 35); A. Bartoszevicz (Lingua Posnaniensis. 1972. № 15); L. Kopeckij (Československa rusistika. 1970. № 15); W. Girke, M. Jachnow (Sowjetische Soziolinguistik. Probleme und Genese. 1974); H. Krizkova (Jazykovedne aktuality. 1974. № 11); Л. Б. Никольский (Вопросы языкознания. 1987. № 3); С. В. Бромлей, Н. Н. Пшеничникова (Известия АН СССР. Серия лит. и языка. 1975. № 5); J. Kraus, M. Roulfova (Slovo a slovesnost. 1974. № 2); G. Stone (The morden language revue. Apr. 1976. S. 479—480); А. А. Брагина (Русский язык в школе. 1977. № 6); R. Brabkova (Nase reč. 1975. № 5); Ю. М. Скребнев (Вопросы языкознания. 1987. № 1); В. Д. Девкин, А. П. Ялышева, Г. А. Храмова (Вопросы функциональной лексикологии. М., 1987); H. Jachnow (Zeitschrift für Slavische Philologie. 1990. Hf. 2); Z. Koester-Toma (Русистика. 1990. № 1); М. Гиро-Вебер (там же); Ф. Фичи-Джусты (Русистика. 1990. № 2); Е. Р. Иоанесян (Рус-

ский язык в СССР. 1991. № 6); Н. Д. Дизенко, И. М. Подгаецкая (Русистика. 1992. № 2); W. Gladrov (Zeitschrift für Slavische Philologie. 1995/96. № 5); М. А. Кронгауз (Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1997); Н. А. Купина, Т. В. Матвеева (Вопросы языкознания. 1997. № 5); L. Zybatov (Russian Linguistics. 1997); W. Lehfeldt (Zeitschrift für Slavische Philologie. 1997, Hf. 1).

Примечание 2020 года

Исследовательская деятельность представителей Московской школы функциональной социолингвистики продолжается и после 1998 г. — года издания брошюры Е. А. Земской и Л. П. Крысина. Вот наиболее значительные публикации этого направления социолингвистики.

Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых групп (на примере семьи) // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 277—340.

Занадворова А. В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 381—402.

Китайгородская М. В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 127—150.

Китайгородская М. В. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 151—239.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 103—126.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1998.

Крысин Л. П. О социальной дифференциации современного русского языка // Русистика сегодня. 1998. № 3/4.

Крысин Л. П. Социосемантика // Современный русский язык: учебник для филологических факультетов университетов / под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1998. С. 270—285.

Крысин Л. П. Социолингвистические проблемы при контактировании близкородственных языков // Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси // отв. ред. А. Н. Булыко, Л. П. Крысин. Минск, 1999. С. 3—11.

Крысин Л. П. Кодовые переключения как форма языковой вариативности // Языковая вариативность. Красноярск, 1999.

Крысин Л. П. И. А. Бодуэн де Куртенэ и отечественная социолингвистика // И. А. Бодуэн де Куртенэ: ученый, учитель, личность: докл. науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». Красноярск, 2000. С. 105—109.

Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 224 с.

Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26—42.

Krysin L. P. Socially conditioned processes in the Russian language of the end of the XX-th century // Slavic languages today / Ed. by T. Reuther. Wien, 2001. С. 13—15.

Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, Т. А. Милёхина, Н. Н. Розанова, В. Д. Черняк, Е. Я. Шмелёва; под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.

Крысин Л. П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 33—100.

Крысин Л. П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 375—379.

Крысин Л. П. Речевой портрет представителя интеллигенции // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 483—495.

Крысин Л. П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. обзоров / отв. ред. Н. Н. Трошина. М.: ИНИОН, 2004. С. 75—93.

- Крысин Л. П. Социолингвистический аспект русской литературной нормы // *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet / Red. naukowa L. Szypielewicz. Warszawa, 2004. С. 17—23.*
- Крысин Л. П. Социально-стилистический анализ лексики в работах академика В. В. Виноградова // *Русский язык в школе, 2005. № 3. С. 110—113, 119.*
- Крысин Л. П. Культура речи и функциональная социолингвистика // *Русский язык в школе. 2011. № 11. С. 61—64.*
- Крысин Л. П. Разговорная лексика как отражение повседневной жизни человека // *Язык и социальная действительность. Красноярск, 2012. С. 7—13.*
- Крысин Л. П. Рецензия на: Социолингвистика и социология языка: хрестоматия: пер. с англ. / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012 // *Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2013. № 3. С. 58—61.*
- Крысин Л. П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка // *Региональные варианты национального языка: мат-лы всерос. (с международным участием) науч. конф. / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 66—71.*
- Крысин Л. П. Ненормативные этнонимы: проблема словарного описания // *Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 46—56.*
- Крысин Л. П. Социолингвистика в системе отечественного филологического образования // *Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (К 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сб. ст. по мат-лам междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2016. С. 23—27.*
- Крысин Л. П. Типы речевых жанров с точки зрения теории социальных ролей // *Słowo. Tekst. Czas XIII: frazeologia w dyskursie i przekładzie / red. Mirosława Hordy. Szczecin, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2020. С. 77—81.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ЧТО ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛИНГВИСТИКА?	3
ИСТОКИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	8
СТАТУС СОЦИОЛИНГВИСТИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.....	11
ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	12
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	14
Языковое сообщество.....	14
Языковой код.....	17
Социально-коммуникативная система.....	18
Языковая ситуация.....	19
Переключение и смешение кодов.....	20
Языковая вариативность.....	25
Языковая норма.....	28
Литературный язык (стандарт).....	31
Диалект.....	35
Социолект.....	36
Арго. Жаргон. Сленг.....	37
Просторечие.....	40
Диглоссия и двуязычие.....	42
Сферы использования языка.....	43
Речевая и неречевая коммуникация.....	44
Коммуникативная ситуация.....	45
Речевое общение, речевое поведение, речевой акт.....	48
Коммуникативная компетенция носителя языка.....	51

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ	54
Социальная дифференциация языка	55
Социальная обусловленность языковой эволюции	63
Социолингвистическая концепция Е. Д. Поливанова	63
НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ	68
Теория антиномий М. В. Панова	68
Теория языковой эволюции У. Лабова	74
ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	78
Собственно лингвистический уровень	81
Национально-культурный уровень	83
Энциклопедический уровень	86
Ситуативный уровень	87
СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ И СОЧЕТАЕМОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	88
Социальные компоненты семантики слова	88
Социальные ограничения в сочетаемости слова	93
ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СОСТОЯНИЙ	97
ВЛАДЕНИЕ РАЗНЫМИ ПОДСИСТЕМАМИ ЯЗЫКА КАК ЯВЛЕНИЕ ДИГЛОССИИ	105
СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ	113
Языковая социализация	113
Речевое общение и социальные роли коммуникантов	121
Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров	134
Речевое общение в социально неоднородной среде	139

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОР В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ	147
Социальная регуляция речевого общения	153
ЭВФЕМИЗМЫ И ИХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ	157
О ПАРАМЕТРАХ РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	166
ВАРИАТИВНОСТЬ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	174
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: РЕГУЛИРУЕМЫЕ И «СТИХИЙНЫЕ» СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	183
СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	189
1. Социальная маркированность фонетических явлений	190
2. Социальная маркированность акцентных явлений	195
3. Социальная маркированность словоизменительных форм	198
4. Социальная маркированность словообразовательных моделей и отдельных производных	200
5. Социальная маркированность синтаксических конструкций	204
6. Социальная маркированность лексических значений	209
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ «НЕПРАВИЛЬНОСТЕЙ»	211
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ: ПОПЫТКА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА	216
1. Предварительные замечания	216
2. Неоднородность объекта	218
3. Особенности набора языковых единиц	221
3.1. Фонетика	221
3.2. Лексика	225
4. Особенности речевого поведения	228
4.1. Кодовое переключение	228
4.2. Апеллятивы	229

5. Прецедентные феномены	231
6. Языковая игра	233
О РУССКИХ ЭТНОСТЕРЕОТИПАХ В ИХ ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ	235
СОЦИАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕНОРМАТИВНЫХ ЭТНОНИМОВ.....	241
Примеры словарных статей в «Толковом словаре русской разговорной речи»	245
НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	250
Синхроническая социолингвистика.....	250
Диахроническая социолингвистика	253
Макросоциолингвистика	257
Микросоциолингвистика.....	259
Теоретическая и экспериментальная социолингвистика.....	265
Прикладная социолингвистика.....	269
Функциональная социолингвистика	273
Социолингвистика и социология языка.....	277
СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	281
ПРИЛОЖЕНИЕ	310
БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ	335
Рецензии на труды представителей Школы в отечественной и зарубежной печати	349
Примечание 2020 года.....	350

Научное издание

Крысин Леонид Петрович

**ОЧЕРКИ
ПО СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ**

Подписано в печать 00.00.2020. Формат 60×88/16.

Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 18,22.

Тираж 100 экз. Изд. № 5145. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)336-03-11; тел. (495)334-82-65.

E-mail: fl inta@mail.ru; WebSite: www.fl inta.ru

Отпечатано в типографии ИП Симаков С.В.

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1